

Р 36
11

802-17
324

ВѢРА и РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ

1892.

№ 13.

ЮЛЬ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., № 16.

1892.

ВѢРА и РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1892.

№ 13.

ЮЛЬ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

Стр.

- Опытъ изъясненія на посланіе Святаго Апостола Павла къ Филиппійцамъ
(продолженіе). *В. Тернера* 1—35
- Дѣтство, отрочество и юность Митрополита Филарета. Прот. *Александра
Смирнова* 36—64
- Замѣтки о церковной жизни за-границей (продолженіе). *А. Н.* 65—76

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

- Сердце и его жизнь. V. Характеристика группъ чувствованій (продолже-
ніе). Профессора Казанской Духовной Академіи *В. А. Снегирева* 1—26
- О благотѣяніяхъ («De Beneficiis»). Л. Аннея Сенени къ Эбудио Либералію
(продолженіе). «*» 27—38

III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе. Отъ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ».—Изъ отчета Комитета по со-
оруженію Православнаго Храма у подножія Балканъ, въ Южной Болгаріи.—Вѣдомость
церковнаго кружечнаго сбора въ пользу нуждающихся славянъ.—Списокъ поступившихъ
въ Харьковскій Епархіальный комитетъ денежныхъ пожертвованій въ пользу бѣдствующихъ
отъ неурожая.—Разрядной списокъ воспитанниковъ Сумскаго духовнаго училища
за 18^м/12 учебный годъ.—Отъ Правленія Сумскаго духовнаго училища.—Разрядной спи-
сокъ воспитанниковъ Кулинскаго духовнаго училища.—Отъ Правленія Кулинскаго духов-
наго училища.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 16.

1892.

Πίσται νοοῦμεν.

Върою разумъваемъ.

Евр. XI. 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 15 Июли 1892 года.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павловъ.*

ОПЫТЪ ИЗЪЯСНЕНІЯ

НА ПОСЛАНИЕ СВЯТАГО АПОСТОЛА ПАВЛА КЪ ФИЛИППІЙЦАМЪ.

(Продолженіе *).

Съ тѣхъ небесныхъ высотъ, до которыхъ апостолъ вознесся въ восторженномъ полетѣ мысли, преслѣдуя долженствующее служить намъ святымъ примѣромъ внутреннее настроеніе Господа, въ которое онъ молитвенно погружался, онъ спускается опять къ практическимъ требованіямъ земной жизни и словомъ „и такъ“ связываетъ свои возвышенныя созерцанія съ дальнѣйшимъ наставленіемъ Филиппійцамъ. „Итакъ, возлюбленные мои, какъ вы всегда были послушны, не только въ присутствіи моемъ, но гораздо болѣе нынѣ во время отсутствія моего, со страхомъ и трепетомъ совершайте свое спасеніе“.

Въ этихъ строкахъ высказывается какая-то особенная теплота чувства. Подъ вліяніемъ ожидающей его ежечасно мученической смерти апостолъ желаетъ сказать Филиппійцамъ еще одно послѣднее слово, которое должно идти отъ сердца къ сердцу, и вотъ почему онъ начинаетъ свое послѣднее наставленіе словами „возлюбленные мои“. Обращаясь преимущественно къ ихъ сердечному настроенію, онъ какъ бы говоритъ:

Слѣдуя примѣру послушанія, данному вамъ Господомъ, „который послушенъ былъ до смерти“, вы всегда исполняли то, что Богъ отъ васъ требовалъ и подчинялись безропотно тому, что Богъ на васъ возлагалъ. Ваша жизнь всегда была про-

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» за 1892 г., № 11.

лишена преданностію воли Божіей. Теперь же вамъ предстоитъ нести можетъ быть еще болѣе тяжелое бремя. Въ виду начавшихся гоненій на христіанъ васъ могутъ ожидать болѣзненныя опасности: для многихъ изъ васъ предстоящій путь можетъ окончиться мученическимъ подвигомъ, а между тѣмъ именно въ это тяжелое для васъ время вы будете лишены моего совѣта, моего ободренія и моей поддержки. Мнѣ извѣстно, какую вы почерпали силу изъ личныхъ сношеній со мною, и понимаю, что мое отсутствіе при данныхъ обстоятельствахъ, когда я самъ нахожусь въ заточеніи и на краю смерти, можетъ поселить печаль въ сердца ваши и сломить ваши силы. Вотъ почему, возлюбленные мои, вамъ слѣдуетъ теперь приложить особенное стараніе, чтобы не отклониться отъ пути спасенія. Лишенные моего личнаго воздѣйствія, вы должны теперь сами съ удвоеннымъ усиліемъ заботиться о себѣ. Прошу васъ объ этомъ не только для васъ, т. е. для вашего спасенія, но прошу васъ поступать такъ и изъ любви ко мнѣ, потому что я самъ въ сильной мѣрѣ нуждаюсь въ подкрѣпленіи, которое могу почерпнуть изъ свидѣтельства вашей любви. Каждого христіанина ожидаютъ при исполненіи подвига спасенія разныя искушенія и опасности, и потому каждый со страхомъ и трепетомъ долженъ совершать свое спасеніе, но въ томъ положеніи, въ которомъ вы находитесь, вамъ „гораздо болѣе“ необходимо „нынѣ во время моего отсутствія со страхомъ и трепетомъ совершать свое спасеніе“, но вмѣстѣ съ тѣмъ — прибавляетъ апостолъ, „все дѣлайте безъ ропота и сомнѣнія“.

Въ завершеніе своего можетъ быть предсмертнаго увѣщанія апостолъ считаетъ нужнымъ указать своимъ возлюбленнымъ Филиппійцамъ еще на двѣ послѣднія опасности, которыя могутъ имъ угрожать при всемъ ихъ стремленіи къ добру. Когда врагъ человѣка видитъ, что онъ не можетъ непосредственно отвлечь его отъ добра и побороть прямыми искушеніями мірской и плотской прелести, то онъ старается склонить человѣка къ паденію, стремясь вызвать въ немъ или ложную увѣренность высокомерія, приводящую къ безпечности въ дѣлѣ спасенія, или ропотъ и сомнѣніе малодушія.

Чтобы отклонить Филиппійцевъ отъ высокомерной самона-

дѣянности и упованія на собственные силы, апостолъ напоминаетъ намъ, что „Богъ производитъ въ насъ и хотѣніе и дѣйствіе“, а чтобы предостеречь ихъ отъ пагубной безпечности въ дѣлѣ спасенія, Онъ совѣтуетъ намъ „со страхомъ и трепетомъ совершать свое спасеніе“.

Богъ производитъ въ насъ хотѣніе и дѣйствіе. Мы сами ничего не можемъ совершить для осуществленія нашего спасенія, мы можемъ только не противодействовать совершенію въ насъ божественной благодати. Мы неспособны даже, какъ говоритъ апостолъ въ другомъ мѣстѣ, „помыслить что отъ себя какъ бы отъ себя“ (2 Кор. 3, 5), „мы не знаемъ“ даже „о чемъ молиться, какъ должно, но самъ Духъ ходатайствуетъ за насъ“ (Р. 8, 26). Богъ въ возрожденныхъ Духомъ Своимъ святымъ производитъ хотѣніе всего того, что необходимо для спасенія, и этимъ своимъ благодатнымъ воздѣйствіемъ вызываетъ насъ на соответствующее дѣйствіе. Въ словахъ „Богъ производитъ въ насъ“, очевидно, разумѣется не насильственное дѣйствіе благодати, которое бы возбуждало, поощряло и двигало вѣрующаго человѣка отвнѣ, но дѣйствіе внутреннее, совершающееся въ самыхъ нравственныхъ и духовныхъ силахъ вѣрующихъ по мѣрѣ ихъ пріемлемости.

И это „по своему благоволенію“, прибавляетъ апостолъ, благоволенію пребывающему отъ вѣчности въ Богѣ о спасеніи всѣхъ людей, благоволенію — осуществляющемуся благодатію Св. Духа однако только на послушныхъ и преданныхъ Ему; „любящимъ Бога, призваннымъ по Его изволенію, все содѣйствуетъ ко благу“. (Р. 8, 28).

Но именно потому, что въ этомъ благоволеніи Божіе и что этимъ благоволеніемъ все приготовлено къ нашему спасенію, — если кто не осуществляетъ своего спасенія, тотъ уже не имѣетъ извиненія въ недостаткѣ силъ. Онъ вдвойнѣ оказывается виновнымъ, во-первыхъ потому, что не воспользовался какъ слѣдуетъ даромъ божественной благодати и во-вторыхъ, что онъ своимъ противодействіемъ воспротивился святому Божію благоволенію, которое хочетъ, чтобы всѣ люди спаслись.

Кто будетъ имѣть въ виду все вышеизложенное, т. е. и безсиліе своего собственнаго существа и опасность удалиться отъ

себя дѣйствіе божественной благодати и тѣмъ оскорбить Отца Небеснаго, тотъ не перестанетъ „со страхомъ и трепетомъ“ совершать свое спасеніе, въ смиреніи и съ постоянною осмотрительностію. Обращая вниманіе на грозящіе ему опасности искушенія и на собственную свою немощь, христіанинъ, при всей безусловности даннаго ему обѣтованія спасенія, не можетъ не ощущать страха, и этотъ страхъ, отгоняя плотскую увѣренность и ложное самопадѣніе, возбуждая и поддерживая постоянное вниманіе къ прохожденію пути жизни, служить съ своей стороны къ вѣрнѣйшему осуществленію благой цѣли—предупреждая уклоненіе отъ спасительнаго пути.

Христіанину, какъ выше указано, грозитъ однако еще другая опасность.

Онъ можетъ уклониться съ предлагающаго христіанскаго пути не только подъ вліяніемъ ложной и высокоумѣнной увѣренности въ своей силѣ и въ своей праведности, но и по малодушію и унынію.

Предлежащій ему путь и соединенные съ шествіемъ по сему пути страданія и подвиги могутъ казаться ему слишкомъ великими и слишкомъ трудными и вслѣдствіе того онъ можетъ склониться къ ропоту по поводу чрезмѣрнаго бремени, возложеннаго на него Богомъ. Онъ можетъ въ страхѣ предъ разными опасностями, искушеніями и страданіями,—ожидающими его на пути жизненнаго подвига, впасть въ сомнѣніе относительно возможности пройти этотъ путь благополучно до конца, а такъ какъ сомнѣніе и колебаніе духа отторгаютъ христіанина отъ дѣйствующей въ немъ благодати, то онъ можетъ окончательно покинуть дѣло, которое считаетъ для себя непосильнымъ. До какой степени сильно это искушеніе малодушія, вѣроятно испыталъ на себѣ каждый вѣрующій христіанинъ въ трудные моменты жизни. Въ такіе моменты упадка и безсилія духа только вѣра въ водительство Божіе можетъ подкрѣпить насъ и спасти отъ окончательнаго унынія. Та же увѣренность, которая должна отклонять насъ отъ высокоумѣнной самоуувѣренности, т. е. увѣренность, что Богъ совершаетъ въ насъ и хотѣніе и дѣйствіе, должна противодѣйствовать и всякому возникающему въ насъ малодушію и сомнѣнію. Вѣруя въ совер-

шеніе Божіе, вѣруя въ любовь Божію, вѣруя въ славныя обѣтованія данныя Богомъ—христіанинъ не можетъ предаваться унынію, зная, что начавшій въ немъ доброе дѣло „будетъ совершать его до дня Иисусъ Христовъ“ (Ф. 1, 6). Малодушіе и уныніе могутъ быть только послѣдствіемъ невѣрія въ обѣщанія Божіи и недовѣрія къ совершенію въ насъ Божественной благодати. Взираи съ дерзновеніемъ истиннаго смиренія на Господа, какъ на надежный источникъ нашей силы и на вѣрное основаніе нашего спасенія, предаваясь съ довѣріемъ Его руководительству, мы всегда можемъ противустать искушенію малодушія.

Не заключается ли однако въ вышеприведенныхъ словахъ апостола нѣкотораго противорѣчія?

Если Богъ совершаетъ въ насъ и хотѣніе и дѣйствіе, то чего же намъ страшиться? Казалось бы, остается только спокойно предаться Его водительству и болѣе ни о чемъ не заботиться. Дѣйствительно такъ. Но необходимо „предаться этому водительству“, необходимо желать воздѣйствія Божія, необходимо, такъ-сказать, духовно идти ему на встрѣчу—ибо дѣйствіе благодати въ насъ не имѣетъ насильственного характера, она дѣйствуетъ въ насъ только настолько, насколько мы ей не противимся, насколько мы допускаемъ ее дѣйствовать въ насъ и совершать все необходимое для нашего спасенія. А въ состояніи ли мы всегда спокойно, довѣрчиво и безъ всякой борьбы предаваться водительству Божію? Въ душѣ человѣка возникаютъ разные грѣховные помыслы, которые этому противятся, ибо грѣхъ въ своихъ различныхъ проявленіяхъ имѣетъ несомнѣнно для естественнаго человѣка притягательную силу соблазна, а естественный человѣкъ никогда вполне не умираетъ въ новомъ человѣкѣ. „По внутреннему человѣку“, говоритъ апостолъ Павелъ въ Посл. къ Римл. „нахожу удовольствіе въ законѣ Божіемъ, но въ членахъ моихъ вижу иной законъ, противоборствующій закону ума моего и дѣлающаго меня плѣнникомъ закона грѣховнаго, находящагося въ членахъ моихъ“ (7. 22, 23).

Отсюда неизбежность внутренней борьбы въ человѣкѣ; а гдѣ борьба, тамъ и опасность пораженія—„внѣдъ жизни“ обѣщанъ

только „остающимися вѣрными до смерти“ (Откр. 2, 10). И эта борьба вызывается не только внутренними нашими грѣховными помыслами, но и искушеніями, подступающими къ намъ отъ внѣ. Апостолъ Павелъ говоритъ въ Посл. къ Ефес., что „наша борьба не противъ крови и плоти, но противъ начальствъ, противъ властей, противъ міроправителей тмы вѣка его, противъ духовъ злобы поднебесныхъ“ (6, 12).

Въ виду такой борьбы, въ виду возможности пораженія, т. е. отклоненія отъ спасительнаго пути, потери того, что уже имѣемъ (Откр. 2, 25) и восхищенія вѣнца нашего (Откр. 3, 11), страхъ и трепеть въ совершеніи спасенія являются естественными ощущеніями и притомъ ощущеніями полезными, предохраняющими насъ отъ опасной безпечности, только бы они не переходили въ другую крайность, т. е. уныніе и отчаяніе.

Такимъ образомъ то, что представляется на первый взглядъ какъ бы нѣкоторымъ противорѣчіемъ, въ дѣйствительности есть только выраженіе высшей психологической тайны—сочетанія въ человѣческой душѣ Божественной благодатной воли съ свободою человѣческой воли.

Проявленіе этихъ двухъ теченій мысли мы встрѣчаемъ въ разныхъ мѣстахъ Св. Писанія. Съ одной стороны, мы имѣемъ многочисленныя указанія на помощь Божію, на поддержку Божію и на вѣрность Божію относительно данныхъ Имъ обѣтованій спасенія,—указанія, которыми особенно богаты посланія апостола Павла и которыя такъ непосредственно отвѣчаютъ естественной потребности человѣческой души въ подкрѣпленіи, поддержкѣ и успокоеніи въ тѣ моменты, когда она отчаявается въ собственной силѣ и теряетъ надежду успѣха въ виду своей немощи. Такъ мы читаемъ: „Ибо я знаю въ кого увѣровалъ и увѣренъ, что Онъ силенъ сохранить залогъ мой на оный день“ (2 Тим. 1, 18). „Если мы невѣрны, Онъ пребываетъ вѣренъ, ибо Себя отречься не можетъ“ (ib. 2, 13). „Сила моя совершается въ слабости—когда я немощенъ, тогда силенъ“ (2 Кор. 12, 9, 10). „Притомъ, знаемъ, что любящими Бога, призваннымъ по Его изволенію, все содѣйствуетъ ко благу“ (Р. 8, 28).

Но съ другой стороны, Св. Писаніе постоянно остерегаетъ насъ отъ легкомысленнаго успокоенія, основаннаго на безпеч-

ности, которое легко можетъ выродиться въ равнодушіе къ дѣлу спасенія, приглашая насъ посвящать дѣлу нашего спасенія необходимое вниманіе и необходимое стараніе и быть вѣрными, „вѣрными до смерти“.

Самъ Спаситель въ притчѣ о сѣмени, падшемъ на каменистую почву, которое хотя и возшло, но, не имѣя корня, опять засохло, указываетъ на возможность потери того, что имѣемъ, — а въ притчахъ о десяти дѣвахъ, о господишѣ, возвратившемся съ брака, и многихъ другихъ, предостерегаетъ насъ отъ безпечности. Апостолъ Петръ говоритъ о тѣхъ, которые, „избѣгши сквернъ міра чрезъ познаніе Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа, опять запутываются въ нихъ и побѣждаются ими и которымъ лучше бы не познать путь праведности“ (2 П. 2, 20—22). Въ другомъ мѣстѣ онъ проситъ братій болѣе и болѣе стараться „дѣлать твердымъ свое званіе и избраніе, ибо, такъ поступая, никогда не преткнетесь“ (2 П. 1, 10). Апостолъ Павелъ предостерегаетъ: „не оскорбляйте Св. Духа, которымъ мы запечатлѣны“ (Еф. 4, 30), „бодрствуйте, стойте въ вѣрѣ, будьте мужественны, тверды (1 Кор. 16, 13), чтобы благодать Божія не тщетно была принята вами“ (2 Кор. 6, 1). „Если только пребываете тверды и непоколебимы въ вѣрѣ и не отпадете отъ надежды благовѣствованія“ (Кол. 1, 23). „Домъ же Его“ (т. е. Христа) „мы, если только дерзновеніе и упованіе, которымъ хвалимся, твердо сохранимъ до конца“ (Евр. 3, 6).

Итакъ, въ человѣкѣ дѣйствуютъ два элемента. Во-первыхъ, благодать и сила Божія—она вѣрна и постоянна, представляя вѣчный источникъ неисчерпаемой мощи для человѣка и во-вторыхъ, его свободная воля, которая сама по себѣ немогуща, непостоянна и невѣрна. Человѣкъ можетъ вполне довѣряться Божественной силѣ и поддержкѣ, но съ другой стороны онъ долженъ остерегаться, чтобы его собственная слабость не привела его къ паденію и со страхомъ и трепетомъ стараться быть „вѣрнымъ и вѣрнымъ до смерти, чтобы получить вѣнецъ жизни“ (Откр. 2, 10).

А. Бухаревъ въ своемъ изслѣдованіи также останавливается на этомъ кажущемся противорѣчій. „Въ этихъ двухъ стихахъ, говорить онъ, мы находимъ ученіе слова Божія о томъ, какъ

дивно въ благодатной духовной жизни вѣрующаго нравственная самодѣятельность его совмѣщается со вседѣйствующею благодатію Божіею, но вмѣстѣ съ тѣмъ не можетъ не остановиться на нѣкоторомъ кажущемся противорѣчій въ семъ ученіи. Со страхомъ и трепетомъ свое спасеніе содѣлывайте, говоритъ апостолъ, и тѣмъ самымъ христіанъ представляетъ какъ бы виновниками своего спасенія. Но тотчасъ же, и притомъ въ подтвержденіе сказаннаго наставленія, не только вишнюю спасительную дѣятельность вѣрующаго, но и внутреннее благое расположение приписываетъ дѣйствию въ немъ благодати. Богъ бо есть дѣйствуя въ васъ, еже хотѣти и еже дѣяти о благоволеніи. Между этими мыслями апостола находится однако слѣдующая связь.

Единъ Богъ есть виновникъ и источникъ жизни и добра, и Онъ пасаждаетъ жизнь и творитъ добро по совѣту всевластной воли своей. Потому какъ благо и жизнь, находящіяся въ естествѣ или природѣ каждаго существа, произошли отъ Бога, отъ Его воли и силы, такъ и духовное благо и жизнь души человѣческой производитъ Богъ по своему благоволенію; какъ въ мірѣ вообще, если Богъ отвратитъ лице Свое и отыметъ Духъ Свой, все необходимо возматется и въ пыль и ничтожество свое обратится, такъ и по отдѣленіи благодати отъ души и все духовно живое и спасительное въ ней потребляется и умираетъ и человѣкъ въ духѣ остается только при своемъ ничтоществѣ. Потому апостолъ христіанъ, животворимыхъ благодатію, называетъ въ семъ отношеніи твореніемъ Божіимъ (Еф. 2, 10). Итакъ, кто духовно живъ и имѣетъ расположенія и дѣла благія и спасительныя, то это не иначе совершается какъ силою Бога, дѣйствующею въ немъ и еже хотѣти и еже дѣяти“ по своему благоволенію. По сіе Божественное, творческое дѣйствованіе или благодатное созиданіе есть внутреннее духовное, совершается въ умѣ, сердцѣ и волѣ человѣка и проявляется именно въ его свободно-разумной дѣятельности. Въ семъ созиданіи Богъ, по самому существу дѣла, творитъ правда изъ ничтожества (поелику духовнаго блага самъ изъ себя человѣкъ произвести не можетъ), но ничтожества сознаваемаго и предаваемаго во всемогущія руки Его свободноразумнымъ существомъ; все

благое—и расположеніе и дѣло—происходить единственно отъ осуществленія благой воли Божіей, но сія воля здѣсь осуществляется, становясь волею человѣка, находящаго въ ней свое благо и жизнь. Итакъ, благодатно зиждетъ Богъ въ душѣ христіанской, не просто какъ Творецъ, котораго сила въ началѣ приводила все изъ небытія въ бытіе едина сама собою и котораго зиждительная воля осуществлялась необходимо, но именно какъ Отецъ, осуществляющій свое благоволеніе въ свободно предающихся Ему чадахъ и вводящій ихъ, по мѣрѣ послушанія ихъ и пріемлемости, во внутреннее общеніе Своей силы, жизни и славы. Вседѣйствіе благодати и самодѣятельность человѣка не только взаимно себѣ не противорѣчатъ, но одно въ другомъ достигаетъ своей цѣли—именно въ самодѣятельныхъ-то духовныхъ силахъ и дѣйствуетъ благодать, проникая и направляя ихъ; а сіи самодѣятельныя силы вполне и раскрываются и возводятся къ своему совершенству отъ того, что оживляются и управляются благодатію. И поколику человѣкъ не противится Богу, еще предварительно употребляющему все способы къ проникновенію сердца человѣка Своею благодатію, но искренно и вполне предается благодати, всегда какъ бы преслѣдующей его, словомъ: поколику онъ достигаетъ того, чтобы Богъ дѣйствовалъ въ немъ и еже хотѣти и еже дѣяти по своему благоволенію, потолику онъ и содѣлываетъ самъ свое спасеніе. Но съ другой стороны, если человѣкъ будетъ пренебрегать такимъ отеческимъ благоволеніемъ Божіимъ, предоставленнымъ свободному избранію его, если изъ великаго и безцѣннаго дара свободы, посредствомъ которой онъ могъ бы и долженъ содѣлаться участникомъ сего благоволенія, онъ будетъ порождать своеволіе и самодѣятельность свою обращать въ буйство, то соотвѣтственно сему тѣмъ паче безконечно высокій вседержавный Богъ, который поругаемъ не бываетъ (Гал. 6), станетъ отвергать его и наконецъ явится для него, по его винѣ и по своей безконечной власти и силѣ, огнемъ пожигающимъ (Евр. 1, 2). Потому естественна и глубоко значуща у апостола связь вышеуказанныхъ двухъ мыслей“.

Все увѣщанія апостола окончательно сводятся къ тому, „чтобы быть неукоризненными и чистыми чадами Божіими, непорочными,

содержащими слово жизни". Итакъ, цѣль жизни, проводимой въ духѣ Христовомъ, заключается въ „нравственной неукоризненности“, которая выражается отсутствіемъ всякихъ грѣховныхъ дѣйствій и во „внутренней чистотѣ“, не допускающей даже возможности возникновенія малѣйшей мутности на глубинѣ сердца. Достигнуть вполнѣ этой неукоризненности и чистоты Филиппійцы могутъ однако только „въ день Христовъ“, о которомъ апостолъ говоритъ далѣе. Въ земной жизни совершенная внутренняя чистота недостижима для людей. Воздержаніе, по крайней мѣрѣ временное, отъ грѣховныхъ дѣйствій намъ легче дается, чѣмъ воздержаніе отъ грѣховныхъ помысловъ; полная внутренняя чистота есть совершенная святость, а до этого ни одинъ человѣкъ въ земной жизни не достигаетъ. Пока мы на землѣ, мы можемъ только стремиться къ этой славной цѣли, но стремящимся къ этой цѣли, содержащимъ слово жизни и вѣрующимъ во имя Господа, дана уже въ сей жизни благодать быть чадами Божіими. „Тѣмъ, которые приняли Его, вѣрующимъ во имя Его, далъ власть быть чадами Божіими“ (І. 1, 12, 13). Чада Божіи во всемъ водятся духомъ сыновнимъ, духомъ довѣрія, преданности и неукоризненнаго повиновенія Отцу небесному, среди строптиваго и развращеннаго рода, не подчиняясь духу ропота и сомнѣнія и нерадѣнія, свойственному рабамъ лукавымъ и лѣнивымъ. Чада Божіи „содержать“, т. е. обладаютъ „словомъ жизни“, потому что въ словѣ Евангелія, свидѣтельствующемъ о новой жизни во Иисусѣ Христѣ, они имѣютъ вѣрный источникъ познанія спасительнаго пути и обладаютъ новымъ руководящимъ началомъ жизни.

Содержаніе слова жизни можно понимать и въ смыслѣ пребыванія въ нѣкоторомъ личномъ отношеніи ко Христу. Въ первой главѣ Евангелія отъ Іоанна самъ Господь именуется „Словомъ“ и „въ Немъ“, сказано далѣе, „была жизнь“ (1, 4). Итакъ выраженіе „содержать Слово жизни“ можно понимать въ смыслѣ соединенія вѣрою и любовію со Христомъ, „Я въ нихъ“ (І. 17, 23) и житія Его жизнию, какъ вѣтъ живетъ и почерпаетъ силу изъ лозы, на которой она произрастаетъ (І. 15, 4).

Чада Божіи, т. е. люди, пребывающіе во Христѣ и содержащіе слово Евангелія, по самому существу дѣла должны отли-

чаться отъ людей, Богу не покоряющихся и не имѣющихъ въ себѣ слова жизни, т. е. отъ остальнаго человѣчества.

Чтобы показать весь контрастъ, существующій между истиннымъ христіаниномъ и прочими людьми, апостолъ, пользуясь ветхозавѣтнымъ выраженіемъ (Втор. 32, 5), говорить, что они сіяютъ какъ „свѣтила въ мірѣ среди строптивого и развращеннаго рода“.

И въ этомъ сравненіи нѣтъ ничего иперболическаго, ничего преувеличеннаго.

Такъ какъ „слово жизни“ есть „свѣтъ человѣковъ“ (І. 1, 4), то истинныхъ христіанъ, какъ носителей этого свѣта, справедливо можно назвать свѣтилами, восходящими на небѣ въ темную ночь міра, погруженнаго въ мракъ грѣха и смерти, свѣтилами—долженствующими обличать и освѣщать этотъ мракъ.

Естественное положеніе человѣка, созданнаго по образу и подобію Божію, заключается въ непосредственной зависимости отъ Бога; человѣкъ живетъ Имъ и находится съ Богомъ въ тѣсной духовной связи. Такъ должно бы быть; но грѣхъ разрушилъ естественную связь между Богомъ и человѣкомъ, ставъ между ними преградой, и повергнулъ людей въ мракъ зла и смерти. Съ тѣхъ поръ человѣкъ пересталъ находиться къ Богу въ сыновнихъ отношеніяхъ. Богъ для людей пересталъ быть Отцомъ и превратился въ грознаго Господина лѣнливыхъ и лукавыхъ рабовъ. Отрѣшившись отъ своего первобытнаго, естественнаго, благодатнаго состоянія, человѣкъ находится съ тѣхъ поръ въ противоестественномъ состояніи, т. е. въ состояніи нравственнаго уродства.

Дѣло Христа заключалось именно въ восстановленіи потеряннаго, т. е. въ уничтоженіи преграды, отдѣлившей человѣка отъ Бога, и въ воссоединеніи людей съ Богомъ дарованіемъ имъ возможности вѣрою въ Спасителя становиться чадами Божіими (І. 1, 14, 15). Такимъ образомъ дѣло Христово заключалось въ возрожденіи человѣчества, въ созданіи какъ бы новаго поколѣнія людей.

Въ сравненіи съ людьми, продолжающими пребывать въ нравственномъ уродствѣ отчужденія отъ Бога, погруженными въ „мглу“ грѣха—положеніе возрожденныхъ христіанъ есть со-

стояніе „свѣта“. Если грѣховное состояніе сравнивается съ мглою, то состояніе святости слѣдуетъ сравнивать со свѣтомъ, и вотъ почему апостолъ называетъ возрожденных новыхъ людей „свѣтилами“ въ мракѣ „строптиваго и развращеннаго рода“.

Несомнѣнно, что это названіе относится только къ христіанамъ вообще, какъ возрожденному роду, носителю свѣта новой жизни. Касательно же отдѣльныхъ лицъ названіе свѣтилъ можетъ быть придаваемо каждому христіанину только въ той мѣрѣ, въ какой онъ является носителемъ возрожденной жизни, т. е. насколько въ немъ преобладаетъ новый человѣкъ. Въ частности можно сказать и вѣроятно каждый христіанинъ съ этимъ согласится на основаніи собственнаго духовнаго опыта жизни, что тѣ моменты внутренней жизни, въ которые таковая находится подъ влияніемъ духа возрожденія, суть моменты свѣта, между тѣмъ какъ тѣ моменты, въ которые ветхій человѣкъ, находящійся въ постоянной внутренней борьбѣ съ новымъ человѣкомъ, получаетъ въ немъ преобладаніе, представляются моментами мрака, нисколько не отличающимися отъ общаго настроенія „развращеннаго рода“, какъ апостолъ называетъ не-возрожденныхъ людей.

Можно предположить съ нѣкоторою вѣроятностію, что апостолъ былъ вызванъ на это сравненіе впечатлѣніемъ окружающей его природы. Апостола, заключеннаго въ римской темницѣ, окружаетъ мракъ, холодная почная буря шумитъ за стѣнами ея, но вдали на безграничномъ горизонтѣ мерцають небесныя свѣтила, которыхъ никакая буря не въ состояніи угасить. Останавливая свое вниманіе на этой величественной картинѣ, апостолъ мысленно уподобляетъ созерцаемымъ звѣздамъ тѣ небольшія, разбросанныя по всему міру христіанскія общины, которыя, воспріявъ свѣтъ Евангелія, высоко держатъ свой свѣточъ, доказывая тѣмъ пребывающую въ нихъ силу жизни, побѣдоносно противостоящую всякимъ преслѣдованіямъ, силу, которую никакія силы міра не въ состояніи сокрушить.

Обращаясь затѣмъ мысленно къ своему собственному мрачному положенію, апостолъ черпаетъ и для себя изъ этого же зрѣлища утѣшеніе и свѣтъ. Въ великій день Христовъ Филиппійцы и прочія его духовныя дѣти, эти свѣтила между людьми,

будутъ служить ему свидѣтельствомъ, что онъ не тщетно трудился, какъ нѣкогда на то жаловался пророкъ Исаія (49, 4); при этой мысли будущность проясняется для него новымъ свѣтомъ, лучи надежды проникаютъ сквозь грозныя тучи заботъ, страданій, опасностей и въ полномъ сознаніи, что такъ именно должно быть, апостоль радуетъ, не смотря на то, что вѣроятно ему самому предназначено содѣлаться жертвой.

„Содѣлываюсь жертвой за жертву и служеніе вѣры вашей“. Служеніе по гречески *leitourgia*, т. е. богослуженіе, въ томъ же смыслѣ какъ это слово употреблено въ Римл. 15, 16. Апостоль представляетъ свое званіе апостольства какъ священнодѣйствіе. Въ качествѣ священника онъ приносить въ жертву Иисусу Христу вѣру ихъ, т. е. вѣру тѣхъ, которымъ онъ проповѣдалъ Евангеліе, которыхъ онъ поставилъ, которыхъ онъ возродилъ. Этому священнодѣйствию апостольства онъ посвятилъ всю свою жизнь, и если его священнослуженіе не должно ограничиться творимымъ имъ жертвоприношеніемъ, а должно завершиться принесеніемъ въ жертву его самого, то онъ этому будетъ радоваться.

„Содѣлываюсь жертвой“ по гречески *σπένδομαι*, означаетъ не простое жертвоприношеніе, а жертвенное возліаніе, въ чемъ состояло одно изъ дѣйствій ветхозавѣтнаго жертвоприношенія. Возліаніе дѣлалось священнослужителемъ при принесеніи жертвы Богу для увеличенія ея достоинства (Чис. 28, 7, 15, 4). Апостоль изображаетъ здѣсь могущую ожидать его мученическую смерть въ ветхозавѣтной жертвенной формѣ, въ видѣ возліанія его собственной крови на жертву вѣры филиппійцевъ, приносимую имъ Богу. Примѣръ его мученической кончины несомнѣнно долженъ послужить на пользу и укрѣпленіе вѣры филиппійцевъ и такимъ образомъ послѣдняя жертва, возліаніе его собственной крови, завершая дѣло его апостольскаго служенія, должна быть особенно угодно Богу. Въ тотъ день, т. е. „день Христовъ“, когда дѣло апостола Павла будетъ окончательно признано, Господь возложитъ на него вѣнецъ правды (2 Т. 4, 8); въ дарованномъ ему Господомъ успѣхѣ апостоль видитъ уже теперь залогъ того, что онъ не тщетно подвизался, что трудъ его признанъ. Вотъ почему онъ радуется даже

въ виду ожидающей его можетъ быть мученической смерти, ибо послѣдняя можетъ только приблизить для него славный „день Христовъ“ и привести его къ желанному исходу—имѣю желаніе разрѣшиться и быть со Христомъ, потому что это несравненно лучше“.

Стремясь все болѣе и болѣе связать филиппійцевъ съ собою тѣснѣйшими узами любви, апостолъ приглашаетъ ихъ „радоваться о семъ самомъ и сорадоваться ему“ подобно тому, какъ онъ самъ „сорадуется всѣмъ имъ“, т. е. сорадуется безъ сомнѣнія усовершенствованію ихъ вѣры и успѣшному ходу дѣла ихъ спасенія.

Въ этихъ словахъ 18 стиха выражается замѣчательно нѣжный отбѣнокъ чувства. Апостолъ проситъ радостнаго участія филиппійцевъ въ его собственномъ духовномъ настроеніи, какъ бы въ воздаяніе за его теплую любовь и за его живое участіе во всемъ, что касается ихъ внутренней жизни—„сорадуйтесь мнѣ, какъ я сорадуюсь вамъ“.

Могло бы казаться, что опасность мученической кончины, тяготѣвшая надъ главою апостола, должна была отогнать отъ филиппійцевъ всякую радость, преисполняя сердца ихъ печали. Но эта опасность не должна затмѣвать ихъ радости потому, что настроеніе самаго апостола находится выше всякихъ случайностей судьбы. Поэтому, отложивъ въ сторону всякія заботы и всякую печаль, имъ слѣдуетъ вознестись къ торжественной и непоколебимой радости вѣры, мужественно смотрящей въ глаза всему тому, что можетъ принести будущее; притомъ же, не смотря на грозящія опасности, будущее можетъ разрѣшиться и въ болѣе радостномъ видѣ освобожденіемъ апостола.

Въ концѣ второй главы ап. Павелъ сообщаетъ филиппійцамъ пріятныя вѣсти о намѣреніи послать къ нимъ Тимофея, о томъ, что онъ надѣется скорѣ и самъ придти къ нимъ, и наконецъ, о возвращеніи къ нимъ Епафродита.

Цѣль послыши Тимофея заключалась въ томъ, какъ объясняетъ апостолъ, „дабы и я, узнавъ о вашихъ обстоятельствахъ, утѣшился духомъ“. Изъ содержанія всѣхъ предшествующихъ строкъ видно, что апостолъ убѣжденъ въ послушаніи филиппійцевъ, („какъ вы всегда были послушны“ 12), что онъ увѣренъ въ томъ,

что они содержатъ „слово жизни“, ибо онъ называетъ ихъ „свѣтилами сіяющими въ грѣховномъ мірѣ“; еслибы онъ не имѣлъ этого убѣжденія, то онъ не могъ бы радоваться. Но съ тѣхъ поръ, какъ пришелъ къ нему Епафродитъ, онъ не получалъ дальнѣйшихъ свѣдѣній, а потому онъ томится въ неизвѣстности, желая знать, какъ у нихъ въ настоящее время обстоитъ дѣло, какъ они живутъ, что у нихъ происходитъ, и съ этою цѣлію намѣревается послать къ нимъ Тимофея, который вмѣстѣ съ тѣмъ, за его апостола отсутствіемъ, можетъ споспѣшествовать своими совѣтами и указаніями дальнѣйшему благоустройству и преуспѣванію филиппійской церкви. А такъ какъ „любовь всему вѣритъ и всего надѣется“ (1 Кор. 13, 7), то апостолъ убѣжденъ, что Тимофеей принесетъ ему благопріятныя о нихъ извѣстія. Такое свое убѣжденіе онъ считаетъ нужнымъ высказать филиппійцамъ въ увѣренности, что это со своей стороны поощритъ ихъ преуспѣвать на избранномъ пути, и потому онъ прибавляетъ: „дабы я, узнавъ о вашихъ обстоятельствахъ, утѣшился духомъ“. Находясь самъ на краю страшной опасности, апостолъ совершенно забываетъ свое положеніе и думаетъ только о филиппійцахъ. Онъ не въ состояніи, какъ на то указываетъ св. Златоустъ, даже на короткое время оставаться въ невѣдѣніи относительно того, что происходитъ у нихъ и, не имѣя возможности пока придти къ нимъ самъ, посылаетъ своего вѣрнаго Тимофея.

Изъ всѣхъ находившихся въ Римѣ христіанъ Тимофеей былъ самое близкое ему лице, дорогой и необходимый другъ и сотрудникъ. Тимофеей находился при апостолѣ въ теченіе довольно продолжительнаго времени, какъ можно заключить изъ того, что уже въ посланіи къ Римлянамъ включенъ привѣтъ отъ Тимофея (16, 21), ревностно помогая ему въ его апостольскомъ служеніи съ истинною и сердечною преданностію. Вотъ почему апостолъ и говоритъ, что Тимофеей служилъ ему, какъ отцу, прибавляя „въ благовѣствованіи“. Эта фраза при необычайности ея оборота особенно замѣчательна и хорошо передаетъ именно свою конструкцію внутреннее настроеніе апостола. Въ виду услугъ, оказанныхъ Тимофеемъ ему, апостолъ могъ сказать, что онъ служилъ „ему“ какъ сынъ отцу, желая

выразить этимъ искренность и усердіе привязанности Тимофея; но затѣмъ онъ поправляетъ себя и, желая дать Тимофею болѣе высокое свидѣтельство, прибавляетъ слова „для благовѣствованія“, какъ бы говоря: хотя онъ и былъ моимъ сотрудникомъ и потому казалось служилъ мнѣ, но въ сущности, помогая мнѣ въ благовѣствованіи, онъ служилъ не мнѣ, а служилъ вмѣстѣ со мною Господу нашему, трудясь надъ дѣломъ распространенія евангелія.

Удаленіе столь вѣрнаго и надежнаго сподвижника должно было представлять для апостола особенно чувствительное лишеніе. Но онъ не колеблясь готовъ принести эту жертву, потому что онъ не имѣетъ при себѣ никого „равно усерднаго, кто бы столь искренне заботился о филиппійцахъ, какъ Тимофеей, „дѣбо“, прибавляетъ апостолъ не безъ нѣкоторой жалобы, „всѣ ищутъ своего, а не того, что угодно Христу“.

Строгія слова апостола едва ли можно понимать въ томъ смыслѣ, что всѣ остальные христіане въ Римѣ были лишены духа Христова, или предполагать, что этими словами онъ имѣетъ въ виду тѣхъ лжехристіанъ, проповѣдывавшихъ изъ зависти „притворно“, о которыхъ говорится въ первой главѣ. Эти „всѣ“, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, были вѣроятно люди, которые, несмотря на свое обращеніе ко Христу, еще не достигли той вполне самоотверженной ревности къ дѣлу Христову, которая требовалась апостоломъ, и въ глубинѣ сердца коихъ еще пребывалъ остатокъ себялюбія. Нѣсколько абсолютная форма укора, въ которую апостолъ облакаетъ свою мысль, объясняется можетъ быть также минутно охватившимъ его сердце чувствомъ горечи при мысли, что онъ, столько потрудившійся изъ любви къ другимъ, въ этотъ знаменательный моментъ своей жизни, когда можетъ быть его ожидаетъ уже въ близкомъ будущемъ мученическая кончина, не имѣетъ при себѣ никого изъ близкихъ его сердцу людей, кромѣ одного Тимофея. Во всякомъ случаѣ въ словахъ апостола слѣдуетъ искать не столько осужденія всѣхъ окружающихъ его въ Римѣ христіанъ, сколько доказательство его глубокой любви къ основаннымъ имъ церквамъ и безграничной заботливости о ихъ духовномъ благѣ, что и побуждаетъ его относиться съ такою строгою требовательностью къ лицамъ,

которые должны были служить посредниками между нимъ и этими церквами.

Въ средѣ окружавшихъ его христіанъ можетъ быть и находились такіе, которые изъ преданности къ нему были готовы предпринять путешествіе въ Филиппы, несмотря на всѣ трудности и опасности подобнаго пути. Но ни этой готовности, ни преданности ему не было достаточно для того, чтобы возложить на нихъ столь важное и можно-сказать столь деликатное порученіе. Для этого требовалась прежде всего безусловная и самоотверженная ревность къ дѣлу Христову и вмѣстѣ съ тѣмъ теплая любовь къ тѣмъ общинамъ, дѣйствовать въ которыхъ они предназначались; безъ этихъ качествъ посредникъ легко могъ бы принести вредъ вмѣсто пользы, и вотъ почему апостолъ такъ строго относится къ предстоящему выбору своего посланника.

Изъ всѣхъ близкихъ ему лицъ при апостолѣ оставался одинъ Тимоѳей, и онъ именно болѣе чѣмъ кто-либо былъ способенъ на подобное порученіе. Во-первыхъ, душевныя качества Тимофея вполне соотвѣтствовали тѣмъ требованіямъ, которыя апостолъ поставлялъ своимъ сотрудникамъ въ дѣлѣ сношенія съ церквами: онъ былъ преисполненъ самой чистой самоотверженной любви къ дѣлу Христову, его уже никакъ нельзя было заподозрить въ томъ, что онъ ищетъ своего, а не того, что угодно Христу. Затѣмъ Тимоѳей, близко знакомый съ филиппійцами, — „его вѣрность вамъ извѣстна“, пишетъ Апостолъ, — долженъ былъ принимать особенно близко къ сердцу ихъ благосостояніе, ибо онъ участвовалъ вмѣстѣ съ апостоломъ въ положеніи основаніи филиппійской общины и притомъ это было одно изъ первыхъ его дѣлъ на поприщѣ распространенія евангелія и потому должно было быть особенно для него дорого. „Я не имѣю никого, кто бы столь искренно заботился о Богѣ“.

Павелъ встрѣтился съ нимъ въ Листрахъ и взялъ его оттуда съ собою. Прощедши вмѣстѣ Фригію и Галатійскую страну (какъ повѣствуютъ Дѣянія ап. гл. 16), они получили въ Троадѣ откровеніе идти въ Македонію и потому чрезъ Самофракію и Неаполь апостолъ съ Тимоѳеемъ и другими спутниками отправился въ Македонію, гдѣ первый городъ, въ который они

прибыли, былъ именно Филиппы. Здѣсь Тимофеей присутствовалъ при проповѣди Павла, хотя и не былъ заключенъ вмѣстѣ съ нимъ въ темницу. Въ послѣдствіи на пути въ Іерусалимъ Павелъ посылалъ Тимофея и Ераста опять въ Македонію (гл. 19).

Рѣшившись послать къ нимъ Тимофея, апостолъ пишетъ имъ объ этомъ, объясняя однако, что отправленіе Тимофея можетъ послѣдовать только послѣ того, какъ выяснится окончательно его собственная участь, такъ какъ отъ ожидавшаго его исхода должно было зависѣть—можетъ ли онъ разстаться съ Тимофеемъ. Въ случаѣ еслибы выяснилось, что ожидающій его исходъ—неминуемая смертная казнь, ему очевидно пришлось бы удерживать Тимофея въ Римѣ, чтобы имѣть его при себѣ въ послѣднія минуты жизни. Павелъ прибавляетъ однако, какъ выше указано, что онъ увѣренъ въ Господѣ, что и самъ скоро придетъ къ нимъ.

Исполненіе желанія апостола какъ относительно посылки Тимофея, такъ и относительно собственнаго его прихода находится въ зависимости отъ разныхъ обстоятельствъ, а будущее въ рукахъ Божіихъ. Вотъ почему Павелъ рѣшается немедленно отправить къ Филиппійцамъ Епафродита, тѣмъ болѣе, что послѣдній самъ этого сильно желалъ.

Вскорѣ, повидимому, по прибытіи въ Римъ, Епафродитъ впалъ въ тяжкую болѣзнь. По выздоровленіи сердце его исполнилось скорбнымъ желаніемъ свидѣться съ возлюбленными въ Филиппахъ, которые были глубоко обезпокоены и опечалены вѣстію о его болѣзни. „Онъ сильно желалъ“, пишетъ апостолъ, „видѣть всѣхъ васъ и тяжело скорбитъ о томъ, что до васъ дошелъ слухъ о его болѣзни.“

Въ виду столь естественнаго стремленія человѣка, подвергнутаго жизни своей опасности для служенія Павлу, апостолъ спѣшитъ исполнить его желаніе. Онъ предвидитъ однако, что спѣшное возвращеніе посланника можетъ показаться Филиппійцамъ нѣсколько неожиданнымъ.

Филиппійцы могли дѣйствительно думать съ одной стороны, что Епафродитъ неудовлетворительно исполнилъ возложенное на него порученіе и что Павелъ отсылаетъ его такъ скоро только потому, что онъ ему оказался бесполезнымъ для слу-

женія въ узaxъ. Съ другой же стороны быстрое возвращеніе Епафродита могло возбудить у нихъ также мысль, что Павелъ недостаточно оцѣнилъ ихъ о немъ заботливость.

Опасаясь, чтобы они какъ-нибудь не подумали подобнаго, апостолъ считаетъ долгомъ указать имъ, какъ высоко и сердечно онъ цѣнитъ услуги Епафродита, называя его „братомъ, со-трудникомъ, сподвижникомъ“, и объяснить имъ вмѣстѣ съ тѣмъ тѣ причины, которыя побуждаютъ его такъ дѣйствовать.

Имъ не слѣдуетъ предполагать, что, отсылая Епафродита обратно ранѣе, чѣмъ это было въ первоначальномъ намѣреніи Филиппійской общины, апостолъ принялъ въ соображеніе одно только желаніе друга или не оцѣнилъ достаточно намѣренія и желанія общины. Измѣненіе первоначальнаго ихъ плана было вызвано болѣзнію Епафродита. Онъ былъ боленъ при смерти, подтверждаетъ апостолъ, но Богъ помиловалъ его и даровалъ ему выздоровленіе; Богъ помиловалъ тѣмъ самымъ „не его только“, но и самого апостола, „чтобы не прибавить ему печаль на печаль“, т. е. чтобы къ печали, вызванной болѣзнію Епафродита и мыслию о заботахъ Филиппійцевъ по этому поводу, не прибавить апостолу еще усиленной печали по случаю смерти Епафродита.

Апостолъ Павелъ, который самъ съ такимъ мужествомъ и даже радостію смотреть въ глаза смерти, принимаетъ съ истинно человѣческимъ — христіанскимъ чувствомъ сохраненіе земной жизни друга, какъ великій даръ Божіей милости, избавляющій его отъ глубокой печали. Если апостолъ въ другомъ мѣстѣ (1, 23) и утверждаетъ, „что лучше умереть, чтобы быть со Христомъ“, то земная жизнь, какъ даръ Божій, все же не теряетъ цѣны въ его глазахъ. „Можно цѣнить, указываетъ Златоустъ, этотъ даръ и затѣмъ въ послѣдствіи желать еще лучшаго, т. е. разрѣшиться и быть со Христомъ“. Во всякомъ случаѣ для него лично смерть Епафродита была бы несчастьемъ и источникомъ печали, лишивъ его вѣрнаго друга, котораго онъ такъ умѣлъ оцѣнить.

Въ этой кажущейся непоследовательности высказывается вся та искренность, вся та теплая человѣческая сердечность, неразрывно соединенныя у апостола съ глубоко вѣрующимъ настроеніемъ, которыя ставятъ такъ недостижимо высоко его ха-

ракторъ. Если бы подъ вліяніемъ отвлеченно теоретической послѣдовательности Павелъ отнесся равнодушно къ жизни друга, переходящаго со смертію въ лучшее бытіе, то въ этомъ выразилось бы только одно холодное доктринерство, лишенное истинной и теплой любви.

Послѣ болѣзни у Епафродита развилась сильная тоска по родинѣ и горячее желаніе увидѣть и успокоить возлюбленныхъ друзей и можетъ-быть родныхъ, которые уже думали, что смерть навсегда разлучила ихъ на землѣ. Самая сила его скорбнаго желанія доказывала только теплоту его любви къ Филиппійскимъ друзьямъ и роднымъ. Возвратъ Епафродита долженъ потому возбуждать въ Филиппійцахъ не какое-либо недоумѣніе, а только усиленную радость, когда они обнимутъ его живаго и здороваго: „почему я скоро послалъ его, чтобы вы, увидѣвъ его, снова возрадовались, а я былъ менѣе печаленъ“.

Менѣе печаленъ—отъ величайшей печали, которая была бы вызвана смертію друга, Богу угодно было избавить его; но онъ былъ еще печаленъ мыслию о безпокойствѣ и печали общины по Епафродитѣ и о скорби самого Епафродита по общинѣ. Чтобы уменьшить эту печаль, т. е. доставить успокоеніе и радость какъ общинѣ, такъ и Епафродиту, апостоль, никогда не ищущій своего, и рѣшается лишить себя самого той радости и того наслажденія, которое доставляло ему присутствіе Епафродита.

Слѣдуя внушенію своего иждиваго и любвеобильнаго сердца, апостоль даетъ такимъ образомъ всему дѣлу совершенно иной видъ. Несомнѣнно, что возвращеніе Епафродита прежде всего было вызвано вниманіемъ къ нему самому, т. е. желаніемъ облегчить тяжелую скорбь чловѣка, который томился разлукой послѣ болѣзни отъ дорогихъ ему лицъ, въ числѣ коихъ, можетъ-быть, были и близкіе его родственники. При такомъ положеніи дѣла Филиппійцы могли бы не безъ основанія быть недовольны Епафродитомъ за то, что онъ не исполнилъ ихъ порученія—служить Павлу въ узахъ. Чтобы лишить ихъ всякаго къ тому повода, апостоль представляетъ имъ отправленіе Епафродита, какъ вызванное главнымъ образомъ желаніемъ доставить „имъ“ радость и умалить „свою“, т. е. апостола печаль.

Послѣ такого объясненія они уже должны принять своего посланника — въ Господѣ съ полною и нераздѣльною радостію, тѣмъ болѣе, что онъ подвергалъ жизнь свою опасности, восполняя недостатокъ ихъ услугъ. Филиппійцы сами не могли служить апостолу, какъ бы они этого несомнѣнно желали: необходимыя услуги были оказаны апостолу замѣщавшимъ ихъ, ихъ посланнымъ Епафродитомъ. „Примите же его въ Господѣ со всякою радостію“, пишетъ апостолъ, и „такихъ имѣйте въ уваженіи, ибо онъ за дѣло Христово былъ близокъ къ смерти, подвергая опасности жизнь, дабы восполнить недостатокъ вашихъ услугъ мнѣ“.

Между тѣмъ какъ первая глава посланія выясняетъ преимущественно внутреннее настроеніе апостола, раскрывая передъ нами полную картину того, что происходило въ его душѣ и сердцѣ, вторая глава можетъ служить главнымъ образомъ изложеніемъ отношеній апостола къ его духовнымъ чадамъ и къ образованнымъ имъ христіанскимъ общинамъ, — его учительской дѣятельности, его заботъ по управленію общинами и его теплою любви къ ея членамъ.

Немногими словами, обращенными къ Филиппійской общинѣ съ чисто практическою цѣлію поощрить Филиппійцевъ къ неустанному продолженію подвига внутренней и внѣшней христіанской борьбы, апостолъ какъ бы невольно, т. е. безъ всякаго намѣренія входить въ систематическое изложеніе догматическаго ученія о христіанской нравственности, — очерчиваетъ съ изумительною ясностію всю сущность этой новой нравственности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сущность всей христіанской жизни.

Увѣщаніе пребыть въ любви, единодушій; указаніе, что для этого необходимо воздерживаться отъ любопренія и тщеславія и слѣдуетъ возгрѣвать въ себѣ смиренномудріе, что необходимо заботиться не о себѣ только, но и о другихъ и что для осуществленія всего этого необходимо слѣдовать примѣру Спасителя; наконецъ указаніе, по поводу личности Спасителя, на двѣ высокія тайны — тайну Богочеловѣка и тайну сочетанія въ людяхъ свободы съ дѣйствіемъ благодати — въ этихъ немногихъ чертахъ заключается, можно сказать, главная сущность всего

христіанства, подобно тому какъ, по словамъ Спасителя, въ изреченіи о необходимости любить Бога и ближнихъ (Мѡ. 22, 37—40) заключается весь законъ и пророки.

Проникнутый всецѣло любовію ко Христу, апостолъ Павелъ обуславливаетъ этою любовію все свое воззрѣніе на жизнь и почерпаетъ изъ нея всю энергію своей дѣятельности. Его христіанство не умственная теорія, а осуществленіе любви, его евангеліе не теоретическое изложеніе извѣстнаго міровоззрѣнія, а проповѣдь этой любви; Господь былъ для него не отвлеченнымъ идеаломъ, а дѣйствующею и живою силою, исполнявшею все его сердце, и потому свидѣтельствованіе объ этомъ Господѣ, слово его и проповѣдь происходили „не въ препретельныхъ человѣческихъ мудрости словесѣхъ, но въ явленіи духа и силы“ (1 Кор. 2, 4). Можно сказать, что у него не жизнь вытекала изъ ученія и слагалась по опредѣленной теоріи, а ученіе вытекало изъ жизни. Получивъ откровеніе свыше и усвоивъ его жизнию, апостолъ изъ опыта жизни почерпаетъ основныя черты излагаемаго имъ ученія. Исполненный любви ко Христу, апостолъ стремится проявить эту любовь, и вотъ почему его увѣщанія, направленныя къ чисто-практической цѣли развитія того же проявленія любви въ жизни его духовныхъ чадъ, слѣжать вмѣстѣ съ тѣмъ лучшимъ выраженіемъ сущности христіанской нравственности.

Движимый этою силою любви, апостолъ съ удивительной энергіей во время своихъ постоянныхъ странствованій разсѣвалъ евангельское сѣмя по всему міру, повсюду вызывая къ жизни христіанскія общины, которыми весь языческій міръ покрывается какъ сѣтію. Но недостаточно было основать эти общины, необходимо было еще постоянно руководить ими, направляя ихъ къ предначертанной цѣли—обновленія всего міра свѣтомъ христіанской жизни. Вторая глава посланія апостола къ Филиппійцамъ представляетъ чрезвычайно рельефную и интересную картину тѣхъ отношеній, которыя существовали между апостоломъ и учрежденными имъ общинами. Посѣявъ евангельское сѣмя въ извѣстной странѣ, апостолъ тщательно наблюдаетъ за прозябаніемъ и плодоприношеніемъ Христовой нивы и для сего по временамъ посылаетъ своихъ сотрудниковъ

по служенію слова обозрѣвать помѣстныя церкви, когда самому не было возможности посѣтить ихъ. Такъ онъ посылаетъ Тимофея въ Филиппы, „дабы узнать объ ихъ обстоятельствахъ“, Тихика къ Колоссянамъ для той же цѣли (Кол. 4, 8). Такимъ образомъ между апостоломъ и учрежденными имъ церквами происходилъ постоянный обмѣнъ любви и мысли. Апостолъ посылаетъ къ нимъ своихъ сотрудниковъ, дабы узнать объ ихъ обстоятельствахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ для того, чтобы сообщить имъ и о своемъ положеніи. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда мѣстныя церкви остаются долгое время безъ извѣстій о немъ, онъ и съ своей стороны отправляютъ къ нему довѣренныхъ лицъ, чтобы получить о немъ свѣдѣніе. Въ словахъ апостола замѣтна вмѣстѣ съ тѣмъ особенная заботливость о томъ, чтобы церкви принимали съ подобающимъ почтеніемъ и любовію тѣхъ сотрудниковъ, которыхъ онъ посылаетъ къ нимъ на извѣстное служеніе. Онъ желаетъ, чтобы они относились къ нимъ не только съ повиновеніемъ, какъ къ посланнымъ отъ апостола, но и со свободнымъ расположеніемъ искренняго любовнаго усердія. Такъ напримѣръ, въ данномъ случаѣ апостолъ особенно старается выставить на видъ передъ Филиппійцами высокое достоинство Тимофея.

Наконецъ нельзя не остановить вниманія еще и на томъ, какъ апостолъ относится къ обратной отсылкѣ Епафродита. Какой міръ любви, нѣжнѣйшихъ чувствъ, вниманія и отеческой заботливости дышетъ въ его рѣчи! Апостолъ, писавшій эти строки, могъ съ полнымъ правомъ опредѣлить сущность христіанской жизни словами: „вѣра, дѣйствующая любовію“ (Гал. 5, 6).

П Р И М Ѣ Ч А Н І Я.

1. „Ибо въ васъ должны быть тѣ же чувствованія, какія и во Христѣ Исусѣ“ (ст. 5-й). Самъ Спаситель сказалъ, хотя и по отношенію къ частному случаю умовенія ногъ: „ибо Я далъ вамъ примѣръ, чтобы и вы дѣлали тоже, что Я сдѣлалъ вамъ“ (І. 13, 15). Примѣръ самоотверженія и смиренія, данный намъ Христомъ, тѣмъ болѣе требуетъ подражанія и послѣдованія,

что Господь Себя умалилъ и смирилъ собственно для нашего спасенія и что христіане тѣмъ и спасаются, что облакаются въ Иисуса Христа, т. е. въ Его святѣя свойства: „облекитесь въ Господа нашего Иисуса Христа“, сказано въ посланіи къ Римлянамъ (13, 14); „всѣ вы, во Христа крестившіеся, во Христа облеклись“—въ посл. къ Галатамъ (3. 27). Христіане должны принимать Христа въ свое сердце и въ дѣятельности своей водиться духомъ Христовымъ; ибо „если кто духа Христова не имѣетъ, тотъ и не Его, а если Христосъ въ васъ, то тѣло мертво для грѣха, но духъ живъ для праведности (Р. 8, 9. 10).

2. „Будучи образомъ Божіимъ (ст. 6-й). Упомяная о славѣ, которую Онъ имѣлъ у Отца, Самъ Иисусъ Христосъ говоритъ, что Онъ имѣлъ эту славу „прежде бытія міра“, а не прежде воплощенія, потому что Сынъ Божій уже съ самаго начала міроздація былъ Созидателемъ, Держателемъ и Цѣлю міра, какъ предусмотрѣнный божественнымъ промысломъ посредникъ между Богомъ и человѣкомъ, „ибо Имъ создано все, что на небесахъ и что на землѣ, видимое и невидимое—все Имъ и для Него создано, и Онъ есть прежде всего и все Имъ стоитъ“, какъ сказано въ посл. къ Колоссянамъ (1, 16. 17).

По поводу этого мѣста А. Бухаревъ объясняетъ слѣдующее: по замѣчанію св. Златоуста, Кирилла Александрійскаго и Феодорита, слово „будучи“ ὡς, употребленное о состояніи Христовомъ въ образѣ Божіи,—тогда какъ о вочеловѣченіи сказано „сдѣлавшись“ γενόμενος,—указываетъ на бытіе въ образѣ Божіи естественное, неизмѣнное и вѣчное. Св. Златоустъ почитаетъ равносильнымъ сему апостольскому слову выраженіе „Я есмь сущій“ (Исх. 3, 14). Въ посланіяхъ къ Колоссянамъ Господь названъ также „образомъ“ съ полнѣйшимъ раскрытіемъ высокаго достоинства Его: „Который есть образъ Бога невидимаго, рожденный прежде всякой твари“ (1, 15), „ибо Имъ создано все“ (1, 16) „и Онъ есть прежде всего, и все Имъ стоитъ“ (1, 17). Тоже и въ посланіи къ Евреямъ—„Богъ въ послѣдніе дни сіи говорилъ намъ въ Сынѣ, котораго поставилъ наслѣдникомъ всего, чрезъ котораго и вѣки сотворилъ, Сей будучи сіяніе славы и образъ ипостаси Его и держа все словомъ

силы Своей (1, 1—3). При сличеніи съ сими мѣстами выраженіе „будучи образомъ Божіимъ“ является равносильнымъ названію Іисуса Христа „Словомъ“, которое было отъ вѣчности, есть неразлучно отъ Бога и Само Богъ (І. 1, 1), чрезъ которое все начало быть (3), въ которомъ была жизнь и свѣтъ челоуѣковъ (4); является равносильнымъ также названію Іисуса Христа Сыномъ Божіимъ, сущимъ въ нѣдрѣ Отчемъ и являющимъ Отца невидимаго тварямъ (18), въ которомъ обитаетъ вся полнота Божества (Кор. 2. 9), который имѣлъ славу у Отца прежде бытія міра (І. 17. 5). Изъ соображенія всѣхъ сихъ мѣстъ писанія видно, что сущимъ въ образѣ Божіа называется Господь Іисусъ Христосъ, какъ отъ вѣчности и совершенно выражающій въ Своемъ существѣ все существо, весь безконечный умъ, волю, силу и славу, все безпредѣльное исполненіе Бога Отца—какъ истинный и предвѣчный Богъ. „Не почиталъ хищеніемъ быть равнымъ Богу“. Смыслъ всего стиха блаженный Θεодоритъ излагаетъ такимъ образомъ: „Богъ сый по естеству и имѣя равенство съ Отцемъ, Онъ не подорожилъ симъ—ὁὐ μέγα τοῦτο ὑπέλαβε—буквально: не за великое почелъ сіе. Сіе изъясненіе а) подтверждается противоположеніемъ, въ какомъ изъясняемое предложеніе находится съ послѣдующимъ: „не восхищеніемъ непщева быть равенъ Богу, но себе умалилъ“; б) прямо соотвѣтствуетъ главному наставленію апостола „сіе да мудрствуется въ васъ еже и во Христѣ Іисусѣ“, равно и предшествующимъ увѣщаніемъ, въ видѣ же противоположенія выраженнымъ: „ничто же по рвенію и тщеславію, но другъ друга больше себе творяще. Не своихъ си кійждо, но и дружныхъ кійждо смотрите“; какъ бы такъ было сказано въ разсматриваемомъ мѣстѣ: вы должны имѣть расположеніе Іисуса Христа, Который не своихъ си смотрѣлъ, не собственнымъ величіемъ занятъ былъ, имѣя равенство съ Богомъ, но... и проч. слич. Римл. 12, 2. 3. Евр. 12, 1. 2. Наконецъ в) при семъ объясненіи въ разсматриваемомъ мѣстѣ видна и та истина, что Іисусъ Христосъ имѣлъ не похищенное, а собственное, по естеству Ему принадлежащее равенство съ Богомъ; ибо, скажемъ словами св. Θεодора Анкирскаго, „быти равнымъ Богу“, говорить (апостолъ), а не сдѣлаться та-

ковымъ когда-нибудь (изъ бесѣды на день Рожд. Христова, произнесенной на соборѣ ефесскомъ противъ Несторія), и та истина, что Онъ есть виѣстъ Высочайшая Любовь, при Своемъ Высочайшемъ достоинствѣ не превозносилъ и ищущая своихъ си, что въ особенности и нужно было апостолу раскрыть въ сей наставительной рѣчи. Св. Златоустъ замѣчаетъ на сіе мѣсто: не восхищеніемъ нищеза, т. е. имѣя власть непохищенную, но естественную, не данную, но постоянно и неотъемлемо Ему принадлежащую. Достоинство быть равнымъ Богу у Него было не похищенное, но естественное; а по сему и умалилъ Себе“.

3. „Принявъ образъ раба“ (ст. 7-й). Св. Златоустъ изъясняетъ: что значитъ — принявъ образъ раба? Говорятъ Онъ принявъ образъ раба, когда, препоясавшись ленгтемъ, умылъ ноги учениковъ—это ли образъ раба? Это не образъ раба, а дѣло раба, одно принадлежность естества, а другое дѣятельности. Принялъ —значитъ Онъ и ставъ человѣкомъ пребылъ неизмѣнно Богомъ и человѣчество принялъ только единство Своего лица. Дабы ты, услышавъ, что Онъ себя умалилъ, не представилъ измѣненія, превращенія и какого-либо уничтоженія, что писаніе говоритъ, что Онъ пребывая тѣмъ, чѣмъ былъ, принял то, чѣмъ не былъ, и, сдѣлавшись плотію, пребылъ истиннымъ Богомъ Словомъ.

4. (Ст. 6—11-й). Все это мѣсто можетъ служить и въ догматическомъ отношеніи разъясненіемъ христіанскаго пониманія личности Христа Спасителя. I. Златоустъ находитъ, „что въ этихъ словахъ заключается обоюдоострый мечъ, для пораженія всѣхъ современныхъ ересей о Лицѣ Господа нашего Исуса Христа“. А. Бухаревъ поясняетъ, что изъ словъ апостола оказывается, что Господь есть истинный Богъ по естеству, ибо названъ сущимъ въ образѣ Божіемъ и равенъ Богу. Онъ не сила божественная, а „Лице“, ибо все, что говорится здѣсь о вольномъ истощаніи и потомъ о превознесеніи Его, свойственно только Лицу. Но Лице „особенное“ есть Лице Бога Отца, и Онъ есть истинный „человѣкъ“, ибо пріялъ зракъ раба и образомъ обрѣтется, яко человѣкъ, имѣющій и душу и тѣло человѣческія; душу, ибо въ Его воплощеніи проявляется послу-

паніе,—„тѣло“ ибо истощилъ Себя до пріятія смерти крестной. Но при такой сугубости естество—божескаго и человѣческаго, въ Немъ „не два лица, но „одно“—Господь Іисусъ Христосъ, ибо апостолъ и о сущемъ въ образѣ Божіи и о смирившемъ Себя до смерти крестной, говоритъ какъ о единомъ лицѣ: „сіе да мудрствуется въ васъ еже и во Христѣ Іисусѣ“. Далѣе видно изъ словъ апостола, что Іисусъ Христосъ есть первообразъ въ нравственномъ мірѣ. Нравственная дѣятельность Его есть первообразъ нравственности для христіанъ, а высочайшія слова Его есть первообразъ высокой участи, къ которой ведетъ нравственное совершенство (Римл. 8, 11, 29).

5. „Посему и Богъ превознесъ Его“ (ст. 9-й). Указывая на превознесеніе Христа, Который „смирилъ Себя“ и за то превознесенъ Богомъ, апостолъ тѣмъ самымъ указываетъ Филиппійцамъ, что и ихъ ожидаетъ по смерти награда, если они будутъ слѣдовать примѣру Спасителя. Но обѣщаніе награды не есть ли это „евдемонизмъ?“ Такое обвиненіе нерѣдко противопоставлялось христіанству, служа камнемъ преткновенія для философской мысли, находящей, что требованіе языческой философіи—исполнить добро только потому, что оно добро—несравненно возвышеннѣе христіанской нравственности, требующей повидимому исполненія ея законовъ для полученія награды въ будущей жизни. Извѣстно, что знаменитый германскій поэтъ и идеалистъ Шиллеръ въ кажущемся евдемонизмѣ христіанства видѣлъ главную трудность преклониться предъ этимъ вѣроученіемъ. Противъ возраженія философіи интересно привести возраженіе германскаго философа Лотце, изложенное въ его извѣстномъ сочиненіи „Микрокосмъ“.

„Христіанское откровеніе не заключаетъ въ себѣ объясненія порядка видимой природы. Эта природа, проникнутая, какъ въ общемъ цѣломъ, такъ и въ мельчайшихъ своихъ подробностяхъ, волею Божіею, все предусматривающею и все содержащею, не составляетъ однако существа нашей жизни, а только какъ бы ея подкладку или обстановку, т. е. ту среду, въ которой она совершается. Духъ, ищущій доказательства истины своей вѣры, можетъ основываться и на ея проявленіяхъ, но такъ какъ природа не включаетъ существа нашей жизни, то и познаваніе ея не состав-

леть того единственнаго и главнаго, что намъ исключительно необходимо. Въ постановленіяхъ своего закона, іудейство придавало этой естественной дѣйствительности (т. е. фактической, внѣшней сторонѣ явленій) такое значеніе, которое ей не принадлежитъ; христіанство совершенно отклоняется отъ подобнаго міровоззрѣнія. Самое явленіе, фактъ, дѣло не имѣетъ для него самостоятельнаго значенія. Оно переноситъ центръ тяжести въ на-строеніе, вызывающее дѣйствіе, оно требуетъ „освященія“. Главною цѣлію стремленія должно быть не извѣстное положеніе вещей; это стремленіе не можетъ удовлетвориться даже такимъ состояніемъ человѣчества, во внѣшнемъ порядкѣ котораго, сопряженіемъ отдѣльных стремленій, отобразалось бы царство Божіе (теократія). Цѣль христіанскаго стремленія прежде всего освященіе и возрожденіе отдѣльнаго человѣка, безконечная личность котораго должна стать храмомъ Духа святаго, между тѣмъ какъ іудейство видѣло этотъ храмъ только въ теократически устроенной совокупности избраннаго народа. Христіанство не сообщило намъ ни космологической мудрости, ни непосредственныхъ социальныхъ теорій. Но въ той новой внутренней жизни, которую оно требуетъ отъ людей и которую оно сдѣлало возможною, христіанство дало людямъ существенное основаніе хотя и не для познанія природы, но для правильной ея оцѣнки; эта новая жизнь хотя и не заключаетъ въ себѣ положительныхъ указаній на извѣстную форму устройства человѣческаго общества, но она дала возможность людямъ пользоваться даннымъ положеніемъ обстоятельствъ въ настоящемъ смыслѣ и сообразно съ тѣмъ устроить свою жизнь.

Между тѣмъ какъ всѣ прежнія религіи Востока смотрѣли на настоящую жизнь не какъ на подготовленіе или школу для другой жизни, а какъ на настоящее существованіе, имѣющее значеніе само въ себѣ и какъ таковое включенное въ міровой планъ, въ основаніи христіанскаго воззрѣнія лежала только условная оцѣнка земной жизни. При такой постановкѣ можно было ожидать, что христіанство, перенесшее главный центръ въ будущую жизнь и усмотрѣвшее главную задачу въ освященіи всего природнаго, разовѣетъ намъ тѣмъ яснѣе и опредѣлительнѣе связь, существующую между землею дѣйствительностію и жи-

дающимъ насъ будущимъ, связь между фактически существующимъ, т. е. естественнымъ и должествующимъ быть, т. е. святымъ—однимъ словомъ раскроетъ намъ тайну божественнаго устройства вселенной. Это ожиданіе, на сколько оно касается разъяснительнаго раскрытія передъ нами строенія сверхчувственного міра, однако не оправдывается; но, какъ доказала исторія вселенной, это ожиданіе оправдывается вполне, поскольку оно касается увѣренности въ блаженно-благотворномъ значеніи той связи, которая соединяетъ сверхчувственный міръ, какая бы ни была дѣйствительная форма его проявленія, съ земнымъ существованіемъ. Откровеніе говоритъ о Богѣ какъ о личномъ Духѣ, который есть всемогущая любовь, но оно не погружается въ разъясненіе тѣхъ вопросовъ о метафизической формѣ божественнаго существа, которое возбуждаетъ человѣчскій умъ, въ своемъ желаніи понять въ доступномъ для него образѣ возможность представленія—что Богъ есть дѣйствительно то, что о Немъ говоритъ откровеніе (т. е. всемогущій личный духъ преисполненный любви). Откровеніе изображаетъ намъ ликъ Божій, обращенный къ человѣчеству, но ту славу Божию, которую созерцаютъ только ангелы, оно не разъясняетъ и не расчленяетъ, ограничиваясь указаніемъ на нее. Откровеніе смотритъ на міръ, какъ на созданіе этого Бога, но относительно возникновенія этого міра и конца его оно не расширяетъ существенно того знанія, которымъ, по этому предмету, обладали уже предшествующія вѣроученія. Откровеніе проникнуто предположеніемъ о безсмертіи каждаго отдѣльнаго духа, но на всякіе преждевременные вопросы о формѣ будущаго существованія оно не даетъ намъ отвѣта. Многое остается раскрыть, чего мы еще не можемъ объять. Чѣмъ достовѣрнѣе это будущее существованіе, тѣмъ менѣе необходимо преждевременно пожинать на землѣ плоды того высшаго познанія, которое намъ будетъ даровано будущею жизнію, но тѣмъ нужнѣе подготавливаться здѣсь, на землѣ, къ этой великой будущности.

Такимъ образомъ можетъ казаться, что въ сущности откровеніе намъ мало открываетъ новаго; и дѣйствительно, какъ ученіе, оно не многосложно; оно не обогащаетъ познанія изобиліемъ отдѣльныхъ истинъ, но оно созидаетъ новую жизнь на

основаніи такой истины, которую недостаточно познавать для обладанія ею, а которою человѣкъ можетъ обладать только въ томъ случаѣ, если опъ ею проникается всецѣло до того, что она становится руководящимъ началомъ всей его жизни.

Мы не можемъ имѣть задачей опредѣлять яснѣе эту главную сущность христіанства, но мы желали бы коснуться по нѣкоторымъ вопросамъ его отношеній къ другимъ міровоззрѣніямъ.

Человѣческая природа до того однообразна, что при достаточномъ обилии общественныхъ соприкосновеній, развивающихъ ея способности, нравственные воззрѣнія въ сущности развиваются вездѣ довольно однообразно. Люди одарены столь мало способностію извлекать всесторонне выводы изъ принятыхъ ими началъ, стремленіе ихъ къ послѣдовательности характера такъ слабо и при томъ развивается такъ поздно, только ростомъ въ нихъ рефлективной дѣятельности ума (умозрѣнія), что въ человѣческомъ развитіи, происходящемъ въ формѣ національной культуры данной страны, почти вездѣ встрѣчаются самыя крайнія противорѣчія въ господствующихъ нравственныхъ основаніяхъ, противорѣчія только потому не поражающія вниманія, что къ нимъ люди успѣли привыкнуть. Могло бы поэтому казаться, что христіанство не внесло въ міръ новыхъ нравственныхъ идеаловъ, кромѣ тѣхъ, которые человѣчество уже открыло само собою, но сущность дѣла въ томъ, что цѣль христіанства совершенно не заключается въ томъ, чтобы внести связь и послѣдовательность въ непослѣдовательныя убѣжденія языческой логики. Христіанство смотритъ совершенно иначе на самое основаніе нравственности, чѣмъ язычество. Въ первыя эпохи народнаго развитія нравственными правилами, въ еще довольно грубой формѣ, возникаютъ въ средѣ народа частію какъ послѣдствіе нѣкоторой естественной доброты человѣка, частію по указанію опыта на необходимость нѣкоторыхъ нравственныхъ началъ для самой жизни народа. Съ развитіемъ же высшей культуры язычество начинаетъ обуславливать необходимость подчиненія существующимъ въ народѣ нравственнымъ законамъ самымъ ихъ существованіемъ, подобно тому какъ оно признаетъ необходимымъ подчиниться безпрекословно естественнымъ законамъ природы потому только, что они

существуютъ. Для христіанина напротивъ того нравственный начала суть выраженіе не естественнаго закона природы, а воли Божіей, которая вмѣщаетъ въ себя всю совокупность нравственныхъ началъ. Исполненіе требованій нравственности для него обязательно потому, что высшая цѣль христіанина исполненіе воли Божіей. Въ болѣе или менѣе научныхъ воззрѣніяхъ не рѣдко высказывалось мнѣніе, что подобное отношеніе къ нравственности составляетъ шагъ назадъ противъ философскихъ воззрѣній язычества, для котораго все доброе и хорошее было обязательно въ виду его собственного значенія и достоинства, а не вѣдѣствіе подчиненія высшей воли. Вѣрующее чувство христіанина судить иначе. Оно сознаетъ, что истолкованіе божественной воли достигается только при посредствѣ совѣсти и страшится тѣхъ ужасныхъ послѣдствій, которыя всегда проявлялись при допущеніи другаго источника для познаванія этой высшей воли. Оно не скрываетъ отъ себя, что подобное убѣжденіе представляетъ новыя и не легко устранимыя трудности для мышленія, но не смотря на то оно убѣждено, что только при такомъ воззрѣніи возможно пониманіе самаго факта существованія совѣсти. Существованіе законовъ, вызванныхъ необходимостію безначальнаго, вѣчною, т. е. бывшею даже прежде бытія самой мысли, законовъ обусловливающихъ нашу дѣятельность безъ всякой конечной цѣли—въ томъ смыслѣ, что вся задача этихъ законовъ заключалась бы исключительно въ стремленіи къ ихъ собственному проявленію и осуществленію, не вызывая при этомъ къ жизни никакого новаго прежде не бывшаго блага, существованіе такихъ законовъ представляется для вѣрующаго чувства христіанина совершенно непонятнымъ. Устраняясь отъ подобной работы на служеніе безличнымъ законамъ, христіанское чувство видитъ конечную цѣль—высшее благо, въ томъ благоволеніи, которое вызываетъ у Бога совершившееся; только въ виду этой конечной цѣли всякая нравственная работа получаетъ для него значеніе и цѣну.

Если любовь—высшая заповѣдь, то необходимо, чтобы заповѣдь выполнялась во имя любви. Основаніемъ христіанской нравственности не можетъ быть ни реализація какой-либо идеи, ни цѣлю только, чтобы эта безчувственная идея осуществилась, ни накопленіе въ самомъ себѣ всякихъ совершенствъ, т. е.

эгоистическое прославленіе своего собственнаго я, основаніемъ христіанской нравственности можетъ быть только любовь къ живому Богу, стремленіе и желаніе найти одобреніе не отъ себя, а отъ Него—и никогда наука не будетъ въ состояніи найти болѣе ясное, ни жизнь найти болѣе вѣрное основаніе для нравственности, чѣмъ устанавливаемое христіанствомъ. Въ тѣсной связи съ указаннымъ основаніемъ, христіанской заповѣди вездѣ противопоставляется обѣщаніе награды. Это то обѣщаніе и составляетъ камень преткновенія для героизма чистаго разума, который усматриваетъ въ обѣщанной наградѣ царства небснаго и вѣчнаго блаженства какъ бы посрамленіе своего безкорыстнаго стремленія къ добру. Было бы преступно отрицать, что человѣческое сердце и безъ надежды на какую-либо награду способно къ величайшему самопожертвованію; исторія и жизнь даютъ намъ тому примѣры, и мы не имѣемъ права сомнѣваться въ ихъ дѣйствительности, или приписывать этимъ фактамъ такіе мотивы, которые не лежали въ ихъ основаніи, только для того, чтобы сдѣлать эти явленія легче объяснимыми для насъ. Но не отрицая заслугу добродѣтели, которая предпочитаетъ гибели оскверненія искреннее преданіе нравственному идеалу, нельзя не считать несовершеннымъ такое воззрѣніе на міръ, которое, допуская возможность исчезновенія добра безъ всякаго возмездія, притуляетъ всякую радость къ труду,—хотя самое обѣщаніе награды и не можетъ быть само по себѣ мотивомъ для дѣятельности. Нельзя однако отрицать, что христіанство ставитъ блаженство послѣдствіемъ нравственной вѣрности не только съ отвлеченной точки зрѣнія для завершенія полноты христіанскаго міровоззрѣнія, но что оно прямо ставитъ обѣщаніе вѣнца жизни, какъ побужденіе, долженствующее поддерживать эту нравственную вѣрность до самой смерти. Можно ли при такихъ условіяхъ оспаривать формальное право ратующихъ противъ евдемонизма, упрекать въ немъ христіанское вѣроученіе и признавать болѣе возвышеннымъ такое ученіе, которое требуетъ добродѣтели и самопожертвованія безъ всякаго обѣщанія награды? Такое требованіе можетъ дѣйствительно казаться возвышеннѣе, но отъ возвышеннаго не только къ смѣшному, но и къ бессодержательному и даже безразсудному всего одинъ шагъ. Умозрѣніе, относящееся съ такимъ ригориз-

момъ къ нравственнымъ требованіямъ, если оно только будетъ относиться къ нимъ серіозно, несомнѣнно окажется въ опасности сдѣлать этотъ шагъ, хотя и не къ смѣшному, но къ безсодержательному и безразсудному, ибо безъ высшаго блага, которому бы приносилось въ жертву меньшее благо,—нравственное стремленіе, направленное только къ производству извѣстнаго фактическаго состоянія или извѣстнаго настроенія, отличалось бы отъ слѣпаго дѣйствія силъ природы только тѣмъ, что это стремленіе сопровождалось бы совершенно непонятнымъ чувствомъ или сознаніемъ,—что нѣчто такое должно быть, что когда оно осуществится, никому не принесетъ пользы.

Въ дѣйствительности однако крайніе ревнители добродѣтели не дѣлаютъ этого шага, ибо они не могутъ не сознавать, что и они стремятся къ высшему для нихъ благу—самоуваженію. Не будь этой конечной цѣли или будь возможность достигнуть этой цѣли, т. е. самоуваженія, другимъ кратчайшимъ и вѣрнѣйшимъ путемъ, ревнители отвлеченной добродѣтели были бы можетъ быть менѣе христіанъ-евдемонистовъ расположены исполнять отвлеченныя требованія нравственнаго закона. Такимъ образомъ вся разница заключается въ томъ, что евдемонизму смиренія, не находящему удовлетворенія въ самомъ себѣ, но ищущему высшаго блага въ томъ, чтобы устоять передъ судомъ не своимъ, а Бога и снискать любовь Божію противопоставляется гордый и суровый евдемонизмъ самоуваженія.

Христіанское вѣроученіе требуетъ отъ человѣческаго сердца, для снисканія блаженства, не менѣе самоотверженія, чѣмъ вышеуказанное самодовольное ученіе; но между тѣмъ какъ послѣднее, исходя отъ стремленія къ возвышенному, почти не возвращается къ чувству мягкаго и нѣжнаго, христіанство исходитъ изъ радостнаго, но дѣйствіе послѣдняго настолько могущественно, что это радостное вмѣстѣ съ тѣмъ созидаетъ изъ себя и самое возвышенное. И что этотъ путь представляетъ единственно истинный путь, въ этомъ легко убѣдиться, вникнувъ нѣсколько глубже въ самое значеніе понятія возвышенное. Подобный анализъ не можетъ не привести къ заключенію, что возвышенное, которое хочетъ быть только возвышеннымъ—пусто и безсодержательно и что потому самое пониманіе возвышеннаго несовершенно и ошибочно, коль скоро

оно мыслить возвышеннаго, какъ нѣчто самостоятельное, т. е. безъ необходимаго соотношенія къ безусловному добру, о силѣ котораго оно служило бы свидѣтельствомъ. Христіанство видитъ это безусловное добро не въ одномъ только существованіи міра бытія и дѣятельности, устроеннаго на нравственныхъ началахъ, а въ блаженствѣ, вызываемомъ наслажденіемъ такимъ міромъ. Именно потому, что Евангеліе безусловно устраняетъ почитаніе всякаго слѣпаго фактическаго существованія, раскрывая сладкое зерно блаженства, какъ послѣднюю тайну, изъ-за которой произошло самое мірозданіе и существуетъ міробытіе, оно является благою вѣстію. Оно никогда не имѣло намѣренія стать возвышенною и грандіозною вѣстію, но оно стало таковою именно потому, что оно было благою вѣстію.

6. „Все дѣлайте безъ ропота и сомнѣнія“ (ст. 14-й). Апостолъ выражаетъ здѣсь отрицательно ту же мысль, которая въ положительномъ смыслѣ выражена имъ въ посланіи къ Ефессянамъ (5, 20). „Благодаря всегда за все Бога и Отца, во имя Господа нашего Іисуса Христа“. Словами: „и сомнѣнія“ апостолъ хочетъ сказать: безъ колеблющихся и сомнительныхъ помысловъ; только ходящимъ во тьмѣ свойственно не знать, куда идти, постоянно колебаться и претыкаться въ дѣлахъ и мысляхъ, но вы поступайте всегда и во всемъ какъ сыны свѣта,—мы же всѣ открытымъ лицомъ, взирая на славу Господню, преобразуемся въ тотъ же образъ отъ славы въ славу, какъ отъ Господня Духа“ (2 Кор. 3, 18).

7. „Но если я и содѣлываюсь жертвой“ (ст. 17-й), т. е. жертвеннымъ возліаніемъ—тоже выраженіе употреблено во 2 Посланіи къ Тимоѳею (4, 6) съ прибавленіемъ „и время моего отшествія настало“, поэтому несомнѣнно подъ жертвеннымъ возліаніемъ („на святомъ мѣстѣ возливай возліаніе вино Господу“ Числ. 28, 7) Апостолъ разумѣетъ возліаніе его крови, при его собственномъ жертвенномъ закланіи, т. е. при его мученической смерти.

8. „Потому, что всѣ ищутъ своего, а не того, что угодно Іисусу Христу“ (ст. 21-й). Слѣдуетъ замѣтить, что главнѣйшихъ сотрудниковъ апостола въ то время уже не было при немъ—ни Аристарха, ни Марка, ни Луки, ни Демоса; поэтому строгое сужденіе апостола въ данномъ случаѣ не можетъ относиться ни къ кому изъ нихъ.

9. „Итакъ я надѣюсь послать его... Я увѣренъ въ Господѣ, что и самъ скоро приѣду къ вамъ“ (ст. 23 и 24-й). Здѣсь слѣдуетъ обратить вниманіе на отглаголъ мысли, выражаемый словами: „надѣюсь и увѣренъ“. Такъ какъ его собственное пришествіе еще болѣе необходимо для Филиппійцевъ, чѣмъ посланіе Тимофея, котораго апостолъ отчасти посылаетъ для своего успокоенія, то онъ „увѣренъ“, что Господь допустить его приѣхать къ нимъ, между тѣмъ какъ относительно Тимофея онъ выражаетъ только надежду. Впрочемъ, такъ какъ вся его жизнь покончена въ общеніи съ Иисусомъ Христомъ, то онъ и надежду и увѣренность свою полагаетъ во Христѣ, „надѣюсь же въ Господѣ Иисусѣ вскорѣ послать къ вамъ Тимофея“ (19-й ст.) „и я увѣренъ въ Господѣ, что и самъ скоро приѣду“, т. е. надѣюсь и увѣренъ, что на то будетъ воля Господня.

10. „Примите же его въ Господѣ съ радостію“ (ст. 29-й). По человѣческому настроенію они можетъ быть могли бы быть тѣмъ или другимъ недовольны въ дѣйствіяхъ Епафродита, но „въ Господѣ“, въ которомъ они соединены съ нимъ въ святомъ жизненномъ общеніи, всякое такое неудовольствіе должно исчезнуть и пріемъ долженъ быть вполнѣ „радостный“; примите его со „всякою“ радостію, пишетъ апостолъ,—т. е. радостію, исключаящею всякую мысль о неудовольствіи.

11. „Ибо онъ за дѣло Христово былъ близокъ къ смерти“ (ст. 30). Вѣроятно пренебрегая трудностями пути и не давая себѣ отдыха въ дорогѣ, чтобы только скорѣе прибыть къ апостолу, передать ему дары и привѣтъ общины и предложить ему свои услуги отъ имени Филиппійцевъ,—онъ захватилъ опасную болѣзнь; вотъ почему апостолъ пишетъ „за дѣло Христово“. Не обращая вниманія на свои силы и свое здоровье, Епафродитъ подвергъ жизнь свою опасности, только чтобы исполнить ихъ желаніе,—а дѣло любви—дѣло Христово.

12. „Дабы восполнить недостатокъ вашихъ услугъ мнѣ“ (ст. 30). Не въ смыслѣ укора, а въ смыслѣ невозможности для Филиппійцевъ исполнить свое желаніе послужить апостолу лично, которое несомнѣнно у нихъ было.

Θ. Тернеръ.

(Продолженіе будетъ).

Дѣтство, отрочество и юность Митрополита Филарета.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ нынѣшнемъ году, 19-го ноября, исполняется двадцатипятилѣтіе со дня кончины приснопамятнаго Филарета, митрополита Московскаго.

Перенесемся мысленно къ этому событію, сопровождавшемуся великою скорбію не только въ Москвѣ, но и во всей Россіи, даже во всемъ православномъ мірѣ. Припомнимъ, что говорилось и писалось подъ живымъ впечатлѣніемъ этой утраты какъ духовными, такъ и свѣтскими лицами. Потеря эта казалась столь огромною, значеніе всей личности почившаго столь великимъ, что первое время послѣ нея даже люди, сильные умомъ, сознавали себя какъ бы безсильными приняться за ихъ оцѣнку. „Нѣтъ слова довольно сильнаго, чтобы изобразить неизмѣримую великость утраты, понесенной въ лицѣ митрополита Филарета церковью московскою, церковію всероссійскою, всею православною восточною церковію. Нѣтъ ума столь глубокаго, чтобы исчерпать шестидесятилѣтнюю, изумительно-благотворную и разнообразную дѣятельность преставившагося святителя. Нѣтъ знанія столь обширнаго, которое могло бы объять все содержаніе этой дѣятельности, большею частію сокровенной и только въ необходимыхъ случаяхъ являвшейся міру. И какъ бы кто ни усиливался изобразить свойства и дѣянія преставившагося святителя, никакое изображеніе не будетъ вполнѣ достойно его великой памяти: все будетъ блѣдно, скудно, убого. Удобѣе—молчаніе, благоговѣйное, молящееся“. Такъ писалъ въ

то время профессоръ Московской Духовной Академіи А. Ѳ. Лавровъ-Платоновъ (впослѣдствіи высокопреосвященный Алексій, архіепископъ Литовскій) въ своей статьѣ: „Памяти Филарета, митрополита Московскаго“.

Подобное же сужденіе по поводу кончины митрополита Филарета высказываетъ въ 1-мъ № только что появившейся тогда газеты „Современныя Извѣстія“ редакторъ ся Н. П. Гиляровъ-Платоновъ, бывший прежде также профессоромъ Московской Духовной Академіи. „Разбирать необыкновенное явленіе, какимъ былъ митрополитъ Филаретъ, говорить онъ, было бы теперь не къ мѣсту и не ко времени. Смерть замѣчательныхъ дѣятелей оставляетъ послѣ себя всегда пустоту, и пустота эта первоначально только ощущается. Время оцѣнки наступаетъ послѣ, и тѣмъ позднѣе, чѣмъ обширнѣе былъ кругъ дѣятельности умершаго, чѣмъ долговременнѣе была его дѣятельность и чѣмъ она была усиленнѣе; а къ митрополиту Филарету прилагается все это въ высшей степени“.

Если и рѣшались говорить въ память великаго святителя, то или—во имя „чувства смятеннаго величіемъ скорби, которое, не повинуясь яснымъ указаніямъ разума, просило посильнаго, хотя бы и убогаго слова, слова благодаренія, слова благоговѣнія, слова удивленія, слова скорби, слова молитвы“¹⁾, или вообще—во имя справедливости, чтобы всенародно засвидѣтельствовать, „что митрополитъ Филаретъ былъ историческое явленіе необыкновенное, и что потеря его громадна“²⁾.

Много прекрасныхъ словъ и рѣчей, исполненныхъ искреннихъ чувствъ любви и благодарности, сказано было надъ гробомъ митрополита Филарета въ печальные дни его погребенія³⁾. Лучшіе духовные витія продолжали чествовать его словомъ и послѣ, въ сороковой день по кончинѣ⁴⁾, въ день годовичнаго по-

1) См. вышеуказанную статью «Памяти Филарета, митр. моск.»

2) См. тотъ же 1-й № «Современныхъ Извѣстій» 1867 г. 1-го декабря.

3) Слова эти изданы отдѣльною брошюрою подъ заглавіемъ: «Памяти въ Возѣ почившаго архіепископа московскаго митрополита Филарета».

4) Слова протоіерей А. І. Ключарева (нынѣ высокопреосвященный Амвросій, архіепископъ харьковскій) и Ф. А. Сергіевскаго, профессора Московской Духовной Академіи.

миновенія ¹⁾ и парочито по случаю исполнившагося столѣтія со дня его рожденія ²⁾).

Наиболѣе уважаемые свѣтскіе писатели какъ бы соревновали духовнымъ въ изображеніи достоинствъ и въ признаніи заслугъ почившаго Іерарха. „Митрополита Филарета не стало!.. Упразднилась сила, великая, нравственная, общественная, сила, въ которой весь русскій міръ слышалъ и ощущалъ свою собственную силу,—сила, созданная не извиѣ, порожденная мощью личнаго духа, возросшая на церковной народнои почвѣ. Обрушилась громада славы, которою красовалась церковь и утѣшался народъ. Отжита на вѣкъ та величавая, долгая современность, что обняла собою пространство полвѣка, что перебыла длинный рядъ событій и поколѣній и какъ бы уже претворилась въ неотъемлемое, историческое достояніе Москвы, въ ея живую стихію, которой, казалось, ей не избытъ и во вѣки. Безъ этой силы, безъ этой славы, какая пустота силы и славы почувствуется внезапно въ Москвѣ, да и во всемъ русскомъ церковномъ мірѣ. Каѳедра московскаго митрополита можетъ, конечно, быть и будетъ занята, но мѣсто, которое занималъ Филаретъ, пребудетъ пусто... Угасъ свѣтильникъ, полстолѣтія свѣтившій на всю Россію не оскудѣвая, не померкая, но какъ бы питаясь приумноженіемъ лѣтъ и выступая ярче, по мѣрѣ надвиженія вечерняго сумрака жизни. Смежилось неусыпающее око мысли. Прервалось полустолѣтнее назиданіе всѣмъ русскимъ людямъ—въ дивномъ примѣрѣ неустанно бодрствующаго и до конца бодрствовавшаго духа. Смолкло художественное важное слово, полвѣка и болѣе полвѣка, раздававшееся въ Россіи, то глубоко проникавшее въ тайны Богопознанія, то строгой и мощной красотой одѣвавшее разумъ божественныхъ истинъ“. „Русская церковь, съ кончиною митрополита Филарета, переживаетъ великій историческій мигъ, котораго важность, сознательно и бессознательно, предощущается всѣми. Въ теченіи цѣлаго полустолѣтія русской церкви, ея представитель, предстоятель и

¹⁾ Слово протоіерея А. І. Ключарева.

²⁾ Слова—архимандрита Григорія, протоіерея В. П. Нечаева (нынѣ преосвященный епископъ Костромскій), А. И. Соколова и П. А. Смирнова.

предстатель (не вслѣдствіе внѣшнихъ условій своего мѣста и званія, а дѣйствіемъ личнаго внутренняго достоинства),—въ теченіи же полувѣка былъ онъ и „свидѣтельствующій“ о ней предъ всей Европой, предъ всѣмъ міромъ инославнымъ... Сходить въ могилу цѣлая историческая эпоха,—на смѣну ей движется эпоха новая“... „Убыло силы и славы, убыло послѣднее народное имя. Назвать болѣе некого; нѣтъ другаго равнозначительнаго, и даже менѣе значительнаго, но всенароднаго имени“.

Такъ писалъ въ газетѣ „Москва“ ея высокоуважаемый издатель И. С. Аксаковъ по поводу кончины святителя Филарета. Слова эти были вѣрнымъ отголоскомъ печальныхъ чувствъ всего русскаго народа и особенно жителей Москвы, которые проявили ихъ въ то знаменательное время столь искренно и задушевно, что свидѣтели, люди благоразсудные невольно спрашивали себя: „Когда и гдѣ это происходитъ? Въ первые вѣка христіанства? Въ Константинополь? Въ Кесарію? Въ Александрію?“ и, отвѣчая, что „все это происходило въ Москвѣ, и въ наше время, такъ недавно,“ резюмировали свое впечатлѣніе такъ: „Если бы все, чему мы были очевидными свидѣтелями, случилось въ давнія времена, и мы прочитали разсказъ объ этомъ въ лѣтописяхъ Церкви: мы назвали бы счастливыми современниковъ мужа, послѣдніе дни жизни и кончина котораго озарилась такою необычайною духовною славой“¹⁾.

Петербургская печать также раздѣляла чувства общаго сътованія по поводу кончины митрополита Филарета и присоединилась къ справедливой оцѣнкѣ его высокихъ достоинствъ и заслугъ, какъ это видно изъ статей „Биржевыхъ Вѣдомостей“ и „Сѣверной Почты“, посвященныхъ памяти великаго Московскаго святителя.

Какъ ни много словъ и рѣчей, отзывовъ и сужденій посвящено было памяти митрополита Филарета вскорѣ послѣ его кончины, но всѣми сознавалась тогда невозможность попытки возстановить его цѣлый образъ и отчасти ея несвоевременность. Даже спустя пятнадцать лѣтъ послѣ кончины митро-

¹⁾ Изъ Слова протоіерей А. І. Ключарева на сороковой день по кончинѣ митрополита Филарета.

полита Филарета, по случаю празднованія столѣтняго юбилея со дня его рожденія, И. С. Аксаковъ писалъ въ своей „Руси“: величавый образъ Филарета, болѣе полувѣка освѣявшій русскую церковь и съ нею и всю Россію, не только не умалился съ теченіемъ времени, а какъ будто еще болѣе выросъ, *ничѣмъ и никѣмъ доселѣ не заслоненный*, такъ что даже не вмѣщается вполнѣ сознаніемъ современниковъ ¹⁾. По сему было вполнѣ естественно, что первое время по кончинѣ святителя главнѣйше озабочивались воспоминаніемъ частныхъ его болѣе чѣмъ полувѣковой церковной, общественной и государственной жизни, приведеніемъ въ извѣстность того многого, что имъ было сдѣлано, написано, сказано. И нужно сказать по справедливости, что въ этомъ отношеніи, за истекшее двадцатипятилѣтіе со дня кончины митрополита Филарета, было сдѣлано не мало. Ранѣе другихъ матеріаловъ о митрополитѣ Филаретѣ вышли въ свѣтъ „Записки о жизни и времени святителя Филарета, митрополита Московскаго“, составленныя извѣстнымъ почитателемъ его Н. В. Сушковымъ. Затѣмъ общество любителей духовнаго просвѣщенія, будучи проникнуто признательностію къ митрополиту Филарету, какъ своему основателю и руководителю на первыхъ порахъ его существованія, издало въ память столѣтія со дня рожденія его сборникъ въ двухъ томахъ, изъ коихъ въ первомъ содержатся собственные распоряженія митрополита Филарета по управленію Московскаго паствою, извлеченныя изъ дѣлъ архива Московской Духовной Консисторіи и указовъ Св. Правительствующаго Синода, а во второмъ—слова, рѣчи и статьи, посвященныя памяти митрополита Филарета и обзорѣвающія его дѣятельность съ различныхъ сторонъ. Затѣмъ слѣдуетъ назвать солидный трудъ высокопреосвященнаго Саввы, архіепископа Тверскаго, издававшего съ великимъ тщаніемъ и основательными примѣчаніями пять томовъ (собственно восемь томовъ, такъ какъ 2-я часть V-го тома не уступаетъ по размѣру остальнымъ томамъ, а два—одинъ касающійся дѣлъ Православной Церкви на Востокъ и другой дополнительный поставлены внѣ счета) „Собранія мнѣ-

¹⁾ См. „Русь“ 1883 г. № 2.

ній и отзывовъ Филарета, митрополита Московскаго и Коломенскаго, по учебнымъ и церковно-государственнымъ вопросамъ". Заслуживаютъ упоминанія также труды профессора Московской Духовной Академіи И. Н. Корсунскаго, который, кромѣ двухъ статей, помѣщенныхъ имъ въ Филаретовскомъ сборникѣ, о подвигахъ митрополита Филарета въ дѣлѣ перевода библіи на русскій языкъ и о его катихизисахъ, помѣстилъ еще цѣлый рядъ статей въ духовномъ журналѣ „Вѣра и Разумъ“ (1884—1889 г.), обзрѣвающихъ проповѣдническую дѣятельность Филарета за разные ея періоды, а въ свѣтскомъ журналѣ „Русскій Вѣстникъ“ (1884 г. Ноябрь) статью: „Лица митрополита Филарета“. Его же перу принадлежатъ брошюры: „Дѣятельность Филарета, митрополита Московскаго, въ холеру 1830 г.“ и „Воссоединеніе униатовъ и Филаретъ митрополитъ Московскій“. Достопочтенный Андроніевскій о. архимандритъ Григорій много потрудился надъ изданіемъ въ журналѣ „Душеполезное Чтеніе“ резолюцій митрополита Филарета по епархіальнымъ дѣламъ и съ великимъ уваженіемъ къ памяти почившаго сообщилъ свои воспоминанія о немъ. Много статей о митрополитѣ Филаретѣ помѣщено было и въ другихъ духовныхъ журналахъ и епархіальныхъ вѣдомостяхъ. Появились цѣлыя системы, составленныя по твореніямъ митрополита Филарета, какъ напр., „Догматическое Богословіе“, составленное священникомъ Городцевымъ, „Государственное ученіе митрополита Филарета“, содержащее въ извѣстномъ порядкѣ выборъ глубокихъ мыслей объ этомъ предметѣ изъ проповѣдей и другихъ произведеній митрополита Филарета—изданіе одного изъ сотрудниковъ „Московскихъ Вѣдомостей“. Работа по изслѣдованію твореній митрополита Филарета продолжается и до сихъ поръ и ея хватитъ еще на многіе годы. Въ духовномъ журналѣ „Странникъ“ печатается „Нравственное Богословіе по сочиненіямъ Филарета, митрополита Московскаго“, свящ. Г. Выпеславцева. Издано очень много—до 10 томовъ—однихъ писемъ митрополита Филарета къ разнымъ лицамъ, весьма важныхъ для характеристики его времени и его самого. Редакція журнала „Русская Старина“ въ нѣсколькихъ книжкахъ за 1885-й—(іюнь, іюль, октябрь, декабрь) и за 1886-й—(май, августъ) годы сообщала не мало цѣнныхъ

матеріаловъ о личной дѣятельности митрополита Филарета. Однимъ словомъ матеріаловъ для изученія разныхъ сторонъ церковно-общественной жизни за время митрополита Филарета и біографическихъ даннхъ о немъ собрано значительное количество, но цѣльной біографіи его, заслуживающей этого названія, или хотя біографическаго очерка нѣсколькихъ лѣтъ его жизни еще до сихъ поръ не появилось. „Записокъ о жизни и времени святителя Филарета“, принадлежащихъ перу извѣстнаго Сущкова, нельзя назвать полной и цѣльной его біографіей ¹⁾, во 1-хъ, потому, что въ большей части онѣ составлены еще при жизни Московскаго святителя и изданы слишкомъ скоро—почти тотчасъ послѣ его кончины, и уже въ силу этого далеко не отличаются полнотою, во 2-хъ, самыя біографическія свѣдѣнія о митрополитѣ Филаретѣ изложены въ нихъ довольно сбивчиво, пестройно, несвязно — даже относительно хронологической послѣдовательности, не говоря уже о порядкѣ логическомъ. Онѣ имѣютъ значеніе не болѣе какъ сырого матеріала. Проявляя въ нихъ повсюду глубокое уваженіе, даже благоговѣніе къ памяти московскаго святителя, авторъ не мало трактуетъ въ нихъ также и о самомъ себѣ, о своемъ обращеніи на путь покаянія и вѣры при посредствѣ митрополита Филарета и рекомендованныхъ имъ духовныхъ руководителей. Самое цѣнное въ нихъ тамъ, гдѣ авторъ, пользовавшійся расположеніемъ и довѣріемъ Московскаго святителя, „передаетъ его живую рѣчь и говоритъ подъ живымъ впечатлѣніемъ его слова“; но во всякомъ случаѣ научнымъ требованіямъ отъ жизнеописанія такого дѣятеля, какимъ былъ митрополитъ Филаретъ, Записки Сущкова далеко не удовлетворяютъ.

Между тѣхъ настоятельная потребность въ такой именно біографіи митрополита Филарета заявляетъ о себѣ все болѣе и болѣе, и наступающее двадцатипятилѣтіе со дня его кончины напоминаетъ о ней все настойчивѣе и настойчивѣе. Такіе крупныя дѣятели, какимъ былъ митрополитъ Филаретъ, слишкомъ рѣдки и его вліяніе на всѣ стороны жизни его равно какъ и послѣдующаго, не исключая и нашего времени, было слиш-

¹⁾ И самъ авторъ не считаетъ ихъ таковою. См. предисловіе къ нимъ.

комъ велико, чтобы это духовное свѣтило могло потускнѣть въ нашемъ сознаніи, въ нашей памяти. Чѣмъ дальше, чѣмъ тверже, чѣмъ живѣе мы будемъ памятовать о тѣхъ, кто съ такою славою и честію для нашей церкви и для нашей родины руководилъ столь долгое время нашею духовною жизнью, тѣмъ нагляднѣе докажемъ, что мы заслуживали этихъ заботъ со стороны своихъ лучшихъ людей. Ихъ слава—наша слава; честь, воздаваемая имъ, есть свидѣтельство о нашей собственной духовной состоятельности. *Поминать наставниковъ, благоумившихъ насъ слово Божіе и, взирающе на скончаніе ихъ жителіево, подражать вѣрѣ ихъ* есть къ тому же и завѣтъ апостольскій (Евр. XIII, 7). „Поистинѣ“, говорится въ словѣ ¹⁾ на девятый день по кончинѣ митрополита Филарета, „лица всѣхъ званий найдутъ въ немъ добродѣтели, соотвѣтственныя ихъ состоянію, ибо онъ былъ *образомъ для вѣрныхъ словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, вѣрою, чистотою* (1 Тим. VI, 12).“

„Пастыри, имъ руководимые, слышали слово его, всегда растворенное солію благодати, испрошенной имъ отъ Бога, видѣли въ немъ всѣ добродѣтели, наипаче ихъ сану пристойныя: благоговѣйность, трезвеніе ума и тѣла, мудрое врачеваніе недуговъ душевныхъ, неусыпную заботливость о всѣхъ ввѣренныхъ ему безъ изъятія“.

„Мужи, облеченные начальственнымъ величіемъ и славою, видѣли въ немъ при величіи смиреніе и благопривѣтливость ко всѣмъ, въ отношеніи же къ подчиненнымъ ему—снисхожденіе къ немощамъ ихъ до послѣдней степени, при вѣншей видимой истинно отеческой строгости“.

„Мужи, надѣленные отъ Бога богатствомъ земнымъ, не могли не видѣть въ немъ достойнаго приставника небеснаго Домовладыки, употреблявшаго ввѣренныя ему блага на дѣла благотворенія“.

„Обязавшіеся строгими обѣтами иноки знаютъ его бодренность въ молитвѣ, воздержаніе, цѣломудріе, терпѣніе и среди самаго общества — пустынножитіе“. Наконецъ всѣ хрістіане

¹⁾ О. Ректора Вяземской семинаріи, архимандрита Сергіи (нынѣ преосвященный епископъ Могилевскій).

знаютъ его неизмѣнную любовь къ Господу Иисусу Христу и Его святой церкви, его непоколебимую преданность престолу и отечеству, точное исполненіе всякаго долга, возлагаемаго на него церковію и отечествомъ и вообще постоянное помышленіе его о томъ, *елика суть истина, елика честна, елика праведна, елика пречиста, елика прелюбезна, елика добродѣтельна, еще какъ добродѣтель и еще какъ похвала* (Фил. IV, 8)¹.

„Подражаніе добродѣтелямъ почившаго святителя по мѣрѣ дарованныхъ каждому силъ есть какъ наша обязанность, такъ и лучшая дань любви къ нему“.

Но чтобы имѣть возможность подражать добродѣтелямъ почившаго святителя, — надобно имѣть предъ собою возможно полное изображеніе его жизни и дѣяній. Поколѣніе, лично знавшее доблестнаго архипастыря, уже значительно рѣдѣетъ; потомки ждутъ начертанія живаго и цѣльнаго образа его въ письмени.

При этомъ невольно возникаетъ вопросъ: не должно ли послужить отчасти укоромъ для русской духовной науки и литературы то обстоятельство, что вышла уже въ свѣтъ біографія Московскаго митрополита Иннокентія ¹), а между тѣмъ настоящей біографіи его знаменитаго предшественника еще до сихъ поръ не появилось? А также — не говорить ли не въ пользу ихъ тотъ фактъ, что описанія жизни трехъ московскихъ митрополитовъ Платона, Филарета и Иннокентія, каковы бы они (т. е. описанія) ни были, составлены людьми свѣтскими ²), а не духовными или по крайней мѣрѣ принадлежащими къ духовному вѣдомству?

Намъ думается, оба эти обстоятельства можно удовлетворительно объяснить безъ ущерба для достоинства и чести русской духовной науки и литературы.

Во 1-хъ, приняться за біографію митрополита Иннокентія было гораздо легче, чѣмъ за біографію митрополита Филарета; потому, что жизнь первого не такъ сложна, не такъ разно-

¹) Иннокентій митрополитъ Московскій и Коломенскій — Плана Барсукова. Москва. 1883 г.

²) Сплетяевымъ, Сушковымъ и Барсуковымъ.

образна и—скажемъ по справедливости—не такъ богата вліяніемъ, какъ жизнь послѣднего. Во 2-хъ, люди свѣтскіе съ меньшею отвѣтственностію и съ большимъ дерзновеніемъ могли взяться за описаніе жизни знаменитыхъ московскихъ архипастырей, и требованія въ этомъ отношеніи могли быть предъявлены къ нимъ со стороны читающей публики иныя, чѣмъ къ лицамъ духовнымъ или принадлежащимъ къ духовному вѣдомству. Это понятно само собою и не требуетъ разъясненій. Самое почтеніе и уваженіе къ памяти доблестныхъ архипастырей, боязнь не сказать о нихъ слишкомъ малаго или наоборотъ излишняго могли и должны были удерживать духовныхъ писателей отъ всякаго поспѣшнаго и неосторожнаго шага въ этомъ отношеніи.

Что касается собственно біографіи митрополита Филарета, то затрудненія къ составленію ея заключаются отчасти въ недостаткѣ біографическихъ данныхъ, особенно относительно перваго, ранняго періода его жизни, зависѣвшемъ въ нѣкоторой степени отъ самаго митрополита Филарета. По глубокому, истинно христіанскому смиренію своему, какъ извѣстно, онъ отказывалъ въ сообщеніи біографическихъ данныхъ о себѣ лицамъ, просившимъ его о сообщеніи ихъ еще задолго до его кончины. Когда въ 1822 году извѣстный Грекъ просилъ у него матеріаловъ для его біографіи, онъ отвѣчалъ: „Настоящую біографію трудно написать рано, а еще труднѣе свою написать безпристрастно. Если вамъ угодно имѣть мою краткую біографію отъ меня: то вотъ она. Худо былъ учень; хуже учился; еще хуже пользуюсь тѣмъ, чему былъ учень и учился“¹⁾. Кромѣ того онъ былъ чрезвычайно остороженъ въ мысляхъ и словѣхъ, даже въ перепискѣ съ самыми близкими родными боялся довѣрять бумагѣ свѣдѣнія о личной своей жизни и имѣлъ обычай получаемаыя имъ письма тотчасъ по отвѣтѣ уничтожать²⁾ и иногда предавать огню свои собственныя уже написанныя вполнѣ³⁾ или наполовину⁴⁾. Такимъ обра-

¹⁾ Чтенія въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія, 1872 года, іюль, стр. 114.

²⁾ См. письмо къ родителю № 162.

³⁾ См. письмо къ род. № 75.

⁴⁾ См. письмо къ род. № 125.

зомъ погибло много данныхъ, которые могли имѣть цѣну для его біографіи. И изъ писемъ его къ роднымъ, уже отправленныхъ по назначенію, къ сожалѣнію, сохранились не всѣ ¹⁾).

Особенно цѣпны, по нашему мнѣнію, біографическія данныя, касающіяся перваго, ранняго періода жизни митрополита Филарета. Въ нихъ сокрытъ главный ключъ къ уразумѣнію его будущаго величія, въ нихъ заключаются главные указанія для освѣщенія того пути, какимъ онъ шелъ постепенно отъ силы въ силу, пока не сдѣлался великимъ свѣтиломъ церкви русской. Само собою разумѣется, что на такихъ людей, какъ митрополитъ Московскій Филаретъ, мы имѣемъ полное право смотрѣть, какъ на особыхъ избранниковъ, которыхъ посылаетъ Верховный Правитель міра для исполненія судебъ Своихъ сообразно съ требованіями времени (Сир. X, 4). Но безспорно также, что весьма важное значеніе въ жизни подобныхъ людей имѣютъ среда, обстановка и тѣ пособія, которыми они могли воспользоваться для развитія своихъ талантовъ и для подготовленія къ предназначенной имъ высокой миссіи. Апостолъ Павелъ былъ избранный сосудъ благодати, но и ему, какъ извѣстно, много помогло полученное имъ разностороннее образованіе въ наукахъ духовныхъ и внѣшнихъ.

Обладая нѣкоторыми данными о первомъ періодѣ жизни митрополита Филарета, доселѣ неизвѣстными, и тщательно собравъ уже извѣстныя, я, вполне сознавая важность ихъ для біографіи митрополита Филарета, рѣшился познакомить съ ними читателей его памяти. Прошу списходительно отнестись къ моей попыткѣ и, если что найдено будетъ не полнымъ или не точнымъ, не оставить меня соотвѣтственными указаніями. Всякое дѣльное замѣчаніе на этотъ счетъ будетъ принято мною съ искреннею благодарностію.

Авторъ.

¹⁾ Какъ это видно напр., изъ писемъ къ род. № 109-й.

Г Л А В А I.

Историческія свѣдѣнія о родинѣ митрополита Филарета — городѣ Коломнѣ. Мѣстоположеніе города. Значеніе Коломны въ прежнее время. Коломенская епархія и ея архіерей. Древнее благочестіе жителей Коломны.

Благословенной родиной митрополита Филарета былъ городъ Коломна,—находящійся въ ста верстахъ отъ Москвы, городъ древній, богатый преданіями и легендами какъ относительно имени и происхожденія его, такъ и относительно событій дальнѣйшаго его существованія.

Существуетъ нѣсколько сказаній и мнѣній относительно происхожденія названія города Коломны ¹⁾, но вѣроятнѣйшимъ должно считать мнѣніе, что городъ получилъ названіе отъ слова „коло“ около, означающаго рубежъ, предѣлъ,—данное для обозначенія города порубежнаго, пограничнаго, такъ какъ далѣе его къ Востоку слѣдовали инородческія селенія ²⁾.

Время основанія города Коломны въ точности неизвѣстно; но объ ней упоминается уже въ лѣтописяхъ въ 1176 году, какъ принадлежавшей Рязанскому княжеству. Съ 1307 года Коломна вошла въ составъ удѣловъ Московскаго княжества ³⁾.

Какъ въ порубежномъ городѣ здѣсь собирались походы русскихъ князей для отраженія нападений на Москву инородческихъ племенъ. Здѣсь святой преподобный Сергій благословилъ Димитрія Донскаго идти на Мамаѣ. По преданію въ Коломнѣ былъ и дворецъ Димитрія Донскаго, при дворцѣ церковь Вос-

¹⁾ Такъ есть народное преданіе, будто городъ названъ Коломною отъ того, что преподобный Сергій проходилъ нѣкогда чрезъ городъ и его прогнали «коломи», послѣ чего онъ напелъ себѣ убижище и близлежащемъ Голутвинѣ монастырѣ — преданіе неисторическое и само по себѣ грѣшащее анахронизмомъ, такъ какъ Коломна несомнѣнно существовала до меньшей мѣры двумя, а то и всѣми годами стами лѣтъ раньше времени преподобнаго Сергія. Есть еще преданіе, что городъ основанъ въ 1107 г. какимъ то италіанскимъ выходцемъ Карломъ Коломною и отъ его фамилии получилъ свое названіе. Вѣроятно на основаніи этого преданія данъ городу въслѣдствіи (императрицею Екатериною II) гербъ, представляющій собою Коломну. Этому преданію между прочимъ давалъ вѣру Карамзинъ, но оно слишкомъ искусственно, чтобъ быть правдоподобнымъ.

²⁾ Таково мнѣніе Н. П. Глиandro-Платонова. См. книгу его: «Изъ пережитаго».

³⁾ См. статью свящ. Н. Маркова «Коломенская епархія» въ Чт. Общ. Люб. Дух. Просвѣщ. 1888 г., № 8-й.

кресенія Христова, соединенная съ нимъ крытымъ переходомъ. Въ этой церкви будто бы онъ и вѣнчался съ княгиней Суздальской Евдокіей въ 1366 г. на 18-мъ году своей жизни въ 6-й годъ княженія.

На случай нападенія враговъ городъ имѣлъ укрѣпленія— сначала деревянныя, но при Василии Іоанновичѣ, сынѣ Іоанна III, городъ обнесенъ каменною стѣною съ нѣсколькими башнями. Поздѣе тамъ былъ дворецъ Іоанна IV, который лѣтомъ иногда жила въ немъ.

Въ продолженіе многолѣтней своей жизни городъ Коломна неоднократно подвергался нашествіямъ враговъ, не разъ выгоралъ и обстроивался вновь. Въ одной изъ башенъ Коломенскаго кремля укрывалась нѣсколько времени Марина Мнишекъ, бѣжавшая съ своимъ малолѣтнимъ сыномъ изъ Калуги послѣ убіенія тамъ въ 1610 г. Тушинскаго вора.

Въ настоящее время сохранилась только часть крѣпостной стѣны; уцѣлѣло также нѣсколько башенъ и одни ворота съ иконописью на нихъ и съ лампадой ¹⁾.

Мѣстоположеніе города нельзя не признать удобнымъ и довольно живописнымъ. Онъ расположенъ на Москвѣ—рѣкѣ, въ трехъ верстахъ впадающей въ Оку. Очень красивъ видъ со стороны Кремля на противоположную сторону Москвы—рѣки, гдѣ стоитъ Бобреневъ монастырь. Мѣсто при впаденіи Москвы—рѣки въ Оку также отличается живописностію. Здѣсь открывается широкая красивая панорама за-окской стороны, приналежащей къ Рязанской губерніи.

Благодаря своему удобному положенію вблизи двухъ судоходныхъ рѣкъ, рано сдѣлавшись сторожевымъ городомъ, Коломна вскорѣ приобрѣла немаловажное торговое (по торговлѣ хлѣбомъ, саломъ, гуртами скота) значеніе, а также сдѣлалась значительнымъ центромъ церковно-религіозной жизни. Въ городѣ съ давнихъ поръ находится около двадцати церквей, въ немъ и близъ него нѣсколько монастырей, изъ коихъ одинъ Старо-Голутвинъ сохраняетъ въ себѣ святыню — посохъ преподобнаго Сергія.

¹⁾ См. книгу Гиллрова-Платонова «Изъ Пережитаго».

Коломна въ прежнее время была городомъ епархіальнымъ, имѣла своихъ архіереевъ, именовавшихся Коломенскими и Каширскими (а потомъ Коломенскими и Тульскими), свою консисторію и семинарію. Начало учрежденія Коломенской епархіи, согласно заключеніямъ большей части историковъ, относится къ половинѣ XIV вѣка ¹⁾. Всѣхъ епископовъ коломенской епархіи за все время ея существованія было болѣе сорока. Изъ нихъ многіе извѣстны своими высокими достоинствами и участіемъ во многихъ важныхъ событіяхъ исторіи церкви и отечества ²⁾. Митрополитъ Филаретъ любилъ вспоминать о позднѣйшихъ Коломенскихъ архіереяхъ, преданіе о которыхъ еще свѣжо было въ Коломнѣ во время его дѣтства и юности. Такъ хорошую память оставилъ по себѣ въ Коломнѣ епископъ Θεодосій (Михайловскій), занимавшій Коломенскую кафедру въ семидесятыхъ годахъ прошедшаго столѣтія и отличавшійся любовью къ просвѣщенію и подвижническою жизнію. Преданіе о немъ говоритъ, что, при жизни отличаясь смирениемъ и прочими подвигами благочестія, онъ завѣщаль похоронить себя на паперти церковной, при входѣ въ нее, чтобы проходящіе попирали тѣло его. Составилось мнѣніе о немъ какъ о святомъ мужѣ. Двухъ послѣднихъ архипастырей отроковъ и юноша Дроздовъ, надобно думать, засталъ еще на Коломенской кафедрѣ. Съ особеннымъ уваженіемъ митрополитъ Филаретъ всегда отзывался о послѣднемъ ³⁾ Коломенскомъ архипастырѣ Меѳодіи (Смирновѣ), переведенномъ потомъ послѣдовательно въ Тулу, Тверь, Ярославль, Псковъ, гдѣ онъ и закончилъ свое святительское служеніе въ санѣ архіепископа и въ званіи Синодальнаго члена. Онъ славился большою ученостію и начитанностію, знаніемъ древнихъ языковъ, особенно латинскаго, и

¹⁾ Мнѣнія эти собраны въ статьѣ свящ. Н. Маркова. См. чт. въ Общ. Люб. Дух. Просв. 1888 г. № 8.

²⁾ См. тамъ же.

³⁾ Нѣкоторые, въ томъ числѣ С. К. Смирновъ (см. статью его «Учитель Троицкой семинаріи В. М. Дроздовъ» въ «Совр. Лѣт.» 1867 г. № 44) послѣднимъ Коломенскимъ епископомъ считают Аванасія (Иванова); но это не вѣрно: отъ былъ предпослѣднимъ Коломенскимъ епископомъ. См. ст. свящ. Н. Маркова «Коломенская епархія».

твердостію въ догматахъ церковныхъ. Имъ составлена была на латинскомъ языкѣ краткая церковная исторія первыхъ трехъ вѣковъ съ обширнымъ впрочемъ и основательно обработаннымъ введеніемъ ¹⁾. Извѣстно также сочиненіе его о Флорентійскомъ соборѣ ²⁾. Впослѣдствіи мы увидимъ, какъ ему придется авторитетнымъ словомъ своимъ защитить юнаго Филарета отъ обвиненій въ неправомыслии.

Подъ руководствомъ своихъ достойныхъ архипастырей богочраимая Коломенская паства достигла значительной высоты развитія въ ней духовно-религіозной жизни. Жители Коломны издревле отличались разнообразными христіанскими добродѣтелями. Самъ знаменитый уроженецъ Коломенскій, митрополитъ Филаретъ, восхваляетъ въ нихъ „и чистое исповѣданіе вѣры, ими содержимое и святыми ея таинствами въ нихъ запечатлѣваемое, и *древнее* благочестіе, плодоношеніемъ и добродѣляніемъ во святыхъ храмахъ и дѣлами человеколюбія, до нынѣ между нами свидѣтельствуемое ³⁾. Такова почва, на которой увидѣлъ свѣтъ будущій великій святитель московскій, такова среда, гдѣ онъ воспринималъ первыя жизненныя впечатлѣнія!

ГЛАВА II.

Предки митрополита Филарета по отцу и по матери. Его отецъ и мать. Рожденіе митрополита Филарета. Опредѣленіе его родителя на священническое мѣсто и переселеніе изъ дома тестя въ собственный домъ. Первоначальная жизнь его родителей на новомъ мѣстѣ и нѣкоторыя подробности объ устроеніи ихъ домашняго быта. Младенческая пора жизни будущаго митрополита Московскаго.

Переходя къ повѣствованію о непосредственныхъ виновникахъ бытія будущаго знаменитаго митрополита Московскаго, мы должны предварить, что предки его происходили всѣ изъ духовнаго званія, не были знамениты ни богатствомъ, ни славой. О немъ по всей справедливости можно сказать, что онъ носилъ свое родословное древо въ самомъ себѣ. Но, не

¹⁾ См. Сущикова «Записки о жизни и времени святителя Филарета» стр. 30.

²⁾ См. Знаменскаго «Руководство къ Русской Церк. ист.» стр. 529.

³⁾ См. слово митрополита Филарета въ недѣлю дванадесатую, при посѣщеніи города Коломны. Т. III, стр. 400.

будучи славны земнымъ величіемъ, родные его, какъ по отцу, такъ и по матери, отличались многими внутренними достоинствами. Его прапрадѣдъ по отцу, Игнатій Дроздовъ, былъ причетникомъ, но невысокое званіе церковное не помѣшало ему дать такое воспитаніе и направленіе своимъ сыновьямъ, что они достигаютъ священства. Изъ нихъ о Ѳеодорѣ Игнатьевичѣ (отецъ Михаила Ѳеодоровича и дѣдъ Василія Михайловича Дроздова) извѣстно по воспоминаніямъ внука, что, прослуживъ нѣкоторое время съ честію въ должности приходскаго священника ¹⁾, и будучи еще не старъ и пользуясь добрымъ здоровьемъ, сдалъ свой приходъ своему старшему сыну, съ благимъ намѣреніемъ въ мірѣ отдѣлиться отъ міра. Онъ удалился отъ всѣхъ родныхъ и знакомыхъ, повелъ жизнь уединенную, отшельническую, въ постѣ и молитвѣ, рѣдко выходилъ изъ своего домика; видали его только въ церкви. Не имѣя, по скудости, часовъ, онъ опредѣлялъ время келейной молитвы своей (3 раза въ день) горѣніемъ церковной восковой свѣчки ²⁾. Скончался 1799 г. іюня 3-го числа въ самую полночь въ Воскресенье 73 лѣтъ ³⁾.

Другой его дѣдъ, по матери, Никита Аванасьевичъ былъ сначала священникомъ, а потомъ протоіереемъ Богоявленской, въ Коломнѣ, церкви. Не будучи, повидимому, особенно свѣдущимъ въ наукахъ, онъ отличался благоговѣйнымъ и ревностнымъ служеніемъ церкви, что проявилъ между прочимъ въ томъ, что, заботясь о вразумленіи старообрядцевъ, составлялъ выписки изъ разныхъ рукописей и книгъ съ цѣлію опроверженія ихъ заблужденій и обращенія ихъ на путь истины ⁴⁾.

Супруга его Домника Прокопьевна также отличалась своимъ благочестіемъ и была примѣрной хозяйкой, умѣвшей ве-

¹⁾ Сущковъ, составитель «Записокъ о жизни и времени митрополита Филарета», говоря, что дѣдъ его по отцу былъ протоіереемъ Богоявленской, въ Коломнѣ, церкви, по всей вѣроятности, смѣшиваетъ его съ дѣдомъ по матери, который былъ дѣйствительно протоіереемъ означенной церкви. См. стр. 28.

²⁾ См. Сущкова «Записки» стр. 28--29.

³⁾ Такъ гласитъ записанъ книжка отца митрополита Филарета.

⁴⁾ См. Письмо митрополита Филарета къ роднымъ № 193.

сти домоводство по старинѣ, каковое умѣнье вмѣстѣ съ прочими добрыми качествами передала и дочери своей—матери будущаго московскаго владыки.

Родитель Василя Михайловича Дроздова, Михаилъ Θεодоровичъ, проведя восемь лѣтъ ученья въ Коломенской семинаріи ¹⁾, по окончаніи курса въ оной, опредѣленъ былъ въ 1780 г. октября 15 учителемъ той же семинаріи на заправную аналогію и инфиму, а въ 1781 году сентября 1 числа переведенъ на синтаксиму и грамматику. Въ слѣдующемъ (1782) году, 10 генваря, будучи еще очень юнымъ, онъ женился и того же года февраля 6 числа посвященъ въ діакона Коломенскаго кафедральнаго собора съ сохраненіемъ должности учителя семинаріи ²⁾.

Родительница Василя Михайловича Дроздова Евдокія Никитична вышла замужъ также въ очень юныхъ лѣтахъ, когда ей еще не было и 16-лѣтъ.

Первое время молодой діаконъ Коломенскаго собора и учитель семинаріи Михаилъ Θεодоровичъ не имѣлъ собственнаго дома и жилъ у своего тестя, священника Богоявленской церкви. Здѣсь родился и первый его сынъ, нареченный въ честь св. Василя Великаго Василемъ, въ послѣдствіи Филаретъ митрополитъ Московскій, 1782 г. съ 25 числа декабря на 26-е въ 5-мъ часу пополудни ³⁾. Крещеніе младенца было совершено въ Богоявленской церкви 1 января 1783 года. Восприемникомъ былъ соборный ключарь Петръ Васильевъ, восприемницей—бабушка его по матери, жена іерея Никиты Афанасьева, Домника Прокопіева ⁴⁾.

¹⁾ Въ записной книжкѣ его сказано: 1772 года марта 9-го числа взятъ въ школу, того же года сентября 3 числа переведенъ въ аналогію, 1773 года генваря 1 переведенъ въ инфиму, того жъ года сентября 5 дни переведенъ въ грамматику, 1774 года переведенъ въ синтаксиму генваря 10 числа, того же года сентября 1 числа переведенъ въ риторику; риторику съ краткою поэзіею слушалъ три года; философію — два, богословію семь мѣсяцевъ; богословію окончилъ 1780 г., апрѣля 8 дни.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Такъ опредѣлено время рожденія митрополита Филарета въ записной книжкѣ его отца.

⁴⁾ См. метрич. книгу Коломенской Богоявленской церкви за 1782 годъ. Декабрь, № 19, число 26.

По словамъ матери этотъ благословенный сынъ ея родился двумя недѣлями ранѣе, чѣмъ слѣдовало. Причиной преждевременнаго рожденія сына было слѣдующее обстоятельство. Приближался праздникъ Рождества Христова. Тесть и зять, жившіе, какъ сказано, вмѣстѣ въ одномъ домѣ, отправились на рынокъ, чтобы, по старинному обычаю, закупить провизіи на двѣ праздничныя недѣли, поручивъ женской половинѣ разобрать и очистить чуланъ для помѣщенія покупки. Работа эта была исполнена главнымъ образомъ молодою невесткою въ послѣднемъ періодѣ беременности. Нужно было выносить, переставлять вещи довольно тяжелыя, мести, чистить на морозномъ воздухѣ. Получилось крайнее утомленіе силъ и сильнѣйшая простуда, вслѣдствіе которыхъ и послѣдовали преждевременные роды. Послѣ рожденія первенца мать дѣйствительно нѣкоторое время была тяжело больна, ее изнуряла лихорадка, и одно время думали даже, что у ней чахотка; собственнаго молока для кормленія сына было недостаточно, и молодая мать должна была въ прибавленіе къ собственному кормить его коровьимъ молокомъ. Это обстоятельство было причиной не малой скорби для матери. Навѣщавшія ее сосѣдки и знакомыя рѣзко осуждали ее за дополнительную пищу для сына и даже смѣялись надъ нею, говоря, что сынъ ея, вскормленный скотскимъ молокомъ, будетъ дуракомъ. Вспоминая впослѣдствіи, когда умъ ея сына удивлялъ всю Россію, объ этомъ предсказаніи Коломенскихъ кумушекъ, счастливая мать, дожившая до такой славы своего сына, умиленно радовалась и благодарила Бога за устроеніе его судьбы.

Въ должности соборнаго діакона, проживая въ домѣ тестя, отецъ Василій Дроздовъ прослужилъ только одинъ годъ: затѣмъ онъ опредѣляется на мѣсто священника Троицкой церкви въ Коломнѣ, что въ Ямской Слободѣ, — 6 февраля 1783 г. покупаетъ тамъ домъ „за сто тринадцать рублей“, того же года февраля 19 посвящается во іерея, а 27 февраля переходитъ на житѣе въ купленный домъ ¹⁾.

¹⁾ Числа эти означены въ записной книжкѣ отца митрополита Физарета.

Поселившись въ такомъ, суди по цѣнѣ, далеко не роскошномъ жилищѣ, родители Василия Дроздова не малое время должны были упражняться въ школѣ терпѣнія и кротости. Какъ матеріальное, такъ и нравственное положеніе ихъ на новомъ мѣстѣ было довольно тяжелое. Они должны были переносить нерасположеніе къ себѣ прихожанъ, такъ какъ новое мѣсто было занято Троицкимъ іереемъ вопреки желанію прихожанъ, имѣвшихъ въ виду другаго кандидата и давно хлопотавшихъ о его назначеніи. Нерасположеніе прихожанъ выражалось въ холодности отношеній къ новому пастырю, въ сокращеніи до самыхъ ничтожныхъ размѣровъ даяній за требы. Только въ послѣдствіи примѣрное исполненіе Троицкимъ іереемъ своихъ обязанностей, въ соединеніи съ должными духовными качествами его и его супруги, сломили предубѣжденіе прихожанъ, и они стали усердно заботиться объ ихъ благосостояніи, стараясь всемѣрно загладить свою прежнюю вину предъ ними ¹⁾. Записная книжка Троицкаго іерея Михаила Дроздова, въ которую, кромѣ фамиліальныхъ свѣдѣній, записаны были и разныя хозяйственныя замѣтки, свидѣтельствуетъ, что нѣкоторыя домашнія вещи были не только приобрѣтены покупкою, но и принесены въ даръ отъ прихожанъ.

По переходѣ на новое мѣсто супруги Дроздовы довольно долгое время обзаводятся предметами самой первой необходимости. Молодой іерей, суди по записной его книжкѣ, заявляетъ себя заботливымъ хозяиномъ, умѣвшимъ домъ свой добръ править, но вмѣстѣ съ тѣмъ изъ нея видно, что не одни только матеріальныя интересы занимаютъ его вниманіе, но главнымъ образомъ духовныя. Какъ настоятель Троицкой церкви онъ находитъ нужнымъ имѣть въ своемъ домѣ образъ св. Троицы, за написаніе котораго уплачиваетъ живописцу 15-ть рублей, да за доску, на которой писанъ образъ, 80 к. Какъ усердный вѣрноподданный и патріотъ приобрѣтаетъ десять портретовъ „Владѣющей фамиліи (т. е. Особъ Царствующаго Дома)“ цѣною за шесть рублей. Какъ человѣкъ, получившій

¹⁾ См. Сушкова «Записки о жизни и времени митр. Филарета». Стр. 30 и приложение къ нимъ № XVII

довольно значительное по тому времени образованіе и состояній въ должности учителя семинаріи онъ озабоченъ составленіемъ домашней библіотеки, которая потомъ достигаетъ довольно значительныхъ размѣровъ ¹⁾. Изъ случайныхъ упоминаній о ней впослѣдствіи самаго митрополита Филарета видно, что среди составлявшихъ ее книгъ есть и письма Плинія, и руководство по философіи Винклера, и сочиненія—должно быть богословскія—какого-то іезуита. Все это—пища, которою впослѣдствіи усердно и съ пользою будетъ питаться первенецъ—сынъ, но теперь покуда всѣ заботы родителей его обращены еще на его физическое воспитаніе.

Когда родители Дроздовы переселились въ собственный домъ, ихъ первенцу—сыну исполнилось два мѣсяца жизни. Вслѣдствіе преждевременнаго рожденія и болѣзни матери во время рожденія и вскармливанія младенца, онъ былъ вообще не крѣпкаго тѣлосложенія и во всю послѣдующую свою долгую жизнь, какъ извѣстно, не пользовался хорошимъ здоровьемъ. Будучи дитятей, онъ плохо спалъ по ночамъ и, если засыпалъ, то всегда просыпался очень рано—до заутрени. Бывало отецъ, отслуживши утрению и обѣдню, придетъ домой, подойдетъ къ колыбели сына и скажетъ ему. „Голубъ ты мой бессонный, что ты не спишь?“ Вѣроятно говорилось это очень часто, такъ что первое слово, которое онъ выучился говорить, было слово: *Голубъ*.

ГЛАВА III.

Дѣтство В. М. Дроздова. Вліяніе на него дѣда и бабки по матери. Дѣтскія игры и развлеченія.

Первые годы дѣтства, по вскармленіи молокомъ матери, проведены были В. М. Дроздовымъ большею частію въ домъ его дѣдушки по матери священника Богоявленской церкви Никиты Афанасьевича и бабушки Домники Прокопѣвны, гдѣ онъ и родился. Если судить по письмамъ къ нимъ уже взрослому и даже достигшаго славы Филарета, вліяніе ихъ на него

¹⁾ См. Письмо митроп. Филарета къ род. № 200-й.

въ самомъ нѣжномъ возрастѣ, когда душа бываетъ особенно воспріимчива для впечатлѣній, было велико и благотворно. Это были люди простые, съ самымъ искреннимъ благочестіемъ. Больше времени и удобствъ для ухода за внукомъ, конечно, имѣла бабушка. тѣмъ болѣе, что она была и крестною его матерью, и нужно думать, что даровитый и впечатлительный мальчикъ съ такимъ же усердіемъ внималъ ея урокамъ, какъ нѣкогда св. Василій Великій—урокамъ бабки своей Макрины. По рассказамъ родныхъ извѣстно, что маленькій Дроздовъ постоянно ходилъ съ бабушкой въ храмъ къ церковнымъ службамъ, живо подмѣчалъ при этомъ всѣ подробности богослуженія, плѣнялся его благолѣпіемъ и красотою, оставаясь непремѣнно въ церкви до самаго конца церковныхъ службъ. Рассказываютъ, что, замѣчая, какъ при окончаніи богослуженія спускали съ высоты свѣщникъ, такъ называемый спускъ, для погашенія горѣвшихъ на немъ свѣчей, и потомъ снова поднимали его, при чемъ отъ погашенныхъ свѣчей исходитъ дымъ (копотъ), мальчикъ говорилъ бабушкѣ: „смотри, молятва къ Богу полетѣла“¹⁾. Когда приходили отецъ съ матерью, чтобы навѣстить своего сына, онъ всегда былъ очень радъ ихъ видѣть, по-дѣтски ласкался къ нимъ, но, когда наступало время имъ уходить и они предлагали ему идти съ ними домой, у него на глазахъ обыкновенно навертывались слезы, и онъ говорилъ: „я пошелъ бы съ вами, но мнѣ жаль оставить однихъ дѣдушку и бабушку; я пойду проводить васъ до уголочка“, провожалъ и потомъ просилъ позволенія снова возвратиться подъ дѣдушкинъ кровъ.

Имѣя всегда предъ глазами пожилыхъ дѣдушку и бабушку, наблюдая ихъ степенный видъ и скромный образъ жизни, мальчикъ самъ легко поддавался подражанію имъ, незамѣтно отяп-

¹⁾ Въ запискѣ преосвященнаго Леониды, епископа Дмитровскаго, приложенной къ книгѣ Сушкова, говорится, что мальчикъ Дроздовъ ходилъ въ церковь съ матерью и къ ней обращался съ своимъ замѣчаніемъ на счетъ спуска и подниманія свѣщника. Болѣе вѣроятно, что все это происходило въ присутствіи бабушки: у матери его послѣ него было очень много дѣтей и ей не было времени часто ходить къ церковной службѣ; къ тому же „мамой“ мальчикъ могъ называть и бабушку, такъ какъ она была его крестною матерью.

вался въ ту же форму, усвоивъ печать не дѣтской солидности, медлительности въ движеніяхъ, серьезности и разсудительности. Любимыми играми и развлеченіями его въ раннемъ дѣтствѣ были: одѣяніе себя въ одежды, подобныя священническимъ, и подражаніе священнодѣйствію. Возьметъ бывало, разсказывають родные, платочекъ, завяжетъ себѣ его около шеи и начинаетъ пѣть что либо или протяжно произносить; для подражанія кажденію привяжетъ какую либо тяжесть къ веревочкѣ и начинаетъ поводить ею взадъ и впередъ; бывало также, что, сидя на печкѣ, дѣлаетъ крестики изъ лучинокъ. Какъ извѣстно, преданіе сообщаетъ нѣчто подобное и о дѣтствѣ св. Аѳанасія Великаго. Само собою разумѣется, что занятіе этими играми, такъ сказать, религіознаго характера не исключало и другихъ забавъ и развлеченій, свойственныхъ дѣтскому возрасту. По разсказамъ мѣстныхъ жителей онъ игрывалъ съ сверстниками въ простыя дѣтскія игры, но немного, и изъ товарищей любилъ тѣхъ, которые охотно ему повиновались, или по кротости или по сознанію его превосходства¹⁾.

ГЛАВА IV.

Отрочество В. М. Дроздова. Обученіе его грамотѣ и первоначальный его духовный складъ, Поступленіе въ Коломенскую семинарію. Свѣдѣнія о Коломенской семинаріи. Курсы преподававшихся въ ней наукъ. Наставники. Успѣхи и поведеніе Дроздова. Закрытіе Коломенской семинаріи. Общее сужденіе о значеніи впечатлѣній Коломны для юнаго Дроздова.

Съ наступленіемъ отрочества, когда нужно было учить мальчика грамотѣ, онъ оставляетъ кровъ своего дѣдушки и переселяется въ домъ родителей. Безъ сомнѣнія онъ часто и теперь еще гоститъ тамъ, гдѣ родился и провелъ свое дѣтство.

Можно думать, что обученіе грамотѣ не представляло большаго труда для даровитаго и прилежнаго отрока.

О духовномъ состояніи его за это время даетъ нѣкоторое понятіе видѣнный имъ тогда сонъ, которому онъ самъ послѣ, будучи уже митрополитомъ, придавалъ значеніе, а біографъ его Сущковъ представилъ извѣстное объясненіе. Вотъ раз-

¹⁾ См. Записку преосвященнаго Леониды, епископа Дмитровскаго, приложенную къ книгѣ Сущкова подъ № XVII.

сказъ о немъ преосвященнаго Леонидѣ, епископа Дмитровскаго, со словъ владыки митрополита, впрочемъ, какъ признается преосвященный Леонидъ, не точно удержанныхъ въ его (преосвященнаго Леонидѣ) памяти. „Владыка разсказывалъ: мнѣ было лѣтъ 8, когда я видѣлъ сонъ, сохранившійся донынѣ въ моей памяти. Троицкая церковь, при которой батюшка былъ священникомъ, стояла на краю города, посреди площадки. Одна сторона площадки занята была домами причта: нашъ домъ, за нимъ дома діакона, причетниковъ, далѣе оврагъ, за оврагомъ поля. Весною оврагъ наполнялся водою, а лѣтомъ вода видна была лишь кое-гдѣ въ лощинкахъ. Я любилъ ходить по оврагу, потому что въ немъ были свѣтлыя камушки и я собиралъ ихъ. Вотъ и снится мнѣ, что я иду по оврагу и по мѣрѣ того, какъ иду, берега его становятся все выше и выше, круче и круче, а русло все уже и уже. Мною овладѣваетъ страхъ, хочется выйти, но не могу. Вдругъ вижу лѣстницу, приставленную къ крутизнѣ берега, и тотчасъ начинаю по ней подниматься; поднимаюсь, а подъ лѣстницею благовъстать въ большой колоколъ. Удары колокола приводятъ меня въ новый страхъ; но я продолжаю всходить. Взошелъ: передо мною избушка. Вхожу, въ ней люди, спрашиваю: «какъ бы мнѣ выйти къ дому». — «Зачѣмъ тебѣ? Мнѣ нужно домой». — «Мы тебя не пустимъ. Почему?» — «Потому что мы хотимъ тебя убить. Отъ чрезвычайнаго страха я проснулся». Въ этомъ снѣ дано было, по объясненію Сушкова, какъ бы предуказаніе всей будущей судьбы благовословеннаго отрока ¹⁾). Невольно припоминается при этомъ подобный же сонъ, видѣнный въ отрочествѣ св. Кирилломъ, первоучителемъ славянскимъ!

20 декабря 1791 года, когда отроку Дроздову исполнилось 9 лѣтъ, онъ отданъ былъ учиться въ Коломенскую семинарію.

Семинарія была учреждена въ Коломнѣ въ 1739 году, при епископѣ Кипріанѣ (Скрипицынѣ), бывшемъ ассессоромъ Свят. Синода, но до 1771 года, ученіе въ ней оканчивалось рето-

¹⁾ См. Сушкова «Записки о жизни и времени м. Филарета» стр. 68 и приложеніе къ нимъ № XVII.

рикой, а въ этомъ году епископъ Θεодосій ввелъ преподаваніе философіи; въ слѣдующемъ году открытъ былъ и богословскій классъ, въ которомъ началъ преподавать извѣстный Іоакимъ Карпинскій, бывшій ректоромъ семинаріи. Насколько Коломенская семинарія удовлетворяла своему назначенію, въ точности неизвѣстно; но если судить по недавнему существованію ея въ Коломиѣ и скудости отпускавшихся на содержаніе ея средствъ (казеннаго жалованья на семинарію положено было съ 1765 г. 816 рублей 93³/₄ копѣйки въ годъ, — съ 1784 г. положено было отпускать въ годъ 2000 рублей ¹), но нельзя думать, чтобы она была въ состояніи развивать особенно просвѣтительную дѣятельность. Она вѣроятно не отличалась отъ прочихъ довольно жалкихъ русскихъ духовныхъ школъ XVIII вѣка, за исключеніемъ развѣ Кіевской школы, Славяно-Греко-Латинской Академіи и Троицкой Лаврской семинаріи. Методъ преподаванія наукъ былъ общепринятый схоластическій; лекціи читались на латинскомъ языкѣ; учителя едва ли всѣ были достаточно подготовлены къ своему дѣлу.

Въ Коломенской семинаріи Дроздовъ учился латинской грамматикѣ, поэзіи, риторикѣ, всеобщей исторіи, философіи, философской и естественной исторіи. Въ семинарской вѣдомости о немъ, когда онъ былъ студентомъ философіи, отмѣчено: „дарованій, привлежаній, успѣховъ похвальныхъ“ ²). Незадолго (въ 1799 г.) до закрытія Коломенской семинаріи служебный персоналъ въ ней былъ слѣдующій: Префектомъ былъ протоіерей Іоаннъ Покровскій, учителями: риторическаго и пѣвческаго класса—протоіерей Василій Протопоповъ, вышшаго грамматическаго класса—Никифоръ Четрековскій, низшаго грамматическаго класса—инодіаконъ Петръ Тріадскій, информаторомъ студентъ Богословія Иродіонъ Сергіевскій, письменнаго класса студентъ Богословія Теофілактъ Хитровъ ³). Свѣдѣній объ ихъ преподавательской дѣятельности,

¹) См. статью смлщ. Н. Маркова «Коломенская епархія», въ чт. общ. Люб. Дух. Просв. 1888 г., августъ, стр. 226.

²) См. справку при дѣлахъ архива Троицкой Лаврской семинаріи за 1808 г. № 50.

³) См. статью С. К. Смирнова «Учитель Троицкой семинаріи В. Д. Дроздовъ» «Соврем. Лѣтописи», 1867 г., № 44-й.

къ сожалѣнію, не сохранилось, во объ одномъ изъ нихъ, именно объ учителѣ философіи (не былъ ли имъ самъ префектъ?) митрополитъ Филаретъ въ воспоминаніяхъ своихъ отзывается какъ о человѣкѣ недостаточно компетентномъ, „котораго скудость могъ постигнуть и ученикъ даровитѣй“¹⁾. Къ счастью ученикъ, о которомъ у насъ идетъ рѣчь, благодаря природнымъ дарованіямъ, прилежанію, а также и библіотекѣ своего отца, могъ безъ ущерба для себя самостоятельно дополнять тѣ скудныя познанія, которыя сообщались въ философскомъ клас-сѣ. Онъ тщательно просматривалъ книги своего отца и среди нихъ нашелъ руководство по философіи Винклера, знакомство съ которымъ, какъ увидимъ, окажетъ ему впоследствіи значительную услугу въ положеніи довольно затруднительномъ.

Какъ успѣхи въ наукахъ, такъ и поведеніе сына могли только радовать его родителей. Рано пробудившееся въ немъ религіозно-молитвенное направленіе продолжаетъ развиваться и укрѣпляться. Онъ такъ же, какъ и въ дѣтствѣ, часто ходитъ въ церковь, такъ же искренно предается святымъ впечатлѣніямъ богослуженія съ тою только разницею, что глубже проникаетъ въ его смыслъ. Такъ, будучи 12—13 лѣтъ, онъ приходитъ въ церковь къ послѣдней предѣ Великимъ постомъ вечернѣ и слышитъ прокименъ: „не отврати лица Твоего отъ отрока Твоего“; слова эти производятъ на него сильное и неизгладимое впечатлѣніе; онъ примѣняетъ ихъ къ себѣ и отъ всего сердца испрашиваетъ себѣ благоволенія у Отца свѣтовъ²⁾. И Господь не отказывается въ Своихъ дарахъ молящемуся юношѣ, видимо благословляя его дальнѣйшее преуспѣяніе! Скудное образованіе, получаемое имъ въ Коломенской семинаріи, нескучно пополняется самообразованіемъ подъ руководствомъ отца, при существованіи книжныхъ пособій, которыхъ лишено было большинство Коломенскихъ се-

¹⁾ См. статью «Изъ воспоминаній Филарета М. М.» въ «Правосл. обозр.» 1868 года.

²⁾ Преданіе это сообщаетъ Сужковъ (см. стр. 68) по слову преосвщ. Леониды, слышавшаго о немъ въ Коложнѣ.

минаристовъ. Но при всемъ умственномъ превосходствѣ надъ своими товарищами онъ какъ благовоспитанный юноша отличался скромностію, почтительностію къ старшимъ и добрымъ отношеніемъ къ товарищамъ. По самому вѣншнему виду, прилично одѣтый во фризовой сюртукъ, онъ рѣзко отличается отъ прочихъ своихъ сверстниковъ по семинаріи ¹⁾.

Въ 1799 году, въ одно время съ упраздненіемъ Коломенской епархіи, закрыта была и Коломенская семинарія. Съ соизволенія высшаго духовнаго начальства, бывшимъ ученикамъ ея, для окончанія образованія, предоставлено было право поступать въ духовно-учебныя заведенія московской епархіи, какъ-то: въ славяно-греко-латинскую академію, въ Троицкую и Перервинскую семинаріи ²⁾.

Прежде чѣмъ сказать, куда направить путь свой юный Дроздовъ, не лишнимъ будетъ подвести итогъ тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя могла оставить въ немъ Коломна. Не обильны свѣдѣнія о самомъ раннемъ періодѣ его жизни, но и они даютъ полное основаніе заключить, что первоначальныя условія для развитія богатыхъ духовныхъ дарованій его были вполне благопріятны. Не одна семья вліяетъ на его первоначальное развитіе, а цѣлыхъ двѣ и притомъ обѣ достойныя и въ разныхъ отношеніяхъ способныя посѣять въ юную душу добрыя сѣмена. Не простое захолустное мѣсто—его родина, а древній городъ съ немаловажнымъ значеніемъ, полный преданій и легендъ, пережившій много историческихъ событій. Какое значеніе все это могло имѣть для воспитанія ребенка съ богатыми духовными задатками, это понятно для каждаго. „Мать, бабушка—живыя носительницы преданій, а легенды—кодексъ христіанской нравственности въ поэтической формѣ“, справедливо говорятъ въ своихъ воспоминаніяхъ даровитый уроженецъ той же Коломны Гиларовъ-Платоновъ. Мы знаемъ въ общихъ чертахъ, каковы были отецъ и мать, дѣдушка и бабушка знаменитаго митрополита Московскаго. Вліянію ихъ, какъ видно изъ его къ

¹⁾ См. Книгу Гиларова-Платонова „Изъ пережитаго“, стр. 42.

²⁾ См. резолюцію митрополита Платона по случаю закрытія Коломенской семинаріи на представленной ему вѣдомости объ ученикахъ этой семинаріи.

нимъ писемъ, онъ самъ придаетъ особое значеніе для всей своей жизни. Сердце даровитаго дитяти рано могло навикнуть ощущать и цѣнить проявленія родственной любви, со всѣхъ сторонъ окружавшей его, воображеніе могло обильно питаться благочестивыми разсказами, память упражняться въ сохраненіи ихъ, умъ пріучаться къ воспріятію свѣдѣній, которыхъ такъ много могла представлять вся обстановка его дѣтства. Родитель его по своему времени былъ человѣкъ достаточно образованный, отличный знатокъ латинскаго языка ¹⁾, навикшій учить другихъ и слѣдовательно имѣвшій полную возможность поставить какъ должно первоначальное обученіе своего собственнаго первенца сына. Къ удовлетворенію возбужденной любознательности даровитаго сына могла служить довольно значительная отцовская библіотека. Вообще вліяніе отца на духовное развитіе сына было такъ велико, что впослѣдствіи въ самый рѣшительный періодъ жизни, послѣ принятія монашества, благодарный сынъ горячо заявляетъ, что обязанъ своему отцу болѣе, чѣмъ жизнью ²⁾. Родительница митрополита Филарета, даже по отзыву лицъ, не всегда почтительно относившихся къ памяти его и его родителей была женщина умная ³⁾ и слѣдовательно не только не препятствовала усвоенію добрыхъ отцовскихъ уроковъ, но и сама много способствовала правильному его развитію. Не можемъ не привести здѣсь отзыва о первоначальномъ воспитаніи будущаго святителя московскаго изъ слова, произнесеннаго предъ отпѣваніемъ его достопочтеннымъ о. ректоромъ Московской Духовной Академіи, протоіереемъ А. В. Горскимъ. «Прекрасный залогъ будущей свѣтлой дѣятельности вынесъ почившій архипастырь изъ домашняго воспитанія: это — чистое, цѣломудренное, духомъ искренняго благочестія проникнутое сердце. Вотъ почему

¹⁾ Особенное знаніе о. Михаиломъ Федоровичемъ латинскаго языка проявилось при ревизіи Коломенскаго училища, смотрителемъ котораго онъ былъ, произведенный преосвященнымъ Августинѣмъ викаріемъ Московскимъ въ 1811 году см. Книгу Гилірова-Платонова «Изъ Пережитаго» стр. 70.

²⁾ См. письмо къ род. № 100.

³⁾ См. отзывъ о ней въ книгѣ Гилірова-Платонова «Изъ Пережитаго» стр. 75—76.

доброе семейство благочестиваго служителя алтаря Господня всегда почиталъ онъ незамѣнимой школой для посвящающихъ себя духовному служенію. Какъ и въ нѣкоторыхъ примѣрахъ древнихъ великихъ пастырей церкви: св. Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго, видно и здѣсь особенное вліяніе доброй, христіански-благочестивой и свѣтлымъ умомъ одаренной матери на юнаго сына. Прочіе родные всѣ вмѣстѣ и каждый отдѣльно также привнесли добрый вкладъ въ сокровищницу его духа. Самый родной городъ былъ полонъ матеріаловъ и поводовъ для возбужденія любознательности богато одареннаго отрока. Стоя на границѣ между Московскою и Рязанскою губерніями, бывшій одно время въ церковномъ и административномъ общеніи съ Тулою, онъ, представляя не мало поводовъ къ ознакомленію юнаго питомца наукъ съ топографіей и географіей родной земли, съ дѣленіемъ ея на административныя единицы, съ этнографическими особенностями обитателей сосѣднихъ мѣстностей, съ важными историческими событіями, которыми онъ ознаменованы, не могъ не быть безмолвнымъ учителемъ, не могъ не заронить въ воспримчивую душу своего уроженца самыхъ разностороннихъ свѣдѣній и впечатлѣній. Кто знаетъ, не найдемъ ли мы объясненія въ первоначальномъ воспитаніи и для многихъ необычныхъ выдающихся особенностей, добродѣтелей и заслугъ будущаго Московскаго митрополита? Не была ли заронена рано въ душу его искра стремленія къ аскетической подвижнической жизни примѣромъ прадѣда его по отцу и рассказами о подвигахъ Коломенскаго епископа Θεодосія? Отличавшая его приверженность къ созерцательному мистическому направленію не беретъ ли начало изъ рассказовъ бабушки и матери о разныхъ чудесныхъ событіяхъ и изъ посившихся въ Коломенскомъ воздухѣ благочестивыхъ легендъ? Самая беззавѣтная и безграничная преданность и любовь его къ Государю и ко всему царствующему дому, которой, какъ извѣстно, ввѣрена была потомъ важнѣйшая тайна престолонаслѣдія, не имѣетъ ли корня въ подобной же любви и преданности его родителей и въ постоянномъ созерцаніи съ самаго ранняго дѣтства тѣхъ десяти портретовъ «Владѣю-

пей Фамиліи», которые, какъ мы видѣли, были приобрѣтены его отцомъ еще на первыхъ порахъ его священнической жизни? Кто изъ насъ по собственному опыту не знаетъ, что изъ пережитыхъ въ дѣтствѣ и юности впечатлѣній зарождаются идеалы, которые потомъ каждый во всю послѣдующую жизнь носить въ себѣ. слагаются первыя наши представленія о правдѣ ея и неправдѣ, которые потомъ, путемъ образованія будучи возведены на степень убѣжденій, становятся руководящими принципами всей нашей дѣятельности? Во всякомъ случаѣ сумма впечатлѣній, полученныхъ въ Коломнѣ дѣтятей, отрокомъ и юношей Дроздовымъ, была велика и вліяніе ихъ на него было весьма благотворно. Недаромъ онъ съ такою благодарностію воспоминаетъ впоследствии свои первыя Коломенскія ощущенія. Вотъ что говоритъ онъ въ словѣ своемъ на недѣлю всѣхъ святыхъ, произнесенномъ въ Коломенскомъ Успенскомъ Соборѣ въ 1822 году 28 мая: „По неповѣдимымъ судьбамъ Божиимъ, видя себя вновь посреди сего града, въ которомъ суждено было мнѣ въ первый разъ увидѣть свѣтъ, и отъ котораго теченіемъ происшествій увлеченъ я былъ, такъ что никогда уже видѣть его не чаялъ,—сверхъ чаянія, вновь находясь посреди братій и ближнихъ, въ сообществѣ которыхъ получалъ первыя пріятныя ощущенія жизни, — желалъ бы я совершенно предаться свѣдному влеченію любви къ отчизнѣ,—любви, по которой, какъ изъясняется пѣктомъ изъ Іерусалимлянъ, дѣти Іерусалима *благоволиша каменею его, и персть его ущедрятъ* (Псал. СL, 15), то есть самые камни отечественнаго града имъ любезны, мелъ даже прахъ путей его. Сердце мое готово теперь воспѣвать сему граду пѣснь, которую они воспѣвали своему Іерусалиму: *вопросите, я же о мирѣ Іерусалима: и обиліе любящимъ тѣ! Будь же миръ во силъ твоихъ, и обиліе въ столпостныхъ твоихъ. Ради братій моихъ и ближнихъ моихъ, млаголахъ убо миръ о тебѣ*“ (Псал. СXXI. 6—8) ¹⁾.

Такъ дороги были для него воспоминанія о своемъ родномъ городѣ!

Протоіерей Александръ Смирновъ.

¹⁾ См. Слова и рѣчи митр. Филарета. Томъ II-й, стр. 102.

ЗАМѢТКИ О ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ ЗА-ГРАНИЦЕЙ.

О ТЮБИНГЕНѢ.

(Продолженіе *).

Нѣмецкій университетъ и нѣмецкій пасторъ—мать и сынъ. Поэтому изученіе типовъ и идеаловъ нѣмецкаго пастората (о чемъ былъ поставленъ вопросъ въ предшествующей статьѣ) всего удобнѣе начать съ университета, который и создаетъ типъ, и внушаетъ идеаль.

По обстоятельствамъ, отъ меня совершенно независимымъ, я долженъ ограничиться пока знакомствомъ съ университетомъ въ Тюбингенѣ. Это ограниченіе имѣетъ и свои хорошія стороны. Едва ли какой-нибудь другой германскій университетъ привлекалъ такое же живое вниманіе русской духовной журналистики, какое выпало на долю университету Тюбингенскому. Имена Штрауса и Баура, корифеи библейскаго натурализма, встрѣчаются не только на страницахъ духовныхъ журналовъ, но и въ каждомъ учебникѣ основнаго богословія. Посмотрѣть, что стало съ наслѣдствомъ этихъ представителей пово-тюбингенской школы—дѣло далеко не безынтересное. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, изученіе студенческаго быта, какъ школы, подготовляющей къ практической дѣятельности вообще и пасторской въ особенности, въ Тюбингенѣ гораздо удобнѣе, чѣмъ въ большомъ городѣ, въ родѣ Берлина или Лейпцига. Здѣсь, въ Тюбингенѣ, студенческая жизнь сосредоточивается сама въ себѣ, развивается свободно, безъ примѣси постороннихъ университету элементовъ. Городъ не

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» № 9, 1892 г.

привносить въ студенческую жизнь почти ничего: онъ самъ существуетъ университетомъ и для университета. Наблюдателю, поэтому, въ особенности иностранному, очень легко отыскать эту студенческую жизнь и разсмотрѣть ее въ ея чистотѣ. Не то въ большомъ городѣ. Тамъ студенческая жизнь теряется въ водоворотѣ общей жизни и нужно много опытности, спеціально заграничной, чтобы отыскать эту жизнь и занять удобное положеніе для наблюденій надъ нею. Нѣтъ никакого сомнѣнія и въ томъ, что городская жизнь, создавшаяся независимо отъ университета, накладываетъ свой специфическій отпечатокъ и на студенческую жизнь: студенты волею—неволею увлекаются потокомъ городской жизни, не имѣя силъ и возможности направить этотъ потокъ въ свою сторону.

Итакъ, мнѣ пришлось приступить къ изученію питомника нѣкоторой части нѣмецкаго пастората въ обстановкѣ сравнительно удобной. Признаю не лишнимъ сдѣлать нѣкоторыя, болѣе подробныя замѣчанія объ этой обстановкѣ. Тюбингенъ—небольшой городокъ, расположенный по берегу рѣки Некара въ очень красивой, гористой мѣстности. Желѣзная дорога связываетъ этотъ питомникъ науки и съ Стуттгартомъ, и съ Мюнхеномъ, и съ швабскими альпами, и съ нѣмецкою Швейцаріей. Такое географическое положеніе Тюбингена обуславливаетъ необыкновенную дешевизну и поразительное удобство всевозможныхъ лѣтнихъ экскурсій въ красивѣйшія мѣста и южной Германіи, и сѣверной Швейцаріи. Очень понятно, поэтому, что нѣмецкіе студенты, великіе охотники до всяческихъ путешествій *in's Grüne* или *in's Gebirge*, предпочитаютъ проводить лѣтній семестръ ¹⁾ въ Тюбингенѣ; достаточно, напримѣръ, одного свободнаго дня, чтобы съѣздить изъ Тюбингена въ Шафгаузенъ и полюбоваться знаменитымъ Рейнскимъ водопадомъ. Эти географическія удобства Тюбингена привлекаютъ сюда на лѣто нѣсколько сотенъ липнихъ студентовъ. Ректоръ Тюбингенскаго университета *dr. Jolly* замѣчаетъ по этому поводу: „На каждую сотню имматрикулированныхъ студентовъ, обучающихся въ Тюбингенѣ зимою,

¹⁾ Объ учебномъ планѣ въ нѣмецкихъ университетахъ нѣсколько ниже.

приходится, считая по пятилѣтіямъ съ 1886 по 1891 годъ, 107, 109, 115, 113 и снова 115 студентовъ, обучающихся въ Тюбингенѣ лѣтомъ“ ¹⁾). Въ текущемъ 18^{91/92} учебномъ году, говорятъ, зимою въ Тюбингенѣ было 1200 студентовъ, а къ лѣту съѣхалось до полуторы тысячъ.

На основаніи приведенныхъ цифръ Jolly справедливо называетъ Тюбингенскій университетъ лѣтнимъ университетомъ (Sommer-Universität) ²⁾, «но», спѣшивъ оговориться почтенный ректоръ, «не слѣдуетъ соединять съ этимъ словомъ какого либо посторонняго, для репутаціи студента невыгоднаго значенія (tadelnde Nebenbedeutung)... Если студенты здѣсь (въ Тюбингенѣ) наслаждаются прекрасными окрестностями, или если они въ Берлинѣ или Мюнхенѣ посѣщаютъ театры и общественныя собранія, то при всемъ этомъ они могутъ быть настолько же прилежными, могутъ сдѣлать такъ же честь своему университету, сколько и какъ тѣ другіе, которые не умѣютъ придавать своей жизни столь разнообразнаго содержанія“ ³⁾.

Итакъ, однимъ изъ существенныхъ элементовъ текущей студенческой жизни въ Тюбингенѣ является наслажденіе красотою природы. Самъ ректоръ университета, человекъ близко принимающій къ сердцу его интересы и репутацію, признаетъ этотъ элементъ однимъ изъ полезныхъ въ содержаніи студенческой жизни. Прочитавъ вышеприведенныя строки Jolly, я припомнилъ прелестныя страницы изъ Гейневскаго путешествія по Гарцу. Гейне изучалъ юриспруденцію въ Геттингенѣ и во время университетскихъ ваканцій съ ранцемъ за плечами пѣшкомъ путешествовалъ по Гарцу. Эти студенческія путешествія пробуждали въ мрачной и озлобленной душѣ знаменитаго нѣмецкаго сатирика лучшія человѣческія чувства вѣры и любви. Общеніе съ природой примирало его съ жизнью и указывало ему на Подателя и Хранителя жизни, котораго онъ не разъ кощунственно осмѣивалъ, возмущенный схоластикой католическаго богословія. Кто знаетъ, можетъ быть величе-

¹⁾ Die neueste Geschichte der Universität Tübingen, Rede..., gehalten von L. Jolly 6 maii, 1891. S. 7.

²⁾ Ibid. S. 8.

³⁾ Ibid.

ственные картины природы помогаютъ и Тюбингенскимъ теологамъ сохранять въ душѣ искорки живой вѣры и проблески религіознаго чувства подъ грудой католической схоластики или измышлений протестантскихъ рационалистовъ.

Откуда же набираются эти нѣсколько лишнихъ сотенъ студентовъ, обучающихся лѣтомъ въ Тюбингенѣ? Рѣшеніе этого вопроса дать намъ возможность, хотя слегка, намѣтить степень обще-германскаго значенія Тюбингенскаго университета. Но рѣшенію этого вопроса необходимо предпослать нѣсколько замѣчаній относительно внутренняго политическаго строя Германіи. Русскому человѣку, слѣдящему за внутреннею нѣмецкою жизнію по русскимъ газетамъ, Германія представляется единою страной, во главѣ которой стоитъ императоръ и рейхстагъ. Мелкія королевства и герцогства, вошедшія въ составъ обще-германскаго союза, представляются русскому наблюдателю однимъ цѣлымъ тѣломъ, теперь закрытымъ блестящей щетиной штыковъ. При знакомствѣ съ внутренней нѣмецкою жизнію въ самой Германіи оказывается, что ея составныя части, королевства и герцогства, отнюдь не мирятся съ мыслию о полномъ сліяніи въ однородное политическое тѣло. И Баварія, и Вюртембергъ, и Саксонія, и какой нибудь крошечный Мекленбургъ, и т. п. крѣпко держатся за фікціи своей національной обособленности. Всѣ они имѣютъ своихъ дипломатическихъ представителей при Берлинскомъ дворѣ; въ свою очередь и Пруссія съ обще-имперскимъ Берлиномъ посылаетъ своихъ дипломатовъ въ каждое изъ составляющихъ Германскую имперію королевствъ и герцогствъ. Точно такъ же и языкъ: всѣ нѣмцы пишутъ по-нѣмецки, но говорятъ то по-швабски (Вюртембергъ), то по-саксонски, то по-баварски. Конечно, все это ничто иное, какъ мѣстные нарѣчія одного общаго языка, но нарѣчія такіа, что при отличномъ знакомствѣ съ языкомъ литературнымъ безъ долговѣтной практики невозможно понимать ихъ. То, что извѣстно у насъ въ Россіи подъ названіемъ нѣмецкаго языка, здѣсь называется hoch-deütsch, и люди, отлично владѣющіе этимъ hochdeütsch, никогда не пользуются имъ при бесѣдахъ съ своими согражданами, предпочитая мѣстное народное нарѣ-

чіе. При такой quasi—политической и лингвистической обособленности существуетъ нѣкоторое подобіе и обособленность въ образованіи. Въ Германіи 20 университетовъ и ни одинъ изъ нихъ не считается университетомъ обще-германскимъ. Каждый изъ нихъ есть Landesuniversität—т. е. университетъ той страны, того королевства или герцогства, гдѣ онъ находится. Понятно, что, такъ сказать, естественными студентами Landesuniversität'a являются Landeskinder, т. е. подданные того королевства или герцогства, гдѣ находится университетъ. Всѣ же прочіе университетскіе слушатели суть fremden ¹⁾ для Landsuniversität'a, откуда бы они не происходили—изъ Россіи, изъ Японіи или соедѣяго герцогства. Dr. Jolly приводитъ статистическія данныя, по которымъ оказывается, что количество студентовъ—fremden въ Тюбингенскомъ университетѣ за послѣднія тридцать лѣтъ колебалось между 30 и 35 на каждую сотню Landeskinder, т. е. вюртембергцевъ ²⁾. Къ сожалѣнію Jolly не указываетъ, откуда происходятъ эти студенты—fremden, какой процентъ между ними нѣмцевъ не—вюртембергцевъ, и иностранцевъ въ собственномъ смыслѣ этого слова (ausländer). Можно почти съ увѣренностью сказать, что эти студенты—fremden—почти всѣ нѣмцы. Дѣло въ томъ, что Jolly приводилъ статистическія данныя, руководствуясь университетскими вѣдомостями объ имматрикулированныхъ студентахъ, т. е. по нашему дѣйствительныхъ, подчиняющихся во всемъ университету и получающихъ отъ него извѣстные документы (matriculum) какъ на время обученія, такъ и по истеченіи онаго. Между тѣмъ, иностранцы чрезвычайно рѣдко вступаютъ въ число дѣйствительныхъ студентовъ университета, предпочитая оставаться при университетѣ на положеніи, соответствующемъ положенію русскихъ „вольнослушателей“.

Итакъ, контингентъ студентовъ Тюбингенскаго университета вообще на цѣлую треть пополняется не вюртембергцами. Въ частности, приростъ студентовъ въ лѣтній семестръ

¹⁾ Значить собственно „чужой“.

²⁾ Neueste Geschichte etc, s. 5.

всецѣло завяситъ отъ наѣзда студентовъ fremden. Вотъ цифры Jolly: на каждую сотню студентовъ-fremden зимняго семестра въ теченіи послѣднихъ тридцати лѣтъ приходится отъ 109 до 195 студентовъ семестра лѣтняго. Jolly беретъ среднія цифры за пятилѣтній срокъ ¹⁾.

Если принять, далѣе, въ соображеніе, что Тюбингенскій университетъ по количеству студентовъ занимаетъ 6-ое мѣсто въ средѣ всѣхъ 20-ти германскихъ университетовъ, то мы должны будемъ приписать Тюбингенскому университету, особенно его лѣтнимъ семестрамъ, значительную долю вліянія на учащуюся молодежь и не только на вюртембергскую, но и вообще на германскую.

Вюртембергская молодежь въ свою очередь очень охотно посѣщаетъ многочисленныя германскіе университеты. Jolly находитъ, что 27--28% вюртембергскаго юношества обучаются не въ Тюбингенѣ, а въ другихъ германскихъ университетахъ. „Конечно“, замѣчаетъ по этому поводу Jolly, „интересамъ университета отвѣчать *только* возможно большій павильонъ студентовъ—fremden, но съ точки зрѣнія высшей мы должны радостно привѣтствовать періодическій отливъ нашихъ учащихся земляковъ (einheimischen studierenden) ²⁾. Приобрѣтая товарищей по университету въ другихъ нѣмецкихъ государствахъ, они умпожаютъ связи между будущими духовными вождями народа нашего; чрезъ это укрѣпляется связь между правящими классами, на которой главнымъ образомъ и покоится національное единство во всѣхъ государствахъ. ³⁾.

Усвоивъ страстующему нѣмецкому студенчеству высокую миссію культурнаго, духовнаго объединенія Германіи, которое должно завершить собою кровавое дѣло Бисмарка, Jolly

¹⁾ Ibid. s. 7.

²⁾ Павильонъ студентовъ fremden особенно пріятенъ здѣсь, въ Тюбингенѣ, ибо Тюбингенъ живетъ главнымъ образомъ студентами. Вотъ цифры. Въ Тюбингенѣ около 14 тысячъ жителей и около 1500 студентовъ. Каждый студентъ проживаетъ здѣсь minimum 300 марокъ въ семестръ (100 рублей золотомъ въ 4 мѣсяца); въ общемъ получается очень круглая сумма въ 150 тысячъ руб. золотомъ; она идетъ уже прямо жителямъ Тюбингена, которые доставляютъ студентамъ предметы необходимости. Понятно, о какихъ интересахъ университета говорилъ Jolly.

³⁾ Ibid. 6.

не упомянуть о нѣкоторыхъ другихъ, болѣе прямыхъ, послѣдствіяхъ нѣмецкой страсти къ переходамъ изъ университета въ университетъ. (Wanderlust). Jolly знаетъ, что 25% прусскаго студенчества, 19% саксонскаго, 11% баварскаго обучаются за предѣлами своего тѣснаго отечества. Вывести изъ этой распространенной страсти къ переходамъ только общее заключеніе о культурной миссіи нѣмецкаго студенчества и не сдѣлать никакихъ прямыхъ указаній на послѣдствія этой страсти въ политической и религіозной жизни страны значить высказать мысль философски-глубокую, но удаленную отъ текущей практической жизни.

Оставивъ въ сторонѣ собственно политическую жизнь Германіи, остановимся на минуту на ея религіозно-церковной жизни. Когда-то, сравнительно недавно, Бисмаркъ сказалъ: „Мы въ Каноссу не пойдёмъ!“ Онъ намекалъ здѣсь на удивительное, покаянное путешествіе императора Генриха IV къ папѣ Григорію VII, Гильтебрандту. Когда же Бисмаркъ оканчивалъ чреду своего канцлерскаго служенія, оказалось, что онъ едва-едва не попалъ въ Каноссусамъ. И русскія и нѣмецкія газеты въ свое время такъ именно и объясняли дипломатическія любезности, которыя оказывалъ Бисмаркъ Ватикану. Чѣмъ объяснить подобную перемѣну въ политикѣ „железнаго“ канцлера? Съ одной стороны, конечно, политическими соображеніями, ничего общаго съ успѣхами католицизма не имѣющими; но съ другой—„товарищескою“ солидарностью въ дѣйствіяхъ нѣмецкихъ патеровъ. Эта солидарность еще болѣе рѣзко выразилась недавно, по поводу впенсенія въ рейхстагъ такъ называемаго „школьнаго закона“ (Schulgesetz). Этотъ законъ отдавалъ начальныя школы католическаго прихода въ исключительное вѣдѣніе католическаго патера ¹⁾. На сторонѣ этого закона оказался императоръ—протестантъ, канцлеръ имперіи—тоже протестантъ. Законъ не прошелъ только благодаря соединеннымъ усиліямъ всѣхъ партій рейхстага безъ различія отѣнковъ, усиліямъ политической прессы и нѣкоторыхъ университетовъ. Та же пресса рас-

¹⁾ О школьномъ законѣ подробнѣе рѣчь будетъ позже.

крыла, какая чисто „товарищеская“ солидарность связываетъ патеровъ Пруссіи и Вюртемберга, Баваріи и Саксоніи. Откуда взялась такая солидарность?—Отвѣтъ на этотъ вопросъ дастъ намъ параллель, существующая между католиками Германіи и католиками Франціи. Франція страна католическая; Германія — протестантская. Во Франціи католическое духовенство шагъ за шагомъ уступаетъ поле битвы республиканскому правительству; въ Германіи—католическое духовенство привлекаетъ на свою сторону и императора и канцлера имперіи. Что это значитъ? Французскій кюрё по условіямъ своего образованія и воспитанія въ замкнутой католической семинаріи пріобрѣтаетъ товарищей случайно, по случайному совпаденію времени и мѣста образованія. Основанное на этомъ товарищество не бываетъ прочно. Кончился курсъ ученія и большинство позабыло другъ друга. Въ жизни, поэтому, французскій кюрё стоитъ большею частію особнякомъ. Не то съ нѣмецкими патерами. Рѣдкій изъ нихъ въ теченія своего университетскаго образованія не перемѣнитъ двухъ-трехъ университетовъ. Если ему не удалось найти товарищескій кружокъ по душѣ въ одномъ университетѣ, онъ находитъ его въ другомъ. Такихъ товарищей онъ не забудетъ, если и уйдетъ въ третій университетъ. Не забудутъ и они его. Такимъ образомъ, вступая на практическую дѣятельность, нѣмецкій теологъ уже не одинъ. За нимъ—его товарищи, разсѣянные по разнымъ уголкамъ Германіи. И это товарищество онъ пріобрѣлъ, странствуя изъ университета въ университетъ.

Если студенческій *Wanderlust* устанавливаетъ прочную солидарность между нѣмецкими патерами, то такую же солидарность устанавливаетъ онъ и между нѣмецкими пасторами. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ вліяніе студенческаго *Wanderlust'a* высказывается еще рѣзче. Католики имѣютъ общую церковно-догматическую схему, отступать отъ которой они не смѣютъ подъ страхомъ немедленнаго отлученія.

У протестантовъ подобной общей схемы быть не можетъ, если они останутся вѣрными принципу свободнаго чтенія и произвольнаго толкованія библіи. Однако же мы не можемъ

замѣтить въ практической дѣятельности протестантскаго пастората разногласицы или взаимныхъ противодѣйствій. Въ ряду другихъ причинъ, создающихъ и укрѣпляющихъ эту товарищескую солидарность, видное мѣсто занимаетъ Wanderlust. Эта бытовая особенность нѣмецкихъ университетовъ обуславливаетъ собою, какъ свободный выборъ товарищества, о чемъ уже было сказано выше, такъ и свободный выборъ профессоровъ, что особенно важно для теолога-протестанта. Вслѣдствіе этого профессоръ протестантской теологіи находятъ въ своей аудиторіи не случайный сборъ молодыхъ людей, слушающихъ его науку по какимъ-либо постороннимъ самой наукѣ соображеніямъ, а извѣстную группу слушателей, собравшихся туда по болѣе или менѣе серьезнымъ психическимъ соображеніямъ и, можетъ быть, въ большинствѣ уже связанныхъ извѣстными чувствами товарищества. Религіозныя убѣжденія профессора, высказываемыя имъ съ университетской кафедры, воспринимаются группой людей съ намѣтившимся уже кругомъ понятій, рѣдко неблагоприятнымъ профессору, и поэтому являются новымъ звѣномъ для закрѣпленія той товарищеской солидарности среди его слушателей, которая частію намѣтилась, а частію уже образовалась внѣ его аудиторіи.

Таковы условія жизни студентовъ, ихъ воспитанія и подготовки къ практической дѣятельности, такъ или иначе стоящія въ связи съ географическимъ положеніемъ Тюбингена и особенностями здѣшняго университета, какъ „лѣтняго университета“. Но наши замѣчанія объ этихъ условіяхъ были бы не полны, если бы мы опустили изъ вида одно чрезвычайно странное на русскій взглядъ условіе, съ которымъ связана студенческая жизнь вообще въ Германіи и въ частности въ Тюбингенѣ. Мы имѣемъ здѣсь въ виду законъ 1868 года, по которому вся наличная нѣмецкая молодежь призывается къ дѣйствительной службѣ въ войскахъ имперіи. До 1868 г. студенты—теологи были освобождены отъ этой обязанности совершенно; студенты прочихъ факультетовъ подлежали призыву, но охотно освобождались отъ дѣйствительной службы военнымъ начальствомъ, которое пользовалось

малѣйшей органической неисправностью, чтобы забраковать студента-рекрута. Съ 1868 года порядокъ вещей круто измѣнился. Теологи стали призываться къ службѣ наравнѣ съ студентами прочихъ факультетовъ ¹⁾ и прежней предупредительности военнаго начальства наступилъ конецъ. Каждый здоровый молодой человѣкъ признается годнымъ къ службѣ и въ теченіи извѣстнаго количества лѣтъ несетъ службу въ рядахъ арміи. У насъ въ Россіи дѣйствительная служба молодого человѣка откладывается до окончанія имъ образованія; а учащій такъ и совсѣмъ освобождается отъ военной службы. Никакихъ подобныхъ льготъ не знаетъ нѣмецкое студенчество и нѣмецкіе учителя. Поэтому, и студенты, и учителя предпочитаютъ записываться въ армію вольноопредѣляющимися и служить подъ ружьемъ годъ. Студенты при этомъ стараются не терять служебнаго года и для учебныхъ занятій. Время, свободное отъ военныхъ упражненій, они посвящаютъ университету; но совмѣщеніе такихъ несродныхъ занятій не можетъ не вести за собою опущенія въ какомъ-либо изъ нихъ. Военная дисциплина вообще, а нѣмецкая въ особенности, никакихъ опущеній по службѣ не терпитъ и, естественно, всѣ эти опущенія записываются на счетъ научныхъ занятій. Это обстоятельство отмѣчаетъ и Jolly въ своей рѣчи, но дипломатически выгораживаетъ изъ числа такихъ неуспѣшныхъ студентовъ вюртембергцевъ, доказывая цифровыми данными, что въ Тюбингенѣ ²⁾ служатъ вольноопредѣляющимися главнымъ образомъ студенты-fremden ³⁾. Дипломатія не покидаетъ Jolly и тогда, когда онъ пытается опредѣлить пользу военной службы для студенческой жизни и студенческихъ нравовъ. „Университетъ“, говорятъ онъ въ рѣчи, „привѣтствовалъ вступающій батальонъ съ живою радостію; этимъ онъ сравнивался съ остальными высшими школами; благодаря офице-

¹⁾ До прошлаго года и католики, и протестанты; съ прошлаго—одни протестанты, католики освобождены.

²⁾ Батальонъ пѣхоты поселенъ въ Тюбингенѣ въ 1875 году. Казарна его бросается въ глаза сейчасъ же, какъ только выходишь на платформу вокзала.

³⁾ Стр. 10—11.

рамъ расширился и оживился кругъ общественной жизни, а для студентовъ въ военной дисциплинѣ явился прекрасный противовѣсъ академической свободѣ¹⁾.

Несомнѣнно, съ прибытіемъ офицеровъ расширяется кругъ городскихъ знакомствъ; несомнѣнно также и то, что батальонъ солдатъ приноситъ тюбингенскимъ гражданамъ довольно много выгоды; радость университета по этому поводу понятна. Но чему же радоваться, если признается фактъ вторженія военной дисциплины въ студенческую жизнь? Развѣ университетъ признавалъ себя безсильнымъ въ правильномъ воспитаніи „академической свободы“ студентовъ, въ правильномъ развитіи ихъ духовныхъ силъ, если онъ, по словамъ Jolly, радуется противовѣсу, который находитъ академическая свобода въ военной дисциплинѣ? Думается, что никогда никакой университетъ не выскажетъ такого страннаго призванія, такъ какъ это значило бы подорвать свое же собственное существованіе. Къ чему же и наука, въ самомъ дѣлѣ, къ чему ея питомникъ - высшая школа, если и та и другая оказываются сами по себѣ не въ состояніи воспитать и облагородить человека, дать надлежащее нравственное направленіе его силамъ и способностямъ? Ни одинъ профессоръ, конечно, включая сюда и самого Jolly, не позволитъ себѣ отрицать великое воспитательное значеніе науки. Но что же тогда значить замѣчаніе Jolly, изъ котораго вытекаютъ вышеприведенныя заключенія? Въ этомъ замѣчаніи отразилось господствующее направленіе, которое приняла современная нѣмецкая жизнь. Военный бюджетъ достигаетъ сотенъ милліоновъ марокъ; платежныя силы народа напрягаются для покрытія всевозможныхъ расходовъ на усовершенствованія въ вооруженіи, на укрѣпленіе крѣпостей и т. п.; техническая изобрѣтательность въ свою очередь истощается въ усиліяхъ придумать какое-нибудь новое, нигдѣ не виданное и не слыханное орудіе разрушенія. Газеты почти каждый день сообщаютъ о всевозможныхъ проэктахъ боевыхъ улучшеній. Что же мудреннаго, если эта милитаристическая сумятица проникаетъ и въ уединен-

1) 9 стр.

ный кабинетъ ученаго ректора, если она заставляетъ его искать хоть какихъ нибудь хорошихъ послѣдствій отъ громадныхъ финансовыхъ и интеллектуальныхъ затратъ, съ которыми она сопряжена? Правда, изысканія ректора принесли совершенно неожиданные результаты, но въ нихъ можно все-таки видѣть попытку указать хоть какое-нибудь оправданіе ненормальнаго положенія дѣлъ. Безъ этого предположенія заявленіе ректора становится рѣшительно непонятнымъ.

А. К.

СЕРДЦЕ И ЕГО ЖИЗНЬ.

(Психологическій очеркъ).

(Продолженіе *).

V.

Характеристика группъ чувствованій.

а) Волненія удовольствія и неудовольствія.

Волненія удовольствія и неудовольствія, какъ особая, простѣйшая и самая распространенная, форма полненія.—Взаимоотношеніе видовъ этой формы; особенность и реальность ихъ.—Несостоятельность объясненія происхожденія ихъ—условіями качества и степени силы ощущеній.—Въ чемъ дѣйствительная фیزیологическая основа удовольствія и неудовольствія? Общіе условія возникновенія удовольствія и неудовольствія.

Первичное, простѣйшее чувствованіе-волненіе, по всей вѣроятности, состоитъ изъ сознанія общаго—неопредѣленнаго возбужденія души, подъ вліяніемъ ощущеній и другихъ дѣятельностей. Но это неопредѣленное состояніе волненія, по самой природѣ почти недоступное наблюденію, обыкновенно быстро опредѣляется и получаетъ форму *удовольствія* или *неудовольствія*,—самую распространенную и всего чаще являющуюся форму волненія. Въ чемъ сущность этого волненія или волненій, отчего они происходятъ, при какихъ условіяхъ являются,—вопросъ этотъ сильно занималъ всѣхъ мыслителей, начиная съ Сократа, и особенное значеніе получилъ въ настоящее время, въ виду широкаго распространенія философіи пессимизма. Въ отвѣтъ на него построено нѣсколько теорій—

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ», № 12-й, 1892 г.

въ прошломъ и въ настоящее время; но мы не будемъ излагать ихъ: большинство ихъ совпадаетъ съ общеою теоріей чувствованій, въ ея различныхъ, извѣстныхъ уже намъ формахъ, потому что изслѣдователи, за небольшими исключеніями, отождествляютъ волненіе - чувствованіе съ удовольствіемъ и неудовольствіемъ, считаютъ, по крайней мѣрѣ, удовольствіе и неудовольствіе основою и сущностью всей сердечной жизни, всѣхъ чувствованій-волненій. Обратимся къ самому явленію, котораго нѣтъ нужды описывать, такъ какъ всякому по опыту извѣстно оно; да и самое описаніе это не возможно.

Первое, на чемъ останавливается вниманіе наблюдателя въ немъ,—это взаимное отношеніе этихъ двухъ видовъ волненія, противоположныхъ другъ другу, но въ то же время тѣсно связанныхъ между собою и, повидимому, обуславливающихъ другъ друга. „Какъ страннымъ мнѣ кажется то, что люди называютъ пріятнымъ, говоритъ Сократъ въ Федонѣ. Въ какой удивительной связи находится оно съ страданіемъ, хотя послѣднее, повидимому, противоположно первому. Взятые вмѣстѣ, они не уживаются въ человѣкѣ; но кто ищетъ и достигаетъ одного, тотъ почти вынуждается всегда получить и другое, какъ будто эти двѣ крайности соединены въ одной вершинѣ. Если бы эта мысль представилась Езопу, то онъ сложилъ бы, вѣроятно, басню, что Богъ, желая примирить столь враждебныя противоположности, но не могши этого сдѣлать, сростилъ ихъ вершины. Въ силу этого, кому досталась одна изъ нихъ, тотъ за нею получаетъ и другую“. Взглядъ на взаимное отношеніе удовольствія и страданія, на ихъ связь и зависимость, высказанный въ этихъ словахъ, подтверждается множествамъ фактовъ, за исключеніемъ мысли о томъ, что удовольствіе и неудовольствіе не существуютъ вмѣстѣ.

Дѣйствительно, съ прекращеніемъ удовольствія, отъ чего бы и какъ бы оно ни возникло, всегда почти возникаетъ неудовольствіе,—послѣднее тѣмъ сильнѣе, чѣмъ сильнѣе первое. Наоборотъ, съ прекращеніемъ страданія возникаетъ удовольствіе, и оно, опять, тѣмъ сильнѣе, чѣмъ сильнѣе было страданіе. Далѣе, многія удовольствія прямо зависятъ отъ присутствія неудовольствія и прекращаются вмѣстѣ съ нимъ. Такъ, голодъ

ный наслаждается ѣдою, пока онъ голоденъ, озябшій наслаждается теплотою, пока ему холодно, испытывающій нужду въ средствахъ наслаждается въ моментъ полученія ихъ и т. п. Также есть и страданія, обусловливаемые присутствіемъ удовольствія. Напримѣръ, неудовольствіе, причиняемое страданіемъ любимаго существа, зависить прямо отъ присутствія несомнѣнно пріятнаго чувства нѣжности, расположенія и т. п. Кромѣ того, едвали существуетъ чистое удовольствіе, безъ всякой примѣси неудовольствія, и наоборотъ,—такъ что всякое удовольствіе есть только преобладаніе пріятнаго возбужденія надъ непріятными, и наоборотъ. Наконецъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что удовольствіе повышается въ своей силѣ въ зависимости отъ противоположнаго ему—неудовольствія, а неудовольствіе—отъ противоположнаго ему—удовольствія. „Отсюда, говоритъ Вундтъ, то яркое чувство удовольствія, которое испытывается выздоравливающимъ, когда его общія ощущенія приходятъ къ нормѣ, въ сравненіи съ чувствомъ постоянно здороваго человѣка, у котораго лишь незначительныя удовольствія и маленькія огорченія оживляютъ наслажденіе бытія. Отсюда чрезвычайно напряженное чувство наслажденія, связанное со всѣми формами игры, начиная съ простѣйшей азартной игры, игры въ кости, до драматическаго искусства. Въ играхъ всего быстрѣе смѣняется ожиданіе и удовлетвореніе, радость и разочарованіе“.

Но изъ всѣхъ этихъ фактовъ никакъ не слѣдуетъ, что чувствованія удовольствія и неудовольствія связаны неразрывно и не могутъ вовсе существовать одно безъ другаго, что они „срощены вершинами“. Каждое изъ нихъ возникаетъ всегда *самостоятельно* и имѣетъ свое собственное основаніе и свои причины въ органическихъ и психическихъ процессахъ, и удовольствіе можно представить постояннымъ состояніемъ при полномъ отсутствіи страданія, а наоборотъ,—неудовольствіе, страданіе можетъ существовать безъ всякой примѣси удовольствія. При такомъ состояніи было бы не возможно только понятіе объ удовольствіи и страданіи; но то и другое могло бы сознаться, присутствуя въ чистомъ видѣ, благодаря сравненію съ другими состояніями сознанія, напримѣръ, интел-

лектуальными. Имѣя самостоятельную основу, удовольствіе и неудовольствіе только постоянно встрѣчаются, слѣдуютъ другъ за другомъ, существуютъ одновременно или, точнѣе, въ невообразимо быстрыхъ смѣнахъ сознанія того и другаго. При этой встрѣчѣ они естественно вліяютъ другъ на друга, повышая и ослабляя другъ друга, служа даже поводомъ къ взаимному возникновенію.

Еще менѣе основательно дѣлать изъ этихъ фактовъ тотъ выводъ, что одно изъ противоположныхъ волненій происходитъ непосредственно и прямо отъ другаго и само не имѣетъ положительной основы,—есть отрицаніе другаго и, потому, призрачно, не реально. Такого воззрѣнія держался въ древности Платонъ, считая источникомъ удовольствія—неудовольствіе, или страданія, протекající изъ недостатка, лишенія. Въ настоящее время его развѣиваетъ извѣстный Гартманъ, который считаетъ реальнымъ, имѣющимъ основаніе и причины въ свойствахъ ощущающаго существа вообще и, въ частности, человѣка,—одно неудовольствіе—страданіе: удовольствіе есть только прекращеніе, ослабленіе временнаго страданія, и есть нѣчто призрачное, чистый обманъ, иллюзія. Но, очевидно, можно испытывать величайшее удовольствіе, не испытывая передъ тѣмъ непосредственно неудовольствія. Подобнымъ же образомъ и неудовольствіе можетъ возникнуть прямо и независимо отъ прежняго удовольствія. И то и другое одинаково реально. Такъ какъ и за удовольствіемъ всегда слѣдуетъ неудовольствіе, то съ такимъ же правомъ можно было бы сдѣлать и обратный выводъ, т. е. что реально одно удовольствіе, а неудовольствіе есть нѣчто случайное, призрачное, какъ это и дѣлаютъ такъ называемые оптимисты.

Опредѣливши, въ общихъ чертахъ, отношеніе между волненіями удовольствія и неудовольствія, признавши, при этомъ, то и другое вполне самостоятельными волненіями, одинаково реальными, имѣющими каждое свой источникъ, хотя и развивающимися изъ одного общаго начала,—обратимся къ изслѣдованію причинъ и условій ихъ происхожденія.

Удовольствіе и неудовольствіе, какъ извѣстно, встрѣчаются въ связи со всѣми, безъ исключенія, душевными состояніями—

ощущеніями, умственными актами, явленіями воли, волевыми; въ частности, они постоянно сопутствуютъ всѣмъ почти другимъ волненіямъ и входятъ въ нихъ нерѣдко, какъ весьма существенная составная часть. Но для опредѣленія причинъ и условий, ихъ производящихъ, удобнѣе наблюдать ихъ происхожденіе въ связи съ простѣйшими состояніями—ощущеніями. Тѣмъ болѣе, что, помимо упрощенія задачи, при этомъ мы будемъ имѣть весьма важное пособіе въ физиологическихъ данныхъ относительно первыхъ процессовъ и по нимъ съ нѣкоторою точностью опредѣлять то, что происходитъ въ душѣ.

Разсматривая чувствованія удовольствія и неудовольствія въ связи съ ощущеніями, не трудно видѣть, что характеръ или *содержаніе* ощущенія и процессы нервные, его обуславливающие, не имѣютъ никакого вліянія на ихъ пріятность или непріятность, и, слѣдовательно, не могутъ считаться въ числѣ причинъ, производящихъ эти волненія. Удовольствіе и неудовольствіе являются и съ ограниченными и вѣчными и мускульными ощущеніями—и всегда имѣютъ одинъ и тотъ же характеръ. Пріятность звука, свѣта, теплоты, осязанія, вкуса, обонанія ничѣмъ не разнятся и всегда, собственно говоря, одно и то же. То же самое можно сказать и о непріятности. Притомъ, то и другое волненіе встрѣчается одинаково въ связи съ однимъ и тѣмъ же содержаніемъ. Исключеніе, повидному, составляютъ ощущенія вкусовыя и почти всѣ органнческія, гдѣ пріятность кажется зависящею прямо отъ качества ощущенія, его рода. Такъ, ощущеніе сладкаго пріятно до такой степени, что сдѣлалось синонимомъ удовольствія, а горькое не пріятно, и стало синонимомъ страданія. Но это такъ кажется только на поверхностный взглядъ. На самомъ дѣлѣ, сладкое пріятно только при извѣстныхъ условіяхъ, и можетъ быть и бываетъ часто непріятнымъ. Наоборотъ, горькое не только въ слабой степени, но и въ сильнѣйшихъ степеняхъ можетъ казаться пріятнымъ. Трудность выдѣленія—въ отвлеченія—удовольствія и неудовольствія изъ качества, или содержанія, вкусовыхъ ощущеній, также обонятельныхъ и органическихъ, зависитъ главнымъ образомъ отъ неизвѣстности фи-

зіологическихъ процессовъ, обуславливающихъ эти состоянія, а еще болѣе оттого, что, являясь первыми и всего чаще встрѣчающимися удовольствіями, они слишкомъ сильно ассоціировались съ качествами вкусовыхъ ощущеній. Все-таки въ непосредственномъ сознаніи выдѣленіе обоихъ элементовъ дано постоянно: мы ясно различаемъ сладкое и горькое, какъ ощущенія, дающія намъ знать о качествахъ вкусового вещества, ихъ производящаго, и—удовольствіе и неудовольствіе, ими доставляемое.

Также какъ и качество ощущенія,—*сила*, или напряженіе его, не можетъ быть причиною удовольствія и неудовольствія, ихъ основою и источникомъ, хотя во многихъ случаяхъ одна извѣстная степень силы ощущенія неизмѣнно сопровождается удовольствіемъ, другая связана съ неудовольствіемъ. Мысль, что удовольствіе и неудовольствіе стоятъ въ прямой зависимости отъ силы ощущенія встрѣчается у Гертели и Кондильяка, и распространяется у нихъ на всю сферу чувствованій; по отношенію специально къ чувствованіямъ удовольствія и страданія, она въ настоящее время поддерживается Вундтомъ. Онъ представляетъ весь процессъ возникновенія удовольствія и неудовольствія въ связи съ ощущеніями въ такомъ видѣ. При едва замѣтной силѣ ощущенія, когда оно только что опредѣляется въ сознаніи, или „выходитъ за порогъ“, какъ онъ выражается,—возникаетъ едва замѣтное чувство удовольствія. Съ возрастаніемъ силы ощущенія, растетъ и удовольствіе, но только до извѣстнаго пункта, или предѣла. За этимъ предѣломъ, который Вундтъ называетъ „индифферентною точкою чувствованія“, появляется неудовольствіе, сначала слабое и связанное еще съ сознаніемъ качества ощущенія; но, по мѣрѣ дальнѣйшаго увеличенія силы ощущенія, неудовольствіе растетъ и достигаетъ такого напряженія, что качество ощущенія перестаетъ сознаваться и сознается одно только страданіе.—Но это представленіе происхожденія удовольствія и неудовольствія изъ степеней силы ощущенія, лучшее въ своемъ родѣ, не выдерживаетъ самой поверхностной критики, и, очевидно, противорѣчитъ несомнѣннымъ и прямымъ фактамъ опыта. Весьма слабыя ощущенія часто являются источникомъ неудовольствія: очень слабыя свѣтовые, звуковыя воз-

бужденія, щекотаніе и т. п. большею частію бываютъ непріятными. Наоборотъ, ощущеніе, достигающее крайняго предѣла своей силы, если только она возрастаетъ постепенно, а не вдругъ, сопровождается во многихъ случаяхъ высшею степенію удовольствія,—напримѣръ, пляска, верченіе дerviшей и хлыстовъ, оглушительный шумъ водопада, крики сотни тысячной толпы и т. п. Уже этихъ немногихъ фактовъ достаточно, чтобы видѣть, что не только теорія Вундта фальшива и опрометчива, но что, вообще, степени силы ощущенія не имѣютъ значенія производителей удовольствія и неудовольствія, такъ какъ различныя до противоположности степени напряженія ощущенія могутъ одинаково сопутствовать или предшествовать удовольствію и неудовольствію.

Предполагая достаточно извѣстными нервныя процессы, производящіе какъ качество, такъ и силу ощущенія, нельзя въ нихъ искать фізіологической основы волненія удовольствія и неудовольствія. На нихъ душа *отвѣчаетъ* и можетъ отвѣчать только *сознаніемъ качества* и силы ощущенія. Волненіе должно быть связано съ чѣмъ-нибудь другимъ, на что душа отвѣчаетъ сознаніемъ удовольствія или неудовольствія и что приводитъ ее въ соотвѣтственное внутреннее ея собственное измѣненіе.

Подъ прямымъ вліяніемъ психологическаго анализа удовольствія и страданія, фізіологи стали искать этого нѣчто, этой *новой стороны* въ нервныхъ процессахъ, которая могла бы считаться основою фізіологическаго удовольствія и страданія. Получилась, при этомъ, на основаніи молекулярной теоріи жизненныхъ процессовъ и наблюденій надъ раздражительностью нервовъ подъ вліяніемъ электрическаго тока, особая теорія, развитая и приложенная къ объясненію волненій удовольствія и неудовольствія въ первый разъ у Лотце.

Нервная дѣятельность, изъ чего бы она ни состояла, какъ и всякая жизненная дѣятельность, представляетъ всегда два основныя процесса—процессъ аккумуляціи, накопленія силы, и ея трату въ области ощущеній, чрезъ посредство виѣшнихъ раздраженій и движеній. Въ нормальномъ состояніи процессы эти идутъ параллельно и съ одинаковою, вообще говоря,

энергію: всякая трата немедленно вознаграждается и восполняется. Это состояніе, едвали когда-нибудь осуществляющееся вполне (оно всегда бываетъ приблизительно и относительно такимъ), — называется *равноуціемъ*. Оно является какъ бы цѣлью организма, къ которой онъ постоянно стремится по самой своей природѣ и, осуществляясь даже приблизительно, служитъ источникомъ того ровнаго настроенія и теченія жизни, въ которомъ ни одно возбужденіе не получаетъ преобладанія надъ другимъ, — все почти одинаково. Тонусъ этого настроенія, когда оно является и получаетъ преобладаніе, вообще, пріятный, хотя эта пріятность не сознается отчетливо и опредѣленно, не превращается въ волненіе въ собственномъ смыслѣ, а въ формѣ привычки, приспособленія организма, прямо приближается къ такъ называемому равнодушію. Объясненіе привычки состоитъ приблизительно въ слѣдующихъ соображеніяхъ. Когда возникаетъ въ организмѣ и душѣ какая-нибудь очень напряженная дѣятельность, напримеръ, слухъ начинаетъ поражаться постоянно сильными звуками, рѣзкими и нестройными, которые прежде не испытывались, — въ этомъ случаѣ начинается усиленная трата первой энергіи въ слуховыхъ, положимъ, центрахъ, и эта трата не успѣваетъ вознаграждаться. Равноуціе нарушается, и это нарушеніе, въ данномъ случаѣ, сознается какъ неудовольствіе — непріятность. Но, постоянно повторяясь, это нарушеніе механически и само собою вызываетъ усиленный притокъ крови къ сильно возбуждаемому центру. Этимъ путемъ процессъ возстановленія растрачиваемой здѣсь силы становится энергичнѣе и мало по малу поднимается до того уровня, на которомъ стоитъ постоянная трата энергіи. Равноуціе возстановляется только на болѣе высокомъ, такъ сказать, уровнѣ. Съ тѣмъ вмѣстѣ волненіе непріятности исчезаетъ подѣ влияніемъ сильныхъ слуховыхъ раздраженій, не превращаясь въ удовольствіе или въ какое-нибудь опредѣленное волненіе, — получается, именно, такъ называемое равнодушіе, достигающее до того, что самое раздраженіе и ощущеніе, имъ вызываемое, перестаетъ сознаваться ясно. Это и есть *привычка*, приспособленіе организма къ раздраженію. Положимъ, да-

лѣе, привычный шумъ моментально прекращается, постѣ того, какъ описаннымъ путемъ образовалась привычка къ нему. Тогда, очевидно, равновѣсіе опять нарушится, — только въ другую сторону. Съ прекращеніемъ раздраженія, трата силы не будетъ соответствовать ея усиленному накопленію, — произойдетъ въ центрѣ скопленіе, избытокъ силы движенія первнаго, не находящей выхода. Получится опять неудовольствіе. Возобновленіе раздраженія и траты силы въ привычномъ объемѣ вызоветъ сначала удовольствіе, пока, съ возстановленіемъ полного равновѣсія, не возвратится равнодушіе. Если же тишина будетъ продолжаться, — необходимо, чѣсто механически, начнется обратный процессъ: избытокъ силы направится въ другія области, притокъ крови ослабѣетъ, энергія скопленія силы понизится, и мало по малу процессъ накопленія силы понизится до уровни траты. Образуется новая привычка, въ данномъ случаѣ, — къ тишинѣ, или отсутствію постоянныхъ и сильныхъ возбужденій слухового нерва и центра. Подобнымъ же образомъ образуются и мѣняются привычки во всѣхъ рѣшительно ощущеніяхъ, а можетъ быть и во всѣхъ сферахъ душевной жизни. Но волненіе немедленно возникаетъ съ полною отчетливостію и опредѣленностью съ характеромъ пріятности и непріятности, когда происходятъ такъ или иначе нарушеніе первнаго равновѣсія въ ту или другую сторону, т. е. въ сторону траты или въ сторону накопленія нервной энергіи. Это нарушеніе имѣетъ нѣсколько различныхъ формъ, которыми можно отчасти опредѣлять а priori, и каждой изъ нихъ соответствуетъ волненіе съ характеромъ удовольствія или неудовольствія.

Такимъ образомъ, источникомъ и фізіологическою основою удовольствія и неудовольствія являются не качества ощущенія, не сила его, а *форма и способы траты и возстановленія нервной силы* при произведеніи этихъ качествъ и степеней силы ощущенія, слѣдовательно, вообще, способы (ощущенія) и формы первнаго движенія, какъ движенія. Такъ какъ сознаніе и душевная дѣятельность, вообще, въ ощущеніи вполнѣ зависятъ отъ первнаго процесса, развивается одновременно и параллельно съ нимъ, то и эта дѣятельность должна за-

ключать въ себѣ аналогичныя черты. Испытывая, подъ вліяніемъ нервныхъ раздраженій, извѣстнаго рода ощущенія съ опредѣленною степенью силы, сознающее начало совершаетъ приблизительно ту же форму движенія, въ какой выражается и нервный процессъ, и, сознавая ее рядомъ съ качествомъ и силою ощущенія, осуществляетъ это сознаніе въ формѣ удовольствія или неудовольствія. Это вполне необходимое заключеніе, очевидно, стоитъ въ полной гармоніи съ установленнымъ нами взглядомъ вообще на природу душевнаго волненія, какъ на *сознаніе формы движенія*, изъ котораго слагается всякій душевный процессъ.—Разсмотримъ теперь въ общихъ чертахъ формы первнаго движенія, выражающіяся въ способахъ накопленія и траты нервной энергіи, по крайней мѣрѣ, главнѣйшія изъ нихъ, — чтобы опредѣлить, такимъ образомъ, общія условія возникновенія удовольствія и страданія.

Формы эти проявляются наиболѣе опредѣленно въ случаяхъ, когда: 1) путемъ постоянно совершающагося притока крови къ нервамъ, несущаго питательныя вещества, нервной силы накапливается въ достаточномъ количествѣ для траты средняго объема, не могущей истощить и ослабить данный органъ, или даже накапливается ее въ избыткѣ, но сила эта не тратится вовсе или тратится въ небольшомъ количествѣ. Положимъ, въ двигательныхъ центрахъ ребенка, вслѣдствіе хорошаго питанія и здороваго сна, происходитъ скопленіе силы, которая требуетъ выхода, потому что равновѣсіе въ жизни нервной системы, изъ котораго состоятъ эти центры, нарушено; между тѣмъ его заставляютъ сидѣть смирно, неподвижно, или чинно двигаться, совершая самыя легкія, неэнергичныя движенія, — является неудовольствіе, которое переходитъ въ страданіе, иногда сопровождающееся болѣзненнымъ разстройствомъ. То же самое мы видимъ у животныхъ, заключенныхъ въ тѣсномъ пространствѣ и у взрослыхъ людей здоровыхъ, обреченныхъ такъ или иначе на вынужденную неподвижность. 2) Путемъ напряженной дѣятельности въ извѣстномъ направленіи, или путемъ болѣзненнаго измѣненія, сила нервная истощается, т. е. растрата ея превосходитъ въ значительной степени накопленіе. Дѣятельность энер-

гичная при этомъ становится невозможною: наступаетъ опять страданіе. 3) Между этими двумя крайностями стоитъ тотъ случай траты силы и накопленія ея, когда процессы эти происходятъ неправильно, или сила тратится сразу въ чрезмѣрномъ количествѣ (неожиданный звукъ, свѣтъ и т. п.); или происходитъ вдругъ и неожиданно полная остановка этой траты (—прекращеніе свѣта, звука). Какъ особое видовызнаніе этого случая,—является трата силы съ неправильными перерывами, неправильными измѣненіями въ напряженіи. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, какъ извѣстно изъ прямого опыта, наступаетъ волненіе неудовольствія въ большей или меньшей степени. Имъ параллельно противоположны случаи: 1) энергической траты силы, находящейся въ достаточномъ количествѣ и повышенія энергіи, слѣдующаго за слабымъ возбужденіемъ, особенно за полнымъ покоемъ и бездѣйствіемъ; 2) накопленія силы послѣ ея растраты, т. е. энергически совершающагося процесса накопленія ея (удовольствіе покоя). 3) Правильная, ритмическая дѣятельность, въ которой каждое возбужденіе подготовлено и стоитъ въ правильномъ отношеніи къ предыдущимъ и послѣдующимъ возбужденіямъ (удовольствіе гармоніи всякаго рода).

Всѣ эти состоянія, какъ извѣстно опять изъ прямого опыта, сопровождаются чувствомъ удовольствія—въ большей или меньшей степени.

Итакъ, всѣ случаи неудовольствія, въ связи съ ощущеніями и воспріятіями, сводятся къ чрезмѣрному преобладанію накопленія силы нервной надъ ея тратою, что Дюмонъ и за нимъ Гротъ называютъ „отрицательнымъ страданіемъ“;—къ чрезмѣрному преобладанію траты надъ накопленіемъ, что Дюмонъ и Гротъ называютъ „положительнымъ страданіемъ“; наконецъ—къ неправильной тратѣ силы. Случаи удовольствія сводятся къ гармоническому соотношенію между накопленіемъ и тратою (удовольствіе положительное); возстановленію растроченной силы (удовольствіе отрицательное); правильной—ритмической и подготовленной тратѣ силы. Всѣ эти формы движенія и, слѣдовательно, условія возникновенія удовольствія и неудовольствія могутъ быть открыты и указаны въ

каждой душевной дѣятельности. И всюду, гдѣ является удовольствіе или неудовольствіе — условія ихъ явленія сводятся къ присутствію той или другой формы траты силы и движенія нервнаго.

б) Волненія формальныя.

Виды формальныхъ волненій. — Общія условія возникновенія волненій дѣятельности и скуки. — Отличительныя черты волненія дѣятельности. — Вѣднѣе выраженіе волненія скуки. — Характеристическія черты этого волненія. — Условія полненія скуки. — Значеніе волненій дѣятельности и скуки въ жизни человѣка. — Основа и главныя условія волненій силы и безсилія. Значеніе волненія силы въ жизни человѣка. Волненія, связанныя съ обнаруженіемъ: силы физической, — умственной, силы воли, таланта и т. п. Значеніе измѣренія силы. — Волненія свободы и стѣсненія. Происхожденіе, характеръ и вѣдоизмѣненія этихъ волненій.

За чувствованіями удовольствія и неудовольствія слѣдуетъ цѣлая группа волненій, въ которыхъ удовольствіе и неудовольствіе представляютъ преобладающій элементъ и изъ которыхъ нѣкоторыя, быть можетъ, предшествуютъ самому удовольствію и неудовольствію. Это: а) волненіе, связанное съ простымъ сознаніемъ въ душѣ какой-нибудь дѣятельности нормальной и опредѣленной, и — противоположное ему, — возникающее въ связи съ сознаніемъ отсутствія такой дѣятельности; б) близко стоящія къ этимъ волненіямъ, по условіямъ своего происхожденія и отчасти составу, волненія, связанныя съ сознаніемъ силы и съ измѣреніемъ ея, также съ сознаніемъ безсилія; в) волненія свободы и стѣсненія.

Общія условія возникновенія *волненія дѣятельности* и — ему противоположнаго даны уже въ этихъ общихъ ихъ названіяхъ. Извѣстно, что жизнь организма тѣлеснаго складывается изъ рядовъ движеній, или процессовъ, которые находятся на опредѣленномъ уровнѣ силы, называемомъ нормальнымъ. Всѣ эти дѣятельности, или процессы органическіе, находясь въ нормальномъ состояніи, суммируются въ сознаніи, какъ особаго рода ощущенія здоровья, бодрости и т. п. Всякое пониженіе или ослабленіе и расстройство въ общемъ ходѣ этихъ процессовъ, отчего бы оно ни зависѣло, отъ мѣстныхъ ли аномальныхъ измѣненій, или отъ причинъ, дѣйствующихъ на организмъ, — суммируется въ сознаніи, какъ общее ощущеніе

недомоганья, или нездоровья, не переходя въ опредѣленное ощущеніе боли. Тоже самое имѣетъ мѣсто, *mutatis mutandis*, и относительно жизни душевной. Эта жизнь тоже состоитъ изъ рядовъ постоянно совершающихся, извѣстнымъ образомъ организованныхъ дѣятельностей, или процессовъ. Душевная дѣятельность, какъ и дѣятельность тѣла имѣетъ свой нормальный уровень энергіи и организованности, которымъ несомнѣнно должно аффицировать и аффицируетъ сознаніе. Ихъ нормальный ходъ суммируется въ сознаніи особаго рода волненіемъ, которое и есть *воленіе дѣятельности*, вполне аналогичное съ общимъ ощущеніемъ физическаго здоровья. Всякое паденіе душевной дѣятельности ниже этого уровня, необходимо сопровождающееся разстройствомъ—дезорганизаціею теченія душевной жизни—является въ сознаніи, какъ волненіе противоположнаго характера, посылающее особое названіе—*скуки*. Скука—выраженіе въ сознаніи ослабленной, разстроенной дѣятельности душевной—имѣетъ аналогію съ общимъ ощущеніемъ физическаго нездоровья: она есть какъ бы общее недомоганье въ душевной сферѣ, потому то дѣйствительное разстройство, болѣзни душевныя, когда они возникаютъ постепенно, начинаются обыкновенно съ этого чувства.

Чувство дѣятельности, имѣя специфическія, неподдающіяся описанію особенности, отличающія его отъ всѣхъ другихъ волненій,—въ то же время всегда пріятно и можетъ достигать при энергичной, успѣшной дѣятельности,—напримѣръ, при здоровой, быстрой, энергичной умственной работѣ, также при работѣ физической, когда она сопряжена съ сосредоточеніемъ вниманія и соупутствуется энергическою душевною дѣятельностью,—можетъ достигать высокой степени силы, переходить въ такъ называемое наслажденіе. Такъ какъ въ волненіи дѣятельности имѣетъ значеніе не характеръ и содержаніе какого-нибудь душевнаго акта или ряда ихъ, а характеръ общаго хода и строя душевной жизни, то это содержаніе совершенно безразлично для возникновенія его. Все дѣло состоитъ въ томъ, чтобы въ данный моментъ въ душѣ была какая нибудь, болѣе или менѣе энергичная и организованная по своимъ законамъ, дѣятельность, сосредоточивающая на себѣ

вниманіе, степень силы котораго всегда служитъ показателемъ степени энергіи и организованности душевныхъ процессовъ. Отсюда выходитъ — на первый взглядъ — парадоксальное, но вполне законное и естественное явленіе, — что, при отсутствіи дѣятельности опредѣленной, могущей вызвать это пріятное волненіе, — даже непріятность, страданіе — становятся пріятными, возбуждая энергію, вниманіе, устраняя тяжелое чувство скуки. При сосредоточеніи вниманія, во всякій данный моментъ энергичной дѣятельности, на самомъ ея содержаніи, естественно, волненіе дѣятельности и его пріятность весьма часто не сознаются вовсе, или являются въ промежутки дѣятельности, также по ея окончаніи, какъ воспоминаніе, особенно же — подъ влияніемъ наступающей, съ прекращеніемъ дѣятельности, скуки. Потому-то, вѣроятно, ни въ одномъ языкѣ нѣтъ особаго термина для этого, постоянно въ той или другой степени присущаго, волненія: не имѣетъ оно и опредѣленнаго своего физическаго воплощенія.

Волненіе, противоположное сейчасъ сказанному, — *скука*, имѣя также свои специфическія особенности, въ то же время характеризуется, какъ весьма непріятное. По самому существу условій, его вызывающихъ, оно наполняетъ, такъ сказать, въ данный моментъ сознаніе, ни на чемъ несосредоточенное, выдѣляется, потому, слишкомъ рельефно изъ другихъ состояній и отличается высшею опредѣленностью. Притомъ же, оно имѣетъ очень опредѣленное внѣшнее выраженіе, котораго нельзя смѣшать съ простымъ выраженіемъ неудовольствія. Глаза скучающаго человѣка становятся тусклыми, безжизненными, похожими на глаза человѣка, которому сильно хочется спать: они или почти неподвижны и полузакрыты, или блуждаютъ, ни на чемъ не останавливаясь опредѣленно, ничего не фиксируя. Физическая причина этого — слабый притокъ крови къ мозгу, обусловливаемый его слабой дѣятельностью, отъ чего бы она ни зависѣла. При этомъ кровообращеніе становится медленнымъ и во всемъ организмѣ; медленнымъ становится и дыханіе. Вслѣдствіе общей слабости кровообращенія, обезкровливаются волосные сосуды, и покровы тѣла, особенно лица, блѣднѣютъ. При медленномъ крово-

обращеніи и дыханіи, кровь мало окисляется, переполняется углекислотою. Отсюда судорожныя періодическія вдыханія съ сильнымъ открытіемъ рта — такъ называемая зѣвота, повторяющаяся черезъ правильные промежутки времени. Мускулы лица ослабляются и дѣлаютъ выраженіе лица неопредѣленнымъ — безжизненнымъ, мускулатура всего организма теряетъ напряженіе, движенія становятся вялыми, неправильными, безцѣльными, или даже вовсе почти прекращаются. Это внѣшнее выраженіе вполнѣ соотвѣтствуетъ тому, что происходитъ въ это время въ душѣ и чѣмъ собственно обусловливается и вызывается самое волненіе скуки. Здѣсь также нѣтъ полного отсутствія дѣятельности, — это не возможно и не мыслимо. Но дѣятельность эта понижена до крайней степени, безсвязна, безцѣльна, не концентрирована, вообще, разстроена, дезорганизована: идеи возникаютъ съ чрезмѣрной медленностью и болѣею частію случайно, и ни одна изъ нихъ не фиксируется, не останавливаетъ вниманія, не возбуждаетъ интереса, или же постоянно возвращается одна идея, одинъ рядъ ихъ, однообразно повторяясь и не давая мѣста другимъ; волненія не являются вовсе или съ чрезвычайною слабостію, желанія неопредѣленны, и воля парализована и т. п. Такое состояніе внутренней жизни и есть собственно *причина* волненія *скуки*; но, ливившись разъ, это волненіе, въ свою очередь, начинаетъ его поддерживать, разстроивая еще болѣе теченіе психической дѣятельности и тѣмъ усиливая само себя. Непріятность и мучительность чувства скуки въ значительной степени еще увеличивается тѣмъ, что, подъ вліяніемъ этого волненія, время кажется необыкновенно продолжительнымъ, тогда какъ при другихъ волненіяхъ оно кажется текущимъ очень быстро, или, какъ точнѣе выражаются, незамѣтно. Это характеристическая черта скуки, которая отражается въ его названіяхъ (напр., *Langweile*). Удлиненіе времени объясняется здѣсь медленностью и неправильностью смѣны душевныхъ состояній и сосредоточеніемъ вниманія на тѣхъ внѣшнихъ измѣненіяхъ, которыми мѣряется время. Сознаніе „длины“ времени, въ связи съ другими возбужденіями, вызываетъ въ слабой степени гнѣвное волненіе, которое обращается на

олицетворяемое обыкновенно время. Отсюда энергическія выраженія, обозначающія средства устранения скуки, напр., „убивать время“ и т. п.—Общи условия, подъ вліяніемъ которыхъ является скука, весьма разнообразны; къ нимъ относятся: а) болѣзненное измѣненіе мозга, б) отсутствіе вѣшнихъ и внутреннихъ поводовъ энергической дѣятельности, в) прекращеніе привычной дѣятельности, г) постоянное повтореніе одного и того же, е) воспріятіе непонятнаго или мало знакомаго.

Оба волненія постоянно чередуются въ жизни человѣка, при чемъ у человѣка трудящагося, занятого, преобладаетъ первое, а скука возникаетъ по временамъ только въ зародышевой формѣ, не встрѣчая вовсе или рѣдко встрѣчая благоприятныя условия для своего развитія; въ жизни человѣка, неимѣющаго опредѣленныхъ занятій, нетрудящагося, преобладающимъ всегда, въ концѣ концовъ, является волненіе скуки, и пріятное волненіе дѣятельности рѣдко или никогда не развивается со всею силою и опредѣленностью. Оба волненія, очевидно, играютъ большую и важную роль въ жизни человѣка и направлены природою къ одной цѣли—поддержанію энергической дѣятельности, служащей источникомъ развитія и совершенствованія психическаго міра и личности человѣческой,—одно положительно, другое отрицательно. Именно, пріятное волненіе дѣятельности, являясь вмѣстѣ съ нею и возрастая до извѣстныхъ предѣловъ, въ крайнемъ случаѣ, до наступленія усталости, является главнымъ, постоянно дѣйствующимъ въ теченіе всего процесса стимуломъ и двигательною силою. При этомъ, другіе стимулы, первоначально вызывающіе данную дѣятельность, напримѣръ, ожидаемое благо какого-либо рода, или устраненіе какой-нибудь непріятности отступаютъ на задній планъ и вовсе не сознаются, такъ что начавшаяся дѣятельность сама себя поддерживаетъ и питаетъ при посредствѣ порождаемаго ею самою удовольствія. Если бы не было этого постояннаго въ самой дѣятельности заключеннаго стимула, другіе стимулы могли бы создать только неровную, прерываемую и всегда тяжелую дѣятельность, и множество самыхъ благотворныхъ дѣятельностей не могли бы

вовсе возникнуть. Въ свою очередь, мучительное чувство скуки, вынуждая избѣгать себя, постоянно поддерживаетъ дѣятельность, какъ средство своего устраненія, и заставляетъ человѣка самый отдыхъ, необходимый послѣ напряженной дѣятельности, превращать тоже въ дѣятельность. Этимъ создается особый рядъ дѣятельностей, извѣстныхъ подъ именемъ развлеченій, игръ, забавъ и т. п., которыя, служа временно замѣной дѣйствительной дѣятельности, имѣющей побочныя жизненные цѣли, обыкновенно связываются съ различнаго рода удовольствіями, увеличивающими пріятность отдыха и развлеченія. Но здѣсь мы встрѣчаемся съ явленіемъ, которое въ различныхъ формахъ возникаетъ во всѣхъ сферахъ душевной жизни и вообще жизни человѣка, — именно: средство само становится цѣлью, и жизнь, вмѣсто того, чтобы состоять изъ нормальной смѣны серьезной напряженной дѣятельности и отдыха, въ связи съ другими удовольствіями, превращается, такъ сказать, въ напряженный отдыхъ, въ преслѣдованіе развлеченій и удовольствій. Съ тѣмъ вмѣстѣ скука, рано или поздно, превращается въ хроническій недугъ, дѣлается преобладающимъ волненіемъ, около котораго группируются всѣ другія волненія и дѣйствія человѣка, такъ какъ устранивается единственное дѣйствительное и радикальное средство ея упычтоженія, — серьезная дѣятельность, и остается ея суррогатъ и подобіе. Имѣя значеніе въ связи съ дѣйствительною дѣятельностью, — это подобіе ея само по себѣ, очевидно, не есть дѣятельность. Ближайшая причина такого аномальнаго, хотя и весьма часто встрѣчающагося явленія, заключается въ томъ, что настоящая серьезная дѣятельность всегда соединена съ побужденіемъ и нѣкоторыхъ сопротивленій, или препятствій, которыя встрѣчаются весьма часто въ самомъ началѣ дѣятельности, — словомъ, она становится тѣмъ, что называется „трудомъ“. А всякое сопротивленіе вышнее и препятствіе само по себѣ способно вызывать непріятное чувство и, за нѣкоторыми исключеніями, постоянно его вызываетъ. Къ этому присоединяется представленіе непріятнаго состоянія усталости, утомленія, новыхъ сопротивленій и т. п., и непріятность сопротивленія — препятствія еще до начала дѣйствія усиливается и возрастаетъ по-

степенно, пока не начнется побѣжденіе препятствія и съ тѣмъ вмѣстѣ не возникнетъ пріятное чувство, связанное органически съ энергическою дѣятельностью. Но самое-то начало бываетъ для многихъ особенно тяжело и непріятно, такъ какъ во многихъ случаяхъ соединено съ побѣжденіемъ внутреннего сопротивленія, лежащаго въ организмѣ и душѣ. Въ самомъ благопріятномъ случаѣ—здѣсь необходимъ переходъ отъ легкой и непріятной дѣятельности, еще ненаскучившей, къ дѣятельности сравнительно очень напряженной, потому что крутой подъемъ энергіи находится въ числѣ условій и причинъ, всегда вызывающихъ непріятное волненіе большей или меньшей силы. Лица, сильные и привыкшія къ труду, обыкновенно сразу производятъ этотъ подъемъ силы и побѣждаютъ внутреннюю инерцію, хотя это усиліе всегда болѣе или менѣе и для нихъ тяжело и непріятно. Люди, болѣе слабые и непривычные, но вынужденные почему-нибудь трудиться, прибѣгаютъ въ этомъ случаѣ къ постепенному возбужденію внутренней энергіи, пока она не поднимется до уровня напряженія, достаточнаго для побѣжденія сопротивленія и, такимъ образомъ, незамѣтно переходить къ болѣе или менѣе напряженной дѣятельности. Нѣкоторые изъ этой послѣдней категорія, безъ самой крайней нужды, не могутъ прибѣгнуть къ такому приему и предпочитаютъ бездѣйствіе, праздность, сопряженную даже со скукою—непріятности усилія, стараясь наполнить свою жизнь дѣятельностями легкими и являющимися безъ усилія и сама собою. Эта боязнь передъ непріятностями побѣжденія, сопротивленія внутреннего и вѣшняго, особенно боязнь перваго усилія и напряженія для побѣжденія внутренней инерціи, обыкновенно называется „лѣнью“, которая, ставшая привычнымъ, преобладающимъ явленіемъ, вслѣдствіе частаго повторенія, создаетъ извѣстный характеръ лѣнливаго человѣка, „лѣнтяя“. Лѣнливый, по самому существу дѣла, неизбежно становится жертвою скуки, которую онъ старается постоянно ослабить разными легкими, даже нелѣпыми дѣйствіями, тщательно въ то же время избѣгая единственнаго средства ея устраненія—дѣйствительной дѣятельности или труда. Мало по малу онъ, наконецъ, привыкаетъ

къ этому состоянію, приспосаблиется, благодаря указанному нами закону образованія равновѣсія нервнаго и психическаго на очень низкомъ уровнѣ. Жизнь лишается, при этомъ, всякаго смысла и содержанія,—личность заживо почти умираетъ. Эта лѣнь и привычка къ праздности можетъ образоваться даже у очень сильнаго человѣка по природѣ, или, вообще, энергическаго и способнаго къ труду, что бываетъ, какъ извѣстно, очень часто, въ тѣхъ особенно случаяхъ, когда, благодаря условіямъ жизни, человѣку нѣтъ нужды трудиться и когда въ его распоряженіи множество пріятныхъ и легкихъ дѣятельностей. При этихъ условіяхъ во всей широтѣ и обнаруживается указанное превращеніе средства въ цѣль, и начинается ежедневная борьба со скукою, нелипенная своего рода драматизма. Исчерпавши всѣ возможныя развлеченія, испытавши всякаго рода удовольствія, человѣкъ нерѣдко впадаетъ въ постоянное состояніе скуки, мучится и тоскуетъ, и чѣмъ онъ сильнѣе и энергичнѣе по природѣ, тѣмъ сильнѣе его мученія. Скука превращается въ сплинъ, въ апатію ко всему, доводитъ до самоубійства. Но еще чаще при этомъ возникаетъ потребность какъ нибудь искусственно, сильнымъ, необыкновеннымъ способомъ поднять жизненную энергію. Возникаетъ рядъ порывистыхъ, вызывающихъ сразу огромное количество освобожденія силы, дѣйствій, такъ называемыхъ эксцессовъ во всѣхъ родахъ, чудачествъ, даже преступленій и во всякомъ случаѣ болѣе или менѣе порочныхъ фактовъ. Между прочимъ, одно изъ самыхъ распространенныхъ во всемъ человѣческомъ родѣ средствъ прогнать мученія скуки, связанныхъ съ праздностью—служить временное отравленіе наркотическими веществами,—это: настой мухомора, гашишъ, или настой конопли, опиумъ, алкоголь въ разныхъ видахъ и нѣкоторые другія наркотическія вещества. Всѣ эти вещества, дѣйствуя прямо на кровь и нервныя центры, физически возбуждаютъ душу, увеличиваютъ энергію мысли, чувства, воли и тѣмъ самымъ быстро прогоняютъ скуку. Правда отравленіе временное наркотическими веществами обусловливается многими обстоятельствами, отчасти наслѣдственностью, болѣзнями нервными; но въ огромномъ большинствѣ случаевъ источникомъ этой привычки является исключительно праздность и скука.

Не трудно видѣть, что въ намѣченныхъ нами явленіяхъ, группирующихся около волненій дѣятельности и скуки, какъ и въ самыхъ этихъ явленіяхъ, мы имѣемъ передъ собою предметъ великой жизненной важности и значенія, требующій самыхъ тщательныхъ изслѣдованій и распространенія ихъ результатовъ. Къ сожалѣнію, этихъ изслѣдованій доселѣ почти нѣтъ. Въ системахъ психологій болѣею частію эти явленія обходятся и не затрагиваются.

Когда процессъ дѣятельности и связанное съ нимъ пріятное возбужденіе осложняется сознаніемъ побѣжденія сопротивленія или достиженія какой либо цѣли, естественно возникаетъ сознаніе легкости или трудности, съ какою побѣждается сопротивленіе или достигается цѣль. За этимъ само собою слѣдуетъ *измѣреніе* собственной силы, оцѣнки ея наличнаго количества. Легкость побѣжденія даннаго сопротивленія или достиженія цѣли, при этомъ, служить знакомъ присутствія болѣе сильной силы, трудность—обнаруживаетъ малое ея количество. Этотъ довольно сложный процессъ служить основою и источникомъ новыхъ *волненій*,—*силы*, могущества, въ первомъ случаѣ, и слабости, *безсилія*—во второмъ, съ ихъ многочисленными видоизмѣненіями и формами. Начавшееся непосредственно измѣреніе силы даннымъ сопротивленіемъ, всегда осложняется сравненіемъ. При этомъ человекъ или сравниваетъ различные случаи своей собственной дѣятельности, въ виду даннаго сопротивленія, и замѣчаетъ при этомъ возрастаніе, увеличеніе или упадокъ силы: въ первомъ случаѣ—возникаетъ повышенное волненіе силы, въ послѣднемъ—безсилія, или слабости. Или же, въ виду даннаго сопротивленія и цѣли, собственная сила сравнивается съ количествомъ ея у другихъ,—равенство съ людьми, обладающими въ данномъ отношеніи болѣею силою, а тѣмъ болѣе превосходство служитъ новымъ мотивомъ возникновенія и увеличенія волненія силы; при условіяхъ обратныхъ—слабости.

Волненіе силы одно изъ самыхъ пріятныхъ, имѣетъ распространеніе во всѣхъ сферахъ человѣческой жизни и весьма большое вліяніе, всюду возбуждая и повышая его дѣятельность и энергію, поддерживая стремленіе къ усовершенствованію и постоянному увеличенію своей силы; но служитъ основою мно-

гихъ и вѣльныхъ явленій. Это пріятное возбужденіе играетъ такую же роль въ процессѣ самоусовершенствованія во всѣхъ родахъ дѣятельности и, слѣдовательно, въ прогрессѣ человѣка, какую простая пріятность дѣятельности въ самомъ строѣ ея и развитіи, т. е. оно автоматически поддерживаетъ и направляетъ процессъ накопленія и обнаруженія большей и большей силы, дѣлая самый процессъ усовершенствованія въ высшей степени пріятнымъ. Волненіе, вызываемое этимъ сознаніемъ слабости въ высшей степени не пріятно.

Волненіе силы имѣетъ множество различныхъ формъ, опредѣляемыхъ родами и видоизмѣненіями человѣческихъ дѣятельностей, такъ что всѣ случаи обнаруженія этого волненія и перечислить трудно, даже въ его чистомъ видѣ, не говоря уже о тѣхъ случаяхъ, когда оно входитъ въ другія волненія. Главнѣйшія изъ этихъ формъ слѣдующія.

а) Волненіе силы, связанное съ обнаруженіемъ и измѣреніемъ силы *физической*, также сложности, разнообразія и быстроты движеній, составляющихъ то, что называется ловкостью. Волненіе это очень рано обнаруживается у человѣка и служить импульсомъ въ приобрѣтенія полезныхъ навыковъ движеній физическихъ разнаго рода. Оно обнаруживается въ играхъ дѣтей, особенно мальчиковъ— въ бросаніи предметовъ, бѣганіи, лазаніи, борьбѣ и дракахъ, которыя хотя и сопровождаются непріятными гнѣвными возбужденіями, въ сущности, имѣютъ основу и цѣль—обнаруженіе и измѣреніе силы и ловкости физической и испытаніе пріятнаго волненія, отсюда происходящаго. На этой ступени развитія, когда сила и ловкость физическія являются особенно цѣнными въ жизненной борьбѣ человѣка, создаются особые общественныя учрежденія для измѣренія ихъ и испытанія, связаннаго съ этимъ удовольствіемъ,—въ родѣ Олимпійскихъ игръ—въ первое время ихъ существованія у Грековъ,—военныхъ игръ у дикарей, кулачныхъ боевъ, турнировъ средневѣковыхъ и т. п. Подобнаго же рода учрежденія существуютъ и нынѣ въ обществахъ, гдѣ цѣвится физическое развитіе, какъ спутникъ здоровья и нравственной силы: таковы знаменитыя состязанія въ гонкѣ и играхъ между студентами Оксфордскаго и Кембриджскаго университетовъ, гимнастическія общества и т. п. Сознаніе и

измѣреніе физической силы имѣетъ также значеніе въ международныхъ отношеніяхъ и входитъ, какъ составной элементъ въ патріотическія волненія народной гордости, особенно когда нѣтъ другихъ мотивовъ для пріятныхъ волненій силы въ связи съ представленіемъ родины. (Знаменитое: „закидаемъ шапками“, какъ самое чистое выраженіе этого рода волненія и сознанія).

б) Волненіе силы, связанное съ обнаруженіемъ *умственной* силы, начиная съ самыхъ низшихъ формъ ея и кончая высшими (мудростью, проникательностью). Къ низшимъ относятся: хитрость, желаніе обмануть, служащія для многихъ людей источникомъ величайшаго удовольствія. Это удовольствіе служить главною основою и поддерживающею силою такихъ явленій, какъ интригантство, стремленіе и потребность подвести, упизить или, наоборотъ, возвысить кого-нибудь разнаго рода тайными и ловкими дѣйствіями, косвенно и т. п.; потребность осмѣять, поставить другаго въ глупое и нелѣпное положеніе; шулерство и мошенничество, хотя оно соединяется съ громаднымъ рискомъ и непріятностями; склонность къ воровству, даходящая до страсти и болѣзни. Сознаніе этого рода силы, какъ и сознаніе силы физической, также составляетъ главный предметъ національной гордости и источникъ общаго патріотическаго удовольствія у нѣкоторыхъ націй, слабыхъ физически и подавленныхъ, — у современныхъ грековъ, армянъ, цыганъ, особенно евреевъ. Измѣреніе и сравненіе умственной силы вообще происходятъ постоянно во всѣхъ сферахъ жизни общественной и частной, и признаніе въ себѣ большой умственной силы, дѣйствительной или воображаемой, является источникомъ высочайшаго удовольствія, что особенно очевидно изъ того, что очень многіе люди легко прощаютъ сомнѣніе въ ихъ честности, добротѣ, состоятельности матеріальной и физической, но не могутъ выносить сомнѣнія въ ихъ умѣ; также изъ того, что лезть, въ концѣ концовъ, главнымъ образомъ состоитъ всегда въ прямомъ или косвенномъ признаніи большихъ умственныхъ силъ въ чужбѣ. Едвали нужно указывать, какое огромное количество большихъ и малыхъ драммъ и комедій въ жизни протекаетъ изъ погони за удовольствіемъ сознанія въ себѣ большой или, вообще, значительной силы умственной.

с) Третью группу составляютъ волненія, связанныя съ обнаруженіемъ силы *воли*. Волненіе это составляетъ одинъ изъ сильныхъ мотивовъ въ воспитаніи и развитіи власти надъ собою, въ подавленіи дурныхъ привычекъ и воспитаніи хорошихъ и т. п. Но всякое упорство въ очевидно нелѣпныхъ мнѣніяхъ, поступкахъ, дѣйствіяхъ преимущественно поддерживается удовольствіемъ обнаруживаемой здѣсь силы; тоже нужно сказать о непослушаніи, стремленіи поставить на своемъ и т. п. — Пріятность сознанія силы воли и характера заставляетъ людей подвергаться умышленно боли съ цѣлью показать свою способность терпѣть ее безъ всякихъ наружныхъ признаковъ. Она же поддерживаетъ главнымъ образомъ всѣ обнаруженія власти человѣка надъ собою и служить преимущественно основою такого крупнаго явленія, какъ аскетизмъ. Никакія, самыя важныя и возвышенныя цѣли не могли бы поддержать въ ежеминутномъ испытаніи страданій и лишеній всякаго рода, которымъ подвергаетъ себя аскетъ, если бы въ самомъ процессѣ борьбы съ собою и обнаруженія могущества не довалось напряженнаго и очень сильнаго удовольствія.

d) Волненіе, вызываемое присутствіемъ *таланта* какого-либо, т. е. повышеннаго совершенства какой либо дѣятельности. встрѣчающейся у большинства людей въ слабой формѣ или вовсе не встрѣчающейся. Удовольствіе силы, данное въ самомъ фактѣ обладанія такою выдающеюся способностью, повышается еще отъ того, что здѣсь большею частью всегда является большая или меньшая власть надъ другими, зависимость многихъ отъ одного. Удовольствіе поэта, помимо даннаго въ самомъ процессѣ творчества, въ развитіи дѣятельности, недоступной другимъ, сознанія силы, — повышается отъ представленія того, что тысячи людей чрезъ это испытываютъ наслажденіе и будутъ испытывать; то же самое волненіе присуще оратору, художнику, механику, ученому, дѣлающему открытія, человѣку, обладающему обширными познаніями и передающему ихъ другимъ и т. п. — Особый видъ этого рода волненія силы, проистекающій изъ обладанія, очевидно, чѣмъ-либо большимъ, чѣмъ другіе, и изъ проистекающаго отсюда вліянія на другихъ людей составляетъ сильное волненіе, связанное съ обладаніемъ богатствомъ, т. е. большимъ сравнительно

съ другимъ количествомъ цѣнностей. При существующемъ общественномъ строѣ, это обладаніе даетъ человѣку громадную силу, и чѣмъ больше количество цѣнностей, тѣмъ обширнѣе и напряженнѣе эта сила и тѣмъ сильнѣе и напряженнѣе и пріятнѣе самое волненіе.

е) Наконецъ, весьма выдающуюся группу составляетъ волненіе силы, связанное съ *общественнымъ положеніемъ* человѣка, дающимъ ему болѣе или менѣе обширную власть надъ другимъ, возможность подчинять ихъ волю, опредѣлять дѣйствія, благополучіе или страданіе и т. п. Какъ и богатство, эта сила болѣею частію внѣшняя, невытекающая изъ внутреннихъ свойствъ человѣка, но тѣмъ не менѣе сознаніе ея присутствія и ея обнаруженіе доставляетъ удовольствіе иногда тѣмъ болѣе напряженное, чѣмъ случайнѣе и менѣе соответствуетъ внутреннимъ достоинствамъ сила власти. Напряженность чувства опредѣляется по обширности власти и имѣетъ множество степеней. Но едва ли есть человѣкъ, который бы не искалъ и не испытывалъ этого удовольствія. Если человѣкъ въ общественной жизни не можетъ добыть себѣ способовъ удовлетворить стремленіе къ власти или къ удовольствію ея, онъ ищетъ ихъ въ семьѣ, въ крайнемъ случаѣ, въ распоряженіи дѣтьми. При отсутствіи и этой возможности онъ находитъ наслажденіе въ командѣ надъ животными и т. п. Подъ вліяніемъ напряженнаго удовольствія власти и стремленія къ нему, жизнь человѣческихъ обществъ сама собою всегда получаетъ какъ бы видъ пирамиды, въ которой давленіе возрастаетъ отъ вершины къ основанію. Такой строй создаетъ своего рода систему и порядокъ, который признается разумнымъ и естественнымъ, потому что является результатомъ свойствъ человѣческой природы. Отнимите удовольствіе силы власти—и эта пирамида рухнетъ сама собою и общество должно будетъ строить её на другихъ началахъ.

Не трудно видѣть, что главнымъ источникомъ волненія силы служитъ *измѣреніе* ея. Измѣреніе идетъ въ двухъ направленіяхъ, путемъ сравненія съ меньшимъ и съ большимъ. Въ первомъ случаѣ является сознаніе силы, во второмъ—слабости относительной или безсилія. Въ виду этого, всякая степень силы и наслажденіе ею можетъ осложняться чувствомъ

непріятнымъ—бесилія, или отравляться, и пока есть большая сила, съ которою можетъ мѣрять человѣкъ свою собственную,—является неудовольствіе и вызываетъ попытки избѣжать его. Отсюда непасытность стремленія къ силѣ въ формѣ знанія, богатства, особенно—власти. Когда человѣкъ достигаетъ такого могущества, что становится выше всего окружающаго,—и тогда не можетъ быть покоя, потому что у человѣка есть творческая фантазія: и не имѣя ничего большаго предъ собою, онъ можетъ вообразить его, и опять удовольствіе будетъ отравлено.

Къ группѣ волненій, связанныхъ съ дѣятельностью, относятся *воленіе свободы* или *неволи*. Всякій разъ, какъ какая-нибудь дѣятельность или проявленіе силы встрѣчаетъ внѣшнее, болѣе или менѣе сильное препятствіе, возникаетъ довольно сильное волненіе съ характеромъ непріятности, называемое чувствомъ стѣсненія, или неволи. Оно достигаетъ полнаго своего развитія большею частію въ тѣхъ случаяхъ, когда налагается препятствіе всѣмъ главнымъ видамъ дѣятельности физической и духовной; но также можетъ быть весьма напряженнымъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда налагается внѣшнее препятствіе одному какому-либо роду дѣятельности, напримѣръ, развитію и обнаруженію мышленія, чувства, общественной дѣятельности и т. п. Источникомъ и причиною неудовольствія здѣсь, очевидно, служатъ скопленіе силы, неимѣющей выхода; специфическій характеръ дается сознаніемъ нецѣлѣсмысливости препятствія и также представленіемъ противоположнымъ, т. е. дѣятельности, не встрѣчающей преграды. Сознаніе безпрепятственнаго развитія дѣятельности всѣхъ родовъ или какой-либо отдѣльной ея формы сопровождается пріятнымъ чувствомъ свободы. Пріятность или удовольствіе имѣетъ здѣсь своею основою нормальную трату силы или нормальную хотя дѣятельность во всѣхъ направленіяхъ или въ какомъ-нибудь одномъ. Это волненіе, подобно волненію дѣятельности, какъ состояніе нормальное, сознается очень слабо само по себѣ. Оно обнаруживается со всею силою когда является за прекращеніемъ стѣсненія или неволи, также путемъ сравненія состоянія, въ томъ или другомъ направленіи ставшаго правильнымъ, съ неволею другихъ людей; а

состояніе неволи тоже вызываетъ особенно сильное волненіе, вслѣдъ за прекращеніемъ свободной дѣятельности, также подъ вліяніемъ сравненія этого состоянія съ свободою другихъ людей, даже животныхъ и стихій. Оба волненія, такимъ образомъ, взаимно обусловливаютъ и видоизмѣняютъ другъ друга въ степеняхъ силы, какъ волненіе силы и безсилія. Волненіе свободы до такой степени пріятное возбужденіе, а волненіе неволи—мучительное, что стремленіе къ первому и избѣжаніе второго становятся нерѣдко сильнѣйшею страстью, которая опредѣляетъ всю дѣятельность человѣка и, во всякомъ случаѣ, даетъ начало множеству выдающихся явленій въ жизни человѣка—семейной, общественной, политической, вызывая разныя формы борьбы съ ограниченіемъ свободы, отъ простого побѣга, удаленія отъ стѣсняющей силы, до политическихъ и соціальныхъ революцій включительно. Особенное видоизмѣненіе чувства неволи возникаетъ съ высшею степенью непріятности, когда не только полагается препятствіе данной дѣятельности, но возникаетъ принужденіе совершить другую, прямо ей противоположную. Съ другой стороны, особенное видоизмѣненіе чувства свободы, отличающееся высшей пріятностью и доступное человѣку подневольному, есть присущее человѣку по природѣ сознаніе внутренней независимости, недоступности никакому внѣшнему препятствію или стѣсненію чисто душевныхъ дѣятельностей: мысли, чувства, желанія и идеальнаго дѣйствія. Осложняясь пріятнымъ волненіемъ силы—внутренняго могущества, волненіе это можетъ достигать высшаго напряженія и удовольствія среди всѣхъ стѣсненій и называется чувствомъ *нравственной свободы*. Отсюда, въ тѣхъ случаяхъ, когда является посягательство и на этого рода свободу, послѣднее ея убѣжище, возникаетъ самая сильная реакція и борьба со стороны личности. Въ такихъ обстоятельствахъ высшая напряженность и пріятность чувства свободы внутренней даетъ человѣку опору и силу выносить всѣ страданія, чтобы сохранить это чувство и создаетъ великое явленіе мученичества за свои убѣжденія.

Веніаминъ Снегиревъ.

(Продолженіе будетъ).

О БЛАГОДѢЯНІЯХЪ

(«De Beneficiis»).

Л. Аннея Сенеки къ Эбуцію Либералію.

(Продолженіе *).

КНИГА VI.

Глава 15.

„Такимъ образомъ, замѣчаютъ намъ, ты утверждаешь, что кромѣ небольшой платы ничего не бываешь обязанъ платить ни врачу, ни наставнику, потому что уже нѣчто уплатилъ имъ; но вѣдь ко всѣмъ этимъ лицамъ у насъ существуетъ великая любовь и уваженіе“.

На это отвѣчаютъ, что иныя вещи стоятъ дороже того, за что покупаются. Отъ врача ты получаешь неоцѣнимую вещь: жизнь и хорошее здоровье, отъ преподавателя прекрасныхъ искусствъ — свободныя науки и образованіе души; такимъ образомъ этимъ людямъ платятъ не за стоимость вещи, а за трудъ, за то, что они усердно служатъ, за то, что, отозванные отъ собственныхъ дѣлъ, занимаются съ нами; они получаютъ награду не за свою заслугу, но за свое занятіе.

Можно, однако, съ большею достовѣрностію сказать и кое что другое, (по этому поводу), что я и немедленно изложу, изяснивъ, предварительно, какимъ способомъ можно разоблачить ложь слѣдующаго разсужденія.

„Иное, говорятъ, бываетъ дороже того, чѣмъ продано, и по

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» № 3, 1892 г.

сей причинѣ, хотя оно и было куплено, но ты остаешься мнѣ за это кое что должнымъ сверхъ уплаченнаго“.

Прежде всего—какая важность въ томъ, сколько это (само по себѣ) стоитъ, какъ скоро условіе относительно цѣны заключается между покупателемъ и продавцомъ? Затѣмъ, — я купилъ это не за свою, но за твою цѣну.

„Оно стоитъ дороже, говоришь ты, чѣмъ продано“. Но, вѣдь, оно и не могло быть продано дороже! Вѣдь цѣна каждаго предмета бываетъ сообразна со временемъ. Хотя ты и сильно хвалишь эти вещи, но онѣ стоятъ столько, поскольку не могутъ продаваться дороже. Кромѣ того, — кто хорошо купилъ, тотъ ничего не бываетъ долженъ продавцу!

Далѣе,—хотя бы эти вещи и стоили дороже, тѣмъ не менѣе здѣсь нѣтъ никакого дара съ твоей стороны, потому что вещь цѣнится сообразно не со своимъ употребленіемъ и дѣйствіемъ, а съ обычаемъ и существующею цѣною.

Какую цѣну ты назначаешь тому, кто, перевозя тебя черезъ море, пролагаетъ вѣрную дорогу среди теченій, когда земля уже скрылась изъ вида, и предусматриваетъ предстоящія бури; кто при всеобщей безпечности вдругъ приказываетъ связывать паруса и стоять наготовѣ къ нападенію и внезапному натиску волнъ? Однако и этому человѣку наградою за такое дѣло бываетъ обычная плата за провозъ!

Во сколько ты цѣнишь гостепріимство въ пустынной мѣстности, кровъ во время дождя, баню или огонь во время холода? Тѣмъ не менѣе я знаю, за какую цѣну можно получить доступъ къ этому. Что для насъ дѣлаетъ тотъ, кто поддерживаетъ падающее жилище и съ невѣроятнымъ искусствомъ подпираетъ домъ, гдѣ мы квартируемъ ¹⁾, имѣющій трещины съ самаго низа? Тѣмъ не менѣе устройство подпоръ оплачивается невнскою и опредѣленною цѣною. Стѣна (города) дѣлаетъ насъ безопасными отъ враговъ и внезапныхъ нападеній разбойниковъ, однако извѣстно, что работники, который возводитъ эти башни, предназначенны защищать

¹⁾ *Insula* (завоевіа), большой домъ, раздѣленный на нѣсколько квартиръ, сдававшихся въ наемъ бѣднякамъ.

общественную безопасность, получаетъ извѣстную поденную плату.

ГЛАВА 16.

Не будетъ и конца, если я еще далѣе стану разыскивать примѣры для поясненія того, что великое иногда цѣнится малою цѣною.

Итакъ,—что же за причина, почему я остаюсь еще нѣчто должнымъ врачу и наставнику и не могу раздѣлаться съ ними одною платою?

Это потому, что изъ врача и наставника они переходятъ въ друзей и обязываютъ насъ не искусствомъ, которое продаютъ, но любезнымъ и дружелюбнымъ расположеніемъ. Поэтому, какъ скоро врачъ дѣлаетъ не болѣе того, какъ только беретъ руку и считаетъ меня въ числѣ своихъ паціентовъ, давая, безъ всякаго сочувствія ко мнѣ, наставленія о томъ, что надо дѣлать и чего избѣгать, то я ничего не бываю ему болѣе долженъ, потому что онъ смотритъ на меня не какъ на друга, а какъ на повелителя ¹⁾.

Не имѣю повода почитать и наставника, какъ скоро онъ держалъ меня на ряду съ толпою учениковъ, не считалъ меня достойнымъ исключительнаго и особаго попеченія, какъ скоро онъ никогда не обращалъ ко мнѣ своего душевнаго расположенія; и когда онъ изливалъ свои познанія среди толпы, то я не былъ научаемъ имъ, но воспринималъ ихъ самъ.

Итакъ,—почему же мы бываемъ многимъ обязаны этимъ лицамъ? Не потому, что проданное ими стоитъ дороже того, чѣмъ мы купили, но потому, что они сдѣлали нѣчто для насъ самихъ: онъ (врачъ) истратилъ болѣе старанія, чѣмъ это необходимо для врача, боялся за меня, а не за славу своего искусства, не довольствовался однимъ указаніемъ лѣкарствъ, но и (самъ) подавалъ ихъ, раздѣлялъ волненіе окружающихъ,

¹⁾ „*Sed tanquam imperatorem*“.

Въ древности, какъ извѣстно, врачи не занимали вообще высокаго общественнаго положенія и за извѣстную плату становились какъ бы въ полное распоряженіе своего паціента, вслѣдствіе чего этотъ послѣдній и могъ въ отношеніи къ нимъ называться «повелителемъ» (*imperator*).

поспѣшалъ ко времени критическихъ моментовъ ¹⁾, никакая услуга не была ему въ тягость или позоръ, онъ не безучастно выслушивалъ мои жалобы; среди массы приглашающихъ я для него былъ предметомъ усерднѣйшихъ попеченій. Онъ настолько бывалъ свободенъ для другихъ, насколько это позволяло мое здоровье; ему я обязанъ не какъ врачу, а какъ другу.

Другой (наставникъ), въ свою очередь, обучая меня, понесъ труды и скуку. Онъ научилъ меня и преподавалъ мнѣ нѣчто сверхъ того, что сообщается наставниками для всеобщаго свѣдѣнія; своими убѣжденіями онъ пробуждалъ во мнѣ хорошія способности и отчасти образовалъ во мнѣ своими похвалами бодрое настроеніе духа, а отчасти, своими увѣщаніями разогналъ лѣнь.

Такимъ образомъ, приложивъ, такъ сказать, руку ²⁾, онъ извлекъ скрытый и недѣятельный талантъ; не со скупостью онъ расточалъ свои познанія съ цѣлью долѣе быть нужнымъ, но желалъ, еслибы возможно было, перелить всѣ свои познанія. Я окажусь неблагодарнымъ, если не стану любить его наравнѣ съ самыми дорогими друзьями!

Глава 17.

И представителямъ самыхъ низкихъ занятій ³⁾ мы кое что прибавляемъ сверхъ установленной платы, какъ скоро ихъ трудъ показался намъ нѣсколько болѣе заслуживающимъ вниманія. Мы бросаемъ прибавку и кормчему, и самому дешевому рабочему, и поденщику. Въ отношенія же къ высшимъ искусствамъ, которыя сохраняютъ или украшаютъ жизнь, представляется неблагодарнымъ всякій, кто ничего не считаетъ себя должнымъ сверхъ даннаго.

Прибавъ сюда и то обстоятельство, что сообщеніе этихъ званій сближаетъ между собою души людей. Какъ скоро это

¹⁾ Разумѣются такъ назыв. «кризисы» болѣзни.

²⁾ „*Injecta manus*“,—приложивъ все стараніе и силу.

³⁾ «Низкими» занятіями (*sordida artificia*)—считались всѣ тѣ, гдѣ не требовалось приложенія особаго ума или таланта, какъ то: занятія работъ и попольно-отпущениковъ, корчмарей, торговцевъ, ремесленниковъ и проч.

(сближеніе) достигнуто, то какъ врачу, такъ и наставнику за трудъ уплачивается вознагражденіе, а за душевное расположеніе—остаются въ долгу.

Глава 18.

Когда Платонъ переправился на суднѣ черезъ рѣку и перевозчикъ ничего не потребовалъ съ него, то, считая это сдѣланнымъ въ честь свою, онъ сказалъ, что у того (т. е. перевозчика) остался долгъ за Платонѣмъ.

Немного спустя послѣ этого, когда перевозчикъ съ такимъ же усердіемъ сталъ перевозить даромъ и того, и другаго, онъ (Платонъ) уже сказалъ, что за Платонѣмъ не осталось никакого долга ¹⁾. Вѣдь для того, чтобы я былъ тебѣ чѣмъ нибудь обязанъ, тебѣ слѣдуетъ не только что-нибудь сдѣлать для меня, но и сдѣлать такъ, чтобы это было именно „для меня“.—Никого нельзя требовать къ уплатѣ за то, что бросаетъ въ толпу ²⁾.

„Что же: значить тебѣ ничего за это не будутъ должны?“

Какъ отъ одного лица — ничего: за что бываю въ долгу вмѣстѣ со всѣми, за то вмѣстѣ со всѣми и стану платить!

Глава 19.

„Ты отрицаешь, говорятъ, чтобы оказалъ какое нибудь благодѣяніе тотъ, кто бесплатно перевезъ меня на суднѣ черезъ рѣку По?“

Отрицаю! онъ дѣлаетъ нѣчто доброе, но не оказываетъ благодѣянія, потому что дѣлаетъ это ради самого себя, или, во всякомъ случаѣ, не ради меня. Да и онъ самъ, въ концѣ концовъ, не думаетъ, что оказываетъ мнѣ благодѣяніе, но дѣлаетъ это или ради государства, или ради сосѣдей, или ради своего честолюбія, и за это ожидаетъ получить какую нибудь иную выгоду, чѣмъ та, какую можетъ оно получать отъ каждаго въ отдѣльности.

¹⁾ Откуда заимствованъ этотъ рассказъ,—неизвѣстно.

²⁾ Имѣется въ виду обычай награждать толпу во время игръ и различныхъ торжествъ.

„Итакъ значить, возражаетъ собесѣдникъ, если государь подарить всѣмъ Галламъ права гражданства, а Испанцамъ—свободу отъ податей, то каждый изъ нихъ въ отдѣльности ничѣмъ ему не будетъ за это обязанъ?“¹⁾

Ужели не будетъ обязанъ? Конечно будетъ, но не какъ за особое благодѣяніе, и какъ за часть общаго!

„Никакой мысли обо мнѣ, замѣчаетъ собесѣдникъ, онъ не имѣлъ въ то время, когда оказывалъ всеобщую помощь. Онъ не желалъ дарить права гражданства собственно мнѣ и не обратиться ко мнѣ душевнаго расположенія: такъ зачѣмъ же я буду обязанъ тому, кто и на представлялъ меня себѣ, когда намѣревался сдѣлать то, что сдѣлалъ?“

Прежде всего,—когда отъ думалъ дѣлать добро всѣмъ Галламъ, то думалъ дѣлать добро и мнѣ, потому что и я былъ—Галлъ; онъ думалъ и обо мнѣ, (хотя представлялъ меня) не въ моихъ собственныхъ признакахъ, но въ признакахъ общихъ (всей націи),

Далѣе и я, со своей стороны, буду обязанъ ему не за особый, собственно мнѣ предназначенный даръ, но за даръ, предназначенный для всѣхъ вообще. Будучи однимъ изъ народа, я стану платить не за себя, но принесу уплату за отечество.

Подобно тому какъ въ томъ случаѣ, если кто нибудь повлѣрить въ долгъ денегъ моею отчизнѣ, я не назову себя его должникомъ и, будучи кандидатомъ или отвѣтчикомъ на судѣ, не объявлю этого долга²⁾, но, тѣмъ не менѣе, отдамъ свою долю для уплаты послѣдняго, такъ я не считаю себя въ долгу и за тотъ даръ, который предназначается для всѣхъ, потому что хотя онъ и далъ его мнѣ, но не ради меня и хотя—мнѣ, но не зная, мнѣ ли давалъ его. Тѣмъ не менѣе я буду знать, что мнѣ надо нѣчто уплатить, потому что даръ этотъ, послѣ

¹⁾ Здѣсь намекается, очевидно, на современный самому автору фактъ. Такъ извѣстно, что цезарь Клавдій подарилъ всей Галліи полное гражданство, т. е. съ правомъ голоса (*cum jure Suffragii*) Tac. Annal. XI, 28.

²⁾ Кандидаты на государственныя должности, равно какъ и подсудимые—были обязаны объявлять начальству свой имущественный цензъ, свои пальчатые деньги и долги.

долгатаго круго-обращенія, доходить и до меня. Ради меня надлежитъ быть совершеннымъ тому, что должно меня обязывать!

ГЛАВА 20.

„Такимъ образомъ, говоритъ противникъ, ты ничѣмъ не бываешь обязанъ ни солнцу, ни лунѣ, потому что не ради тебя они совершаютъ свое движеніе?“

Но какъ скоро они совершаютъ движеніе ради сохраненія цѣлаго, то совершаютъ его и ради меня, потому что и я—часть цѣлаго. Прибавь сюда теперь и то, что условія ихъ и нашего положенія—несходны. потому что кто приносятъ мнѣ пользу съ цѣлью чрезъ меня быть полезнымъ себѣ, тотъ не оказываетъ благодѣянія, ибо дѣлаетъ меня орудіемъ своей пользы. Солнце же и луна хотя и приносятъ пользу намъ ради самихъ себя, тѣмъ не менѣе они приносятъ ее не ради того, чтобы чрезъ насъ быть полезными себѣ, ибо что мы можемъ принести имъ?

ГЛАВА 21.

„Я стану знать, говорятъ онъ, что солнце и луна желаютъ приносить намъ пользу лишь въ томъ случаѣ, если они будутъ имѣть возможность не желать этого, но имъ нельзя не совершать движенія: пусть они остановятся и прекратятъ свое дѣло!“¹⁾

Гляди, сколькими способами разоблачается несостоятельность этого разсужденія!

Кто не можетъ не имѣть желанія, тотъ, вслѣдствіе этого, еще не обладаетъ меншею степенью желанія, —напротивъ, самая невозможность измѣненія служитъ даже доказательствомъ твердости воли. Добрый человѣкъ не можетъ не дѣлать того, что онъ дѣлаетъ, потому что если не станетъ этого дѣлать, то не будетъ добрымъ; слѣдовательно добрый человѣкъ (по твоему) не оказываетъ благодѣянія, потому что

¹⁾ У древнихъ Стоиковъ солнце и луна считались разумными и одушевленными существами божественнаго достоинства, какъ образованный изъ огнидаго эфира, носителя Божественной силы. Отсюда понятно, что могъ возникнуть серьезный споръ относительно существованія у этихъ свѣтилъ свободной воли.

дѣлаетъ то, что долженъ, а что долженъ, того не можетъ не дѣлать?

Кромѣ того, большое различіе въ томъ, скажешь ли ты: „онъ не можетъ не дѣлать этого, потому что вынуждается къ этому“, или скажешь: „онъ не можетъ не желать (дѣлать это)“: потому что если онъ вынуждается дѣлать, то я обязанъ бываю благодѣяніемъ не ему самому, по принуждающему его; если же ему необходимо желать этого по той причинѣ, что онъ не имѣетъ лучшаго предмета желанія, то онъ самъ вынуждаетъ себя. Такимъ образомъ за что я не бываю ему обязанъ какъ вынужденному, за то бываю обязанъ, какъ принуждающему.

„Пусть перестанутъ, говорить, желать!“

Въ настоящемъ случаѣ пусть представится тебѣ слѣдующее (возраженіе):

Кто будетъ настолько безразсуденъ, что не станетъ признавать желаніемъ то, чему нѣтъ опасности прекратиться и обратиться въ противное, тогда какъ, напротивъ, никто не *долженъ* представляться имѣющимъ столь сильное желаніе какъ толицо, желаніе котораго до такой степени непоколебимо, что является вѣчнымъ? Или, какъ скоро обладаетъ желаніемъ и тотъ, кто сейчасъ же можетъ не имѣть этого желанія, то уже не будетъ казаться имѣющимъ желаніе лицо, природѣ котораго несвойственно прекращеніе этого желанія?

Глава 22.

„А ну, говорить, если могутъ,—пусть оставятся!“

Слова твои значать вѣдь вотъ что: „пусть оставляютъ мѣста свои всѣ эти свѣтила, разлученныя громадными пространствами и расположенныя для охраны вселенной, пусть при внезапномъ смѣшеніи вещей *звѣзды* столкнутся со *звѣздами*, и по уничтоженіи гармоніи между вещами, эти божества подвергнутся разрушенію и на самой срединѣ пути прекратится дѣйствіе сильнѣйшаго движенія, рассчитанное на столько вѣковъ; пусть сгорятъ внезапнымъ пламенемъ ¹⁾ тѣла, которыя

¹⁾ „*Repentino incendio*“—указаніе на извѣстное стоическое ученіе, относительно такъ назыв. „*хатѳорис*“, всемірнаго пожара, въ которомъ погибаетъ все-

теперь движутся взадъ и впередъ, надлежащею тяжестію уравновѣсивая міръ; пусть они разрѣшатся отъ такого разнообразія и все обратится въ одно! Пусть всѣмъ овладѣетъ огонь, котораго обниметъ, затѣмъ, лѣнивая ночь и зіющая пучина пожретъ столь великое множество боговъ!"

Но они даже и противъ твоего желанія приносятъ тебѣ пользу и ради тебя совершаютъ свой путь, хотя есть у нихъ и другая, болѣе важная и первая причина!

ГЛАВА 23.

Прибавь теперь и то, что не внѣшняя необходимость по-нуждаетъ боговъ, но закономъ для нихъ служить ихъ собственная вѣчная воля. Такимъ образомъ они не могутъ представляться намѣренными что нибудь дѣлать вопреки своему желанію, ибо они сами восхотѣли продолжать совершеніе всего того, чего теперь не могутъ прекратить; и боги никогда не раскаяваются въ своемъ первомъ рѣшеніи.

Безъ сомнѣнія,—имъ нельзя теперь остановиться и обратиться къ противоположному, но не по другой какой причинѣ, какъ только по той, что ихъ собственная сила ¹⁾ удерживаетъ ихъ въ исполненіи намѣренія; и не вслѣдствіе слабости они продолжаютъ свое бытіе, но вслѣдствіе того, что имъ не угодно уклоняться отъ наилучшаго, и рѣшено идти именно такимъ образомъ.

Но при первоначальномъ созданіи ²⁾, когда (боги) все устроили, они видѣли и нынѣ (нужды), у нихъ было помышленіе и о человѣкѣ. Такимъ образомъ, они не могутъ казаться совершающими теченіе и дѣлающими свое дѣло только ради себя, потому что часть этого дѣла составляемъ и мы. Слѣдователь-

ренная и послѣ котораго все превратится въ одну первоначальную стихію—огне-видный эфиръ.

Выражалъ это ученіе въ популярно-мнеологической формѣ, стоики утверждали, что современемъ всѣ боги погибнутъ и останется одинъ Зенсъ (Cic. De natur. deor. 1, 14 и др.).

¹⁾ *Vis sua*— разум, свойственный имъ твердость и постоянство. Ср. Nat. Quaest. 1.

²⁾ Т. е. при первомъ образованіи космоса изъ огненного эфира силою божественнаго разума.

но, мы состоимъ въ долгу за благодѣяніе и у солнца, и у луны, и у прочихъ небесныхъ свѣтилъ, такъ какъ, хотя у нихъ есть и болѣе важныя цѣли, для достиженія которыхъ они восходятъ, тѣмъ не менѣе, направляясь къ важнѣйшему, они помогаютъ и намъ.

Прибавъ сюда, что они помогаютъ намъ преднамѣренно. Поэтому мы и бываемъ обязаны имъ, получая благодѣяніе не отъ тѣхъ, которые не сознаютъ этого, но отъ тѣхъ, которые знали, что мы будемъ получать то, что получаемъ; и хотя цѣль у нихъ есть болѣе высокая, и плодъ ихъ дѣятельности—болѣе важный, чѣмъ сохраненіе смертныхъ, тѣмъ не менѣе отъ начала вещей была предпослана мысль и о нашей пользѣ, и міру было дано такое устройство, что попеченіе о насъ является имѣвшимся ¹⁾ въ виду не изъ послѣднихъ. Мы должны воздавать почтеніе родителямъ нашимъ, хотя многіе сходились и не для того, чтобы родить. Боги же не могутъ представляться незнающими того, что были намѣрены дѣлать, какъ скоро для всего они немедленно предусмотрѣли пропитаніе и помощь; и не съ небреженіемъ произвели они тѣхъ, для которыхъ создали столь многое! Вѣдь природа помышляла о насъ прежде, чѣмъ сотворить и мы не настолько малоцѣнное созданіе, чтобы ускользнуть отъ ея попеченія.

Посмотри, сколько она вручила намъ, до какой степени дѣйствіе человѣческой власти не заключается въ (однихъ) людяхъ!

Посмотри, сколько предоставляется возможности блуждать тѣламъ (нашимъ), которыхъ она (природа) не ограничила предѣломъ земель, но направила въ каждую изъ частей своихъ ²⁾.

Посмотри, какимъ дерзновеніемъ обладаетъ духъ человѣ-

¹⁾ Развивал самымъ подробнымъ и старательнымъ образомъ ученіе о класообразности и разумности природы, стояки утверждали, что все создано ради боговъ и людей. Не однократно краснорѣчивыя разсужденія нашего автора о божественномъ промыслѣ мы встрѣчаемъ въ IV кн. «De beneficiis», гл. 3. 8. 11. и др. и въ специальномъ его сочиненіи: «De providentia».

²⁾ Указывается на то, что человѣку доступно движеніе не только по землѣ, но и по водѣ, и по воздуху (при помощи лѣстницъ и веревокъ) и даже устремленіе умственныхъ взоровъ въ безконечную даль небесъ.

скій; какъ одинъ онъ познаетъ боговъ, или ищетъ ихъ, и умомъ, обращеннымъ къ горнему, сопутствуетъ божествамъ ¹⁾; ты будешь знать, что человѣкъ не случайное и необдуманное твореніе! ²⁾

Среди величайшихъ дѣлъ своихъ природа не имѣетъ ничего, чѣмъ бы могла болѣе хвалиться, или, по крайней мѣрѣ, предъ кѣмъ бы могла хвалиться!

Каково же безуміе — спорить съ богами относительно ихъ даровъ?

Какимъ образомъ будетъ этотъ человѣкъ благодаренъ въ отношеніи къ тѣмъ, кому нельзя отплатить безъ издержекъ ³⁾, какъ скоро онъ полагаетъ, что ничего не получилъ отъ тѣхъ, отъ которыхъ получаетъ весьма многое и которое всегда stanno давать и никогда не будутъ получать обратно? ⁴⁾.

Каково же извращеніе — не считать себя состоящимъ въ долгу у кого-либо, — по той причинѣ, что онъ бываетъ благосклоненъ даже и къ тому, кто не признаетъ его благодарній, — и самую продолжительность и непрерывность даровъ — называть доказательствомъ необходимости даянія?

„Не хочу. Пусть имѣетъ для себя! Кто его просить?“

Присоедини сюда и всѣ другіе возгласы безстыднаго ума; однако, благодаря этому еще не заслуживаетъ меньшей благодарности съ твоей стороны тотъ, чья щедрость достигаетъ тебя даже и въ то время, когда ты отрицаешь ее, и изъ чьихъ благодарній самое великое есть то, которое онъ будетъ давать даже тому, кто жалуется!

Глава 24.

Развѣ ты не видишь, какъ родители заставляютъ терпѣливо принимать полезное своихъ дѣтей, находящихся въ нѣж-

¹⁾ Разумъ.—слѣдить за теченіемъ небесныхъ свѣтилъ. Ср. ib. II, 29; III, 20.

²⁾ По всей вѣроятности имѣется въ виду мнѣніе Эпикура о томъ, что человѣкъ представляетъ собою случайный агрегатъ атомовъ.

³⁾ Т. е. людямъ, полное возданіе которымъ должно состоять, по ученію нашего автора, не только изъ душевной признательности, но и изъ матеріальнаго вознагражденія.

⁴⁾ Разумъ.—боги.

номъ младенческомъ возрастѣ? Не смотря на ихъ плачь и противодѣйствіе, они согрѣваютъ ихъ тѣла, и чтобы неразумная свобода не искривля членовъ тѣла, связываютъ эти послѣдніе, дабы они вышли прямыми. И вскорѣ, затѣмъ, начинаютъ влагать въ нихъ (дѣтей) познаніе свободныхъ искусствъ ¹⁾, къ нежелающимъ примѣняя страхъ.

Наконецъ, и смѣлую юность, если она мало повинуется,—посредствомъ принужденія приучаютъ къ щедрости, стыдливости и добрымъ правамъ. Даже и къ тѣмъ юношамъ, которые имѣютъ право распоряжаться собою ²⁾, примѣняется насилье и порабощеніе, если изъ страха или нетерпѣнія они отвергаютъ цѣлебныя средства.

Такимъ образомъ величайшія изъ благодѣяній суть тѣ, которыя мы получаемъ отъ родителей тогда, когда сами не знаемъ или не желаемъ этого.

* * *

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ „Свободныя искусства“—разум.: грамматика, музыка и проч.—науки и искусства въ противоположность «низкимъ» занятіямъ (*sordida artificia*).

²⁾ Вѣроятно имѣются въ виду юноши, уже получившіе «мужскую тогу» (*toga virilis*).

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

15 Іюля № 13. 1892 года.

Содержаніе. Отъ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ». — Изъ отчета Комитета по сооруженію Православнаго Храма у подножія Балканъ, въ Южной Болгаріи. — Вѣдомость церковнаго кружкаго сбора въ пользу пуждающихся славянъ. — Списокъ поступившихъ въ Харьковскій Епархіальный комитетъ денежныхъ пожертвованій въ пользу бѣдствующихъ отъ неурожаи. — Разрядной списокъ воспитанниковъ Сумскаго духовнаго училища за 1891,92 учебный годъ. — Отъ Правленія Сумскаго духовнаго училища. — Разрядной списокъ воспитанниковъ Купинскаго духовнаго училища. — Отъ Правленія Купинскаго духовнаго училища. — Епархіальныя извѣщенія. — Извѣстія и замѣтки. — Объявленія.

Отъ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“.

По предложенію Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, редакція журнала «Вѣра и Разумъ» долгу имѣть рекомендовать духовенству Харьковской епархіи для приобрѣтенія слѣдующія книги:

1) „Уроки и примѣры христіанской вѣры“. Систематическій сборникъ избранныхъ святоотеческихъ изреченій, краткихъ церковно-историческихъ повѣствованій и разсказовъ изъ житій святыхъ и др. статей духовнаго содержанія, расположенныхъ по плану первой части «Пространнаго христіанскаго катихизиса», наглядно и подробно изъясняющихъ содержаніе ея. Опытъ «катихизической хрестоматіи». Пособіе: а) для пастырей церкви, при составленіи ими катихизическихъ поученій; б) для законоучителей, при преподаваніи катихизиса; в) для родителей и воспитателей при религіозно-нравственномъ обученіи и воспитаніи дѣтей. Большой томъ плотной печати, стр. 688+XXII. Составилъ священникъ, магистръ богословія, законоучитель реальнаго Михайловскаго училища въ Москвѣ, Г. М. Дьяченко. Цѣна безъ пересылки 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 80 к.

2) „Уроки и примѣры христіанской надежды“. 2-е изданіе. Стр. 516+XVI. Цѣна безъ пересылки 1 р. 50 к.; съ перес. 1 р. 80 к.

3) „Уроки и примѣры христіанской любви“. 2-е изданіе. Стр. 568+XIX. Цѣна безъ пересылки 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 90 к. За всѣ три книги цѣна безъ перес. 4 р. 50 к. и съ перес. 5 р.

50 к. Главный складъ этихъ книгъ находится у автора-издателя, къ которому благоволятъ обращаться по слѣдующему адресу: Москва, 3-я Мѣщанская, домъ церкви св. муч. Трифона, священнику Трифоновской церкви Григорію Дыченко. Требованія на книги, адресованныя простымъ письмомъ, могутъ быть удовлетворены пересылкою ихъ съ наложеннымъ платежемъ, т. е. съ уплатою денегъ на мѣстѣ полученія книгъ.

Въ этихъ трехъ книгахъ почтенный авторъ излагаетъ православное ученіе о вѣрѣ, надеждѣ и любви въ порядкѣ пространнаго христіанскаго катихизиса православной восточной церкви и даетъ каждому законоучителю полную возможность преподавать катихизическія истины дѣтямъ и вообще лицамъ мало знакомымъ съ христіанствомъ просто и живо, убѣдительно и по возможности интересно. Его книги могутъ служить прекраснымъ пособіемъ и для пастырей церкви при составленіи ими катехизическихъ поученій и веденіи вѣббогослужебныхъ собесѣдованій съ народомъ. Почтенный авторъ при изложеніи христіанскихъ истинъ задался цѣлію, какъ самъ выражается, идти отъ ощущенія къ представленію, отъ представленія къ понятію, отъ понятій къ сужденіямъ и умозаключеніямъ; а не наоборотъ, какъ это часто бываетъ при отвлеченной проповѣди; а потому свое изложеніе предмета наполнилъ живыми примѣрами благочестія, заимствованными изъ жизнеописаній святыхъ, краткими церковно-историческими разсказами, сравненіями и уподобленіями и тому подобными формами словеснаго изложенія, что сообщаетъ книгамъ особенный интересъ и назидательность. Эти же книги могутъ служить прекраснымъ пособіемъ для родителей и воспитателей, въ особенности же для матерей, при религіозно-нравственномъ воспитаніи ихъ дѣтей и при желаніи внушить имъ истины вѣры и благочестія, пріучить сердце ихъ любить все святое и чистое и отвращаться отъ всего суетнаго и грѣшнаго. Наконецъ и всѣ любители духовно-назидательнаго чтенія найдутъ въ этихъ книгахъ изложеніе всѣхъ огласительныхъ христіанскихъ истинъ, по своему содержанію и формѣ, доступными для пониманія, живыми и интересными для благочестиваго чувства, и способными развить и прояснить свѣдѣнія, которые вынесены ими изъ школьнаго изученія катихизиса. Преимущественною же общедоступностію и приспособленностію къ народному пониманію отличается слѣдующая вновь вышедшая книга того же автора:

„Духовныя посѣвы“ краткій сборникъ статей духовно-нравствен-

наго содержанія, приспособленныхъ къ общедоступному объясненію главнѣйшихъ истинъ катихизическаго ученія православной церкви. Духовно-нравственное чтеніе для народа. Стр. 472+XXXI. Цѣна безъ перес. 75 к., съ перес. 85 коп. Выписывается и продается тамъ же, гдѣ и вышеозначенныя книги. При выпискѣ первоконными братствами не менѣе 50 экз. непосредственно отъ автора уступка будетъ сдѣлана въ размѣрѣ 30%. Кроме того, слѣдующія книги исключительно продаются въ книжномъ магазинѣ В. В. Думнова, торгующаго подъ фирмою: «Наслѣдники братьевъ Салаевыхъ» (въ Москвѣ, на Мясницкой, д. Обидиной).

1) „Доброе слово“. Первый годъ обученія. Второе исправленное и вновь переработанное изданіе. Книга для класснаго чтенія, примѣненная къ потребностямъ сельскихъ народныхъ училищъ съ трехлѣтнимъ курсомъ и церковно-приходскихъ школъ. Составилъ свящ. магистръ Гр. Дьяченко. Стр. 152. Цѣна 30 к. Изд. книжнаго магазина В. В. Думнова. 2) „Доброе слово“. Второй годъ обученія. Второе изданіе. Стр. 230. Цѣна 45 к. 3) „Доброе слово“. Третій годъ обученія. Второе изданіе. Стр. 284. Цѣна 50 коп.

Всѣ три послѣднія книги Училищ. Совѣтомъ при Св. Синодѣ и Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущены въ качествѣ книгъ для класснаго чтенія въ церковно-приходскихъ школахъ и народн. училищахъ М. Н. Пр. Уступка для церковно-приходскихъ школъ 30%. Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры перваго (полнаго) изданія «Добраго слова» продаются съ уступкой 50%, т. е. за три части 1 р. 40 к. вмѣсто 2 р. 80 к.

Изъ отчета Комитета по сооруженію Православнаго Храма у подножія Балканъ, въ Южной Болгаріи, для вѣчнаго поминовенія воиновъ, павшихъ въ войну 1877—1878 годовъ.

По 31-е Декабря 1891 года.

Къ 1-му января 1891 года въ капиталахъ Комитета состояло: а) процентныхъ бумагъ, по нарицательной ихъ стоимости: на сумму 490,425 р.; в) наличныхъ денегъ на сумму 1,473 р. 83 к. Итого 491,898 р. 83 к. Къ нимъ поступило, съ 1-го января по 31-е декабря 1891 года: 1) пожертвованій наличными деньгами: 171 р. 70 к.; 2) процентовъ: 28,792 р. 75 к.; 3) приобрѣтено % бумагъ: 16,400 р.; 4) капитальныхъ: 1,350 р.; 5) получено обратно уплаченнаго по % бумагамъ государственнаго 5% купоннаго налога: 756 р. 53 к. Ито-

го съ 1-го января по 31-е декабря въ приходѣ 47,470 р. 98 к., а всего съ остаткомъ отъ декабря 1-му января 1892 года въ приходѣ 539,369 р. 81 к. Съ 1-го января по 31-е декабря израсходовано: 24,445 р. 79 к. Затѣмъ къ 1-му января 1892 года въ остаткѣ процентными бумагами и въ наличности состояло: 514,924 р. 02 к. Балансъ 539,369 р. 81 к. Съ открытія Комитета по 31-е декабря 1891 года было разныхъ поступленій всего на сумму: 700,016 р. 61¹/₂ к. Изъ этой суммы израсходовано по 31-е декабря 1891 г. всего 134,338 р. 38 к. Остальныя затѣмъ 565,678 р. 23¹/₂ к. помѣщены въ процентныя бумаги и заключаются въ наличныхъ деньгахъ. За послѣдовавшую реализацію 5% облигацій 3-го Восточнаго займа: въ 1884 году на 100,000 руб. нарицательныхъ, для покупки, взаменъ ихъ, 6% золотой ренты на 56,750 руб. мет. и въ 1886 и 1887 годахъ на 27,000 руб. нарицательныхъ, на расходы по заготовкѣ матеріаловъ и производству строительныхъ работъ, — къ 1 января 1892 г. состоитъ въ капиталахъ Комитета, какъ выше изложено, процентныхъ бумагъ на нарицательную стоимость 505,475 р. и наличныхъ денегъ на 9,449 р. 02 к. Кромѣ денежныхъ пожертвованій въ Комитетъ поступали пожертвованія иконами, церковною утварью и другими предметами.

Вѣдомость церковнаго кружечнаго сбора „въ пользу нуждающихся славянъ“, полученнаго Славянскимъ Обществомъ въ теченіе 1891 года.

Отъ Амурской области поступило 73 р. 73 к., отъ Архангельской губ. 48 р. 73 к., Астраханской губ. 487 р. 31 к., Бессарабской губ. 26 р. 84 к., Вазасской губ. 12 р. 46 к., Варшавской губ. 71 р. 45 к., Виленской губ. 50 р. 87 к., Витебской губ. 53 р. 23 к., Владимірской губ. 493 р. 12 к., Вологодской губ. 227 р. 8 к., Волынской губ. 440 р. 73 к., Воронежской губ. 5 р., Выборгской губ. 22 р. 47 к., Вятской губ. 425 р. 38 к., Гродненской губ. 81 р. 53 к., Донской области 403 р. 90 к., Екатеринбургской эп. 229 р. 47 к., Екатеринославской губ. 1,171 р. 25 к., Енисейской губ. 3 р. 81 к., Казанской губ. 203 р. 6 к., Калужской губ. 400 р. 36 к., Ковенской губ. 2 р., Костромской губ. 345 р. 86 к., Кубанской области 159 р. 18 к., Курской губ. 509 р. 57 к., Кутаисской губ. 28 р. 84 к., Лифляндской губ. 40 р. 12 к., Люблинской губ. 107 р. 11 к., Минской губ. 133 р. 33 к., Могилевской губ. 86 р. 34 к., Московской губ. 32 р. 47 к., Нижегородской губ. 281 р. 39 к., Новгородской губ. 333 р. 75 к., Олонецкой губ. 96 р. 77 к., Орен-

бургской губ. 101 р. 62 к., Орловской губ. 380 р. 97 к., Пензенской губ. 56 р. 88 к., Пермской губ. 135 р. 85 к., Плоцкой губ. 16 р. 24 к., Подольской губ. 210 р. 66 к., Полтавской губ. 481 р. 29 к., Приморской области 11 р. 59 к., Псковской губ. 131 р. 54 к., Рязанской губ. 720 р. 69 к., Самарской губ. 428 р. 14 к., С.-Петербургской губ. 706 р. 12 к., Саратовской губ. 132 р. 21 к., Семипаттинской области 3 р., Семпрѣченской области 254 р. 43¹/₂ к., Симбирской губ. 53 р. 87 к., Смоленской губ. 411 р. 3 к., Ставропольской губ. 31 р. 19 к., Сувальской губ. 6 р. 85 к., Сѣдлецкой губ. 38 р. 66 к., Таврической губ. 917 р. 22 к., Тамбовской губ. 571 р. 47 к., Тверской губ. 592 р. 65 к., Терской области 57 р. 1 к., Тифлисской губ. 18 р. 34 к., Тобольской губ. 43 р. 31 к., Томской губ. 286 р. 73 к., Тульской губ. 539 р. 36 к., Уральской области 14 р. 10 к., Уфимской губ. 82 р. 2 к., Херсонской губ. 632 р. 7 к., Черниговской губ. 153 р. 98 к., Якутской области 32 р. 1 к., Ярославской губ. 188 р. 42 к., Харьковской губ. изъ Ахтырскаго уѣзда: отъ бл. 1 окр., св. Г. Хижникова 12 р. 61 к., 2 окр., св. В. Ѳедорова 5 р., 3 окр., св. Г. Попова 18 р. 1 к., Богодуховскаго уѣзда: отъ бл. 1 окр., св. А. Ястремскаго 13 р. 71 к., 2 окр., св. А. Сибсаревскаго 17 р., Валковскаго уѣзда: отъ бл. 1 окр., св. І. Ѳедоровскаго 9 р. 46 к., 2 окр., пр. П. Лобковскаго 12 р. 10 к., Волчанскаго уѣзда: отъ бл. 1 окр., св. А. Евенмова 27 р. 38 к., 2 окр., св. Г. Вуханцева 17 р. 91 к., Зміевскаго уѣзда: отъ бл. 1 окр., св. П. Тимофеева 5 р. 56 к., 2 окр., св. М. Котлиревскаго 7 р. 70 к., 3 окр., св. І. Чудновскаго 19 р. 55 к., Изюмскаго уѣзда: отъ бл. 1 окр., св. А. Касьянова 17 р. 60 к., 2 окр., пр. Ѳ. Любарскаго 9 р. 40 к., 3 окр., пр. А. Литвинова 13 р. 60 к., 4 окр., пр. М. Куницына 2 р. 30 к., Куининскаго уѣзда: отъ бл. 1 окр., св. В. Попова 22 р. 10 к., 2 окр., св. М. Чернышева 18 р. 85 к., Лебединскаго уѣзда: отъ бл. 1 окр., св. К. Щелкунова 18 р. 35 к., 2 окр., пр. І. Сапухина 14 р. 98 к., 3 окр., пр. П. Краснопольскаго 25 р. 93 к., Старобѣльскаго уѣзда: отъ бл. 2 окр., св. В. Попова 16 р. 88 к., 3 окр., св. Д. Донченкова 10 р. 10 к., 4 окр., пр. Г. Максимова 47 р., 35 к., 5 окр., пр. В. Алексѣевскаго 10 р. 37 к., Сумскаго уѣзда: отъ бл. 1 окр., пр. В. Никольскаго 33 р. 51 к., 2 окр., св. А. Чугаева 19 р. 25 к., Харьковскаго уѣзда: отъ бл. 1 окр., св. Г. Лобковскаго 13 р. 66 к., бл. св. П. Полтавцева 40 р., 2 окр., св. А. Грекова 10 р., 3 окр., пр. М. Рокитянскаго 4 р., 41 к., 4 окр., св. А. Червонецкаго 11 р.,—525 р. 63 к. Итого 16.013 р. 91 к.

Списокъ поступившихъ въ Харьковскій Епархіальный Комитетъ денежныхъ и лицевыхъ пожертвованій, съ 15 сентября 1891 г. по 1 января 1892 г., въ пользу соотечественниковъ, бѣдствующихъ отъ неурожая.

(Продолженіе *).

Декабрь. Отъ Верхо - Харьковскаго Николаевскаго монастыря кружечнаго сбора за ноябрь 6 р. 35 к., отъ братіи Харьковскаго Архіерейскаго домоправленія 14 р. Чрезъ священника Николаевской цер. слоб. Деркачей собранные въ церкви за ноябрь 24 р., отъ Хорошевскаго Вознесенскаго дѣвичьяго монастыря круж. сбора за ноябрь 10 р. 45 к., отъ прихожанъ Николаевской церкви, слоб. Высокополья, Валковскаго уѣзда 100 р. 15 к., Захарія Кохрина 10 р. Чрезъ благочиннаго 2 округа Изюмскаго уѣзда, кружечнаго сбора отъ церквей сего округа за октябрь: Троицкой, г. Славянска 15 р., Воскресенской, г. Славянска 5 р., Всѣхсвятской, г. Славянска 10 р., Покровской, селенія Бѣленькой 2 р., Николаевской, с. Дробышевой 5 р., Троицкой, с. Криваго лука 1 р. 50 к., Петро-Павлевской, с. Лиманъ 2 р., Покровской, с. Майкъ 3 р., Вознесенской, с. Никифоровки 3 р., Николаевской, с. Николаевки 1 р. 50 к., Григорьевской, с. Поповки 3 р., Александр.-Невской, с. Рай Александровки 2 р., Арх. Михайловской, с. Рай Городка 2 р., Покровской, с. Рѣдкодуба 2 р., Покровской, с. Селимовки 3 р., Введенской с. Студенка 2 р., І. Богословской, сл. Шенурычаловой 5 р., Р. Богородичной, сл. Щуровой 3 р., Николаевской, с. Ясинополя 3 р. Чрезъ благочинническій совѣтъ 2 округа Лебединскаго уѣзда кружечнаго сбора отъ церквей сего округа за октябрь: Преображенской сл. Ворожбы 5 р. 80 к., Успенской, сл. Межиричъ 5 р. 58 к., собрано причтомъ сей церкви 11 р. 76 к., Преображенской, сл. Межиричъ 2 р. 50 к., Покровской, сл. Межиричъ 1 р. 70 к., Крестовоздвиженской, сл. Межиричъ 1 р., 50 к., Георгіевской, хут. Повленкова 2 р. 12 к., Покровской, с. Гринцево 83 к., Николаевской, с. Груни 1 р. 60 к., собрано причтомъ сей церкви 15 р., Троицкой, с. Василевки 2 р., Ильинской, хут. Андреевскаго 2 р., Р. Богородичной, с. Михайловки 3 р., Арх. Михайловской, с. Кургано 8 р. 70 к., Николаевской, с. Червленнаго 1 р., Успенской, с. Пристойлово 4 р. 67 к., Николаевской, с. Боброваго 2 р. 55 к., Покровской, с. Каменнаго пригородка 5 р.

(Продолженіе будетъ).

*) См. ж. «ВѢРА И РАЗУМЪ», 1892 г., № 10.

РАЗРЯДНОЙ СПИСОКЪ

воспитанниковъ Сумскаго Духовнаго Училища, составленный Правленіемъ училища послѣ испытаній, произведенныхъ за 18^{91/92} учебный годъ, и утвержденный Его Высокопреосвященствомъ 23-го іюня сего 1892 года.

IV КЛАССА.

Удостоены перевода въ I классъ Семинаріи.

1-го разряда: 1. Павелъ Александровъ, Николай Козловскій — награждены книгами, Константинъ Николаевъ, Александръ Захаровъ, 5. Иванъ Аристовъ.

2-го разряда: Николай Федоровскій, Евграфъ Поповъ, Иванъ Фальченко, Василій Грищенко, 10. Михаилъ Петровскій, Сергій Чугаевъ, Иванъ Луценко, Василій Матвѣевъ, Андрей Кисенко, 15. Димитрій Люмбарскій, Андрей Папкратевъ, Николай Стефановскій.

Будутъ удостоены перевода въ I классъ Семинаріи, если удовлетворительно передержатъ экзаменъ.

Иванъ Волковъ по греческому языку и Евфимъ Родовскій по греческому и латинскому языкамъ.

Оставленъ въ томъ-же классѣ на повторительный курсъ.

3-го разряда: Иосифъ Заграфскій.

III КЛАССА.

Переданы въ IV классъ.

1-го разряда: 1. Василій Нестряковъ, Вспіаній Доброславскій, Евгений Чугаевъ, Алексій Солошенко.

2-го разряда: 5. Иванъ Ильинъ, Василій Ступницкій, Василій Артемьевъ.

Назначены къ переводу въ слѣдующій классъ съ передержкой экзамена.

Михаилъ Денисенко по географіи, Сергій Кривошеевъ по русскому языку, 10. Георгій Владыковъ по географіи и ариметикѣ.

Оставлены въ томъ же классѣ на повторительный курсъ.

3-го разряда: Михаилъ Кисенко, Федоръ Калужный, Алексій Котляровъ, Иванъ Бородаевскій, 15. Павелъ Каравановъ, Владиміръ Торанскій, Всеволодъ Подтавцевъ, Сергій Ястремскій, Николай Кучеровскій, 20. Михаилъ Бородаевскій, Павелъ Мигулинъ.

Уволены за малоуспѣшность послѣ двухлѣтняго курса, не имаяща права держатъ экзаменъ послѣ каникулъ для поступленія въ IV классъ.

Сергій Николаевскій, Александръ Донченко, 24. Иванъ Григорьевъ.

II КЛАССА.

Переведены въ III классъ.

1-го разряда: 1. Александръ Слюсаревъ, Николай Покровский—награждены книгами, Иванъ Горашъ, Сергѣй Давидовъ, 5. Михаилъ Прохурниковъ, Григорій Золотаревъ, Николай Сорочинскій, Николай Фальченко.

2-го разряда: Николай Бибицъ, 10. Василій Лашенко, Николай Стеллецкій, Николай Грищенко, Георгій Столяревскій, Иванъ Поляискій.

Назначены къ переводу въ слѣдующій классъ съ передержкой экзамена.

15. Андрей Ворбницкій по греческому языку, Андрей Эннатскій по греческому языку и ариметикѣ, Константиныъ Полтавцевъ, Евгенийъ Любарскій по ариметикѣ, Леонидъ Левченко по греческому языку, 20. Александръ Котляровъ—по Закону Божию и греческому языку, Иванъ Должанскій по ариметикѣ, Моисей Краснопольскій по русскому съ церковно-славянскимъ и по греческому языкамъ, Николай Федоровскій, Алексѣй Столяревскій по латинскому и греческому языкамъ.

Оставлены въ томъ-же классъ на повторительный курсъ.

3-го разряда: 25. Григорій Петровскій, Лустиныъ Торанченко, Петръ Рубинскій, Илья Максимовъ, Григорій Карповъ, 30. Стефанъ Невядовскій, Савва Коваленко, Николай Поморцевъ, Иванъ Семеновъ.

Уволяются изъ училища послѣ двухгодичнаго курса, не лишаясь права держать экзаменъ послѣ каникулъ для поступленія въ III классъ.

Яковъ Столяревскій, 35. Евграфъ Троицкій.

I КЛАССА.

Переведены во II классъ.

1-го разряда: 1. Евфимъ Поповъ, Іосифъ Поповъ—награждены книгами, Михаилъ Василевскій, Иванъ Гревизирскій, 5. Николъ Филоенко, Константиныъ Новицкій, Василій Нестеренко, Алексѣй Григорьевъ, Яковъ Артюховскій, 10. Евгенийъ Подлацкій.

2-го разряда: Федоръ Поповъ, Николай Соколовскій, Паркисъ Сербинцовъ, Петръ Еллинскій, 15. Василій Федоровскій, Павелъ Карповъ, Василій Стефановскій, Леонидъ Луценко, Димитрій Грызодубовъ, 20. Иванъ Веселовскій, Иванъ Рубинскій, Яковъ Лисенко, Викторъ Барабоха, Аполосъ Романовъ, 35. Николай Маляровъ.

Назначены къ переводу въ слѣдующій классъ съ передержкой экзамена.

Алексѣй Торанскій по Закону Божию, Димитрій Огинскій по Закону Божию и русскому языку.

Оставлены въ томъ-же классъ на повторительный курсъ.

3-го разряда: Александръ Ипдутный, Михайлъ Сукачевъ, 30. Григорій Хижниковъ, Александръ Ходской, Николай Краснопольскій, Иванъ Степанецкій, Карлъ Ястремскій, 35. Валентинъ Каложный.

Уволены изъ училища.

а) По прошенію отца—Николай Полынящій.

б) Послѣ двухгодичнаго курса за малоуспѣшность, не имѣяше права держать экзаменъ послѣ каникулъ для поступленія во 2-й классъ: Василій Василевій, 38. Петръ Складовъ.

ПРИГОТОВИТЕЛЬНАГО КЛАССА.

Переведены въ I классъ.

1-го разряда: 1. Василій Ладенко 1-й, Федоръ Вербицкій,—награждены книгами, Григорій Яновскій, Захарій Федоровскій, 5. Семенъ Ступницкій, Петръ Прокоповичъ, Иванъ Заводовскій.

2-го разряда: Василій Денисенко, Василій Червонецкій, 10. Иванъ Масловъ, Моисей Заграфскій, Федоръ Милченко, Антоній Федоровъ, Михайлъ Милченко, 15. Иванъ Быковъ, Николай Ястремскій, Василій Ладенко 2-й, Павелъ Хижниковъ, Никонъ Папкратевъ.

Назначены къ переводу въ I классъ съ передержкой экзамена.

20. Григорій Карапузовъ, Алексѣй Должанскій, Иванъ Меньковскій—по русскому языку, Николай Преображенскій по арифметикѣ, Николай Крушедомскій по Закону Божію и русскому языку.

Оставлены на повторительный курсъ въ томъ-же классъ.

3-го разряда: Иванъ Огилскій, Михайлъ Ступницкій, Павелъ Каляшиковъ, Иванъ Рождественскій, Игнатій Федоровъ, 30. Василій Матвѣенко, Иванъ Гузевъ, Адрианъ Федоровъ.

Уволены изъ училища за безустышность послѣ двухгодичнаго курса.

Иванъ Настѣкинъ, Федоръ Рубинскій, 35. Антоній Стефановскій.

Отъ Правленія Сумскаго духовнаго училища.

Правленіе Сумскаго духовнаго училища объявляетъ: 1) что переекзаменовка воспитанниковъ, получившихъ на годичномъ испытаніи неудовлетворительные баллы, назначена на 7, 8 и 10 августа, а пріемныя испытанія на 11 и 12 числа того же мѣсяца. Въсѣмъ съ симъ сообщаетъ, что въ 5 классахъ училища свободныхъ вакансій для поступленія въ заведеніе изъ домашняго обра-

зованія и другихъ заведеній имѣется 87, именно: въ 4 классѣ 29, въ 3 кл. 5, во 2 кл. 3, въ 1 кл. 8 и въ приготовительномъ кл. 42.

2) Всѣ воспитанники свѣтскаго званія обязаны внести плату за обученіе впередъ за весь учебный годъ въ количествѣ 40 руб.

3) Родители воспитанниковъ училища, желающіе, чтобы дѣти ихъ приняты были на полнокѣшное или полукоштное епархіальное содержаніе, а равно съ уменьшенной платой, обязаны подать прошеніе въ Правленіе училища къ 12 августа сего года, съ приложеніемъ благотворительнаго удостовѣренія о своей бѣдности по формѣ, сообщенной оо. благотворителямъ.

4) Всѣ воспитанники, желающіе поступить въ училищное общежитіе, должны внести установленную плату впередъ за полгода, а вновь поступающіе воспитанники, кромѣ того, обязаны внести по 10 рублей въ правленіе училища на постельной приборъ.

5) Правленіе училища, согласно журнальному постановленію, утвержденному Его Высокопреосвященствомъ 23 іюня сего года, доводитъ до свѣдѣнія окружнаго духовенства, что для предстоящихъ занятій сѣзда духовенства, имѣющаго быть 10 сентябри н. г., назначаются слѣдующіе предметы: а) разсмотрѣніе журналовъ предъидушаго сѣзда за 1891 годъ; б) разсмотрѣніе смѣты прихода и расхода суммъ по содержанію училищнаго общежитія въ будущемъ 1893 году; в) докладъ временно-ревизіоннаго комитета по документальной повѣркѣ экономическаго отчета и приходо-расходной книги училища за 1891 годъ. г) Разсмотрѣніе вѣдомостей оо. благотворительныхъ Сумскаго училищнаго округа о приходѣ, расходѣ и остаткѣ церковныхъ суммъ, а также о продажѣ вѣничковъ и листовъ разрѣшительной молитвы. д) Теченія по правленію училища дѣла.

РАЗРЯДНОЙ СПИСОКЪ

воспитанниковъ Екупянскаго духовнаго училища, составленный училищнымъ Правленіемъ послѣ годовыхъ испытаній за 18^{91/92} учебный годъ и утвержденный Его Высокопреосвященствомъ 16-го іюня н. г.

IV КЛАССА.

Окончившіе курсъ.

Разрядъ I. 1. Поповъ Феодоръ—награжденъ книгою, Соколовскій Николай, Оранскій Яковъ, Нигровскій Николай, 5. Филевскій Захарій.

Разрядъ II. Федоровскій Алексѣй, Оглоблинъ Николай, Краснокутскій Леонидъ, Спесивцевъ Антоній, 10. Павловъ Георгій, Федоровъ Василій,

Пиленко Николай, Филевскій Василій, Приходьковъ Константинъ, 15. Косьминъ Петръ, Бѣляевъ Макарій, Ильяшевъ Хрисанъ, Попомаревъ Яковъ, Сѣнцевъ Аванасій, 20. Македонскій Иванъ, Смирнскій Григорій. Изъ этихъ 21 учениковъ 17 удостоены перевода въ 1-й классъ Семинаріи, а остальные 4, а именно: Оранскій Яковъ, Филевскій Василій, Бѣляевъ Макарій и Ильяшевъ Хрисанъ перевода въ Семинарію не удостоены, такъ какъ имѣютъ возрастъ выше опредѣленнаго § 114 Семинар. устава.

Разрядъ III. Имѣютъ получить свидѣтельства объ окончаніи курса, если передержать экзамены: Ляпидскій Александръ—по русскому и латинскому языкамъ, Феневъ Яковъ—по греческому языку и географіи.

Остаются на повторительный курсъ въ томъ же классъ.

Краснокутскій Владиміръ, 25. Чернявскій Полкарпъ, Филевскій Михаилъ, Григоровъ Гавріиль, Вересовичъ Николай—по малоуспѣшности, Приходьковъ Алексѣй—по прошенію отца.

III. КЛАССА.

Переводятся въ 4-й классъ.

Разрядъ I. 1. Поповъ Митрофанъ, Масловъ Петръ,—награждены книгами, Смирнскій Николай, Ляпидскій Павелъ, 5. Жуковъ Стефанъ, Соболевъ Владиміръ, Святослѣвъ Михаилъ, Макаровскій Алексѣй, Петровъ Гавріиль.

Разрядъ II. 10. Макухинъ Сергій, Любидскій Сергій, Капустинъ Михаилъ, Макаровскій Петръ, Толмачевъ Георгій, 15. Поповъ Григорій, Василевскій Алексѣй, Мухинъ Павелъ, Недохлѣбовъ Василій.

Будутъ переведены въ 4-й классъ, если передержатъ экзамены:

Рубинскій Павелъ—по письменному латинскому упражненію, 20. Николаевскій Леонидъ—по латинскому языку, Сляровъ Леонидъ—по арифметикѣ, Васютинъ Николай—по греческому языку, Поповъ Николай—по русскому языку, Бугунцкій Иларіонъ—по латинскому языку.

Разрядъ III. 25. Кошаровскій Павелъ—по греческому языку и русскому письменному упражненію, Жуковскій Александръ—по греческому языку и арифметикѣ, Рубинскій Михаилъ—по русскому и латинскому языкамъ.

Оставляются на повторительный курсъ въ томъ же классъ.

Любарскій Георгій, Базилевичъ Иванъ, 30. Сулима Евсей—по малоуспѣшности, Сильванскій Николай, Васильковскій Яковъ, Захарьевъ Константинъ, Оружельскій Никифоръ, 35. Мигуаилъ Иванъ—по прошенію родителей.

Допускаются изъ экзамену послѣ каникулъ, какъ не державшіе оныхъ по болѣзни.

Жуковскій Николай, Косьминъ Петръ, Насѣдникъ Григорій.

Увольняются изъ училища.

Богдановъ Вепіимиль—какъ не успѣвшій въ теченіе 2 лѣтняго пре-

быванія въ одномъ классѣ, 40. Лукашевъ Григорій, Оружнискій Василій—какъ не имѣющіе права оставаться на повторительный курсъ, потому что при окончаніи курса будутъ имѣть возрастъ болѣе опредѣленнаго § 114 Семинар. устава.

II КЛАССА.

Переводятся въ 3-й классъ.

Разрядъ I. 1. Кабловъ Арсеній, Коваленко Ѳеодоръ, Улановъ Порфирій, Куричій Георгій—награждены книгами, 5. Бородаевъ Павелъ, Оляжъ Александръ, Бараповъ Николай, Макаровский Петръ, Поповъ Петръ, 10. Ниченковъ Иванъ.

Разрядъ II. Лукашевъ Данилъ, Чернявскій Николай, Чалый Владиміръ 1-й, Чалый Владиміръ 2-й, 15. Башинскій Василій, Медченковъ Александръ, Поповъ Александръ, Бѣлиевъ Мелетій, Петровъ Георгій, 20. Сорочинскій Ѳеодосій, Ветуховъ Михаилъ.

Будутъ переведены въ 3-й классъ, если передержатъ экзамены.

Любинскій Матвей—по церковному пѣнію, Поповъ Елисей—по арифметикѣ, Поповъ Димитрій—по русскому языку, 25. Власовъ Петръ—по арифметикѣ, Сапухинъ Григорій—по русскому языку и латинскому письменному упражненію.

Разрядъ III. Бондаренко Семень—по русскому и греческому языкамъ, Ѳеодоровъ Николай—по латинскому языку и арифметикѣ.

Оставляются на повторительный курсъ въ томъ же классѣ.

Базилевичъ Валеріанъ, 30. Бутковъ Николай, Гончаревскій Ѳеодоръ, Липицкій Иванъ, Недохлебковъ Георгій, Прокофьевъ Сергій, 35. Рудинскій Григорій, Складовъ Георгій—по малоуспѣшности, Бѣлоусовъ Аполлонъ, Димитрисъ Сергій, Дьяковъ Яковъ, 40. Евфимовъ Александръ, Ковалевскій Африканъ, Макаровъ Викторъ, Роменскій Семень, Самойловъ Андрей, 45. Соколовскій Алексѣй, Сыцковъ Антоній—по прошенію родителей.

Допускается къ экзамену послѣ каникулъ, какъ не державшій онаго по болѣзни.

Дзюбановъ Степанъ.

Увольняются изъ училища.

Селятренинковъ Игнатій, Свѣриновъ Николай—какъ не успѣвшіе въ теченіе 2 лѣтняго пребыванія въ одномъ классѣ, 50. Евфимовъ Андрей—по прошенію отца.

I КЛАССА.

Переводятся во 2-й классъ.

Разрядъ I. 1. Филевскій Григорій, Пиктелевионовъ Акимъ, Власовъ Иванъ, Прищепа Ѳеодоръ, 5. Заауговскій Николай, Свищевъ Семень.

Разрядъ II. Соколовскій Иванъ, Чепуринъ Николай, Власивъ Валеріанъ, 10. Агнѣченко Ѳеодоръ, Жуковъ Иванъ, Бутковский Димитрій, Буцкій Ѳеодоръ, Роменскій Яковъ, 15. Саломатинковъ Николай, Хваницъ

ковъ Павелъ, Федоровскій Владиміръ, Захарьевъ Иванъ, Анисимовъ Николай, 20. Лицкиій Сергій, Смирскій Митрофанъ, Твердохлѣбовъ Николай, Воскобойниковъ Александръ, Алексѣевъ Иванъ, 25. Арефевъ Григорій, Бѣляковъ Александръ, Жуковъ Григорій, Михайловскій Андрей, Поповъ Яковъ, 30. Жуковскій Михаилъ, Дикаревъ Иванъ, Муханъ Георгій, Чалый Михаилъ, Пипенко Иванъ.

Будетъ переведенъ во II классъ, если передержитъ экзаменъ по арифметикѣ:

35. Дудниковъ Андрей.

Оставляются на повторительный курсъ въ томъ-же классѣ:

Грабовскій Владиміръ, Любарскій Иванъ, Рубинскій Иванъ, Ошмилъ Алексѣй, 40. Поповъ Михаилъ, Поповъ Николай, Васильевъ Максимъ—по малоуспѣшности.

Увольняются изъ училища:

Любарскій Дмитрій, Щелоковскій Николай, 45. Микутинъ Николай, Павловъ Сергій—по малоуспѣшности.

ПРИГОТОВИТЕЛЬНАГО КЛАССА.

Переводятся въ 1-й классъ.

Разрядъ I. 1. Поповъ Николай, Капустинъ Михаилъ, Колесниковъ Александръ, Булковскій Николай, 5. Морозъ Аркадій, Чернявскій Яковъ, Пантелеевнатовъ Акимъ, Петровъ Федоръ, Поповъ Андрей, 10. Макаровскій Иванъ, Каплуценко Иванъ, Чебановъ Василій.

Разрядъ II. Чернявскій Иванъ, Улановъ Іустинъ, 15. Титовъ Николай, Рулевъ Владиміръ, Гапчаревскій Николай, Малицкій Іустинъ, Погорьловъ Александръ, 20. Приходьковъ Владиміръ, Любарскій Стефанъ, Бутовъ Григорій, Кологовскій Иванъ, Мухинъ Николай, 25. Пономаревъ Николай, Федоровъ Владиміръ, Яковлевъ Николай, Сахновскій Захарій.

Будутъ переведены въ 1-й классъ, если передержатъ экзамены:

Ковалевъ Василій—по закону Божію, 30. Труфановъ Михаилъ, Николаевъ Стефанъ, Макаровскій Александръ—по русскому языку, Ревскій Викторъ, Николаевичъ Веніаминъ, 35. Каширинъ Веніаминъ, Макухинъ Михаилъ, Адарюковъ Владиміръ, Воженковъ Семенъ, Босой Петръ, 40. Феневъ Стефанъ—по арифметикѣ.

Оставляются на повторительный курсъ въ томъ-же классѣ:

Петриченко Александръ, Леонтовичъ Сергій—по малоуспѣшности.

Увольняются изъ училища:

Шебатинскій Яковъ, Щелоковскій Петръ, 45. Яковлевъ Петръ—по малоуспѣшности, Поповъ Арсѣій, Бондаренко Федоръ—по прошенію родителей, Грабовскій Иванъ—какъ не бывшій въ училищѣ въ теченіе учебнаго года.

Отъ Правленія Купянскаго духовнаго училища.

Правленіе Купянскаго духовнаго училища симъ объявляетъ, что въ настоящемъ году переэкзаменовка ученикамъ приготовительнаго и 1-го классовъ будетъ произведена 10 августа, ученикамъ 2-го класса—11-го, ученикамъ 3-го класса 12-го, передержка экзаменовъ ученикамъ 4-го класса и пріемные экзамены въ 3 и 4 классы 13-го, пріемный экзаменъ въ приготовительный классъ 14-го августа.—Вакансій въ 3 классѣ имѣется 1 и въ 4-мъ кл. 7. Въ 1 и 2 классахъ вакансій нѣтъ.

Епархіальныя извѣщенія.

Священникъ Троицкой церкви сл. Бѣловодска, Старобѣльскаго уѣзда, Іоаннъ *Венѣминовъ* перемѣщенъ къ Харьковъ къ Св. Духовской ц.

— На праздное священническое мѣсто къ Петро-Павловской церкви сл. Лидана, Изюмскаго уѣзда, опредѣленъ окончившій курсъ наукъ въ Харьковской духовной семинаріи Іоаннъ *Савухинъ*.

— Священникъ Сергіевской п. слоб. Стратилатовки, того-же уѣзда, Николай *Ястремскій*, согласно прошенію его, перемѣщенъ къ Вознесенской церкви сл. Песокъ, того-же уѣзда, а на его мѣсто перемѣщенъ священникъ Іоанно-Предтечевской ц. сл. Ново-Павловки, того-же уѣзда, Михаилъ *Юшковъ*.

— На праздное псаломщическое мѣсто къ Архангело-Михайловской ц. сл. Райгородка, того же уѣзда, опредѣленъ окончившій курсъ наукъ въ Харьковской дух. семинаріи Николай *Яновскій*.

— Умеръ волею Божіею членъ Харьковской Духовной Консисторіи, Харьковской Свято-Духовской церкви, священникъ Николай *Мошениковъ*.

— Псаломщикъ Архангело-Михайловской ц. сл. Райгородка Стефанъ *Жуковъ* волею Божіею умеръ.

— Василій *Дюковъ* опредѣленъ псаломщикомъ къ Вознесенской ц. сл. Большой Рогозянки, Харьковскаго уѣзда.

— Псаломщикъ с. Удѣ, Харьковскаго уѣзда, Константинъ *Михайловскій*, уволенъ отъ должности, согласно прошенію, а на его мѣсто опредѣленъ и. д. псаломщика, воспитаникъ 1 класса семинаріи, Георгій *Григоревичъ*.

— Псаломщикъ Василій *Шинкинъ* посвященъ въ стихарь.

— Утверждены въ должности церковныхъ старостъ къ церквамъ: Воскресенской церкви с. Хорошева, Харьковскаго уѣзда, куп. Аркадій *Захаровъ*,

Владиміро-Богородичной церкви, с. Долижка, Харьковскаго уѣзда, князь Дмитрій *Голмынъ*, Харьковской Дмитріевской церкви, Григорій *Бочаровъ*, Николаевской церкви с. Старога, Сумскаго уѣзда, запасн. поруч. Левъ *Зборомірскій*, Іоанно-Предтечешской церкви с. Терешковки, Сумскаго уѣзда, Петръ *Петренко*, Всѣхвѣтской церкви с. Малой Чернетчины, Сумскаго уѣзда, Ѳеодотъ *Панченко*, Рождество Богородичной церкви с. Кальченкова, Сумскаго уѣзда, Василій *Рыбама*.

— Надв. сов. Александръ *Котляревскій* уволенъ отъ должности церковнаго старосты церкви с. Пересѣчнаго.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Поднесеніе Библии Товарищу г. Оберъ-Прокурору Св. Синода В. К. Саблеру.—Преобразование православной Сербской семинаріи.—Армяне въ православной церкви.—Католическая іерархія.—Іерархія Всероссійской церкви.—Сила молитвы о. Іоанна Крошадтскаго.—Богатѣльн въ Іерусалимѣ.—Печальный случай съ о. Наревіемъ.—900-лѣтіе кончины св. митрополита Михаила.—900-лѣтіе епископской кathedры въ Черниговѣ.—50-лѣтній юбилей преосвященнаго Мартинаана.—Иркутская миссія.—Некрологъ.—55-й тиражъ билетовъ перваго внутренняго съ выигрышами займа.

Училищный при Святѣйшемъ Синодѣ Совѣтъ постановилъ: во вниманіе къ неутомимо-ревностнымъ и многоплоднымъ семилѣтнимъ трудамъ бывшаго помощника председателя училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ, тайнаго совѣтника Владиміра Карловича Саблера на пользу возрожденной церковно-приходской школы, наградить его книгою «Библія», отъ Святѣйшаго Синода выдаваемою, въ воздаяніе живой и сердечной любви его къ церковно-приходской школѣ и ревностнѣйшаго попеченія его о просвѣщеніи народа въ духѣ Церкви Православной.

— Въ прошломъ мѣсяцѣ состоялось преобразование православной сербской семинаріи, нахолившейся въ г. Призрѣнѣ, въ Старой Сербіи, въ пестиклассную, вмѣсто трехъ-классной. Въ настоящее время въ семинаріи будутъ преподаваться: русскій языкъ и богословскіе предметы для того, чтобы ея воспитанники были вполне подготовлены къ пастырской и учительской дѣятельности и, обладая высшими познаніями, могли бы съ большимъ успѣхомъ отстаивать интересы православія среди сербскаго народа.

— Въ виду немалочисленныхъ и разнообразныхъ выраженій религиозной нетерпимости среди христіанъ разныхъ исповѣданій, особенно цѣнными являются всѣ обнаруженія христіанскаго братства между лицами, принадлежащими къ этимъ исповѣданіямъ. Одинъ

изъ такихъ примѣровъ имѣлъ мѣсто въ Тифлисѣ. «Дух. Вѣстн. Гр. Экз.», говоря о богослуженіи наканунѣ праздника Вознесенія Господня въ экзаршеской церкви, замѣчаетъ, что въ этотъ день въ крестовую церковь экзарха для молитвы пришли армяне. Послѣдніе охотно посѣщаютъ православныя церкви большею частію въ дни храмовыхъ праздниковъ и тогда, когда ихъ праздники совпадаютъ съ нашими праздниками. Канунъ Вознесенія Господня празднуется армянами также, какъ и православными; вотъ чѣмъ и объясняется подобное стеченіе ихъ въ православный храмъ въ этотъ день. Вообще торжественное православное архіерейское служеніе и пѣніе прекраснаго экзаршескаго хора производитъ на армянъ глубокое впечатлѣніе.

— Вся католическая іерархія по официальнымъ свѣдѣніямъ къ 2-му января 1892 году состояла изъ 56 кардиналовъ, 800 архіепископовъ и епископовъ латинскаго обряда, 45 архіепископовъ восточнаго обряда, 317 архіепископовъ и епископовъ титулярныхъ, т. е. на самомъ дѣлѣ не занимающихъ тѣхъ кафедръ, названіе которыхъ присоединяется къ ихъ имени, 13 архіепископовъ и епископовъ безъ всякаго титула, 6 прелатовъ «nullius dioceseos», а всего ихъ 1,237 лицъ. Въ числѣ 56 кардиналовъ 22 итальянца. Папа Левъ XIII, за все время управленія католическою церковію, учредилъ 1 патриархатъ, 26 архіепископій, 74 епископства, 45 викаріатствъ, одну апостольскую делегацію и 16 апостольскихъ префектуръ («Les Mission Catholiques»).

— Наша православная Всероссійская Церковь раздѣляется на 62 епархіи, во главѣ коихъ находятся: 3 митрополита, 12 архіепископовъ и 46 епископовъ; при епархіальныхъ начальникахъ спягителѣхъ состоятъ, въ помощь имъ, также 37 преосвященныхъ викаріевъ; кромѣ того, митрополитъ Исидоръ имѣетъ въ своемъ вѣдѣніи двѣ митрополіи: Новгородскую и С.-Петербургскую, а потому при немъ состоятъ четыре викарія (1 по Новгородской и 3 по столичной митрополіи). Далѣе, вакантными доселѣ остаются слѣдующія 5 викаріатствъ: Березовское (въ Tobольскѣ), Волоколамское (въ Москвѣ), Козловское (въ Тамбовѣ), Муромское (во Владимірѣ) и прилукское (въ Полтавѣ). Для обширной Тамбовской епархіи оказалась нынѣ необходимость въ учрежденіи и втораго викаріатства, такъ какъ эта епархія по количеству жителей (2¹/₂ милліона) превышаетъ всѣ прочія въ цѣлой Россіи, уступая только Кіевской (3¹/₄ милліона) и вѣтской (3 милліона). Столь обширной епархіей нынѣ завѣдываетъ только одинъ архіепастырь, преосвящен-

пый Іеронимъ (въ мірѣ Ілія Экземплярскій, родился 19 іюля 1837 г.), тогда какъ, напримѣръ, въ столичной митрополіи, при гораздо меньшемъ народонаселеніи (1.750,000), имѣется даже 4 архипастыри (митрополитъ и три викарія). Всѣхъ святителей Русской Церкви, какъ состоящихъ на кафедрахъ, такъ и пребывающихъ уволенными на покой, нынѣ 106, въ томъ числѣ: 3 митрополита, 13 архіепископовъ и 90 епископовъ, при чемъ викаріевъ—37. По образовательному цензу наши іерархи распредѣляются такъ: академистовъ 96, университетскихъ кандидатовъ 2, семинаристовъ 8. Среди іерарховъ-академистовъ имѣется: докторовъ богословія 3, магистровъ 60 и кандидатовъ 32. Наивысшую степень доктора богословія имѣютъ только трое: 1) викарій Кіевской митрополіи преосвященный Сильвестръ (въ мірѣ Стефанъ Малеванскій род. 1827 г. на Волынѣ), епископъ Каневскій, заслуженный профессоръ и ректоръ Кіевской духовной академіи; 2) Могилевскій епископъ Сергій (р. 1829 г.), и 3) Екатеринославскій Августинъ (род. 1840 г.). Всѣ трое—воспитанники Кіевской академіи, которая и въ настоящее время имѣетъ наибольшее количество іерарховъ, а именно—34, тогда какъ прочимъ академіямъ принадлежатъ: Московской 22, Казанской 13 и столичной 26 іерарховъ. Среди 106 іерарховъ Русской Церкви наиболѣе маститыми являются нынѣ: высокопреосвященный митрополитъ Исидоръ (родился 1 октября 1799 г.) и Олонецкій епископъ Павелъ (80 лѣтъ). Такъ какъ въ Россіи до 112 милліоновъ жителей обоого пола, то одинъ архипастырь приходится болѣе чѣмъ на милліонъ пасомыхъ; совершенно обратное соотношеніе встрѣчается, напримѣръ, на дальнемъ востоцѣ: въ Іерусалимскомъ патріархатѣ, при 25,000 православныхъ, имѣется 1 патріархъ и 12 епископовъ, изъ коихъ, впрочемъ, десять титулярные и только двое имѣютъ самостоятельную кафедру, кромѣ блаженнѣйшаго патріарха Іакова IV. Въ заключеніе приводимъ общую статистику православнаго клира и церквей съ монастырями. Мужскихъ монастырей 478 съ 19 тысячами монашествующихъ въ оныхъ; дѣвичьихъ монастырей и скитовъ 288 съ 48,888 монахинями и послушницами монастырскими при оныхъ; соборовъ и церквей приходскихъ 40,495: при нихъ протоіереевъ и священниковъ 40,005, а діаконовъ 12,444; въ числѣ 1,500 протоіереевъ заключаются и 62 кафедральныхъ протоіереевъ, какъ представителей всего бѣлаго духовенства епархій. Изъ нихъ драгоценными митрами, изъ кабинета Его Величества, украшены при священнослуженіяхъ только 5 кафедральныхъ протоіереевъ:

С.-Пб. Исаакіевскаго собора о. Петръ Смирновъ, Кіево-Софіскаго—Петръ Лебединцевъ 2-й, Новгородскаго Свято-Софійскаго—о. Василій Орнатскій, Московскаго Христа Спасителя—о. Алексій Соколовъ и бывшій Одесскій кафедральный протоіерей о. Михалъ Павловскій (род. 8 ноября 1810 г.). Сверхъ того, митрофорными протоіереями состоятъ: протопресвитеръ о. Іоаннъ Янышевъ, протопресвитеръ о. Александръ Желобовскій, протоіерей: о. Алексій Нарвовъ, о. Александръ Владимірскій (ректоръ Казанской духовной семинаріи), о. Димитрій Соколовъ, о. Іоаннъ Толмачевъ (сакелларій собора въ Зимнемъ дворцѣ), о. Іоаннъ Базаровъ (духовникъ королевы Вюртембергской), о. Василій Лебедевъ (бывшій духовникъ великой княгини Александры Петровны), о. Іавріилъ Любимовъ, о. Петръ Зиновьевскій, о. Меводій Смирновъ и о. Александръ Щепинъ. (Руск. Лист.).

— «Варш. Дн.» сообщаетъ о слѣдующемъ фактѣ: «Годъ тому назадъ, одна дама, живущая въ здѣшнемъ краѣ, сильно обиженная своимъ мужемъ, оставила его и переѣхала въ Варшаву. Г-жѣ N. пришлось жить своимъ трудомъ, имѣя при себѣ двухъ дочерей, которыя ходили учиться въ гимназію. Мужъ г-жи N. нисколько не былъ огорченъ отъѣздомъ жены и дѣтей и предоставилъ ихъ на волю судьбы, ничуть не заботясь о томъ, на какія средства они будутъ существовать, хотя онъ человѣкъ далеко не бѣдный. Понятно, что г-жа N. страшно нуждалась. Иногда ей приходилось платиться съ дочерьми однимъ обѣдомъ въ 20 коп. Къ увеличенію горя, одна изъ дочерей стала плохо учиться въ гимназіи и пришлось пригласить учительницу репетировать уроки, что вызвало новый расходъ. Нужда, лишеніе и горе ослабили организмъ г-жи N. Она простудилась и заболѣла чахоткой. Видя такую безысходную нужду, благородная учительница репетиторша отказалась отъ вознагражденія за занятія съ дочерьми N. и, продолжая занятія съ дѣтьми, стала помогать также и больной матери. Свѣтъ не безъ добрыхъ людей. Нашелся и докторъ, который не только что лѣчилъ больную безвозмездно, но и приносилъ лѣкарства. Но такъ какъ при этомъ не было средствъ, чтобы больной доставить нѣкоторыя удобства, то ничто и не помогало. Болѣзнь развивалась изо дня въ день. Г-жа N. уже не вставала съ постели и докторъ далъ заключеніе, что помочь больной уже ничѣмъ нельзя и что она должна умереть. Всѣ растерялись. Написали мужу г-жи N., но онъ даже не откликнулся. Тогда учительницѣ пришло на мысль обратиться къ отцу Іоанну Крошгадтскому. Она подробно описала положеніе

дѣла, приложила 1 рубль на молебень и просила его помолиться объ исцѣленіи больной. Прошло три дня со времени отправки письма; перемены къ лучшему не было; на четвертый день учительница зашла навѣстить больную и увидѣла ее вставшею и здоровою. Зачѣмъ вы встали? спрашиваетъ она ее: «Представьте себѣ, что я совершенно здорова. Сегодня со мною что-то произошло, какъ будто съ меня сняли страшную тяжесть, и я почувствовала себя здоровою и капшель и всѣ муки болѣзни меня оставили совершенно. Чѣмъ это объяснить--не знаю, только я здорова и какъ будто не болѣла». Въ настоящее время г-жа Н. совершенно здорова и не осталось даже и слѣдовъ отъ бывшей ея болѣзни.

— «Церк. Вѣсти.» пишетъ, что на дняхъ происходило освященіе единственнаго и перваго въ своемъ родѣ учрежденія въ Іерусалимѣ и, нужно добавить, русскаго. Въ св. градѣ въ настоящее время существуетъ множество благотворительныхъ учрежденій--школъ, больницъ и пріютовъ для поклонниковъ. Но нѣтъ ни одной богадѣльни для немѣющихъ пріюта стариковъ и старухъ изъ туземцевъ и для европейцевъ, занесенныхъ какими-либо судьбами на востокъ и не имѣющихъ возможности по старости или по немѣнью средствъ возвратиться на родину. Починъ благотворенія въ этомъ родѣ положенъ русскими и въ частности о. Веніаминомъ, членомъ духовной миссіи въ Іерусалимѣ. О. Веніаминъ--старожилъ въ св. градѣ. Онъ въ 1846 году прѣбылъ съ Аѳона въ Іерусалимъ и съ тѣхъ поръ проживаетъ здѣсь. О. Веніаминъ былъ іеромонахомъ миссіи при Кириллѣ, епископѣ мелянопольскомъ. При второмъ начальникѣ миссіи, архимандритѣ Леонидѣ, онъ былъ уволенъ отъ должности. Теперешній начальникъ миссіи о. архимандритъ Антонинъ пригласилъ о. Веніамина вторично занять мѣсто члена іерусалимской духовной миссіи, каковой постъ онъ занимаетъ и до сихъ поръ.

Четыре года тому назадъ о. Веніаминъ купилъ одинъ еврейскій домъ недалеко отъ новаго пріюта Императорскаго православнаго палестинскаго общества и бесплатно отдалъ всѣ помѣщенія для странныхъ и пришлицъ, желающихъ сложить свои кости на Сіонѣ. Просящихъ бесплатно помѣщенія оказалось очень много, и о. Веніаминъ, желая удовлетворить хотя нѣсколькимъ просьбамъ, рѣшилъ вблизи купленнаго дома выстроить еще домъ въ 5 комнатъ для 10 человѣкъ. На прошедшей недѣлѣ этотъ домъ былъ готовъ, и самъ строитель совершалъ освященіе его въ присутствіи представителя Императорскаго палестинскаго общества помощника

уполномоченнаго Д. Н. Скаловскаго, новобранней четы графа и графини Гейденовъ и всѣхъ обитательницъ пріюта. Послѣднихъ теперь считается въ домѣ 29 человѣкъ. Что особенно бросается въ глаза, это то, что между обитательницами есть англичанки, и ни одной души изъ туземцевъ.

Многихъ русскихъ интересовалъ вопросъ: какая судьба постигнетъ эту богатѣльню послѣ смерти ея строителя? Этотъ вопросъ въ настоящее время рѣшенъ наилучшимъ и надежнѣйшимъ образомъ. О. Веніаминъ въ концѣ прошлаго года свой домъ и землю передалъ Императорскому православному палестинскому обществу, за что и получилъ отъ общества званіе почетнаго члена, а отъ Государя Императора орденъ св. Владиміра 3-й степени. Теперь о. Веніаминъ орденовъ и знаковъ отличія считаетъ у себя 14.

За послѣдніе дни въ Іерусалимѣ положительно говорятъ, что желѣзная дорога изъ Яффы въ св. градъ будетъ окончена чрезъ 3 мѣсяца. Вотъ ея станціи и столицы: Яффа, Лидда, Рамлэ, Седжедъ Деир-Абанкъ, Биттиръ, Іерусалимъ.

— Въ ту же газету пишутъ, что въ день Вознесенія Господня почти весь христіанскій міръ Іерусалима былъ на Елеонѣ. Около 6 часовъ утра началась греческая литургія, которую совершалъ Іорданскій архіепископъ Епифаній. Послѣ окончанія греческой литургіи начался звонъ въ русской Елеонской церкви. Русскіе поклонники и многіе туземцы наполнили храмъ. Литургію совершалъ начальникъ миссіи о. архимандритъ Антонинъ съ 6-ю іеромонахами. Присутствовали при богослуженіи митрополитъ св. Петры Никпфоръ, представители консульства и Палестинскаго общества. Въ церкви перебивало множество Французовъ; нѣкоторые изъ нихъ со вниманіемъ относились къ русскому богослуженію, другіе заходили только мимоходомъ. Послѣ окончанія литургіи избранные гости были приглашены о. архимандритомъ на чай, а гостепріимнымъ игуменомъ Елеонскаго монастыря о. Пароеніемъ на обѣдъ. Праздничное настроеніе о. Пароенія черезъ два, три дня сдѣлалось полнѣйшею скорбію. Нужно было спустить одинъ колоколъ съ Елеонской горы. О. Пароеній хотѣлъ это сдѣлать съ поклонниками и поклонницами и пригласилъ ихъ туда для помощи себѣ. Колоколъ благополучно былъ доставленъ въ Геосиманію и всѣ чрезъ Геосиманскія ворота направлялись на русскія постройки. Приходилось проходить по турецкому кварталу мимо кофейной (вблизи дома Іоакима и Анны). Мусульмане, сидѣвшіе въ послѣдней, начали приставать къ русскимъ поклонникамъ и позво-

ляли себѣ словомъ и дѣйствіемъ оскорблять чувство женской стыдливости. О. іеродіаконъ Михаилъ, служашій въ миссіи, оставилъ одного мусульманина. Нѣсколько товарищей послѣдняго подбѣгаютъ, хватаютъ за бороду о. Михаила, наносятъ ударъ по головѣ и валятъ его на землю. О. Іеродіаконъ, душимый мусульманами, кричитъ «караулъ!» Въ это время о. Парөөній шелъ впереди и, услышавъ «караулъ», быстро возвратился назадъ и началъ освобождать своего сослуживца. Вся шайка безобразниковъ бросилась на этого защитника, били его—кто палкой, кто стуломъ. Вся голова, руки, одежда о. Парөөнія—все было въ крови; онъ, обороняясь отъ ударовъ, хотѣлъ схватить самаго главнаго буяна и привести его въ сарай, прочіе скандалисты вырывали своего товарища изъ рукъ о. Парөөнія и наносили послѣднему удары по головѣ, по рукамъ и ногамъ. Нѣсколько солдатъ вмѣшались въ исторію, но они не старались разогнать толпу безобразниковъ, а способствовали буяну освободиться. Наконецъ, послѣ неимовѣрныхъ усилій, оо. Парөөнію и Михаилу удалось привести главнаго виновника въ сарай.

Вѣсть объ этой печальной исторіи быстро разнеслась по городу. Тотчасъ же и. д. русскаго генеральнаго консула въ Іерусалимѣ А. П. Бѣляевъ, захвативъ съ собою помощника уполномоченнаго Императорскаго Палестинскаго Общества Д. Н. Скаловскаго, въ качествѣ свидѣтеля, доктора русской больницы, драгомановъ миссіи и консульства, отправился въ сарай. Дежурный полицейскій офицеръ, которому было сообщено, что пришелъ представитель Русскаго правительства, не постарался указать приличной комнаты, хотя таковая и имѣется въ сараѣ. Г. Бѣляевъ принужденъ былъ находиться въ той же комнатѣ, гдѣ помѣщались полицейскіе и приведенные для допроса, пока не прибыли помощникъ паши (самаго паши не было въ Іерусалимѣ), полиціимейстеръ, городской докторъ и драгоманъ Турецкаго правительства. Начались допросы и медицинское освидѣтельствованіе отца Парөөнія. Оказалось: отецъ Парөөній получилъ четыре раны на головѣ (черепная кость не проломана), сильные ушибы на лѣвой рукѣ и имѣетъ синяки по всему тѣлу; борода и волосы на головѣ сильно пострадали. Все слѣдствіе и допросы производились въ присутствіи и. д. консула А. П. Бѣляева, имъ самимъ редактированъ былъ протоколъ. А. П. Бѣляевъ взялся за дѣло самымъ энергическимъ образомъ, отстаивая честь русскихъ на чужбинѣ съ должною твердосію и являясь истиннымъ покровителемъ Русскихъ на

Востокъ. Онъ, отправляясь изъ сарая, потребовалъ отъ Турецкаго правительства въ самомъ скорѣйшемъ времени удовлетворенія за оскорбленіе Русскихъ въ лицѣ отца миссіонера Пареевнѣ. Помощникъ наши, видя, что русское консульство не шутитъ, на слѣдующее утро послалъ официальное заявленіе представителю Русскаго правительства въ Іерусалимѣ, что полицейскій офицеръ, который не оказалъ должной чести русскому консулу, приговоренъ къ семидневному тюремному заключенію, что оскорбившіе отца Пареевнѣ мусульмане (которыхъ найдено 6 человекъ) будутъ судимы самымъ строжайшимъ образомъ.

— «Кіевское Слово» сообщаетъ, что по распоряженію высокопреосвященнаго Іоанннкія, митрополита Кіевского и Галицкаго, 15 текущаго іюня, отпраздновано въ Кіевѣ церковнымъ торжествомъ 900-лѣтіе со дня блаженной кончины перваго святителя Русской земли, сподвижника равноапостольнаго князя Владиміра, митрополита Кіевского и всея Россіи чудотворца Михаила, который, по изслѣдованію извѣстнаго церковнаго исторіографа, архіепископа Черниговскаго Филарета Гумилевскаго, скончался 15 іюня 992 г. Въ великой лаврской церкви, гдѣ вѣлѣнно почиваютъ мощи святителя Михаила, Божественная литургія и, по окончаніи ея, молебенъ святителю совершены высокопреосвященнымъ Іоанннкіемъ, въ сослуженіи старшей братіи Лавры; въ Кіево-Софійскомъ соборѣ литургію и молебенъ совершала преосвященный Анатолій, епископъ Уманскій, въ сослуженіи соборнаго и многочисленнаго городского духовенства. По тому же случаю совершено Богослуженіе въ семинарской Петропавловской церкви.

— Въ память 900-лѣтія учрежденія епископской кафедры въ Черниговѣ открываются: 1) Въ г. Новозыбковѣ складъ книгъ противораскольническихъ и религіозно-нравственныхъ вообще, изъ которыхъ 1-хъ выписано пока на 182 руб. и для которыхъ часовня устроится на главной торговой площади, на средства единовѣрцевъ М. И. Волкова, М. О. Грунипа, Д. В. Барышнікова, О. И. Осипова, С. И. Золотарева, Д. В. Караминова, В. М. Волкова, С. М. Волкова и другихъ (всего собрано пока 300 руб. и икона въ 200 рублей). 2) Такой-же складъ книгъ въ п. Радулѣ, церковно приходская школа въ немъ при единовѣрческой церкви и церковь на кладбище, устрояемая на средства церкви, причта и прихожанъ. 3) Теплая церковь на мѣстѣ сгорѣвшей церкви и при ней церковно-приходская школа, устрояемая въ посадѣ Злынкѣ О. И. Осиповымъ. 4) Практическая школа ичеловодства для учениковъ иконо-

писной школы и школы-пріюта, равно и для братіи черниговскаго Елецкаго монастыря, устрояема въ немъ при пчельникѣ казначей іеромон. Іліодора въ 120 ульевъ, подъ его главнымъ наблюденіемъ, бывшимъ учителемъ такой же школы въ пос. Чуровичахъ рясофорнымъ послушникомъ Исидоромъ Пироговымъ. 5) Земледѣльческое отдѣленіе при церковно-приходской школѣ с. Омелянова, остерскаго уѣзда, съ пользованіемъ 16-ю десят. и 1265 саж. безтолочной земли, отчуждаемыми въ вѣдство государственныхъ имуществъ и испрашиваемыми остерскимъ отдѣленіемъ епарх. учил. совѣта у черниговской палаты государственныхъ имуществъ.

— Въ настоящемъ году Таврическая епархія празднуетъ 50-ти лѣтній служебный юбилей своего архипастыря преосвященнаго Мартиніана, въ мѣрѣ Михаила Семеновича Муратовскаго. Окончивъ въ 1842 году курсъ наукъ со степенью студента семинаріи, Михаилъ Муратовскій поступилъ на должность учителя Нижегородскаго духовнаго училища. Въ 1853 году постриженъ въ монашество подъ именемъ Мартиніана, и тогда же рукоположенъ въ іеродиакона и въ іеромонаха. 19 іюня 1861 года возведенъ въ санъ архимандрита съ назначеніемъ настоятелемъ первокласснаго Иркутскаго монастыря. Здѣсь у раки первосвятителя Сибирскаго и чудотворца Иннокентія хиротонисанъ 9 февраля 1869 г. во епископа Селенгинскаго, викарія Иркутской епархіи, съ принятіемъ въ свое завѣдываніе миссіонерскихъ становъ и миссіи Забайкалья. Въ 1877 году перемѣщенъ на самостоятельную кафедру отдаленной Камчатки, а въ 1885 году занялъ кафедру древней Тавриды. Здѣсь преосвященный Мартиніанъ обратилъ вниманіе на церковное благоустройство и учительство, причемъ во время его управленія епархіей число церковно-приходскихъ школъ утроилось. За свой труды по духовно-народному образованію владыка три года назадъ удостоился ордена Св. Владиміра втораго класса со звѣздой.

— Въ Ирк. Епарх. Вѣд. помѣщены чрезвычайно любопытныя воспоминанія г. Древновскаго о мѣстной миссіи. Свидѣтельство г. Древновскаго тѣмъ знаменательнѣе, что самъ онъ родомъ Полякъ, по вѣроисповѣданію католикъ, бывшій повстанецъ, сосланный въ Сибирь за 1863 годъ. Между тѣмъ вотъ что онъ пишетъ: Я считалъ Сибирь предверіемъ ада; къ православному духовенству относился я чуть ли не враждебно, считая его необразованнымъ. Но, къ великому моему удивленію, въ этомъ-то духовенствѣ и нашелъ нравственную поддержку для своего бытія. Ограниченное слишкомъ число врачей въ Сибири и постоянная неотложная

требовательность въ медицинской помощи вынудили меня снова заняться медициной. Первыми кто ко мнѣ обращался были по большей части лица духовныя. Первымъ кто меня пригласилъ былъ священникъ с. Корелки (имя его забылъ). Понятно, не съ особеннымъ удовольствіемъ я отправился на призывъ. Дальнѣйшее значеніе съ православнымъ сибирскимъ духовенствомъ заставило меня совершенно измѣнить тотъ взглядъ на него, съ которымъ я пріѣхалъ въ Сибирь. Въ Минусинскомъ округѣ мнѣ пришлось прожить только три года: въ 1866 году я пріѣхалъ въ Тункинскій край, Иркутской губерніи, для леченія сосланныхъ въ этотъ край моихъ соотечественниковъ. Въ первый же годъ моей службы здѣсь я былъ представленъ покойному преосвященному Парфенію. Кто опишетъ мое удивленіе, когда архипастырь-старецъ заговорилъ со мною на различныхъ европейскихъ языкахъ, а затѣмъ сѣлъ на верховую бурятскую лошадь и отправился на свое дѣло въ бурятскіе кочевья... Невольно я сопоставилъ привольную и удобную жизнь европейскаго духовенства съ первобытною жизнью сибирскаго духовенства и, конечно, во мнѣ пробудилось искреннее желаніе помочь этой горсточкѣ труженниковъ и возможно облегчить ихъ тяжелую жизнь медицинскою помощію, а равно возможно болѣе парализовать шаматанство лѣврей ламъ. Изъ моихъ товарищей было не мало фанатиковъ, мою помощь православной миссіи они признавали чуть ли не измѣной исповѣдуемой мною религіи. Но я, все-таки, не унывалъ, возможно помогая миссіонерамъ и въ матеріальномъ отношеніи, такъ какъ они получали очень ограниченное жалованье, да и то, благодаря отсутствію почтового тракта, очень неаккуратно, а нужды было очень много; поэтому доводилось мнѣ ссужать миссіонеровъ маленькими вспоможеніями. И въ заключеніе вотъ что говорить г. Дреновскій, послѣ 25-лѣтняго знакомства съ нашими миссіонерами. Простите, отцы миссіонеры Иркутской миссіи: я осмѣлился говорить о вашемъ дѣлѣ, о которомъ сами вы, — изъ разумной христіанской скромности, — молчите и безропотно несете возложенное на васъ бремя. Вы были моею великою нравственною поддержкой въ трудной моей жизни и заставили проникнуться святою идеей вашего дѣла. Я едва вѣрилъ своимъ глазамъ, когда видѣлъ, что миссіонеръ, получая не болѣе 500 руб. годоватаго жалованья, какъ-то ухитрялся кормить за своимъ столомъ не менѣе 20 человѣкъ Бурятъ, не разбирая вѣроисповѣданій. Въ одномъ изъ Тункинскихъ миссіонерскихъ становъ было въ одно время (въ 1880 году) 18 человѣкъ больныхъ дифте-

ритомъ, миссіонерскій ставъ обратился совершенно въ лазаретъ. Жена миссіонера не спала ночи и постоянно сидѣла съ больными, исполняя врачевныя наставленія. Я видѣлъ какъ Иркутскіе архимандриты (Парфеній, Веніаминъ), послѣ утомительной верховой ѣзды спали почти на голомъ полу бурятской юрты. Я видѣлъ какъ миссіонеры, не имѣя возможности пріобрѣсти какую-нибудь питательную пищу (тогда былъ въ Тункѣ голодъ и ржаной хлѣбъ доходилъ до 3 руб. за пудъ), тратили свои скудные средства на пріобрѣтеніе необходимыхъ медикаментовъ. Я былъ спокоенъ, оставивъ свидѣтельствовааннаго мною больного, такъ какъ миссіонеръ если его не было дома, то его жена, исполняла все предписанное. Жена сибирскаго миссіонера несетъ тоже тяжелое бремя, къ и ея мужъ. Не говорю я о христіанской проповѣди со стороны женъ миссіонеровъ: она являлась сама собою; но не могу отмѣчать объ ихъ дѣятельности, какъ охранительницы народнаго здравія среди сибирскихъ кочевниковъ. Христіанское отношеніе къ каждому больному христіанину или язычнику, со стороны миссіонеровъ—женъ миссіонеровъ, поистинѣ достойно удивленія. Жена миссіонера, нерѣдко оставляя своихъ малолѣтнихъ дѣтей, съѣзжала на помощь трудно больному Буряту. Въ виду всего этого странно тяжело читать честному человѣку тѣ несправедливыя выговоры, которые даетъ современная пресса горсточкѣ сибирскихъ ружениковъ православной миссіи.

НЕКРОЛОГЪ.

28 іюня, въ половинѣ шестаго утра, 1892 года, волею Божіею, послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни, напутствованный Св. Таинствами Причащенія и Елеосвященія, умеръ священникъ Петро-Павловской церкви г. Ахтырки Василій Стефановичъ Міаповскій на 61 году отъ рожденія. Покойный былъ сыномъ священника, родился въ г. Золочевѣ, Харьковскаго уѣзда, и обучался въ Харьковской Духовной Семинаріи, изъ которой по прошенію уволенъ изъ такъ называемаго средняго отдѣленія во второй годъ обученія въ этомъ отдѣленіи. Въ 1851 году августа 22 онъ былъ рукоположенъ въ діакона къ Покровской церкви г. Богодухова; и послѣ удовлетворительно выдержаннаго имъ испытанія возведенъ былъ въ санъ священника къ Преображенской церкви села Ивановки, Валковскаго уѣзда, въ 1855 г. октября 26. Въ 1859 г. февраля 16 по прошенію переѣ-

ищенъ изъ села Ивановки въ г. Ахтырку къ Петро-Павловской церкви; по въ 1864 г. марта 25, тоже по прошенію, переведенъ изъ г. Ахтырки въ г. Золочевъ, Харьковскаго уѣзда, къ Вознесенской церкви. Месяцъ въ 1866 г. іюля 27 вслѣдствіе вторичнаго прошенія вновь перенесенъ въ г. Ахтырку къ Петро-Павловской церкви, при которой состоялъ священникомъ до самой смерти. Исполняя обязанности приходскаго священника, покойный съ 1859 г. совершалъ сверхъ того пастырскія требъ Ахтырской окружной лечебницѣ. Болѣе 40 лѣтъ покойный служилъ какъ добрый пастырь, въ Харьковской епархіи и былъ отличаемъ епархіальными наградами, а именно: набодренникомъ въ 1872 г. декабря 28 бархатною фіалетовою скуфьею, полученною имъ въ прошломъ 1891 января 21. Кроме того, въ память войны 1853—1856 г. онъ имѣлъ ропзовый наперстный крестъ на Владимірской лентѣ. Покойный о. Іркій вдовствовалъ съ 1866 г., и дѣтей не оставилъ послѣ себя. По сѣмъ всѣхъ близко знавшихъ его, покойный о. Василій отличался добрымъ сострадательнымъ сердцемъ, отзывчивымъ ко всѣмъ нуждамъ и несчастьямъ ближнихъ, особенно же своихъ прихожанъ. Многихъ онъ выручалъ изъ бѣды своимъ вспоможеніемъ, какъ деньгами, такъ и хлѣбомъ. Служиваетъ вниманію также особенная черта его дѣятельности; по сѣмъ лпцѣ хорошо его знавшихъ, онъ любилъ обогащать себя медицинскими свѣдѣніями, прилагалъ ихъ къ дѣлу и отличался замѣчательнымъ искусствомъ леченія, такъ что даже пріобрѣлъ этимъ нѣкоторую извѣстность въ своемъ околоткѣ. Но особенную заслугу онъ оказалъ тѣмъ, что и средства прихожанъ и другихъ жертвователей, въ 1886 г., устроилъ пре красный каменный храмъ, который любилъ благоуукрашать, поддерживалъ къ нему порядокъ и образцовую чистоту. Въ воздѣніе за всѣ свои труды и заслуги, онъ удостоенъ былъ епархіальнымъ начальствомъ погребенія въ церковной оградѣ. Погребеніе покойнаго совершалъ 29 іюня благочинный 1-го округа Ахтырскаго уѣзда священникъ Георгій Хижняковъ, совместно съ шестью священниками округа. Все свое состояніе, какъ движимое, такъ и недвижимое, состоящее изъ деревяннаго дома съ двумя таковыми же флигелями и прочими постройками, умершій передалъ по духовному завѣщанію своему родственнику Александру Попову. — Да причтетъ Господь добраго труженика на нивѣ своей къ лику праведныхъ!

При производившемся 1-го іюля въ Государственномъ Банкѣ 55-мъ тиражѣ билетовъ перваго внутренняго съ выигрышами займа.

Главные выигрыши пали на слѣдующіе №№ билетовъ:

№№ серій.	№№ билет.	Сумма.	№№ серій.	№№ билет.	Сумма.	№№ серій.	№№ билет.	Сумма.	№№ серій.	№№ билет.	Сумма.
3984	2	200000	13803	31	8000	15029	11	1000	19830	19	1000
17510	50	75000	8667	22	8000	6629	16	1000	9278	26	1000
16276	43	45000	13924	7	5000	2053	16	1000	16005	16	1000
6027	14	25000	14992	25	5000	14505	12	1000	19268	41	1000
4286	29	10000	10893	24	5000	15081	8	1000	2052	6	1000
19329	38	10000	1558	47	5000	19938	12	1000	10699	1	1000
17932	15	10000	19264	2	5000	11972	6	1000	391	50	1000
19881	4	8000	465	33	5000	11488	6	1000	234	17	1000
15402	35	8000	12454	2	5000	1847	6	1000	15596	2	1000
452	32	8000	11784	44	5000	18782	27	1000	11286	19	1000

Выигрышъ въ 500 руб. пали на слѣдующіе №№ билетовъ:

№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.
39	40	1804	45	4492	46	7427	17	10048	36	18066	39	15785	17
63	50	1897	40	4537	35	7434	23	10112	28	13168	39	15835	11
71	18	1905	41	4587	16	7453	22	10202	32	13279	48	15874	39
85	12	2017	42	4666	34	7508	1	10307	43	13329	31	15876	28
167	14	2072	17	4668	47	7557	38	10398	18	13452	36	15934	16
193	21	2131	37	4831	8	7621	46	10479	48	13489	50	16380	34
222	3	2212	49	4850	42	7825	48	10504	4	13524	42	16389	46
338	13	2219	38	4961	48	7829	6	10789	12	13550	5	16418	42
351	25	2232	21	4968	39	8156	20	10809	19	13587	7	16441	39
366	43	2249	3	4970	30	8289	33	10836	9	13653	12	16513	46
379	44	2253	1	5105	32	8385	42	10887	33	13679	48	16700	23
455	48	2350	30	5182	9	8471	8	10936	34	13767	47	16780	12
597	22	2438	28	5220	44	8600	11	10984	4	13818	26	16813	6
615	47	2559	40	5314	32	8641	8	11020	12	13862	36	16987	32
657	2	2621	33	5444	47	8703	46	11201	33	13908	28	16993	22
743	11	2736	20	5518	45	8814	42	11240	22	13986	21	17278	2
749	22	2769	12	5521	18	8885	19	11389	23	14131	37	17373	40
759	10	2855	42	5607	1	8933	20	11420	42	14404	37	17386	39
793	37	2895	46	5625	42	8937	8	11453	5	14418	37	17404	7
808	35	3031	28	5785	39	8946	32	11775	26	14492	15	17648	29
814	24	3118	6	5801	38	8952	14	12074	18	14540	27	17707	18
1102	48	3132	9	5853	31	8964	31	12086	41	14561	1	18120	35
1150	43	3172	24	5854	47	8971	15	12108	16	14608	8	18290	19
1214	40	3205	49	6156	2	9054	8	12361	28	14667	17	18504	23
1304	8	3431	9	6233	44	9147	14	12402	49	14735	1	18670	48
1346	59	3442	28	6296	35	9323	1	12447	20	14848	31	18780	34
1412	43	3579	19	6357	11	9356	41	12462	32	15112	42	18826	22
1418	32	3681	4	6360	38	9399	21	12570	3	15119	10	18856	16
1430	49	3723	23	6613	27	9447	41	12677	45	15215	35	18936	1
1598	1	3867	36	6632	39	9454	8	12621	28	15265	37	18961	24
1618	8	4005	6	6777	23	9475	25	12640	11	15383	16	18979	17
1632	15	4074	19	6893	33	9486	9	12658	44	15403	43	19387	15
1674	10	4118	27	6914	32	9514	44	12683	45	15450	33	19508	40
1731	34	4143	10	7045	49	9776	47	12707	18	15549	38	19621	4
1746	23	4145	6	7094	42	9823	37	12740	11	15634	40	19812	33
1751	33	4166	4	7202	22	9896	45	12759	26	15654	3	19828	35
1769	8	4167	12	7267	39	9974	9	12974	6	15672	33	19932	39
1775	30												

Всего 300 выигрышей, на сумму 600,000 руб.

Уплата выигрышей будетъ производиться исключительно въ Банкѣ, въ С.-Петербургѣ, съ 1 октября 1892 года.

Таблица серий билетовъ 1 внутрен. 50% съ выигрышами займа, 1864 года, вышедшихъ въ тиражъ погашенія, произведенный въ Правленіи Государственнаго банка 1-го іюля 1892 года.

Нумера серий: Каждая изъ нижеслѣдующихъ серий заключаетъ въ себѣ 50 билетовъ съ № 1 по № 50-й включительно:

47	2142	3324	5711	6953	8865	10269	11133	13305	14840	16585	19258
76	2572	3501	6231	7071	8950	10352	11326	13373	14883	16618	19443
910	2780	3591	6309	7168	9007	10415	12124	13445	15041	16978	19630
916	2880	3652	6331	7350	9671	10427	12300	13806	15253	18184	
1071	2937	4484	6378	7423	9682	10453	12540	13938	15293	18193	
1207	2927	4698	6471	7702	9727	10535	12589	14133	15536	18315	
1452	3018	5087	6611	7990	9813	10568	12817	14251	15578	18828	
1759	3026	5544	6778	8134	9859	10633	12893	14255	15717	18950	
2130	3225	5635	6785	8481	10183	10962	12960	14643	16013	19155	

Всего 102 серии, составляющія 5,100 билетовъ, на сумму 663,000 рублей.

Уплата капитала по вышедшимъ въ тиражъ билетамъ, по 130 руб. за билетъ, будетъ производиться съ 1 октября 1892 года въ Государственномъ Банкѣ, его конторахъ и отдѣленіяхъ.

Примѣчаніе. По Высочайше утвержденнымъ положеніямъ о билетахъ внутреннихъ съ выигрышами займа, выигрыши, падающіе на билеты, выдаются владельцамъ билетовъ черезъ три мѣсяца отъ дня тиража. Для полученія выигрышей въ установленные сроки владельцы билетовъ, на которые даны выигрыши приглашаются предъявить въ Государственный Банкъ билеты, по крайней мѣрѣ, за двѣ недѣли до наступленія установленныхъ трехмѣсячныхъ сроковъ, чтобы дать Государственному Банку время исполнить необходимой формальности, обуславливающей выдачу выигрышей.

Правленіе Государственнаго Банка.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ НОВАЯ КНИГА

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

„ЖИВОЕ СЛОВО“

ПРЕОСВЯЩЕННАГО АМВРОСІЯ,

Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ ВЪ ХАРЬКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРІИ.

Цѣна книги 50 коп. съ перес.

Съ требованіями надобно обращаться: г. Харьковъ, въ редакцію журн. „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской Духовной Семинаріи.

802-17

325

ВѢРА и РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ

1892.

№ 14.

ЮЛЬ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., № 16.

1892.

ВѢРА и РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКИЙ.

1892.

№ 14.

ПОЛЬ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

Стр.

Московский періодъ (1821—1867 гг.) проповѣднической дѣятельности митрополита Филарета (Дроздова). Профессора Московской Духовной Академіи *И. Корсунскаго* 77—96

Нагорная проповѣдь. (Опытъ выясненія ученія Господа нашего Іисуса Христа съ опроверженіемъ возраженій, указываемыхъ отрицательною критикою повѣйшаго времени) (продолженіе). Свящ. *Т. Буткевича* 97—117

Библіографическая замѣтка. *Н. И—на* 118—142

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКИЙ:

Изыщная литература и философія (продолженіе). Профессора Кіевской Духовной Академіи *П. Липицкаго* 39—58

Сердце и его жизнь. Интеллектуальная возненія. Аффекты: любовь (продолженіе). Профессора Казанской Духовной Академіи *В. А. Снегирева* 59—82

III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе. Отъ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ».—Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.—Списокъ поступившихъ въ Харьковскій Епархіальный комитетъ денежныхъ пожертвованій въ пользу бѣдствующихъ отъ неурожаи.—Журналъ съѣзда духовенства Кулискаго уезднаго округа.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и записки.—Объявленіе.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 16.

1892.

Пісте! вообмєн.

Внрою разумѣваемъ.

Евр. XI. 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 31 Іюля 1892 года.

Временно-исправл. должность цензора,
Протоіерей *Павелъ Солтисовъ.*

Московскій періодъ (1821—1867 гг.) проповѣднической дѣятельности митрополита Филарета (Дроздова).

(Продолженіе *).

По прекращеніи проповѣднической собственно дѣятельности, святитель Филаретъ съ 1862 года, какъ проповѣдникъ, произносилъ только рѣчи при встрѣчѣ особъ Царской Фамиліи и по другимъ наиболѣе важнымъ случаямъ. Онъ считалъ это неизбѣжною обязанностію своего положенія, какъ архіерея, притомъ столичнаго. Дѣлая дружескія замѣчанія бывшему своему викарію, а въ 1861 г. епископу Таврическому, Алексію (Ржаницыну) по поводу нѣкоторыхъ словъ и рѣчей его, святитель Филаретъ отъ 6 ноября означеннаго (1861) года пишетъ ему: „Въ Духовной Бесѣдѣ прочиталъ я еще Вашу рѣчь, и Ваме историческое сказаніе Государю въ Пещерной церкви. На Вашемъ мѣстѣ я говорилъ бы меньше. Иное дѣло, что я говорю Государю въ Москвѣ и вскорѣ потомъ въ Лаврѣ. Здѣсь такъ это утвердилось обычаемъ, что мое молчаніе было бы понято непріятнымъ образомъ“¹⁾. Точно также и о долгѣ своемъ говорить поучительную рѣчь къ новопосвященному, при его главномъ участіи, епископу онъ ясно высказывался, какъ о непремѣнномъ и неизбѣжномъ. „Чинъ церковный,—говорить, напримѣръ, святитель Филаретъ

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» № 11, 1892 г.

¹⁾ Письма Филар. къ Алексію, стр. 238.

въ 1857 году въ рѣчи къ повопосвященному епископу Дмитровскому Евгенію (Сахарову-Платонову),—обыкновенно соединяющій съ молитвою и тайнодѣйствіемъ поученіе, повелѣваетъ мнѣ въ сей глубоко знаменательный для тебя день, не отпустить тебя отсель безъ поученія“¹⁾. Или въ 1858 г.,—къ новопосвященному епископу Дмитровскому Порфирію (Сokolовскому): „Святый апостоль Павелъ, святымъ Тимоеею и Титу преподавъ тайнодѣйственнымъ епископскимъ рукоположеніемъ благодать Всесвятаго Духа просвѣщающую и умудряющую, тѣмъ не менѣе намелъ нужнымъ учить ихъ епископскому дѣйствованію чрезъ свои посланія. Святая Церковь, всегда вѣрная своимъ законамъ, повелѣла и намъ отъ тайнодѣйственнаго рукоположенія на поприще епископскаго дѣйствованія напутствовать тебя словомъ назиданія“²⁾. Поэтому рѣчи святитель Филаретъ произносилъ до послѣдняго года жизни. Между тѣмъ онъ теперь еще болѣе прежняго сталъ обращаться къ *единому на потребу*, какъ онъ выражался словами священнаго писанія. Съ каждымъ годомъ приближенія къ кончинѣ святитель чаще и чаще, даже въ словахъ и рѣчахъ, обращаетъ вниманіе на себя и на свое спасеніе. Еще въ 1856 году, бесѣдуя съ церковной каведры о правдѣ въ одинъ изъ царскихъ дпей, святитель говорить: „не знаю, *рекутъ* ли мнѣ, но не отлагаю рещи самъ себѣ *притчу сію: врати, исцѣлиси самъ*; занятый мыслями о правдѣ для другихъ, не забудь воспользоваться ими для себя“³⁾. Въ слѣдующемъ году, поучая новопосвященнаго викарія своего, епископа Дмитровскаго Евгенія, святитель Филаретъ говорить ему: „дапный тебѣ жребій служенія отчасти соединенъ съ моимъ. Ожидая твоей помощи, тѣмъ болѣе, что приходишь на помощь уже десятый ко мнѣ одному, день отъ дня обветшающему. Но и мнѣ отъ тебя праваго содѣйствія надѣюсь, а не угрожденія требую. Соединимъ твою новую по благодати Божіей силу и мою ветхую немощь въ еднородномъ и по мѣ-

1) Сочин. Филар. V, 431.

2) Тамъ же, стр. 470.

3) Тамъ же, стр. 391.

рѣ силы дѣятельномъ тѣснѣнїи угождать Богу, всегда и во всемъ *искать, яже Господа Иисуса*, то есть, искать мира Церкви Его и спасенїя душъ, искупленныхъ пречистою кровїю Его“ ¹⁾. Въ первый день января 1861 года по рукоположенїи ректора Московской духовной академіи, архимандрита (нынѣ архіепископа) Сергія (Ляпидевского), во епископа Курскаго, святитель Филаретъ говорилъ ему въ своей рѣчи: „если, при помысленїяхъ о великомъ не немѣстно вниманїе и къ малому, предлагаю вниманїю твоего братолюбїя, чтобы не забвенъ былъ въ молитвахъ твоихъ послужившій, съ собратїями, твоему освященїю, дабы, помилованный мною во входѣ и прохожденїи поприща, обрѣлъ милость во исходѣ“ ²⁾. Въ 1862 году, произнося рѣчь къ новопосвященному епископу Можайскому Саввѣ (Тихомирову), святитель Филаретъ говоритъ ему: „Посему словомъ Апостольскимъ, во-первыхъ, *воспоминаю себѣ*, а потомъ и тебѣ завѣщаваю, *возгрѣвати даръ Божїй*, или яснѣе сказать, возгрѣвать и воспламенять въ себѣ ревность и усердіе, чтобы силою и помощію дара Божїя, вѣрно и неослабно дѣйствовать ко спасенїю своему и вѣрнѣйшихъ намъ“ ³⁾. Въ 1863 году, по учрежденїи Московскаго Общества любителей духовнаго просвѣщенїя, которое избрало святителя Филарета своимъ почетнымъ попечителемъ, святитель въ рѣчи своей къ Обществу говоритъ: „что скажу въ отвѣтъ на сіе избранїе? Уже не время мнѣ обѣщать вамъ удовлетворительную, въ отношенїи къ вашему Обществу, дѣятельность; и потому, можетъ быть, справедливо было бы отказать отъ вашего избранїя. Однако не отказываюсь потому, что не могу по сердцу оставаться въ отношенїи къ вамъ чуждымъ. По мѣрѣ силъ и возможности будемъ *ещи* объ общемъ дѣлѣ и другъ о другѣ“ ⁴⁾. Въ 1865 году, при вступ-

¹⁾ Тамъ же, стр. 432.

²⁾ Тамъ же, стр. 512. Срав. также приведенныя раньше слова въ проповѣди по освященїи храма Филарета милостиваго въ Геосманскомъ скетѣ, въ 1860 году и изъ отвѣта на рѣчь архимандрита Саввы при нареченїи его во епископа, въ 1862 г.

³⁾ Тамъ же, стр. 554.

⁴⁾ Тамъ же, 559—560.

леніи Государя Императора въ Успенскій Соборъ, святитель Филаретъ, по болѣзненному состоянію своему, не могъ самъ встрѣтить его. Поэтому онъ, ободренный прежними знаками Монаршаго къ нему вниманія, послалъ Государю письменное по сему случаю привѣтствіе, въ которомъ между прочимъ читаемъ: „Мнѣ не дано, какъ прежде, утѣшенія срѣтить Тебя, Благочестивѣйшій Государь, во вратахъ храма, и съ Твоею Царскою молитвою соединить мою смиренную молитву. Богу да повинется дупа моя. Однако, по милости Божіей, мнѣ еще оставлено утѣшеніе—изъ глубины пустыни ¹⁾ простираться къ Тебѣ слово благоговѣйнаго сочувствія и изъ глубины сердца вознести ко Вседержителю молебный гласъ“ ²⁾. Наконецъ въ 1866 году, отвѣчая на рѣчь ректора Московской семинаріи архимандрита Игнатія (Рождественскаго) при нареченіи его во епископа, въ которой новонареченный утѣшался мыслию, что будетъ имѣть такого руководителя, какъ святитель Филаретъ, послѣдній говорилъ ему: „А что ты упомянулъ о человѣческой помощи, то могу оставить безъ прекословія только въ томъ отношеніи, что въ семъ есть смиренная мысль и должное ненадѣліе на себя. Но ты имѣлъ бы не твердую опору, если бы много положился на человѣческую помощь; и я превысилъ бы свою мѣру, если-бъ обѣщаль тебѣ довольно помощи. И ты, и я, да воззовемъ, и да взываемъ съ Псалмопѣвцемъ: *помощь моя отъ Господа, сотворшаго небо и землю* (Псал. 120, 2). *Открытый ко Господу путь твой, и той сотворитъ* (Псал. 36, 5) благое и спасительное тебѣ и чрезъ тебя“ ³⁾. Занятый приготовленіемъ къ переходу въ вѣчность и мыслями о достойномъ къ нему приготовленіи, святитель Филаретъ не оставлялъ однако и всѣхъ другихъ, сопряженныхъ съ его званіемъ и положеніемъ занятій и трудовъ, будучи по прежнему дѣятеленъ, хотя и больше въ тиши своей келліи обнаруживая эту дѣятельность (лич-

¹⁾ Святитель Филаретъ въ это время пребывалъ въ Геосиманскомъ скитѣ.

²⁾ См. тамъ же, стр. 565. На это письмо вскорѣ послѣдовалъ Высочайшій рескриптъ. См. тамъ же, стр. 566.

³⁾ Тамъ же, стр. 570.

ныя и письменныя сношенія, чтеніе и составленіе разнаго рода дѣловыхъ и другихъ бумагъ и проч.), нежели во внѣ. Пользуясь общимъ вниманіемъ и уваженіемъ, онъ уже утѣшенъ былъ отъ скорбей, посѣтившихъ его въ началѣ царствованія Императора Александра Николаевича и сопряженныхъ съ вопросомъ о переводѣ Библии на русскій языкъ. Но его ожидало, въ „исходѣ“ его жизни, еще болѣе блестящее торжество личное, достойно увѣнчавшее его многолѣтнюю плодотворную жизнь и многостороннюю, многополезную дѣятельность. Разумѣемъ состоявшійся 5 августа 1867 г. 50-лѣтній юбилей его епископскаго служенія. Еще въ 1856 г., когда исполнилось 35 лѣтъ со дня пазначенія святителя Филарета въ архіепископы московскіе, паства московская, съ епископомъ Дмитровскимъ Алексіемъ во главѣ, прпрнесла ему письменное привѣтствіе и благожеланія, причемъ поднесенъ былъ ему архіерейскій служебникъ ¹⁾. Это для святителя было, какъ онъ самъ выразился въ отвѣтномъ письмѣ къ Алексію, „неожиданнымъ“ утѣшеніемъ ²⁾. Въ слѣдующемъ 1857 году самъ святитель Филаретъ, произнося бесѣду послѣ священнослуженія по случаю 50-лѣтняго юбилея службы князя С. М. Голицына, въ самомъ началѣ этой бесѣды говорилъ: „нѣсколько десятилѣтій могу счесть и я съ того времени, какъ священноначаліемъ дано мнѣ благословеніе служить олтарю и бесѣдовать въ церкви“, указывая на 49-лѣтнее служеніе свое въ священномъ санѣ вообще ³⁾. Въ 1861 году, когда въ іюлѣ исполнилось 40 лѣтъ служенія святителя на кафедрѣ святителей Петра, Алексія и другихъ, Филаретъ привѣтствованъ былъ еще болѣе торжественно, притомъ не только духовенствомъ, съ преосвященнымъ Леонидомъ во главѣ, но и свѣтскими особами весьма почтенными, а также духовно-учебными заведеніями московской епархіи, причемъ и приношеній было больше, нежели въ 1856 году, хотя все это для святи-

1) См. Сушкова, *Записки о жизни и врем. м. Филар.* стр. 208—209.

2) См. тамъ же, стр. 209. Срав. *Письма Филар. къ Алексію*, стр. 149—150.

3) Филаретъ постриженъ въ монашество 16-го, посвященъ въ іеродіакона 21 ноября 1808 года, а въ іеромонаха посвященъ 28 марта 1809 года.

теля Филарета было также неожиданностию и сдѣлано было если не противъ, то помимо его желанія ¹⁾. Подобное же нѣчто повторилось и въ 1866 и 1867 годахъ въ іюлѣ мѣсяцѣ ²⁾. Но все это далеко не могло сравниться съ тѣмъ, что происходило въ августѣ 1867 года, по случаю исполнившагося 5 числа сего мѣсяца 50-лѣтія служенія святителя Филарета въ архіерейскомъ санѣ. Московскому владыкѣ первому судило Провидѣніе совершить пятидесятилѣтіе святительскаго служенія ³⁾, и вотъ почему особенно знаменательно было это торжество, еще болѣе возвышавшееся въ своемъ значеніи благодаря высокому значенію лица юбиляра, хотя самъ юбиляръ менѣе всего думалъ о такой торжественности. Еще въ 1861 году, когда оберъ-прокуроръ Синода графъ А. П. Толстой поздравлялъ его письменно съ 40-лѣтнимъ юбилеемъ пребывания на московской архіерейской кафедрѣ, онъ въ отвѣтъ писалъ ему: „не о поздравленіяхъ съ четырехдесятилѣтіемъ, но объ отвѣтѣ за четырехдесятилѣтіе долженъ я помышлять; но добрыя желанія пріемлю съ утѣшеніемъ, потому что въ нихъ есть молитва, а она и потребна и полезна“ ⁴⁾. Съ такимъ расположеніемъ готовился онъ и къ празднованію дня 5 августа 1867 года. Поэтому и рѣшилъ праздновать его въ тишинѣ обители Преподобнаго Сергія. Между тѣмъ какъ бы само собой вышло такъ, что юбилей 5 августа оказался не бывало торжественнымъ. Привѣтствія юбиляру, письменныя или устныя, чрезъ почту и телеграфъ или чрезъ депутаціи, неслись изъ всей, можно сказать, Россіи, начиная отъ самого Государя Императора: отъ Св. Синода, отъ іерарховъ разныхъ епархій, отъ разныхъ правительственныхъ, ученыхъ, учебныхъ, художественныхъ и проч. учреждений, благотворительныхъ заведеній, отъ духовенства и разныхъ учреждений Мо-

¹⁾ См. у Сущкова, тамъ же, стр. 209 и дал.

²⁾ Тамъ же, стр. 211 и дал. Срав. *Собр. мн. и отв. Филар.* V, 94—95.

³⁾ Послѣ и другіе архіереи совершали 50-лѣтіе своего епископскаго служенія, какъ напр. Еягеній Казанцевъ, бывшій архіепископъ Ярославскій (1818—1868),—на покой и высокопреосвященнѣйшій митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій Исидоръ (1834—1884).

⁴⁾ *Собр. мн. и отв. Филар.* V, 95.

сковской собственно епархіи и т. д. Но и этого мало. Отъ вселенскихъ восточныхъ патріарховъ, съ Аѳонской горы, отъ митрополита Сербскаго, изъ Великобританіи и другихъ странъ восточныхъ и западныхъ или ко дню юбіяя, или въ день юбіяя, или спустя болѣе или менѣе короткое время посылались на имя Филарета привѣтствія. Всѣмъ этимъ привѣтствіямъ, сопровождавшимся изображеніемъ высокаго значенія юбіяря, его высокихъ достоинствъ, великихъ заслугъ и проч. и благожеланіями, какъ словамъ любви и уваженія, отъ слова Царева до словъ простолюдина, внималъ смиренномудрый святитель, отвѣчая на многія тутъ же, а на другія послѣ, посредствомъ письменныхъ сообщеній. Многіе изъ архіереевъ сосѣдственныхъ съ Московскою епархіей по Высочайшему повелѣнію прибыли для принесенія привѣтствій юбіярю, а многіе прибыли по собственному желанію. Отъ лица Государя Императора привѣтствовалъ святителя Филарета оберъ-прокуроръ Св. Синода графъ Д. А. Толстой, вручившій ему осыпанную брилліантами паннагію и осыпанные брилліантами же портреты трехъ Императоровъ, при которыхъ священноначальствовалъ святитель Филаретъ. Отъ Св. Синода, въ качествѣ депутата, явился присутствующій въ Св. Синодѣ протоіерей І. В. Рождественскій, и т. д. Во время всѣхъ этихъ привѣтствій „на свѣтломъ лицѣ“ юбіяря, — по описанію очевидца событій 5 августа, — „отражались ощущенія чистой отъ суеты мірской души. Привѣтъ искренній и скромный вызывалъ на его уста улыбку признательности; похвалы восторженныя, хотя отъ полноты души, наводили на его чело легкую тѣнь смущенія“ ¹⁾. Произнесеніе и чтеніе привѣтствій длилось не менѣе двухъ часовъ послѣ литургіи. Изъ всѣхъ этихъ привѣтствій мы приведемъ лишь важнѣйшія. И прежде всего вотъ текстъ Высочайшаго рескрипта на имя митрополита Филарета (независимо отъ особо полученной отъ Ихъ Императорскихъ Величествъ телеграммы поздравительной изъ Ливадіи) по случаю торжества 5 августа: „преосвященный митрополитъ московскій Филаретъ! Нынѣ исполнилось пятидесятилѣтіе доблестнаго служенія вашего въ архі-

¹⁾ Сушкова, указ. соч. стр. 215—216.

ерейскомъ санѣ. Высокія дарованія, замѣчательные ученые труды, неустанная дѣятельность на благо духовнаго просвѣщенія и строгое христіанское благочестіе открыли вамъ путь къ высшему іерархическому поприщу, на которомъ, въ теченіе истекшихъ 50-ти лѣтъ, вы стяжали ими архипастыря мудраго, ревностно и твердо правящаго слово истины и не утомимо попечительнаго о пользахъ и нуждахъ православной церкви. Вся жизнь ваша преисполнена неисчислимыхъ заслугъ не только каѳедрамъ, преемственно вамъ ввѣреннымъ, но и для всего православія. Епархіальное служеніе ваше ознаменовано непрерывнымъ рядомъ заботъ о духовномъ преуспѣяніи паствъ, о развитіи и приумноженіи благотворительныхъ и воспитательныхъ учрежденій, о насажденіи и утвержденіи единовѣрія, о благоустройствѣ духовно-учебныхъ заведеній епархій, не престающихъ получать отъ вашей щедрости обильныя средства къ возвышенію своего быта, и воспитавшихъ, подъ вашимъ бдительнымъ руководствомъ, многихъ достойныхъ пастырей и іерарховъ святой нашей церкви. Многочисленныя пастырскія писанія ваши, заключающія въ себѣ неисчерпаемый источникъ назиданія и поученія для православныхъ, служатъ лучшимъ руководствомъ при изученіи предметовъ вѣры для многихъ уже поколѣній русскаго православнаго юношества; въ то же время они перелгаются на чужеземные языки для научнаго, и общественнаго употребленія въ другихъ странахъ, и въ нихъ пріемяются съ уваженіемъ. Глубокая опытность ваша въ дѣлахъ высшаго церковнаго управленія содѣлала необходимымъ и драгоценнымъ ваше слово, совѣтъ и постоянное, въ продолженіе многихъ десятковъ лѣтъ, участіе ваше въ обсужденіи всѣхъ важнѣйшихъ церковныхъ вопросовъ и мѣръ по духовному вѣдомству. Ваша пастырская попечительность о высшихъ интересахъ православія и живое вниманіе къ судьбамъ православнаго міра простираются далеко за предѣлы отечества и въ особенности на востокъ, приобрѣтая вашему имени почетную извѣстность. Въ искреннемъ душевномъ уваженіи къ вашимъ великимъ пастырскимъ заслугамъ, признавая справедливымъ почтить въ васъ, преосвященный владыко, старѣйшаго, заслуженнѣй-

паго и именитѣйшаго святителя православной церкви, все-
милостивѣйше предоставляю вамъ право, по Кіевскому обы-
чаю, предношенія креста въ священнослуженіи, ношенія крест-
та на митрѣ и двухъ папагій на персяхъ; одну изъ нихъ,
особо изготовленную для васъ и украшенную драгоценными
каменьями, на брилліантовой цѣпочкѣ, всемилостивѣйше жа-
лую вамъ для ношенія по установленію. Вмѣстѣ съ симъ въ
память незабвеннаго служенія вашего при императорѣ Алек-
сандрѣ I, Николаѣ I и въ Мое царствованіе, и въ вознаграж-
деніе вашихъ заслугъ государственныхъ, препровождаю къ
вамъ настольныя изображенія сихъ государей и Мое, соеди-
ненныя вмѣстѣ и осыпанныя брилліантами. Молю Бога, да
сохранить Онъ святыя дни вашей плодотворной жизни еще
на долго, на пользу и славу отечественной церкви. Я увѣ-
ренъ, что объ этомъ же будутъ вознесены теплыя молитвы
и по всей Россіи, благодарно чтущей вашу святую жизнь
и великія дѣянія“. Рескриптъ, по истинѣ, не бывалый до-
селѣ. Затѣмъ, Св. Синодъ, „братолюбно привѣтствуя“ святи-
теля Московскаго съ 50-лѣтіемъ архіерейскаго служенія, воз-
носилъ „усердное благодареніе верховному Пастыреначальни-
ку, явившему великое знаменіе благопромышленія о святой
церкви въ долготѣ дней служенія“ его, „въ широтѣ поприща
многоплодной дѣятельности, въ высотѣ подвиговъ вѣры и
любви христіанской и въ глубинѣ мудрости богопросвѣщен-
ной, вмѣстѣ съ тѣмъ молилъ Подателя жизни и свѣта, да
приложить“ ему „дни на дни, чтобы на свѣщникѣ церкви и
отечества нашего долго еще пребывалъ *свѣтъ и горяй и
святый*“. Святѣйшій патріархъ Константинопольскій Григо-
рій, привѣтствуя святителя Московскаго, писалъ къ нему,
какъ бы подтверждая слова вышеприведеннаго рескрипта: „и
не одними русскими, но и всѣми, такъ сказать, повсюду су-
щими православными всегда съ благоговѣніемъ чтится ваше
славное и достопочтенное имя, во Христѣ возлюбленный и
вождемъ братъ и сослужитель нашей мѣрности. Посему
справедливо веселится и хвалится торжествующая митропо-
лія Московская, пріямая отъ великодаровитаго Бога такое
пастырское свѣтило, котораго свѣтлый и блестящій умъ не

только во время цвѣтущаго состоянія тѣлесныхъ силъ, но уже и по склоненіи за полдень скоротечной жизни, бросаетъ лучи, процвѣтая и непрестанно юнѣя. И вся славная Церковь безпредѣльной Россіи справедливо веселится такимъ счастьемъ пятидесятилѣтняго, столь славнаго и доблестнаго пастырскаго служенія, котораго прекрасные плоды являются и прославляются въ знаменитыхъ пастыряхъ и учителяхъ безчисленныхъ и благочестивыхъ паствъ. Еще болѣе справедливо радуется, ликуетъ и красуется наша святѣйшая, апостольская и вселенская патріаршая Церковь блаженнаго первозваннаго Апостола, потому что, будучи сама первозвannoю въ вѣрѣ и въ страданіяхъ за Христа, по благодати Господа, сдѣлалась и содѣлывается столь многочадною и благочадною въ первородныхъ и второродныхъ своихъ дщеряхъ, что и сіи послѣднія рождаютъ не просто освященныхъ и досточестныхъ чадъ Господу, но и учителей и свѣтила православія, славныхъ и несокрушимыхъ мужей апостольскихъ, которымъ много хвалы въ Церкви Божіей, много хвалы, возбуждающей соревнованіе въ ученыхъ и просвѣщенныхъ собраніяхъ безчисленнаго множества мужей ученыхъ, академиковъ и мудрыхъ писателей, раждаютъ мужей, которые повсюду прославляютъ и возвеличиваютъ не только многоплодный и многославный Россійскій родъ и имя, но и все православіе. Въ привѣтствіи отъ Московскаго духовенства и паствы между прочимъ говорилось: „Твоему отеческому сердцу вѣдомо, что паства твоя всегда съ тобою духомъ. Она съ тобою связана умилительнымъ воспоминаніемъ, что и рожденіемъ и воспитаніемъ и началомъ твоего церковнаго служенія, ты ей принадлежишь. Она съ тобою, она твоя—по живому чувству духовнаго единства съ тобою, пастыремъ ея—се, уже сорокъ шесть лѣтъ. Она съ тобою, когда очами любви почтительной и преданности искренней слѣдуетъ она за тобою по столь достойно проходимому тобою поприщу: молишься ли ты и приносишь безкровную жертву о ней въ нашихъ древнихъ храмахъ, поучаешь ли ее твоимъ глубокимъ словомъ, трудишься ли для ея внѣшняго и внутренняго благоустроенія; священное ли помазаніе великаго царя на царство совершаешь въ златoble-

щущемъ соборѣ Успенія, или среди дремучаго лѣса водворяешь пустынножителей; бесѣдуешь ли о истинѣ вселенской церкви съ пришедшими изъ-за дальнихъ морей искателями истины, или вразумляешь и въ лоно церкви возвращаешь отступившихъ отъ православія братій; принимаешь ли высокія почести или проходишь подвигъ терпѣнія, скорбей и озлобленій; удивляешь ли мягкимъ и мудрымъ благоснисхожденіемъ къ уклоняющимся отъ стези правды, или являешь непреклонность въ охраненіи истины Христовой, спокойную готовность пострадать за нее до конца! Много и другихъ привѣтствій, самыхъ искреннихъ, душевныхъ, нерѣдко весьма оригинальныхъ по мыслямъ и изложенію, принесено было святителю Филарету по случаю юбилейнаго торжества. Отвѣчая на многія изъ нихъ кратко послѣ пропзнесенія или прочтенія ихъ тотчасъ же, онъ счелъ нужнымъ дать и общій отвѣтъ на всѣ; и, не будучи въ силахъ произнести этотъ довольно длинный отвѣтъ, поручилъ сдѣлать это викарію своему (старшему), преосв. Леониду. Вотъ этотъ знаменательный отвѣтъ—рѣчь: „Досточтимые отцы и братія! Достопочтенные господа и братія! Нынѣшній день представляетъ для меня такія неожиданности, что мнѣ трудно опредѣлить и изъяснить мои мысли и чувствованія, и я пребылъ бы въ безмолвіи недоумѣнія, еслибы уваженіе и благодарность ко вниманію, съ такъ многихъ сторонъ теперь мнѣ оказываемому, не обязывали меня къ слову. Но и слово мое, всегда немощное, ослаблено временемъ до того, что не можетъ достигнуть слуха сего собранія. Да будетъ позволено употребить для моего слова посредствующія уста“. Послѣ такого глубоко смиреннаго вступленія, начинается самая рѣчь, обычно глубокая по мысли и чувству и обнаруживающая въ 85-лѣтнемъ старцѣ блестящаго витію прежнихъ лѣтъ. „Прежде всего,—говоритъ витія,—удивляюсь тому, что вижу нынѣшній день. Скудныя и въ раннихъ лѣтахъ силы, при не малыхъ трудностяхъ служебной дѣятельности, не обѣщали мнѣ позднихъ лѣтъ. Непосовѣдимою волею Божіею ниспосланъ мнѣ даръ пятидесятилѣтняго служенія высшему строенію тайнъ Божіихъ. Знаю только, что это даръ не воздаянія, а неизреченнаго милосер-

дія и долготерпѣнія. Видно, хотя и *много пришестьствова душа моя* (Псал. 119, 6), но еще не уготовала себя, и еще требуетъ уготовленія, чтобы изъ пришестьствія перейти въ отечество, въ которое всѣхъ насъ призываетъ Отецъ небесный. Долготерпѣливе! Слава Тебѣ! Всемилосерде! не отыми Твоея милости! Къ неисповѣдимой волѣ Божіей отношу и то, что на пынѣшній предѣлъ совершившагося пятидесятилѣтія моего священно-начальственнаго служенія обращены благоволительные взоры, даже отъ Высочайшаго Престола, даже отъ верховнаго священноначалія Россійской Церкви, еще же и отъ преосвященныхъ сопастырей, и отъ начальствъ и сословій дѣятелей человеколюбія и наукъ, и отъ общественныхъ учрежденій и, что менѣе неожиданно, отъ духовенства и вообще братій церкви Московскія ¹⁾. Можетъ быть, угодно Провидѣнію Божію, чрезъ сіе частное явленіе въ церковной жизни, *созворить знаменіе во благо* (Псал. 85, 17) вообще для поощренія подвижниковъ вѣры и церкви, особенно благопотребнаго во дни, въ которые болѣе и болѣе омрачающій себя западный духъ непрестанно усиливается простирать мракъ и поднимать бури и на свѣтлый, святой Востокъ.—Я сказалъ, что менѣе неожиданно для меня сочувствіе духовенства и братія Церкви Московской. Это потому, что во все продолженіе моего здѣсь служенія я видѣлъ и привыкъ видѣть сіе сочувствіе. Духъ любви къ святому служенію, мира и согласія, свободнаго послушанія всякому долгу и законному призванію въ сослужителяхъ моихъ, и въ православномъ народѣ послушаніе вѣры, усердіе къ богослуженію, щедрая готовность къ благоустроенію и украшенію храмовъ, къ попеченію о нуждахъ служителей Церкви, къ дѣламъ человеколюбія и благотворенія, -- постоянно облегчали и облегчаютъ мое служеніе, приносили и приносятъ мнѣ подкрѣпляющее утѣшеніе.—Но чѣмъ же на все сіе могу нынѣ съ моей сто-

¹⁾ Какъ мы замѣчали раньше, въ самый день 5 августа 1867 года и къ дню этому далеко не всѣ привѣтствія прислѣли и еще не было привѣтствій отъ восточныхъ вселенскихъ патріарховъ, которыя присланы были нѣсколько послѣ 5 августа.

роны отвѣтствовать?—Господи, сотворившій для меня день сей! Твое да придетъ слово, благое и дѣйственное!—Благослови и благословляй святую ко святой Церкви любовь Благочестивѣйшаго Самодержца нашего; и да будетъ она всегда охранительною силою для благоденствія Царства Его и народа.—Осѣняй благодатию Твоею святѣйшій Всероссійскій Синодъ и посреде собирающихся въ немъ во имя Твое присутственъ буди, по Твоему вѣрному обѣщанію (Матѣ. 28, 20); да и въ семъ соборѣ Твоемъ совершается, еже *изволяется Духу Твоему Святому* (Дѣян. 15, 28), ради Церкви Твоея святыя—Великій Архіерее, прошедый небеса, единый Глава истинныя Церкви! Продолжи въ ней святое епископство, единомысленное въ истинѣ вѣры, единодушное въ духовныхъ совѣтахъ, твердое въ храненіи догматовъ, правилъ и уставовъ церковныхъ, вѣрно руководительное въ путяхъ жизни.—Благословляй, Господи, православную Московскую церковь, ея священноначаліе, священство, монашество и весь православный народъ, да не оскудѣваетъ *пастырь полагаящій душу свою за овцы* (Іоан. 10, 11), *іерей, котораго устынь сохраняютъ разумъ* (Малах. 2, 7), спасенія, мужъ знанія и наставникъ юношества, держащій и преподающій здравое ученіе вышемысленныхъ началъ науки, поставляющій *жизненное начало премудрости страхъ Господень* (Притч. 1, 7), подвижникъ, ходящій узкимъ и вмѣстѣ возвышеннымъ путемъ духа, сынъ вѣры, живущій по вѣрѣ, творящій дѣла вѣры, свободный отъ обаяній міра, отъ порабощенія духу времени. Да будетъ, Господи, въ Россійской Церкви Тебѣ слава во вѣки!“¹⁾ Въ этой отвѣтной рѣчи краткими словами очерченъ весь путь жизни и дѣятельности юбиляра, и каждое изъ этихъ не многихъ словъ запечатлѣно глубокимъ смиреніемъ, прозорливою мудростію, беззавѣтною любовію къ Богу, Церкви, Отечеству и ближнимъ, яснымъ сознаніемъ важности событія, особенно въ тѣ времена, предупредительнымъ вниманіемъ ко всѣмъ привѣтствовавшимъ юбиляра и вельчїемъ, не поддающимся описанію, но чрезвычайно обаятельнымъ какъ для слышавшихъ эту рѣчь, такъ и для чита-

1) Соч. Филар. V, 579—581.

ющихъ ее. Въ послѣдней своей части она представляетъ собою какъ бы первосвященническую молитву великаго архіерея, Господа нашего Иисуса Христа (Іоан. гл. 17), произнесенную не задолго до исхода Его изъ земной жизни. И святителю Филарету не долго суждено было жить послѣ его юбилея. Едва успѣлъ онъ вернуться изъ Лавры въ Москву послѣ юбилея, едва успѣлъ отвѣтить на большинство привѣтствій, присланныхъ къ нему по случаю юбилея, какъ Господь призвалъ его къ Себѣ, 19 ноября того же 1867 года.

2. Въ тяжелую для Россіи минуту вступилъ на престолъ новый Государь Императоръ Александръ Николаевичъ. На югѣ Россіи, въ Крыму, со всѣмъ ожесточеніемъ продолжалась борьба одной, оставленной всѣми, Россіи съ цѣлою коалпціей европейскихъ государствъ, выступившихъ въ защиту Турціи. Въ самый день кончины Императора Николая Павловича, главнокомандующій арміей его на югѣ, князь Александръ Сергѣевичъ Меншиковъ ¹⁾, измученный болѣзнію и нравственными терзаніями, выпущденъ былъ сдать командованіе войсками помощнику своему барону (впослѣдствіи графу) Д. І. Остенъ-Сакену. Оба они весьма отличались другъ отъ друга съ той именно стороны, которая всего важнѣе была въ то время. Князь Меншиковъ былъ довольно равнодушенъ къ религіи, которая такъ сильна была бы къ подъему духа воиновъ. Такъ, когда еще въ концѣ 1854 г. преосвященный Херсонскій Иннокентій, вѣдѣнію котораго тогда подлежала и нынѣшняя Таврическая епархія, отправился было въ Севастополь съ чудотворною иконою, то „князь Меншиковъ, — по приведеннымъ раньше словамъ митрополита Филарета, — отклонилъ его прибытіе въ Севастополь. Мы живемъ, — замѣчаетъ по этому поводу тотъ же святитель Филаретъ, — въ удивительномъ смѣшеніи мыслей и дѣлъ. Мы пересказали сказанное одною значительною особою, что князь Меншиковъ не расположенъ къ преосвященному Иннокентію, считая его вольномыслящимъ, тогда какъ менѣе не

¹⁾ Скончался 19 апрѣля 1869 г. См. некрологъ его въ 1 выпускѣ *Матеріаловъ для исторіи Крымской войны и обороны Севастополя*, изд. подъ ред. Дубровина, стр. 1 и дал. приложеній. Спб. 1871.

вѣроятно было бы, если бы такое мнѣніе имѣлъ преосвященный о князѣ“ ¹⁾. И въ другомъ случаѣ, относящемся къ началу 1855 года, митрополитъ Филаретъ говоритъ о немъ: „Онъ уменъ, но любитъ слишкомъ шутить“ ²⁾. И только въ концѣ своей бытности въ званіи главнокомандующаго Меншиковъ, по словамъ того же Филарета, началъ „прибѣгать къ молитвѣ“ ³⁾. Напротивъ, о преемникѣ его Остенъ-Сакенѣ, близко знавшій его, вышеупомянутый преосвященный Херсонскій Иннокентій, говорилъ за то же почти время, что онъ— „прекрасный человѣкъ и добрый христіанинъ“ ⁴⁾. Однако и прекрасному человѣку, доброму христіанину трудно было поправить дѣла войны, находившіяся въ весьма не благопріятномъ положеніи. Осадныя работы непріятеля быстро подвигались впередъ. Русскія войска являли примѣръ геройства, храбрости и бодрости духа. Простой деньщикъ, несшій подъ градомъ картечи и гранатъ офицерскую миску щей, съ такимъ хладнокровіемъ смотрѣлъ на угрожавшую ему ежеминутно смерть, что въ концѣ своего опаснаго пути говорилъ только: „слава Богу, не пролилъ“. Но матеріальныя силы непріятеля, бросаваго изъ пяти-пудовыхъ мортиръ цѣлыя кадки съ гранатами, были слишкомъ не соразмѣрны съ силами защитниковъ Севастополя. Съ воцареніемъ новаго монарха въ Россіи, многіе надѣялись на прекращеніе войны и на восстановленіе мира. Съ этою цѣлію начались было уже и переговоры; но они, къ сожалѣнію, не привели ни къ чему, благодаря заносчивости воевавшихъ съ Россіею державъ и предъявленнымъ отъ нихъ къ послѣдней требованіямъ, не совмѣстнымъ съ достоинствомъ Россіи ⁵⁾. И война возгорѣлась съ новою силою. Этого мало. Къ воевавшимъ доселѣ противъ Россіи державамъ рѣшила присоединиться Австрія, за шесть

¹⁾ Письма Филар. къ Антон. III, 302. Срав. 317. Срав. также Письма Ф. къ Алексію, стр. 133 и дал.

²⁾ Приб. къ Твор. св. Отц. 1884, XXXIV, 342.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Читенія въ Общ. Истор. и древн. 1869, I, стр. 156 отд. «Смѣсь».

⁵⁾ Срав. Историческій Вѣстникъ 1888 г. № 7. Срав. также Письма Филар. къ Антонію, III, 320.

лѣтъ предъ тѣмъ спасенная Россією. Святитель Московскій Филаретъ, зорко слѣдившій за военными, какъ и другими, событіями своего времени, отъ 7 апрѣля 1855 года намѣстнику Сергіевой Лавры Антонію писалъ: „надежды о мирѣ поколебались, чего и прежде опасаться надлежало. Австрія все говоритъ о мирѣ, и собрала армію, какой никогда не имѣла и заключила договоръ съ нашими врагами. Теперь она трактуетъ о мирѣ: въ то же время вновь учреждаетъ у себя военное министерство. Это ли миролюбіе? Никогда столько не говорили о мирѣ, какъ въ послѣдніе года два. Не это ли время, о которомъ сказано: *егда рекутъ миръ и утверждение* ¹⁾, и проч. Борьба около Севастополя усиливается, и можетъ сдѣлаться рѣшительною. Господи, спаси Царя, и воинство и царство“ ²⁾. И отъ 24 апрѣля: „У насъ уже дважды былъ громъ. Время природы иногда улыбается; а время человѣческое все болѣе хмуритъ брови. Кажется, Австрія хочетъ исполнить въ совершенствѣ предсказаніе умершаго перваго своего министра ³⁾, что она удивитъ миръ своею необлагодарностію“ ⁴⁾. На военные надобности митрополитъ Филаретъ отъ ввѣренной ему епархіи принесъ къ подножію престола довольно значительную сумму денегъ, при слѣдующемъ письмѣ на имя Государя Императора отъ 9 марта 1855 года: „Осчастливленному прежде Твоимъ снисхожденіемъ да будетъ позволено уповать на оное и нынѣ, и да не будетъ осуждено дерзновеніе вѣрнопопданнаго. долго удерживаемаго въ молчаніи благоговѣніемъ, но наконецъ неудержимо движимаго усердіемъ, чтобы хотя издалека предстать Вашему Императорскому Величеству посредствомъ слова, тогда какъ многіе, счастливыѣ, близъ предстали Твоему лицу, и насладились свѣтомъ Твоего царскаго взора и слова. Повергаясь, вмѣстѣ со ввѣренными мнѣ служащими олтарю Господню въ церкви Московской, къ священнымъ стопамъ Вашего Императорскаго

¹⁾ 1 Сол. 5, 3.

²⁾ Письма Филар. къ Антон. III, 329.

³⁾ Кизли Шварценберга.

⁴⁾ Письма Филар. къ Антон. III, 334.

Величества, всѣ мы единымъ сердцемъ взываемъ къ Тебѣ: Царю, во тѣхъ жизни! и въ то же время къ Царю царствующимъ: *Господи, силою Твоею да возвеселится Царь*“¹⁾. Выразивъ такимъ образомъ давно желанное привѣтствіе Государю Императору со вступленіемъ на Всероссійскій Престолъ, свититель Филаретъ приступаетъ затѣмъ къ изложенію повода, по которому онъ осмѣлился писать къ Государю и самое это письмо²⁾, говоря: „Провидѣніе Божіе, призвавшее Тебя къ великому подвигу самодержавствовать великою Имперіею, ввѣрило Тебѣ, съ тѣмъ вмѣстѣ, продолжать особенный великій подвигъ Твоего великаго Родителя: защищеніе церкви и отечества отъ соумышленія враговъ, между которыми именующіеся христіанами неправдами и безчеловѣчіемъ превзошли враговъ христіанства. Въ сихъ обстоятельствахъ, ввѣренное мнѣ духовенство, усердствуя посильными средствами споспѣшествовать удовлетворенію потребностей отечества, изъ сбереженій по монастырямъ Московской епархіи и по церквамъ Москвы предложило и составило добровольныя приношенія, составляющія 110.600 р. сер.—Благочестивѣйшій Государь! Да будетъ сія жертва вѣрноподданническаго усердія благоугодна предъ Тобою и предъ отечествомъ. Удостой Всемиловитѣйше повелѣть принять означенное приношеніе на потребности брани за православное христіанство и за отечество“³⁾. Всемиловитѣйшій Монархъ, любвеобильный Отецъ отечества не умедлилъ на это письмо отвѣтить рескриптомъ (отъ 18 марта) слѣдующаго содержанія: „Преосвященный митрополитъ Московскій Филаретъ! Съ особеннымъ удовольствіемъ я прочелъ всеподданнѣйшее письмо ваше, въ которомъ выражены одушевляющія васъ и Московское духовенство вѣрноподданническія чувства ко Мнѣ, и, согласно просьбѣ вашей, повелѣлъ принять жертвуемые на военныя надобности отъ обителей ввѣренной вамъ епар-

1) О чемъ гонорили мы въ началѣ предыдущаго отдѣла.

2) Срав. приведенныя раньше слова письма м. Филарета къ архим. Антонію отъ 10 апрѣля 1855 г.

3) *Собр. митр. и отвѣт. Филар. IV*, 14—15. Москва, 1886.

хѣи и отъ церквей Москвы сто десять тысячъ шесть сотъ рублей серебромъ. Духовенство издревле подавало собою въ Россіи примѣръ преданности царямъ и любви къ отечеству: тѣмъ для Меня пріятнѣе видѣть повое тому доказательство въ первопрестольномъ градѣ, въ родной Мнѣ Москвѣ, гдѣ, по волѣ небеснаго Провидѣнія, Я началъ жизнь Мою подъ сѣнію древней, отечественной, православной святыни. — Примите изъясненіе Моего совершеннаго благоволенія и душевнаго желанія, да хранить Всевышній украшенные многотѣтными заслугами дня ваши, и передайте подчиненному вамъ духовенству искреннюю Мою признательность за его усердіе. — Поручая Себя молитвамъ вашихъ, пребываю всегда вамъ благосклонный *Александръ*“¹⁾. Такое милостивое вниманіе Монарха еще болѣе подвигло въ святителѣ Филаретѣ духъ любви къ Царю и Отечеству и глубокаго вниманія и сочувствія нуждамъ отечества во время продолжавшейся Крымской войны. Родившіяся отсюда чувства и мысли свои святитель полно и блестяще выразилъ въ своей Бесѣдѣ на день рожденія Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича 17 апрѣля того же 1855 года, произнесенной въ Чудовомъ монастырѣ. Не могло быть случая къ такому выраженію лучше, нежели этотъ день. Какъ бы раскрывая слова вышеприведеннаго Высочайшаго рескрипта, святитель-витія говоритъ въ самомъ началѣ Бесѣды слѣдующее: „Нынѣшній день, за тридцать семь лѣтъ предъ сѣмъ вышелъ изъ круга дней обыкновенныхъ, и нынѣ въ первый разъ явился въ своемъ полномъ значеніи. Теперь благовременно воспоминаніемъ и размышленіемъ соединить предзнаменательное начало съ предзнаменованнымъ совершеніемъ. Въ двѣнадцатомъ году текущаго столѣтія, мать городовъ, градъ Царскаго вѣнчанія и помазанія, Москва, по судьбѣ Божіей, и частію по свободному дѣйствію любви къ отечеству, сдѣлалась жертвою всесоженія, за спасеніе Россіи, и вслѣдствіе сего, для избавленія Европы отъ утѣснителя, ненасытнымъ властолюбіемъ и ненасытною войною пожиравшаго и чужихъ и своихъ. Лѣтъ черезъ пять потомъ, когда все-

¹⁾ *Собр. мн. и отв. Филар.* т. дополн. стр. 417—418. Сиб. 1887.

сожженная жертва, возродясь изъ своего пепла, являла въ себѣ жизнь и дѣятельность, но еще не въ прежней силѣ, Александръ Благословенный, въ совѣтѣ своей любви къ своей древней столицѣ, сказалъ: надобно утѣшить Москву послѣ ея страданій, и поддержать ея дѣятельность. И онъ даровалъ ей на годъ свое присутствіе, почти со всѣмъ Царскимъ Семействомъ. Такимъ образомъ *сердце Царско*, которое *въ руцѣ Божіей*, не зная, слѣдовало вышнему совѣту Провидѣнія, въ которомъ на то время положено было, царскій градъ, съ молитвою и самоотверженіемъ выдержавшій тяжкое испытаніе, утѣшить царственнымъ событіемъ, соединеннымъ съ великою царственною надеждою. И Москва увидѣла въ стѣнахъ своего Кремля рожденіе царственного Младенца, долго предъ тѣмъ не имѣвъ подобнаго счастья, достававшагося новой столицѣ. Въ семь храмъ ¹⁾ сей Младенецъ пріять святое крещеніе; и въ слѣдъ затѣмъ изъ объятій Благочестивѣйшей Праматери ²⁾ перешелъ въ объятія святителя Алексія. Необыкновенно велика была радость Москвы о Новорожденномъ: и мы можемъ понимать, что то было предчувствіе и предзнаменованіе. Москва сдѣлалась колыбелью будущаго Царя, тогда ³⁾ еще не угадываемаго, но уже свыше предопредѣленнаго. Наконецъ предчувствіе оправдывается; предзнаменованіе переходитъ въ событіе, надежда въ исполненіе. Александръ Второй царствуетъ, и мы празднуемъ день Его рожденія. Стани въ благоговѣніи, мать градовъ, стани въ благоговѣніи вся благочестивая Россія, и созерцай надъ собою, и благословляй Господа Вседержителя, Всепромыслителя, *Вышняго, владѣющаго царствомъ челоувѣческимъ*, смиряющаго и возвышающаго, наказующаго и милующаго, поражающаго и исцѣляющаго, попускающаго брань и приводящаго миръ, разрушенное бранію воссозидающаго миромъ, горькое воспоминаніе растворяющаго сладостію надежды, на Немъ утвержден-

¹⁾ Въ Чудовомъ монастырѣ, гдѣ читана была Бесѣда.

²⁾ Вдовствующей Императрицы Маріи Феодоровны († 24 окт. 1828).

³⁾ Т. е. въ 1818 году, когда родитель Государя Александра Николаевича еще не былъ Наслѣдникомъ Престола. Рожденіе Государя совершилось въ среду на свѣтлой недѣлѣ, что еще болѣе возвысило торжество событія въ 1818 году.

ной надеждѣ дарующаго исполненіе превыше надежды“¹⁾. Такое возвышенное вступленіе даетъ проповѣднику богатую матерію для развитія главной мысли бесѣды—ученія о Провидѣніи или Промыслѣ, причемъ онъ, въ доказательство этой мысли, не преминулъ указать и на такія обстоятельства, которыя касались самаго больного мѣста современной жизни Россіи—Крымской войны, именно, съ одной стороны, на то, какъ Израилѣтяне, преданные „Всепромыслителю Богу“, оказались побѣдителями, а преслѣдовавшій ихъ Фараонъ, думавшій „быть промыслителемъ самъ себѣ“,—побѣжденнымъ, а съ другой,—на то, какъ Промыслъ Божій помогалъ Іисусу Навину въ борьбѣ противъ войска „пяти языческихъ царей“²⁾. Но очевидно, побѣда для Русскихъ въ Крымской войнѣ въ то время была только предметомъ чаянія, надежды, была въ рукахъ „Всепромыслителя Бога“. Ближайшее же представлялось въ самой войнѣ, упорной и жестокой на столько, что въ одни сутки убиваемо было съ той и другой стороны по нѣскольку тысячъ человѣкъ, а раненыхъ считали десятками тысячъ. Въ виду этого требовалось ближе всего усилить врачебную и нравственную помощь сражавшимся за вѣру, Царя и Отечество. Съ такою именно цѣлію повторена была посылка сердобольныхъ вдовъ на театръ военныхъ дѣйствій.

И. Корсунскій.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Соч. Филар. V, 305—306.

²⁾ Тамъ же, стр. 307 и 308.

НАГОРНАЯ ПРОПОВѢДЬ.

(Опытъ изъясненія ученія Господа нашего Иисуса Христа съ опроверженіемъ возраженій, указываемыхъ отрицательною критикою новѣйшаго времени).

(Продолженіе *).

Пятая заповѣдь блаженства.

Μακάριοι οἱ ἐλεῆμονες· διότι αὐτοὶ θέλουσιν
ἐλεηθῆναι. Ματθ. ε', 7.

„Блаженны милостивые, ибо они помилованы будутъ!“—говоритъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ.

Эта заповѣдь блаженства у евангелиста Луки опущена; тѣмъ не менѣе тѣ представители отрицательной евангельской критики, которые, усматривая въ ученіи Иисуса Христа мнимый эвѣонитскій характеръ, нагорную проповѣдь признаютъ подлинною только въ изложеніи евангелиста Луки, ничего не говорятъ въ своихъ изслѣдованіяхъ противъ этого опущенія. Это поведеніе отрицательныхъ критиковъ, конечно, довольно странно; но еще болѣе является страннымъ то, что они въ то же время не довѣряютъ и Маттею и не признаютъ исторически-достовернымъ, что эта заповѣдь о милостивыхъ дѣйствительно была произнесена Иисусомъ Христомъ въ началѣ нагорной проповѣди.

Умозаключеніе, котораго въ данномъ случаѣ держатся отрицательные критики, такое же, какое и вездѣ мы встрѣчаемъ въ ихъ сочиненіяхъ при отрицаніи исторической достоверности

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ», № 12-й, 1892 г.

того или другого евангельскаго событія: о чемъ евангелистъ не говорить, того онъ не знаетъ; а чего не знаетъ евангелистъ, того не было и на самомъ дѣлѣ. Съ такимъ способомъ мышленія, очевидно, можно зайти слишкомъ далеко. И отрицательная евангельская критика постаралась на себѣ оправдать это предположеніе.

Пятую заповѣдь блаженства не признають дѣйствительно произнесенною Іисусомъ Христомъ—*Штраусъ*, *Шенкель*, *Вейсскеръ* и даже *Нисидеръ*. По слѣдамъ этихъ представителей отрицательной евангельской критики идетъ и нашъ мнимо-самостоятельный „мыслитель“—графъ *А. Толстой*. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ—нужно отдать ему справедливость—онъ дѣйствительно обнаружилъ нѣкотораго рода самостоятельность хотя, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ *Ренану*, его главному руководителю въ искаженіи евангельской исторіи. Но отъ этой дерзкой попытки къ нѣкоторой самостоятельности *Толстой* больше потерялъ, чѣмъ приобрѣлъ. *Ренанъ*, какъ и нѣкоторые другіе представители отрицательной евангельской критики, признавъ нагорную проповѣдь подлинною только у евангелиста Луки, не могъ однако же допустить мысли, чтобы Господь нашъ Іисусъ Христосъ не заповѣдалъ Своимъ послѣдователямъ быть милостивыми, и потому въ изложеніи евангельскихъ блаженствъ онъ слѣдуетъ ¹⁾ вообще Маттею, а не Луку, хотя чрезъ это и впадаетъ, конечно, въ явное противорѣчіе съ самимъ собою. *Толстой*, усматривая у своего руководителя эту непоследовательность, рѣшается стоять на своемъ и потому не довѣряетъ евангелисту Маттею, чтобы Іисусъ Христосъ могъ называть блаженными милостивыхъ людей. Это поведеніе странно даже и для *Толстого*, изобилующаго всѣми странностями.

Довольно оригинально относится къ ученію Іисуса Христа о милостивыхъ извѣстный крайній представитель отрицательной критики—*Фонъ-деръ-Амизъ*. Онъ не только признаетъ исторически достовѣрнымъ, что Іисусъ Христосъ произнесъ въ Своей нагорной проповѣди пятую заповѣдь блаженства, но указы-

¹⁾ См. 17-ю гл. *Vie de Jesus*, изд. 16.

ваетъ намъ даже и па тѣ *личныя* мотивы, которые побуждали Иисуса Христа особенно часто обращать вниманіе людей на дѣла милосердія и человеколюбія. Вотъ что онъ говоритъ ¹⁾): „Иисусъ происходилъ изъ средняго сословія; положеніе необеспеченныхъ и нищихъ Онъ зналъ не только по наблюденію, но и по собственному опыту. Вотъ почему особенностію Его характера является сочувствіе къ судьбѣ низшихъ народныхъ классовъ и стараніе—помочь имъ. Матеріальной нуждѣ Онъ старался помочь самыми настоятельными требованіями благотворительности. Въ этомъ отношеніи Онъ вполне раздѣлялъ ученіе есеевъ, которые требовали общаго пользованія имуществами, въ нищетѣ находили предъ Богомъ преимущество, въ богатствѣ—грѣхъ“. Само собою понятно, что мы приводимъ это разсужденіе *Фонт-дерз-Альма* только ради его *оригинальности*; серьезнаго вниманія оно не заслуживаетъ. Если обыкновенные люди бываютъ милостивыми и человеколюбивыми, происходятъ ли изъ достаточныхъ классовъ, то любовь къ людямъ, которую возвѣстилъ Христосъ, ставить въ причинную зависимость отъ Его бѣдности—просто нелѣпость. Неужели можетъ кто-либо предполагать, что еслибы Иисусъ Христосъ Самъ не испытывалъ бѣдности, то Онъ былъ бы противъ дѣла милосердія и человеколюбія?.. Не говоримъ уже о томъ, что *Фонт-дерз-Альма* ученіе Иисуса Христа о милостивыхъ ограничиваетъ въ своемъ разсужденіи только помощію матеріальной нуждѣ.

Если бы ученіе Господа нашего Иисуса Христа о милосердіи къ ближнимъ, выраженное въ пятой заповѣди блаженства, было опущено не только въ Евангеліи отъ Луки, но даже и въ Евангеліи отъ Маттея, то и тогда всякій безпристрастный изслѣдователь евангельской исторіи сказалъ бы, что такое ученіе непременно должно было быть преподаано Иисусомъ Христомъ и—именно въ нагорной проповѣди. Къ такому заключенію необходимо прійти вовсе не по тѣмъ соображеніямъ, которыя высказаны *Фонт-дерз-Альмомъ*. 1) Ученіе Господа нашего Иисуса Христа о милосердіи находится въ самой тѣсной и непосредственной *внутренней связи* со всѣмъ вообще уче-

¹⁾ Theologische Briefe, 1863, Zweiter Band, 1.te Abth. стр. 613.

ніемъ, составляющимъ предметъ нагорной проповѣди. Истинные послѣдователи Иисуса Христа, сознавъ свою духовную нищету, скорбя о ней и чрезъ то ставъ кроткими, жаждутъ своего оправданія предъ Богомъ не за свою добрую жизнь и свои добрыя дѣла, которыхъ они у себя не находятъ, а исключительно по благодати Божіей, т. е., незаслуженно и даромъ; но естественно, что такую надежду на Бога они могутъ питать только тогда, когда сами будутъ *милосливы* къ своимъ ближнимъ,—будутъ снисходительны къ ихъ слабостямъ, будутъ принимать участіе въ ихъ страданіяхъ и пуждахъ. 2) Милосердіе къ ближнимъ есть практическое осуществленіе заповѣди Иисуса Христа о любви къ ближнимъ, а по ученію Иисуса Христа, заповѣдь о любви къ ближнимъ есть самая важнѣйшая изъ Его заповѣдей, безъ исполненія которой никто не можетъ достигнуть своего спасенія. Кто же можетъ допустить, чтобы въ важнѣйшей проповѣди Своей Иисусъ Христосъ не упомянулъ даже о практическомъ осуществленіи Своей важнѣйшей заповѣди? Правда, Онъ говоритъ о ней подробнѣе въ нагорной проповѣди позже; но въѣдъ ученіе о блаженствахъ заключаетъ въ себѣ сжато и въ существенныхъ чертахъ все, что необходимо человѣку для *блаженства*, для его спасенія; дальнѣйшее содержаніе нагорной проповѣди только частіе раскрываетъ то, что кратко излагается въ ученіи о блаженствахъ. Въ этомъ отношеніи нѣкоторые изъ представителей отрицательной критики (напр., *Неандеръ*) совершенно справедливо утверждаютъ, что ученіе Иисуса Христа о евангельскихъ блаженствахъ, поставленное въ началѣ нагорной проповѣди, есть, собственно говоря, „программа“ всей нагорной проповѣди.

Кто же эти *милосливые*, на которыхъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ указываетъ намъ въ пятой заповѣди блаженства?—На этотъ вопросъ св. *Іоаннъ Златоустъ* въ своихъ „Бесѣдахъ на Евангеліе отъ Маттея“ отвѣчаетъ такимъ образомъ: „здѣсь, мнѣ кажется, говоритъ Онъ (т. е., Иисусъ Христосъ) не столько о тѣхъ, которые оказываютъ свое милосердіе деньгами, но и о тѣхъ, которые оказываютъ оное дѣлами. Ибо различные бываютъ виды милосердія, и заповѣдь эта обширна“.

Греческое слово—*ἐλεῆμων* по-русски значитъ—„*сострада-*

теплымъ“. „милостивый“; оно происходитъ отъ существительнаго—*ἔλεος*, которое на русскій языкъ можетъ быть переводимо только словами—„состраданіе“, „милосердіе“, „милость“. Такимъ образомъ, въ пятой заповѣди блаженства Спаситель указываетъ намъ на тѣхъ людей, у которыхъ нравственно—совершенное внутреннее настроеніе, цѣльная совокупность добродѣтелей, составляющихъ предметъ четырехъ предшествующихъ заповѣдей, а именно—духовная нищета, печаль ради Бога, кротость и усиленное стремленіе къ правдѣ и оправданію,—проявляются уже въ опредѣленныхъ формахъ вѣрнаго отношенія къ другимъ людямъ, составляя въ то же время непремѣнное условіе внутренняго усовершенствованія человѣка. Существеннымъ признакомъ христіанскаго милосердія является именно состраданіе къ несчастію, горю, бѣдствіямъ и нуждѣ ближняго, вмѣстѣ съ возбужденіемъ чистаго чувства любви и у самаго сострадающаго. Такое-то состраданіе, равно полезное для обоихъ—и страждущаго, и сострадающаго—и побуждаетъ христіанина къ дѣламъ милосердія, къ жертвамъ, къ проявленію вои́мъ того, что наполняетъ душу чистымъ и безкорыстнымъ чувствомъ любви и рѣшимости на всякаго рода жертвы и лишения. А такъ какъ ближніе, возбуждающіе у человѣка чувство христіанской любви и вызывающіе у него состраданіе къ себѣ, могутъ терпѣть нужду въ двоякомъ отношеніи—въ духовной и тѣлесной жизни, то и дѣла христіанскаго милосердія раздѣляются на два вида: духовныя и тѣлесныя.

Милосердіе къ ближнимъ только въ христіанствѣ является истинною добродѣтелію, вытекающею изъ чистаго, высоко-нравственнаго настроенія человѣка и заповѣданной Иисусомъ Христомъ любви къ ближнему. Вѣ христіанства истинное состраданіе или милосердіе невозможны и даже немыслимы. Людямъ чуждымъ истинной вѣры въ бытіе личнаго Бога и невѣдующимъ заповѣди Спасителя о любви къ ближнимъ не только не можетъ быть свойственно христіанское понятіе о милосердіи или состраданіи, но съ своей точки зрѣнія они найдутъ его страннымъ, неразумнымъ, противорѣчащимъ простому чувству справедливости и вытекающимъ изъ враждебнаго, злоснаго и преступнаго начала. Мы хорошо знаемъ, что это положеніе мно-

гіе назовуть парадоксальнымъ; многіе заподозрять насъ въ излишнемъ расширеніи и преувеличеніи того значенія, которое принадлежитъ христіанству въ направленіи и опредѣленіи нравственной дѣятельности человѣка. Тѣмъ не менѣе наше положеніе, какъ мы увидимъ ниже, должно остаться во всей своей силѣ: внѣ христіанства нѣтъ и не можетъ быть истиннаго понятія о милосердіи и состраданіи. Правда, о состраданіи и милосердіи часто говорятъ и люди невѣрующіе, атеисты, порвавшіе, повидимому, всякую связь съ ученіемъ Господа нашего Іисуса Христа и христіанскою Церковію. Кому же неизвѣстны причудливыя теоріи западно-европейскаго коммунистическаго гуманизма, господствовавшаго такъ всецѣльно въ 50-хъ годахъ текущаго столѣтія? Но не слѣдуетъ забывать только одного. Рожденные и воспитанные подъ вліяніемъ христіанскихъ понятій, даже самые отъявленные враги христіанства не могутъ совершенно оторваться отъ тѣхъ христіанскихъ воззрѣній и понятій, которыя они всосали въ себя вмѣстѣ съ молокомъ матери, и потому часто переносятъ ихъ, быть можетъ, сами не замѣчая того, на явленія и событія, совершающіяся внѣ христіанства. Вотъ почему о вѣрности высказаннаго нами положенія лучше всего судить только на основаніи фактовъ, о которыхъ свидѣтельствуетъ безпристрастная исторія.

Въ языческомъ до-христіанскомъ мірѣ не было ни богадѣленъ, ни общественныхъ больницъ, ни сиротскихъ и вдовьихъ домовъ, ни дѣтскихъ пріютовъ, ни тюремныхъ попечительныхъ комитетовъ, ни благотворительныхъ обществъ, ни другихъ какихъ-либо человеколюбивыхъ учреждений. Отчего это? Оттого, что язычники не имѣли истиннаго понятія о милосердіи и состраданіи. Въ жизни языческой, какъ и въ жизни внѣ христіанства вообще дѣятельностію человѣка управляютъ начала разума, или страсти. Высшія начала разума, руководящія дѣятельностію и жизнью человѣка, какъ они обобщены и раскрыты философіею, суть слѣдующія: 1) справедливость (у стоиковъ), 2) удовольствіе (у эпикурейцевъ и эвдемонистовъ); 3) согласіе съ требованіями природы (у циниковъ и нигилистовъ); 4) требованіе совѣсти, какъ категорическій императивъ, опредѣляющій отношенія разумной воли къ частному ея положенію (у

Канта и Шопенгауэра), и 5) польза (у утилитаристовъ). Не нужно доказывать, что ни одно изъ этихъ началъ, само по себѣ, не ведетъ къ мысли о милосердіи и состраданіи. Въ христіанства нѣтъ понятія о любви къ ближнему, возвыщенной только Іисусомъ Христомъ; а гдѣ нѣтъ понятія о христіанской любви къ ближнему, тамъ дѣятельностію человѣка исключительно управляетъ самолюбіе и эгоизмъ, а потому тамъ и нѣтъ мѣста истинному понятію о милосердіи и состраданіи. „Мы видимъ,—говорить, напр., *Шопенгауэръ* ¹⁾, какъ не только каждый старается вырвать у другого то, что онъ самъ хочетъ имѣть, но часто бываетъ даже такъ, что одинъ, чтобы увеличить свое благополучіе хотя на самую незначительную ступень, разрушаетъ все счастье или жизнь другаго. Безграничная и ужасающая сила эгоизма, обнаруживаемаго человѣкомъ, превышаетъ лишь явленіями злости, которая совершенно безкорыстно ищетъ страданія другихъ безъ всякаго расчета на свою собственную выгоду отъ этого“. Такое представленіе общаго характера жизни и дѣятельности человѣка въ христіанскаго вліянія едва-ли кто найдетъ неубѣрнымъ; а въ язычествѣ мотивы дѣятельности человѣка были тѣ-же, что и въ наше время среди людей невѣрующихъ и безбожныхъ, порвавшихъ всякую связь съ христіанскою церковію.

Съ языческой точки зрѣнія, какъ мы сказали, дѣла истиннаго милосердія совершенно непонятны и даже противорѣчатъ понятію о справедливости. Давать человѣку то, чего онъ не заработалъ, то, что ему не принадлежитъ, а есть собственность другого, оказывать сочувствіе къ явному преступнику, причинившему много зла и бѣдствій обществу и потому осужденному на тяжкое наказаніе самымъ общественнымъ судомъ,—значитъ—быть несправедливымъ, не знать различія между людьми работающими и не работающими, между трудомъ и вознагражденіемъ, добродѣтелью и порокомъ. По мнѣнію язычниковъ (такъ учили стоики), слѣдуетъ помогать только тѣмъ несчастнымъ, которымъ именно мы причинили несчастье; но сочувствовать или давать деньги тѣмъ людямъ, отъ которыхъ ничего нельзя

¹⁾ У *Ө. Тернера* «Христ. воззрѣніе на жизнь», Спб., 1879 г., стр. 25.

получить въ будущемъ,—съ языческой точки зрѣнія это значить—расточать неблагоразумно свое имущество, добровольно причинять самому себѣ убытокъ и вредъ, или, по меньшей мѣрѣ,—быть смѣшнымъ, имѣть желаніе прослыть чудакомъ.

Но этого мало,—съ языческой, или вообще не-христіанской точки зрѣнія милосердіе можетъ казаться даже *вреднымъ* и притомъ—именно для тѣхъ, которые пользуются незаслуженно благодѣяніями другихъ. „Къ чему—говорилъ, напр., *Плавтъ*,—давать что-либо нищему? Что дадутъ,—пропадетъ безъ пользы, а для бѣдняка только затянется надолше его жалкое существованіе!“ Понятно послѣ этого, какимъ образомъ римскіе язычники могли не только спокойно, но даже съ великимъ удовольствіемъ смотрѣть на предсмертныя страданія умирающаго гладіатора, или любоваться, какъ даровымъ общественнымъ зрѣлищемъ,—казнями христіанъ; понятно, почему даже лучшіе изъ греческихъ философовъ мирились съ рабствомъ и продажею плѣнниковъ... Нечего удивляться тому, что говорилъ о милосердіи Плавтъ, какъ разсуждалъ весь языческій міръ, что думали греческіе мыслители!..

Не лучше смотрять на христіанское милосердіе и состраданіе къ людямъ даже и современные намъ философы — какъ пантенсты, такъ и матеріалисты. По ихъ мнѣнію, какъ состраданіе, такъ и милосердіе не могутъ быть названы добродѣтелью въ собственномъ смыслѣ, потому что они вытекаютъ будтобы изъ мутнаго и нечистаго источника и, по самой природѣ своей, *эгоистичны*. Особенно откровенно высказывается объ этомъ предметѣ—*Шопенгауэръ*. По его мнѣнію, даже и самая высшая степень состраданія есть не что иное, какъ эгоизмъ, потому что оно основывается хотя и на познаніи *чужого* страданія, но это чужое страданіе можетъ быть понято нами не иначе, какъ изъ нашего *собственного* опыта, а потому состраданіе всегда будтобы и развивается не иначе, какъ на грубой *эгоистической* почвѣ, близко соприкасаясь съ *злорадствомъ*.

Этотъ взглядъ *Шопенгауэра* на состраданіе пользуется большою распространенностію среди нашего русскаго общества. Изъ русскихъ писателей его особенно разукрашиваетъ *Минскій* въ своей книгѣ „При свѣтѣ совѣсти“, не думая однако-же о

томъ, что этимъ онъ только оправдываетъ высказанное нами положеніе о невозможности истиннаго состраданія и даже правительнаго понятія о немъ внѣ христіанства, среди людей, отпавшихъ отъ истинной Церкви Христовой. По его заключенію, состраданіе и справедливость суть чувства, порожденные грубымъ самолюбіемъ, какъ утверждаетъ и *Шопенгауэръ*. И мы должны сказать, что оба—*Шопенгауэръ* и *Минскій*—въ этомъ случаѣ совершенно послѣдовательны въ своемъ предположеніи; не нужно только забывать о томъ, что они говорятъ не объ истинномъ состраданіи, котораго требуетъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ отъ своихъ послѣдователей, и которое вытекаетъ изъ чистой и безкорыстной любви къ ближнему, а о томъ *ложномъ* настроеніи духа, которое проявляется у людей, чуждыхъ христіанской жизни, и которое хотя также почему-то принято называть *состраданіемъ*, но которое ничего общаго не имѣетъ съ состраданіемъ христіанскимъ, такъ какъ оно вытекаетъ не изъ любви къ ближнему, а изъ человѣческихъ страстей, совершенно исключающихъ христіанскую любовь къ ближнему,—честолюбія, гордости и тщеславія.

„Я *сострадаю* чужому горю,—говоритъ *Минскій* ¹⁾),—потому что при видѣ его я или припоминаю подобное же, мною нѣкогда перенесенное горе, или опасаюсь его въ будущемъ. Въ обоихъ случаяхъ я печалюсь и опасаюсь за себя самого. Память и воображеніе—вотъ двѣ силы души, которыя рождаютъ и питаютъ и чувство состраданія, и нужно думать, что состраданіе, основанное на воображеніи, сильнѣе того, которое основано на памяти, ибо ожидаемое горе всегда страшнѣе минувшаго. Вотъ почему въ молодости, когда мы сами еще мало страдали, наше сердце особенно расположено сострадать другимъ. Съ годами же, отвѣдавъ жизненной муки и познавъ ея неизбѣжность, мы черствѣемъ къ мукамъ ближняго... Наименѣе чувствительными къ чужому горю должны оказаться или такіе баловни судьбы, которые себя самихъ считаютъ навсегда защищенными отъ страданій, или же люди, закалившіе себя въ страданіяхъ и уже не боящіеся ихъ... Состраданіе къ ближне-

1) При свѣтѣ совѣсти. Слб. 1890. Стр. 31 и слѣд.

му есть отраженіе моего собственнаго страданія. Но отраженіе безсильнѣе предмета и потому едва-ли одно состраданіе можетъ подвинуть меня страдать ради него. Чувство состраданія, которымъ мы охотно маскируемъ иные мотивы дѣйствія, является лишь красивой, розовой дымкой для самолюбія. При крѣпостномъ правѣ не въ рѣдкость бывало встрѣчать барынь, плакавшихъ надъ страданіями бѣдной Лизы и даже надъ судьбою сизаго голубочка и одинокаго дуба и въ то же время преисправно бившихъ по щекамъ своихъ дѣвокъ за неловко поданный стаканъ воды. Въ бѣдной Лизѣ и въ голубочкѣ чувствительная барыня непремѣнно узнавала себя и плакала изъ любви къ себѣ. Дѣвку била она тоже изъ любви къ себѣ... Изъ обильныхъ потоковъ проливаемыхъ нами слезъ состраданія девять десятыхъ проливаются тогда, когда онѣ никому не нужны. Всякому жаль голоднаго нищаго, но еще болѣе жаль себя и свою копѣйку. А возьмите сытаго актера, заставьте его притворяться на сценѣ нищимъ и голоднымъ—и большинство зрителей полѣзетъ за носовыми платками, чтобы отереть никому ненужныя слезы милосердія. Искусство даетъ исходъ нашему лицемѣрію. Надъ романомъ или драмой мы можемъ до-красна наплакать глаза, до упоенія насладиться своимъ благородствомъ, въ сладкомъ сознаніи, что благородство не обязываетъ насъ ни къ малѣйшей жертвѣ... Состраданіе никогда не рождается въ душѣ одно, а всегда съ другимъ чувствомъ, ему противоположнымъ, именно съ чувствомъ злорадства. Состраданіе и злорадство такъ тѣсно связаны между собою, что ихъ слѣдуетъ считать не двумя чувствами, а двумя сторонами, двумя полюсами одного и того-же душевнаго движенія. Это, такъ сказать, двѣ половинки ядра, созрѣвшія подъ одной скорлупой, или два полушарія той же планеты, изъ которыхъ одно обращено къ свѣту, а другое—къ мраку“.

Все сказанное доселѣ, конечно, справедливо, если имѣть въ виду то *ложное* понятіе о состраданіи, которое господствуетъ въ обществѣ внѣ непосредственнаго вліянія христіанской Церкви. Но ложъ этого *мірскаго*, эгоистическаго, нехристіанскаго состраданія, которое само въ себѣ заключаетъ непримиримое противорѣчіе, проявляя человеческое самолюбіе въ внѣшней

формѣ, свойственной только христіанской любви къ ближнему, слишкомъ очевидна,—и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что она породила другую, повидимому, противоположную ей, а въ дѣйствительности только болѣе откровенную ложь,—коммунистическое воззрѣніе на жизнь, по которому міръ (государства и общества) можетъ будтобы существовать безъ состраданія, безъ милосердія. Это крайнее, одностороннее и бессмысленное воззрѣніе, къ сожалѣнію, не менѣе Шопенгауэровскаго пользуется распространенностію среди нашего общества и проникло даже въ низшіе слои его. Вотъ какъ разсуждаютъ недалековидные люди, усвоившіе себѣ это воззрѣніе: „Наслажденіе отъ милостыни есть наслажденіе надменное и безнравственное, наслажденіе богача своимъ богатствомъ, властію и сравненіемъ своего значенія съ значеніемъ нищаго. Милостыня развращаетъ и подающаго, и берущаго, и сверхъ того не достигаетъ цѣли, потому что только усиливаетъ нищенство... Милостыня и въ теперешнемъ обществѣ должна быть закономъ запрещена. Въ *новомъ устройствѣ* совсѣмъ не будетъ бѣдныхъ“¹⁾.

Итакъ, послѣ всего вышеизложеннаго ясно, насколько вѣрно высказанное нами положеніе,—что внѣ христіанства истинное милосердіе, состраданіе и человѣколюбіе невозможны. То, что называютъ милосердіемъ внѣ христіанства, есть милосердіе ложное, лицемерное, и потому не имѣетъ ничего общаго съ милосердіемъ христіанскимъ. Внѣ-христіанское милосердіе дѣйствительно вытекаетъ изъ грубаго эгоизма, тщеславія, честолюбія и даже злорадства. Вотъ почему оно и ограничивается только одними пустыми словами и ложными вздохами; какъ вытекающее изъ самолюбія, тщеславія и честолюбія, оно не сопровождается никакими истинно—*добрыми* дѣлами, никакими лишеніями, оно не требуетъ никакой тяжелой жертвы отъ чловека, желающаго прослыть сострадательнымъ и милостивымъ, оно вызывается только собственною выгодною „сострадательнаго“ въ этомъ смыслѣ лица. Совершенно другимъ характеромъ отличается милосердіе христіанское. Его источникъ не эгоизмъ или злорадство, а наоборотъ—христіанская любовь къ ближ-

1) Полное собраніе сочиненія Ф. М. Достоевскаго. Сиб. 1885, т. 4, стр. 188.

нему, требующая, чтобы христіанское милосердіе проявлялось не на словахъ, а на дѣлѣ, и даже не въ жертвахъ только и лишеніяхъ, но и въ самопожертвованіи. Христіанство отвергаетъ не только то ложное милосердіе, которое выражается словами, но и то, которое проявляется въ дѣлахъ, не сопровождающихся ощутительными для человѣка лишеніями и жертвами. Вдова, отдающая на доброе дѣло свои *последнія* двѣ лепты, стоитъ выше богачей, жертвующихъ много, но безъ ощутительнаго для себя лишенія,—отъ избытка своего. Господь нашъ Иисусъ Христосъ ублажаетъ не тѣхъ, которые много и чувствительно говорятъ о состраданіи къ людямъ, а тѣхъ, которые свое состраданіе доказываютъ добрыми дѣлами и усердіемъ. „Приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вамъ отъ созданія міра: ибо алкалъ Я, и вы дали Мнѣ есть; жаждалъ, и вы напоили Меня; былъ странникомъ, и вы приняли Меня; былъ нагъ, и вы одѣли Меня; былъ боленъ, и вы посетили Меня; въ темницѣ былъ, и вы пришли ко Мнѣ“ (Мѡ. 25, 34—36).

Милосердіе есть одинъ изъ видовъ практическаго примѣненія христіанской любви къ ближнему; поэтому намъ придется еще касаться этой добродѣтели, когда будемъ говорить 1) о христіанской милостынѣ и 2) о заповѣди Иисуса Христа, имѣющей своимъ предметомъ любовь къ Богу и ближнему.

Наше разсужденіе о пятой заповѣди блаженства было бы неполно, если бы мы не упомянули о томъ, что и въ до-христіанскомъ мірѣ былъ одинъ народъ, которому не чуждо было понятіе о милосердіи и состраданіи, весьма близкое къ понятію христіанскому. Это—народъ Израильскій, избранникъ Божій, которому Господь открывалъ Свою волю и сообщалъ истины, недоступныя обыкновенному человѣческому разуму. Отрицательная евангельская критика, въ лицѣ, напр., своего крайняго представителя—*Фонъ-дерз-Альма*, желая уменьшить значеніе божественныхъ истинъ, возвышенныхъ міру Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ, думаетъ, что и ученіе о милосердіи заимствовано Имъ у еврейскихъ раввиновъ. Произнося пятую заповѣдь блаженства, Иисусъ Христосъ, по мнѣнію *Фонъ-*

деръ-Алма ¹⁾), имѣлъ будтобы въ виду слѣдующее изреченіе, находящееся въ трактатѣ талмуда—*Sabbath*: „Кто оказываетъ милосердіе своему ближнему, того помилуетъ также и Господь“. Но мы не разъ указывали уже на то, что ученіе еврейскихъ раввиновъ, согласное съ Божественнымъ Откровеніемъ, нельзя признавать первоначальнымъ и самостоятельнымъ, ибо оно само находится въ зависимости отъ истинъ, возвыщенныхъ богодухновенными ветхозавѣтными посланниками Божиими. Господь же, Который сегодня Тотъ-же, что и вчера, дѣйствительно открылъ и израильтянамъ, жившимъ въ ветхомъ заветѣ, истинное понятіе о милосердіи и состраданіи. Такъ,—еще премудрый Соломонъ училъ: „Кто затыкаетъ ухо свое отъ вопля бѣднаго, тотъ и самъ будетъ вопить,—и не будетъ услышанъ“ (Притч. 21, 13). „Не отказывай въ благодѣяніи нуждающемуся, когда рука твоя въ силѣ сдѣлать его. Не говори другу твоему: „пойди и прійди опять, и завтра я дамъ“, когда ты имѣешь при себѣ. Ибо ты не знаешь, что родитъ грядущій день“ (Притч. 3, 27, 28). Въ такомъ же духѣ даетъ наставленія и Иисусъ, сынъ Сираховъ: „Сынъ мой! Не отказывай въ пропитаніи нищему и не утомляй ожиданіемъ очей нуждающихся: не опечаль души алчущей и не огорчай человѣка въ его скудости; не смущай сердца уже огорченнаго и не откладывай подавать нуждающемуся; не отказывай угнетенному, умоляющему о помощи, и не отвращай лица твоего отъ нищаго; не отвращай очей отъ просящаго и не давай человѣку повода проклинать тебя; ибо, когда онъ въ горести души своей будетъ проклинать тебя, Сотворившій его услышитъ моленіе его“ (Сир. 4, 1—6). „Прежде, нежели умрешь, дѣлай добро другу, и по силѣ твоей простирай твою руку и давай ему“ (Сир. 14, 13). „Къ бѣдному ты будь снисходителенъ и милостынею ему не медли. Ради заповѣди помощи бѣдному, и въ нуждѣ его не отпускай его ни съ чѣмъ. Трать серебро для брата и друга и не давай ему заржавѣть подъ камнемъ на погибель. Располагай сокровищемъ твоимъ по заповѣдямъ Всевышняго и оно принесетъ тебѣ болѣе пользы, нежели золото. Заклучи въ кладовыхъ твоихъ ми-

¹⁾ Theologische Briefe, B. 2, стр. 654.

лостыню, и она избавитъ тебя отъ всякаго несчастія: лучше крѣпкаго щита и твердаго копья она защититъ тебя противъ врага“ (Сир. 29, 11—16). Такое же наставленіе даетъ и Товитъ своему сыну Товіи: „Изъ имѣнія твоего подавай милостыню, и да не жалѣетъ глазъ твой, когда будешь творить милостыню. Ни отъ какого нищаго не отвращай лица твоего, тогда и отъ тебя не отворотится лице Божіе! Когда у тебя будетъ много, твори изъ того милостыню, и когда у тебя будетъ мало, не бойся творить милостыню и понемногу: ты запасешь себѣ богатое сокровище на день нужды, ибо милостыня избавляетъ отъ смерти и не допускаетъ сойти во тьму. Милостыня есть богатый даръ для всѣхъ, кто творить ее предъ Всевышнимъ“ (Товит. 4, 7—11). У пророка Исаи (58, 6—9) такъ говоритъ Самъ Господь: „Вотъ постъ, который Я избралъ: разрѣши оковы неправды, развяжи узы ярма, и угнетенныхъ отпусти на свободу и расторгни всякое ярмо; раздѣли съ голоднымъ хлѣбъ твой, и скитающихся бѣдныхъ введи въ домъ; когда увидишь нагаго, — одѣнь его, и отъ единокровнаго твоего не укрывайся. Тогда откроется, какъ заря, свѣтъ твой и исцѣленіе твое скоро возрастетъ, и правда твоя пойдетъ предъ тобою, и слава Господня будетъ сопровождать тебя. Тогда ты воззовешь—и Господь услышитъ, возопіешь—и Онъ скажетъ: вотъ Я!“ Милосердымъ изображаетъ праведника и пророкъ Іезекіиль (18, 7): „никого не притѣсняетъ, должнику возвращаетъ залогъ его, хищенія не производитъ, хлѣбъ свой даетъ голодному и нагого покрываетъ одеждою“.

Это ветхозавѣтное ученіе о милосердіи, очевидно, весьма сходно съ ученіемъ Господа нашего Іисуса Христа, какъ оно преподано въ нагорной проповѣди и другихъ мѣстахъ евангельскихъ повѣствованій. Различіе состоитъ только въ томъ, что Іисусъ Христосъ заповѣдуетъ Своимъ послѣдователямъ быть милостивыми къ ближнимъ 1) какъ въ тѣлесныхъ, такъ и душевныхъ ихъ нуждахъ и 2) по отношенію ко всѣмъ безъ исключенія, повелѣваетъ творить дѣла милосердія даже ко врагамъ ¹⁾; ветхозавѣтное же Откровеніе еще ограничивало дѣла

¹⁾ *De Verbe* совершенно безосновательно предполагаетъ, будто бы Іисусъ Христосъ въ пятой заповѣди блаженства прославляетъ только тѣхъ слушателей

милосердія 1) по преимуществу помощію тѣлеснымъ нуждамъ, а 2) людьми близкими по вѣрѣ и происхожденію. „Если дашь деньги взаймы *бѣдному изъ народа Моего*, то не притѣсняй его и не налагай на него роста“ (Исх. 22, 26). „*Съ иноземца озыскивай*, а что будетъ твое у брата твоего, *прости*“ (Второз. 15, 3). Ученіе Іисуса Христа не знаетъ такого различія между нуждающимися. Итакъ, сходное по своимъ существеннымъ признакамъ съ ученіемъ новозавѣтнымъ, ветхозавѣтное ученіе о милосердіи отличается отъ него тѣмъ, что ограничиваетъ какъ предметы, такъ и кругъ лицъ, которыя имѣютъ право на наше состраданіе и милосердіе. Но это различіе, очевидно, нельзя назвать незначительнымъ.

Заповѣдь Спасителя о милосердіи къ бѣднымъ въ христіанской Церкви всегда была благоговѣнно хранима, а самое исполненіе этой заповѣди было признаваемо одною изъ высшихъ христіанскихъ добродѣтелей, которая къ милосердому привлекаетъ милосердіе Божіе. Такъ, въ совершенномъ согласіи съ ученіемъ Спасителя раскрываютъ ученіе о милосердіи и Апостолы, приписывая этой добродѣтели весьма существенное значеніе въ дѣлѣ спасенія и нравственнаго усовершенствованія чловѣка. Ап. Петръ даетъ, напр., слѣдующее наставленіе вѣрующимъ: „Болѣе всего имѣйте усердную любовь другъ ко другу, потому что любовь покрываетъ множество грѣховъ. Будьте страннолюбивы другъ ко другу безъ ропота. Служите другъ другу, каждый тѣмъ даромъ, какой получилъ, какъ добрые домостроители многообразной благодати Божіей“ (1 Петр. 4, 8—10). Ап. Павелъ говоритъ въ посланіи къ евреямъ (13, 1—3): „Братолюбіе между вами да пребываетъ; страннолюбіе не забывайте, ибо чрезъ него нѣкоторые, не зная, оказали гостепріимство Ангеламъ. Помните узниковъ, какъ бы и вы съ ними были въ узахъ, и страждущихъ, какъ и сами находитесь въ тѣлѣ“. Въ посланіи къ римлянамъ (12, 10. 11. 13. 20) мы также читаемъ: „будьте братолюбивы другъ къ другу съ нѣжностью; въ почтительности другъ друга предупреждайте; въ

усердіи не ослабѣвайте; въ нуждахъ святыхъ принимайте участіе; ревнуйте о страннопріимствѣ; если врагъ твой голоденъ, накорми его; если жаждетъ, напои его“. Коринѣскимъ христіанамъ ап. Павелъ даетъ даже наставленіе и о томъ, какъ удобнѣе собирать милостыню для нуждающихся: „При сборѣ для святыхъ поступайте такъ, какъ я установилъ въ церквахъ Галатійскихъ: въ первый день недѣли (т. е., въ воскресенье) каждый изъ васъ пусть отлагаетъ у себя и сберегаетъ, сколько позволить ему состояніе, чтобы не дѣлать сборовъ, когда я приду. Когда же приду, то которыхъ вы выберете, тѣхъ отправлю съ письмами, для доставленія вашего подаванія въ Иерусалимъ“ (1 Кор. 16, 1—3). „При семъ скажу: кто сѣетъ скупю, тотъ скупю и пожнетъ; а кто сѣетъ щедро, тотъ щедро и пожнетъ. Каждый удѣляй по расположенію сердца, не съ оторченіемъ и не съ принужденіемъ; ибо добροхотно дающаго любить Богъ“ (2 Кор. 9, 6—7).

Множество мѣстъ Св. Писанія Новаго Завѣта ясно свидѣтельствуешь о томъ, что пятая заповѣдь блаженства не оставалась тщетною у первенствующихъ христіанъ. Количество приношеній въ пользу нуждающихся было такъ велико, что оно иногда смущало даже самаго ап. Павла. „Мы служимъ благоутворенію,—говоритъ онъ (2 Кор. 8, 19. 20),—во славу Самаго Господа и въ соотвѣтствіе вашему усердію; остерегаюсь, чтобы намъ не подвергнуться отъ кого нареканію, при такомъ обиліи приношеній, ввѣряемыхъ нашему служенію“.

Такое усердіе первенствующихъ христіанъ въ дѣлахъ состраданія и милосердія къ бѣдствующимъ и нуждающимся легко объяснить себѣ тѣмъ обѣтованіемъ блаженства, которое Господь присоединилъ къ пятой евангельской заповѣди: „блаженны милостивые, ибо они помилованы будутъ!“ Это же самое обѣтованіе блаженства несомнѣнно имѣетъ въ виду и св. Апостолъ Іаковъ, когда говоритъ: „судъ безъ милости неказавшему милости; милость превозносится надъ судомъ“ (Іак. 2, 13). А что могло быть для истинныхъ христіанъ, познавшихъ свою духовную нищету, глубоко скорбящихъ о ней и жаждущихъ своего оправданія только отъ одного Бога, — что могло быть для нихъ выше полученія милости отъ Бога? Чѣмъ

бы они не рѣшились пожертвовать, чтобы только достигнуть помилованія и оправданія въ своихъ грѣхахъ? Истинные христіане и въ настоящее время не могутъ не быть милостивыми. Предлагаемъ читателю обратить вниманіе на разсужденіе объ этомъ предметѣ одного изъ современныхъ намъ пастырѣй Православной Церкви, который не по отвлеченнымъ соображеніямъ и догадкамъ, а практически собственною жизнію и дѣятельностію, позналъ то великое значеніе, которое принадлежитъ дѣламъ христіанскаго милосердія. „Что всего нужнѣе человѣку грѣшному?“ Спрашиваетъ онъ,— и отвѣчаетъ ¹⁾: „Милость Божія, невзысканіе по грѣхамъ нашимъ, продолженіе къ намъ долготерпѣнія Божія, дарованіе еще времени на покаяніе, самое возбужденіе души къ покаянію, прощеніе грѣховъ, а въ концѣ концовъ—помилованіе на страшномъ судѣ Божіемъ. Потому-то Церковь, отъ лица нашего, часто произноситъ: *Господи, помилуй!* Итакъ, собратъ грѣшникъ, если ты призналъ уже себя величайшимъ грѣшникомъ, достойнымъ всякаго осужденія и муки, если позналъ мерзость и нелѣпость грѣховъ, безмѣрное оскорбленіе чрезъ нихъ Господа Бога и величайшую ответственность за нихъ; если ты алчешь и жаждешь оправданія и помилованія Божія, то постарайся оказывать, возможную для тебя, милость къ ближнимъ: *блаженнѣ милостивѣи*, говоритъ Господь, *яко ти помиловани будутъ*. За милость къ братіи самъ получиши милость отъ Бога; за милость временную—милость вѣчную, за милость малую—милость безконечно великую: ибо удостоишься не только помилованія отъ вѣчнаго за грѣхи осужденія на судѣ Божіемъ, но и получиши вѣчное блаженство. Милость къ ближнему удобно можетъ оказывать всякій: потому что милость бываетъ различная, какъ различны нужды человѣка,—духовныя и тѣлесныя, какъ различно положеніе людей въ обществѣ, ихъ состояніе и званіе. Начальникъ можетъ оказывать милость—снисхожденіемъ, кротостію къ согрѣшающимъ, терпѣніемъ, вниманіемъ къ заслугамъ подчиненныхъ и награжденіемъ ихъ; подчиненный—всегдашнюю исправностію, покорностію, усердіемъ; ученый можетъ оказывать милость ближнимъ, просвѣщая невѣждъ, проводи въ об-

¹⁾ Полн. Собр. Сочин. прот. І. И. Сергіева, 1890, т. 1, стр. 189—190.

щество правыхъ сужденій о вѣрѣ, о жизни, о цѣли бытія человека на землѣ, о благахъ земныхъ, о смерти, о правдѣ Божіей, о судѣ вѣчномъ, или обличая общественные пороки; богатый можетъ оказывать милость ближнему, жертвуя отъ своего имущества на нужды Церкви и служителей ея, на благотворительныя заведенія, или подавая щедрую милостыню бѣднымъ; бѣдный—своею признательностію и усердіемъ въ служеніи богатому, своею молитвою за благодѣтелей; пастырь—искреннимъ и непрестаннымъ попеченіемъ о спасеніи душъ человѣческихъ, непрестаннымъ поученіемъ ихъ въ словѣ Божіемъ, всегдашнею готовностію къ исполненію приходскихъ требъ, къ подачѣ совѣтовъ, наставленій, утѣшеній; а пасомые—почтительностію, благопокорностію и признательностію къ пастырямъ, снисхожденіемъ къ ихъ недостаткамъ и усердною молитвою за нихъ“...

Въ настоящее время между людьми оскудѣли дѣла христіанскаго милосердія. Но почему?—Потому, что оскудѣла живая вѣра въ Бога, люди охладѣли къ Церкви Христовой и стали жить нехристіанскою жизнію, подчиняя себя не ученію Господа нашего Ісуса Христа, а различнымъ противухристіанскимъ философскимъ воззрѣніямъ. Внѣ христіанства, какъ мы видѣли, нѣтъ дѣла истиннаго милосердія, потому что тамъ нѣтъ христіанскаго понятія о любви къ ближнему, нѣтъ сознанія, что Богъ есть Отецъ всѣхъ людей, а люди слѣдовательно всѣ *братья* между собою; только христіанинъ знаетъ, что онъ оказываетъ помощь *брату* своему, а не чуждому для него лицу, когда онъ помогаетъ нуждающемуся. Кромѣ того, оба,—и помогающій и принимающій помощь,—сознаютъ себя равными членами Церкви Христовой; а лишь одна Церковь непрестанно напоминаетъ каждому члену своему, забывающему объ этой важнѣйшей обязанности христіанина: „смотри, не презри брата твоего, не пробѣги мимо его, не гнушайся имъ, какъ нечистотою, какъ заразою, какъ чѣмъ-то отвратительнымъ и отверженнымъ; это твой членъ, хотя и покривило его несчастіе“ ¹⁾. У человека, отпавшаго отъ союза съ Церковію, нѣтъ никого, кто-бы напоминалъ ему о его обязанности благотворенія, да нѣтъ у него и осно-

¹⁾ Полян. Собр. Сочин. прот. І. И. Сергіева. 1890, т. I стр. 197.

ванія или побужденія къ дѣламъ истинной благотворительности, потому что страждущій и нуждающійся уже перестали быть для него его братьями по вѣрѣ во Христа, которая одна устанавливаетъ между людьми истинное братство.

Еще менѣе побужденій для дѣлъ истиннаго милосердія можетъ быть у человѣка, совершенно невѣрующаго въ Бога,—у атеиста, ибо кто не вѣруетъ въ бытіе личнаго, живаго Бога, тотъ не можетъ повѣрить и обѣтованію Господа нашего Иисуса Христа о томъ, что Богъ помилуетъ человѣка за его дѣла милосердія и человѣколюбія.

Наконецъ, весьма много содѣйствовали упадку истинной благотворительности среди современнаго общества и тѣ философскія противухристіанскія ученія, которыя овладѣваютъ неокрѣпшими умами и управляютъ общественною жизнію и дѣятельностію людей. Таковы всѣ философскія пантеистическія и матеріалистическія системы и вытекшія изъ нихъ воззрѣнія—соціалистическія, коммунистическія и нигилистическія. Люди, усвоившіе себѣ эти воззрѣнія, являются явными и непримиримыми врагами всѣхъ видовъ христіанскаго милосердія и благотворительности. Они гонятъ отъ себя всякаго нищаго, потому что не „могутъ“ давать милостыни „по принципу“. Для насъ въ данномъ случаѣ представляетъ особый интересъ тотъ въ высшей степени странный критическій разборъ, которому они подвергаютъ съ *своей* (философской) точки зрѣнія пятую заповѣдь блаженства. Въ ихъ глазахъ, эта заповѣдь будтобы „не имѣетъ никакого смысла“. Почему-же? А вотъ почему. Милосердіе людское,—говорятъ они словами *Спинозы*, *Шопенгауэра*, *Гартмана*, *Гегеля* и др.,—въ пятой заповѣди блаженства поставлено въ зависимость отъ милосердія Божія. Но милосердіе или состраданіе къ людямъ основывается будтобы только на познаніи нашего собственнаго страданія; а такъ какъ Богъ есть существо всесовершенное и потому недоступное страданію; то ясно (будтобы), что, не имѣя понятія о страданіи вообще по собственному опыту, Богъ не можетъ быть *сострадательнымъ* или милосерднымъ и къ людямъ. А если Богъ не можетъ быть милосерднымъ къ людямъ, то и милосердіе людское, которое въ пятой заповѣди блаженства поставляется въ непосредственную связь съ милосердіемъ Божиимъ, теряетъ

всякій смыслъ, становится лишь пустымъ и безсодержательнымъ словомъ: поэтому будто бы и самая заповѣдь о милосердіи является для людей прекрасною на словахъ, но неисполнимою на дѣлѣ. Какъ ни странно это разсужденіе, но мы должны сказать, что оно нашло для себя защитниковъ даже среди русскихъ писателей и раздѣляется многими ¹⁾. Впрочемъ, ложь приведеннаго разсужденія обнаружить не трудно. Кромѣ того, что оно безъ всякаго основанія отождествляетъ понятія о милосердіи и состраданіи, оно ложно предполагаетъ еще, будто бы *всякое* знаніе пріобрѣтается только и даже *исключительно только* чрезъ самопознаніе. Но знанія наши пріобрѣтаются троякимъ образомъ: 1) чрезъ самопознаніе, 2) чрезъ познаніе другихъ людей и 3) чрезъ то и другое вмѣстѣ. Что не всякое наше познаніе пріобрѣтается чрезъ самопознаніе или чрезъ собственный опытъ,—это извѣстно каждому и нѣтъ никакой надобности здѣсь говорить объ этомъ подробно. Если же человѣческое познаніе можетъ быть пріобрѣтаемо безъ собственнаго или личнаго и непосредственнаго опыта, то тѣмъ болѣе это нужно сказать объ абсолютномъ знаніи или всевѣдѣніи Божіемъ. Иначе Бога слѣдовало бы представлять совершенно не знающимъ всей человѣческой жизни, которою Онъ Самъ не живетъ. А въ такомъ случаѣ, безъ всевѣдѣнія, какимъ образомъ можно было бы мыслить Его существомъ *всесовершеннымъ*? Для *Спинозы*, *Гегеля*, *Шопенгауэра* или *Гартмана* Богъ есть только отвлеченное понятіе, идея, а потому они и могутъ мыслить Его чуждымъ милосердія къ людямъ, безучастнымъ и безжизненнымъ; для христіанина же личный, живой Богъ есть сама всесовершенная Любовь (1 Іоан. 4, 6. 16); а потому для всякаго истиннаго христіанина безъ любви и милосердія немыслимо и самое понятіе о Богѣ.

Здѣсь кстати упомянуть еще объ одномъ возраженіи, которое дѣлаютъ западно-европейскіе богословы противъ ученія Господа нашего Іисуса Христа о милосердіи къ ближнимъ, какъ оно преподано въ пятой заповѣди блаженства. Именно,—протестантскій комментаторъ новозавѣтныхъ писаній—*Ольси-*

¹⁾ См. у *Минскаго* «При свѣтѣ совѣсти», стр. 32.

узенъ ¹⁾), а за нимъ и другіе встрѣчаютъ будтобы для себя со-
блазнъ въ томъ, что въ пятой заповѣди блаженства *милости-
выми*, т. е., тѣмъ людямъ, которые *уже* совершаютъ дѣла ми-
лосердія и состраданія, милость отъ Бога обѣщается еще толь-
ко какъ *будущее*, тогда какъ, по ихъ мнѣнію, между милосер-
діемъ Божиимъ и милосердіемъ человѣческимъ должно быть со-
вершенно обратное отношеніе, именно,—испытаніе человѣкомъ
на себѣ милосердія Божія должно уже возбуждать у него ми-
лосердіе къ другимъ людямъ. Но *Омсаузенъ* и ему подобные
выпускаютъ изъ виду, что это *такъ* и есть на самомъ дѣлѣ.
Сотвореніе человѣка, промышленіе о немъ, искупленіе его Кро-
вію Сына Божія,—все это—дѣйствія любви Божіей къ людямъ,
милость Божія къ нимъ, которую люди получаютъ прежде, чѣмъ
сами становятся милостивыми къ своимъ ближнимъ. Эту мысль
именно ап. Іоаннъ Богословъ передаетъ такъ: „Любовь *позна-
ли* мы въ томъ, что Онъ положилъ за насъ душу Свою: и мы
должны полагать души свои за братьевъ“ (1 Іоан 3, 16).
„Любовь Божія къ намъ открылась въ томъ, что Богъ послалъ
въ міръ Единороднаго Сына Своего, чтобы мы получили жизнь
черезъ Него. Въ томъ любовь, что не мы возлюбили Бога, но
Онъ возлюбилъ насъ и послалъ Сына Своего въ *умилостив-
леніе* за грѣхи наши“ (1 Іоан. 4, 9. 10). Наконецъ, почему въ
пятой заповѣди блаженства милость Божія представляется
какъ нѣчто *будущее*,—это понятно само собою: здѣсь, какъ мы
видѣли уже, подъ милостью Божіею нужно разумѣть не только
вообще проявленіе любви Божіей къ людямъ, но въ частности—
помилованіе грѣшниковъ, прощеніе ихъ грѣховъ или оправда-
ніе; а совершенное прощеніе грѣховъ, совершенное помилова-
ніе люди получаютъ дѣйствительно въ *будущемъ*, въ жизни вѣч-
ной, по ту сторону гроба.

О видахъ христіанской благотворительности мы будемъ го-
ворить тогда, когда будемъ излагать наставленіе Спасителя о
томъ, какъ христіанинъ долженъ творить милостыню.

Свящ. Т. Бушкевичъ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Bibl. Comment. B. 1, стр. 205.

Библиографическая замѣтка.

Иллюстрированный журналъ „Плодоводство“. Органъ
Россійскаго Общества Плодоводства. 1890—1892 г.г.
С.П.Б.

Въ № 12 журнала «Вѣра и Разумъ» за н. г., въ епархіальномъ листкѣ, напечатанъ «Совѣтъ Преосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, духовенству Харьковской епархіи». Совѣтъ вызванъ былъ слѣдующимъ обстоятельствомъ. Почетный Предсѣтель «Общества Плодоводства» Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Михайловичъ изволилъ обратиться къ преосвященному Амвросію съ письмомъ, въ которомъ, между прочимъ, выражаетъ желаніе, чтобы «сельскіе священники стали учителями плодоводства и садоводства въ тѣхъ многочисленныхъ начальныхъ школахъ, гдѣ уже введено обученіе этому дѣлу и вліяли бы на увеличеніе числа такихъ школъ, предполагая, что это обстоятельство способствовало бы расширенію и упроченію благотворительнаго вліянія духовенства на населеніе и содѣйствовало бы благосостоянію самаго народа. Совершенно раздѣляя эти воззрѣнія на значеніе плодоводства въ народномъ быту и на пользу, какую въ этомъ отношеніи можетъ принести народу примѣръ и содѣйствіе духовенства, преосвященный приглашаетъ священно-церковнослужителей Харьковской епархіи войти въ сношеніе съ Обществомъ и принять участіе въ его дѣятельности. Преосвященный не сомнѣвается, что участіе духовенства въ этомъ дѣлѣ можетъ быть весьма полезнымъ и для собственнаго садоводства духовенства и

для содѣйствія въ немъ народу. Проникнутый живымъ интересомъ къ этому дѣлу, преосвященный просилъ Его Высочество рекомендовать его Обществу въ число пожизненныхъ членовъ, не смотря на то, что онъ не имѣетъ своего сада и по роду своего служенія не можетъ раздѣлять трудовъ Общества; а въ то же время предлагаетъ и духовенству Харьковской епархіи поступать въ дѣйствительные члены Общества или въ члены сотрудники, выписывать очень интересный журналъ Общества и вообще относиться къ нему по всѣмъ вопросамъ по плодородству. Архипастырскія сужденія преосвященнаго и собственный его авторитетный примѣръ не требуютъ какихъ либо разъясненій; они достаточно ясно и убѣдительно говорятъ сами за себя. Но мы хотѣли бы обратить вниманіе нашихъ читателей на ту форму рѣчи, съ которою преосвященный обращается къ духовенству своей епархіи. Форма эта есть совѣтъ. Преосвященный обращается къ духовенству своей епархіи не съ пачальническимъ или іерархическимъ распоряженіемъ, а только съ отеческимъ, дружественнымъ и благожелательнымъ совѣтомъ. Именно на эту сторону дѣла мы и обращаемъ вниманіе нашихъ читателей.

Ближайшаго разъясненія этой формы надобно искать въ томъ обстоятельстве, что среди духовенства вообще распространено воззрѣніе на его хозяйствованіе, какъ на какое то сверхъ-должное дѣло, которое однакоже не можетъ быть вѣняемо ему ни въ достоинство, ни въ заслугу, ни въ похвалу. Тѣмъ не менѣе воззрѣніе это должно быть сильно ограничено и его никакъ нельзя называть правильнымъ. Конечно, никто не станетъ отвергать, что удовлетвореніе религіозно-нравственнымъ потребностямъ прихожанъ должно составлять главный предметъ дѣятельности приходскаго пастыря, но было бы большою ошибкою ограничивать эту дѣятельность исполненіемъ однихъ лишь церковныхъ требъ. Священно-и-церковно-служители призываются прежде всего служить церковнымъ нуждамъ прихожанъ; но по своему образованію и своему развитію они не только могутъ, но и должны оказывать доброе и полезное вліяніе на народъ и въ гражданскомъ или быто-

вомъ отношеніи. Ихъ заботливость въ этомъ послѣднемъ отношеніи не только можетъ не отклонять ихъ отъ главной цѣли ихъ дѣятельности, т. е. отъ нравственно-религіознаго возвышенія жизни своихъ прихожанъ; но можетъ еще и укрѣплять ихъ нравственную связь съ прихожанами и упрочивать ихъ авторитетъ въ глазахъ народа. А между тѣмъ неблагопріятныя историческія условія, а частію одностороннія аскетическія мнѣнія способствовали развитію противоположныхъ убѣжденій и вызвали то явленіе, что интересы общественной и бытовой жизни прихожанъ не достаточно ясно сознаются не только въ средѣ нашего сельскаго духовенства, но и окружающаго его общества вообще. Боятся, чтобы заботы духовенства, направленные въ эту сторону жизни, не произвели уцербъ въ дѣлѣ внутренняго обновленія членовъ духовенства, не унижали бы его санъ и не довели бы его до религіознаго загроубнѣя, особенно при извѣстной преданности этому дѣлу ¹⁾. Съ подобными опасеніями можно встрѣчаться довольно часто: но съ наибольшою ясностію они формулированы въ слѣдующихъ словахъ г. Пѣвницкаго, хотя съ значительнымъ смягченіемъ и ограниченіемъ: «Памъ кажется, говорить почтенный писатель, не практичною, если не прямо опасною, самая мысль расположить священника къ услепленному занятію сельскимъ хозяйствомъ и побудить его идти впередъ другихъ въ этомъ дѣлѣ. Священникъ *можетъ* заниматься сельскимъ хозяйствомъ, не унижая своего сана (*только можетъ? не бываютъ ли случаи, когда онъ даже долженъ это дѣлать?*). Но дѣлать его экономомъ, спеціалистомъ по агрономіи—преувеличеніе, могущее вести къ вреднымъ для пастырскаго служенія послѣдствіямъ. При извѣстной преданности этому дѣлу онъ можетъ дойти до религіознаго загроубнѣя. Мы представляемъ, что священникъ первѣе всего долженъ быть носителемъ высшихъ идей и служителемъ духа. А при увлеченіи агрономическими интересами въ той мѣрѣ, въ какой оно возможно и позволительно для помѣщиковъ, полагающихъ,

¹⁾ См. «Шисья по православно-пастырскому Богословію въ 4-хъ частяхъ, 1872 г. Изд. 2-е. Ч. IV, стр. 85—86.

такъ сказать, всю душу въ сельское хозяйство, или для арендаторовъ чужихъ имѣній съ цѣлю извлеченія изъ нихъ наибольшаго дохода,—его религіозно-идеальное настроеніе можетъ быть подавлено матеріально-промышленнымъ духомъ, какому тогда онъ невольно поддается¹⁾.

Конечно, дурно было бы, если бы священникъ или даже церковно-служитель увлекался агрономическими интересами въ той мѣрѣ, въ какой это возможно или дозвоительно сельскому хозяину вообще и пренебрегши прямыми своими обязанностями, превратился бы въ эконома, арендатора или агронома; это было бы явнымъ нарушеніемъ прямыхъ его обязанностей,—эгоистическимъ, своекорыстнымъ и грубымъ преслѣдованіемъ однихъ лишь личныхъ интересовъ. Но что было бы дурнаго, если бы священникъ или церковно-служитель, въ точности исполняя свои церковныя обязанности, свободное время посвящать на усиленное занятіе сельскимъ хозяйствомъ и постарался бы идти впередъ другихъ въ этомъ дѣлѣ? Ужели это помѣшало бы священно-и-церковно-служителю быть прежде всего носителемъ высшихъ идей и служителемъ духа? Мы не можемъ этого думать! Что же касается религіознаго загроубнѣнія и подавленія религіозно-правственнаго настроенія матеріально-промышленнымъ духомъ, о чемъ тоже говорить намъ писатель: то все это не соединено непременно съ общеполезнымъ и производительнымъ родомъ занятій и условливается несомнѣнно многими сторонними причинами. Въ наше время плотничество и изготовленіе палатокъ признаются занятіями грубыми. И однакоже Богочеловѣкъ, помогая минимому отцу своему Іосифу въ древодѣліи, съ постепеннымъ возрастаніемъ преуспѣвалъ премудростію и благодатію у Бога и людей. Ап. Павелъ изготовленіемъ палатокъ не только содержалъ себя самого, но и помогалъ другимъ, и въ тоже время былъ боговдохновеннымъ проповѣдникомъ Христова ученія и строителемъ тайнъ Божіихъ. Да и вообще въ первенствующія времена христіанства сельско-хозяйствен-

¹⁾ См. его «Священникъ». Приготовленіе къ священству и жизнь священника. Кіевъ. 1885 г. Стр. 217.

нымъ занятіямъ посвящали свое свободное время и высшіе настыри, и многіе св. мужи, и достигали высокихъ степеней святости. Отсюда мы вправе заключить, что успешными сельско-хозяйственными занятіями, при вѣрности настырскому призванію, не ведутъ еще непременно къ религіозному заглубленію и къ потерѣ реанигіозно-правственного настроенія. — Все дѣло зависитъ отъ настырскаго благоразумія и настырской предусмотрительности. — Въ подтвержденіе своихъ предостерегательныхъ мнѣній о сельско-хозяйственныхъ занятіяхъ, нашъ почтенный писатель ссылается еще на прежній семинарскій опытъ и признаетъ ошибочною мѣрою то, что у насъ, въ не такъ давніе годы, хотѣли сдѣлать изъ священниковъ какихъ-то специалистовъ-агрономовъ (*будто-бы?*) и включили было въ число обязательныхъ предметовъ преподаванія въ семинаріи сельское хозяйство, которое и значилось въ семинарской программѣ не одинъ десятокъ лѣтъ. Надѣялись, говоритъ онъ, что будущіе священники, познакомявшись въ школахъ съ усовершенствованными способами веденія сельскаго хозяйства, по поступленіи на мѣсто, и сами станутъ больше получать дохода съ своего участка земли, а вмѣстѣ съ тѣмъ послужатъ поучительнымъ примѣромъ рациональнаго веденія сельскаго хозяйства и для крестьянъ¹⁾. Ссылка писателя на прежній семинарскій опытъ ничего однакоже не доказываетъ. Что было дурного или непрактичнаго въ этой мѣрѣ? Священники не сдѣлались отъ этого учеными агрономами; они несколько не способствовали распространенію сельско-хозяйственныхъ знаній среди своихъ прихожанъ. Это правда. Но причемъ же здѣсь самая мѣра? Известно, что самая наилучшая мѣра можетъ оказаться дурной и непрактичной при плохомъ и неумѣломъ осуществленіи ея на опытѣ. Именно это и происходило съ преподаваніемъ сельскаго хозяйства въ семинаріяхъ. Во всякомъ случаѣ вѣрно то, что воспитанники семинаріи выносили изъ школы болѣе, чѣмъ скудные свѣдѣнія по сельскому хозяйству, но не потому, что будто бы въ школахъ ихъ отвлекали отъ занятія сельскимъ хозяйствомъ другіе предметы, изученіе которыхъ

¹⁾ Священникъ, *тамъ-же*, 215—216.

было болѣе необходимо для достойнаго прохожденія пастырскаго служенія. Совершенно итътъ! Иппуцій эти строки самъ изучалъ сельское хозяйство въ подобной школѣ; онъ потратилъ много на это времени; онъ изучалъ физиологию растений, химическій составъ почвы, различныя заграничныя способы удобренія земли и т. п., его дѣйствительно готовили сдѣлать какимъ-то агрономомъ; но уви, его не познакомили съ самыми простыми, практическими приемами веденія сельскаго хозяйства; а потому его теоретическія свѣдѣнія, не провѣренныя и не закрѣпленныя въ сознаніи нагляднымъ опытомъ, оказались случайнымъ балластомъ, совершенно не нужнымъ въ практической жизни. Дѣло въ томъ, что самое преподаваніе сельско-хозяйственныхъ знаній велось въ семинаріяхъ совершенно неправильно, теоретично, формально; и самому усердному ученику оно не давало никакихъ практическихъ свѣдѣній, а потому оставалось безполезнымъ. Иппуцій эти строки былъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ по семинарскому сельскому хозяйству, т. е. онъ усердно зубрилъ записки своего учителя; но онъ не вынесъ изъ нихъ никакихъ практическихъ сельско-хозяйственныхъ свѣдѣній. Времени было потрачено много, но совершенно непроизводительно. Само собою разумѣется, что подобный ученикъ и въ жизни, по выходѣ изъ школы не могъ разумно сосредоточиться на сельско-хозяйственныхъ заботахъ, какъ этого можно было ожидать и даже требовать отъ человѣка, прошедшаго полный курсъ сельскаго хозяйства, хотя и не считающаго его входящимъ въ кругъ прямыхъ его обязанностей.

Г. Иппуцкій говоритъ, что какъ ни естественно, при настоящемъ порядкѣ вещей, нашему сельскому священнику заниматься сельскимъ хозяйствомъ,—но оно не составляетъ для него *необходимости*, и хорошее веденіе своего сельскаго хозяйства не можетъ служить къ возвышенію его пастырскаго авторитета. Въ доказательство своего мнѣнія, онъ ссылается на то, что можно быть отличнымъ священникомъ, всецѣло преданнымъ благу своей паствы, и въ то же время мало заниматься хозяйствомъ или вовсе не заниматься имъ. Остановимся на этомъ мнѣніи. Спросимъ себя:

о какой *необходимости* для священника заниматься сельским хозяйствомъ, говоритъ г. Пѣвницкій? Если смотрѣть на сельское священническое хозяйствованіе, исключительно какъ на подспорье въ приобрѣтеніи средствъ содержанія; то, конечно, въ этомъ нельзя видѣть прямой необходимости, и сельское хозяйство для священника всегда будетъ представляться занятіемъ побочнымъ. Коль скоро священникъ, въ виду своего достаточнаго обезпеченія, можетъ обойтись безъ излишнихъ подобныхъ заботъ: то онъ можетъ освободить себя отъ сельско-хозяйственныхъ занятій, наполняя свободное время какимъ-либо инымъ полезнымъ дѣломъ; за это никто не осудитъ его и отъ этого несколько не пострадаетъ его пастырское служеніе, къ которому призываетъ его церковь. Но кромѣ измѣренія всего и всѣхъ обстоятельствъ жизни личными потребностями и личными интересами, у пастыря можетъ быть и должна быть и другая точка зрѣнія. Эта точка зрѣнія—общегражданская. Ее нельзя назвать юридически—обязательною, т. е. непосредственно входящею въ кругъ его пастырскихъ обязанностей; тѣмъ не менѣе она подсказывается общегражданскою совѣтію и даже, не усумнимся сказать, христіанскою любовію, если только вѣрно то, что великія христіанскія начала должны быть проводимы въ самыя отдаленныя области общественной жизни, разрушая въ народѣ дурной окаменѣвшій строй привычекъ и знакомя его съ новыми, лучшими формами общежитія. Намъ кажется, что заботы пастыря въ этомъ отношеніи не только не могутъ отклонять его отъ главной цѣли его служенія, т. е. отъ нравственно-религіознаго возвышенія жизни своихъ прихожанъ, но еще помогутъ ему при достиженіи этой цѣли. Съ одной стороны, онъ представитъ его внимательнымъ и благожелательнымъ къ интересамъ и условіямъ бытовой и гражданской жизни своихъ прихожанъ, а съ другой—введутъ его въ большее общеніе съ лицами, ему вѣренными, дадутъ ему возможность оказывать на нихъ болѣе сильное и болѣе широкое вліяніе и такимъ образомъ приобрѣтутъ ему большее довѣріе и упрочатъ его авторитетъ. У насъ привыкли думать, что въ кругъ прямыхъ обязанностей пастыря не входитъ руководство-

ваніе пасомыхъ по благоустроенію ихъ вишняго быта и забота о благосостояніи ихъ не касается его. Но это ошибка, распространенная и закрѣпленная дурными условіями прежней исторической жизни. Во всякомъ случаѣ, не было ли бы полезнымъ для самаго пастырскаго служенія, если бы сельскій пастырь, обладая лучшими и, такъ сказать, передовыми знаніями въ той или другой сельско-хозяйственной отрасли, старался и словомъ и собственнымъ примѣромъ помогать своимъ прихожанамъ въ дѣлѣ пріобрѣтенія ими полезныхъ знаній, усвоенія производительныхъ навыковъ, охраненія и развитія сельско-хозяйственной производительности, плодородія и т. п. Не послужитъ ли онъ этимъ благу своего прихода и не возвыситъ ли даже свой пастырскій авторитетъ въ глазахъ народа? Конечно все это не узаконяется формальными или каноническими постановленіями. Это правда. Но повторяемъ, все это подсказывается или внушается состраданіемъ къ простотѣ народной и къ ея неразумію; все это можетъ благотворно дѣйствовать на бытовые условія нашего простолюдинъ, смягчая и облагораживая его трудъ и пріучая его къ разумному и осмысленному дѣланію на своемъ клочкѣ земли. Именно въ этой области усердіе, опытность и благоразуміе пастыря могутъ исправлять старую рутинную дѣятельность народа и направлять его силы на трудъ новый, усиленный и усовершенствованный, а потому могущій вносить въ его жизнь вѣяніе новаго духа, — духа разумности и осмысленности, мѣры и порядка. Прекрасно рассуждаетъ объ этомъ одинъ изъ сотрудниковъ журнала «Плодоводство», говоря, что съ помощію возбужденія въ народѣ любви къ плодоводству, многое можетъ быть исправлено, нравственное настроеніе окрѣпнетъ, сравнительное благосостояніе станетъ обезпечено и сознательный трудъ будетъ болѣе продуктивенъ. Но вызывая въ народѣ любовь къ плодоводству, именно въ этой области надобно поступать умѣло, надобно оживлять нравственные инстинкты во имя творчества, свободы, любви и правды; принудительныя же мѣры здѣсь безуспѣшны. Почему же? Потому что садъ не манежъ, въ которомъ слѣдуетъ подбирать поводыя; въ немъ глав-

ную роль играютъ творчество, поэзія, любовь; и хотя при этомъ не исключаются экономическіе расчеты, но эти расчеты никогда не должны приводить къ забвенію болѣе обширныхъ задачъ плододоведства, въ которыхъ главнымъ образомъ и лежитъ его великое социальное и государственное значеніе¹⁾. И вотъ почему Высокопреосвященный Амвросій не только самъ выражаетъ глубокое сочувствіе къ Россійскому Обществу Плододоведства и становится пожизненнымъ членомъ его: но и предлагаетъ духовенству своей епархіи поступать въ дѣйствительныя члены Общества или въ члены сотрудники, пользоваться его трудами и наставленіями и вообще относиться къ нему по всемъ вопросамъ по плододоведству. Вместе съ этимъ Высокопреосвященный преподаетъ духовенству своей епархіи отеческій, дружественный и благожелательный совѣтъ. И намъ кажется, что совѣтъ его имѣетъ въ высокой степени важное значеніе именно для нашего времени.

Извѣстно, въ какомъ упадкѣ находится наше сельское хозяйство вообще, и плододоведство и садоводство въ частности; но въ настоящее время не только въ нашей литературѣ, но и въ высшихъ правительственныхъ сферахъ сильно озабочены мыслию поднять народное благосостояніе при посредствѣ распространенія сельско-хозяйственныхъ знаній. Частныя лица, спеціальныя общества и земства стараются прійти на помощь народу въ этомъ отношеніи; министерство народного просвѣщенія надѣется достигнуть этого посредствомъ привлеченія къ этому дѣлу начальной народной школы; съ этою же цѣлію и земства во многихъ мѣстахъ открываютъ лѣтніе курсы для народныхъ учителей въ видахъ ознакомленія послѣднихъ съ различными отраслями сельско-хозяйственныхъ знаній. Теперь ясно сознанъ мысль, что обученіе крестьянъ садоводству и въ особенности плододоведству въ мѣстностяхъ, гдѣ тому способствуютъ климатическія и другія условія, можетъ служить однимъ изъ важныхъ источниковъ общественнаго благосостоянія и нравственнаго возвышенія народа. И вотъ то тамъ, то здѣсь стали появляться попытки

¹⁾ «Мысли объ этикѣ плододоведства». См. ж. «Плододоведство», 1892 г. № 7. Стр. 377 и 378.

познакомить народъ съ лучшимъ веденіемъ дѣла, реализовать новыя знанія по плодоводству на опытѣ, сдѣлать ихъ распространенными въ народѣ. Какъ же прививается эта прекрасная мысль на опытѣ? Мы не впадемъ въ преувеличеніе, если скажемъ — слабо и неудовлетворительно, и это имѣетъ свои причины. Извѣстно, что ни въ духовныхъ, ни въ учительскихъ семинаріяхъ преподаванія сельскаго хозяйства не существуетъ, равно какъ въ нихъ не преподается ни садоводство, ни плодоводство. И вотъ стали прибѣгать къ помощи дѣтнихъ курсовъ по этимъ предметамъ, слушать которые собираются не многіе учителя. Но эти курсы, по необходимости, бываютъ и кратки, и даже теоретичны, въ особенности въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ ни образцовыхъ хозяйствъ, ни садовыхъ и плодовыхъ фермъ, не говоря уже о томъ, что условія для работъ на непродолжительныхъ курсахъ не всегда бываютъ благоприятны по климатическимъ и другимъ причинамъ. Курсы плодоводства и огородничества — дѣло новое и несомнѣнно могутъ имѣть будущность: но только тогда, когда будутъ устроены на болѣе широкихъ и рациональныхъ основаніяхъ. Но еще безотраднѣе дѣло обстоятъ съ народомъ. Его косность и инертность въ этомъ отношеніи поразительны; газеты, напримѣръ, говорятъ, что прошлую зимою на одномъ изъ засѣданій полтавскаго общества сельскаго хозяйства докладывалось, что мѣстное населеніе отнеслось вообще холодно къ школьнымъ занятіямъ по садоводству и было много случаевъ, что крестьяне, не придавая никакой цѣны этимъ занятіямъ, встрѣчаютъ ихъ на первыхъ порахъ отрицательно и даже враждебно, какъ пустую затѣю и бесполезную трату времени. Очевидно, что густая тѣма рутинны и косности съ трудомъ пропускаетъ свѣтлый лучъ знаній и практическаго примѣненія ихъ. Безъ сомнѣнія, надобно надѣяться, что народная школа раньше или позже, если только искренно отдастся этому дѣлу, пробьетъ наконецъ рутину невѣжества и косности и сдѣлаетъ народъ болѣе способнымъ къ усвоенію себѣ полезныхъ знаній, особенно если примѣненіе этихъ знаній будетъ сопровождаться несомнѣнными сельско-хозяйственными выгодами. Но когда это бу-

дѣть, и много ли могутъ сдѣлать наши сельскіе учителя, представленные самимъ себѣ? Настолько ли силенъ въ народѣ ихъ авторитетъ, чтобы однимъ этимъ авторитетомъ можно было ограничиться въ столь важномъ и полезномъ дѣлѣ? Совершенно иное дѣло было бы, если бы на помощь сельскимъ учителямъ пришли священники и церковно-служители. Не только по своему большому развитію, но и по своему большому авторитету въ народѣ они могли бы оказать отечественному садоводству и вообще плодоводству неопцнпмую услугу. Правда и теперь, по свидѣтельству журнала «Плодоводство», въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи, въ особенности въ западныхъ губерніяхъ, можно встрѣчать любителей-священниковъ, которые оказываютъ просвѣтителное вліяніе на народъ въ этомъ отношеніи, и дѣятельность ихъ производитъ самое отрадное впечатаніе. Журналъ, напримѣръ, говоритъ, что и теперь можно встрѣчать церковные погосты, обсаженные рябиной, сборъ съ которой идетъ на нужды церковныя. Доброе начинаніе это всецѣло принадлежитъ духовенству. Въ Чигиринскомъ уѣздѣ, напримѣръ, въ селеніи Малыя Вирки, вслѣдствіе истребленія лѣсовъ, оголились поля и появился смучій песокъ, который при вѣтрѣ сталъ засыпать крестьянскіе дома; священникъ показалъ примѣръ и убѣдилъ крестьянъ сажать шелюгу, послѣ чего пески были оставлены.—Но все же подобные примѣры случайны, спорадичны; здѣсь нѣтъ еще со стороны духовенства полного сближенія съ окружающею сельско-хозяйственною средою и возбужденія въ ней довѣрія къ себѣ, а главное здѣсь нѣтъ привлеченія дѣтей своей школы къ участію въ работахъ въ огородѣ, плодовомъ саду, которое такъ усиливаетъ воспитательное вліяніе на питомцевъ школы. А между тѣмъ именно это вліяніе дороже всего; именно оно и желательно со стороны сельскаго духовенства. И что особенно важно, священникъ можетъ достигать подобныхъ воспитательныхъ результатовъ безъ особенныхъ затратъ, одною лишь силою пастырскаго вліянія и благожелательной любви къ прихожанамъ. Надобно только, чтобы его авторитетъ въ этомъ отношеніи основывался на дѣйствительномъ знаніи и былъ чуждъ косности и ру-

тины. Въ томъ же журналѣ г. Осиповъ рассказываетъ слѣдующій замѣчательный фактъ изъ жизни о. Піотровскаго, ксендза Виленской губерніи, Троковского уѣзда, въ приходѣ Дауги. «Поедая, говоритъ онъ, въ 70-хъ годахъ о. Піотровскаго какъ любитель садоводства, я спрашивалъ его: какими мѣрами онъ достигаетъ того, что въ его приходѣ крестьяне разводятъ деревья и сады? На это почтенный ксендзъ мнѣ отвѣчалъ, что онъ дастъ мнѣ возможность видѣть эти мѣры лично. Въ квартиру настоятеля были приглашены крестьяне «молодожены», — молодые люди, желавшіе сочетаться бракомъ; по правиламъ католицизма священникъ даетъ разрѣшеніе лишь послѣ того, какъ убѣдится, что молодые знаютъ основанія вѣры. Между другими вопросами, священникъ предложилъ молодымъ вопросъ: есть ли у его дома какое-либо дерево; молодой отвѣчалъ, что есть, но мало; за симъ слѣдовалъ вопросъ: кто посадилъ для него это дерево и что онъ посадитъ для своихъ дѣтей; при этомъ Піотровскій увѣщевалъ посадить, въ память брака, хотя нѣсколько плодовыхъ деревьевъ, обѣщая и свое прямое содѣйствіе. По уходѣ, настоятель мнѣ объяснилъ, что, дѣйствуя убѣжденіемъ и подобными мѣрами, онъ повліялъ на развитіе садоводства между крестьянами; въ особенности онъ указывалъ на то, что всякое такое обѣщаніе будетъ выполнено въ точности, такъ какъ всѣ знаютъ, что онъ прослѣдитъ лично за исполненіемъ обѣщанія» ¹⁾ Повторяемъ подобные примѣры существуютъ и на святой Руси; они извѣстны многимъ и тѣмъ болѣе цѣннымъ, что совершаются по побужденіямъ чисто христіанской любви и общественной благожелательности; но все же этого еще слишкомъ недостаточно. Надобно желать, чтобы наше духовенство могло достигать болѣе обширныхъ и болѣе плодотворныхъ результатовъ въ сельско-хозяйственномъ быту; особенно надобно желать, чтобы ученики церковно-приходскихъ школъ могли выносить изъ школы на столько солидныхъ практическихъ знаній, чтобы потомъ, становясь хозяевами, могли приступать на своихъ участкахъ къ разведенію плодовыхъ садовъ, питомниковъ, огородовъ и т. п. Мы

¹⁾ «Садоводство». 1890 г. № 6—7, стр. 331.

убѣждены, что только такимъ образомъ можетъ увеличиться общее благосостояніе народа и усиливаться пастырскій авторитетъ нашего духовенства. Въ этомъ отношеніи въ высшей степени достоверны мысли Почетнаго Предѣдателя «Общества Плодоводства» Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Михайловича, выраженные въ слѣдующихъ словахъ къ Высокопреосвященному Амвросію: «нѣтъ сомнѣнія, говоритъ Великій Князь, что разумно произведенная посадка хотя бы нѣсколькихъ только плодовыхъ деревьевъ можетъ существенно способствовать улучшенію матеріальнаго быта крестьянина, но гораздо важнѣе то нравственное перерожденіе, какого можно ожидать въ крестьянской средѣ отъ занятій, происходящихъ при дружномъ участіи всей семьи и тѣсно связанныхъ съ домомъ, ежечасно указывающихъ на могущество Всевышняго Создателя и на силу природы, подчиненной человеку. И это «нравственное воздѣйствіе значительно усилится, если инициаторами и руководителями въ дѣлѣ народнаго плодоводства явятся духовные пастыри народа». Во всякомъ случаѣ грустно было бы, если бы столь важная отрасль народнаго благосостоянія, какъ плодоводство, была предоставлена заботливости исключительно учителей начальныхъ народныхъ школъ и если бы священно-и-церковно-служители, тоже призванные быть дѣятелями въ приходскихъ школахъ, оказались не на высотѣ своего призванія. Намъ кажется, что именно наша церковно-приходская школа и ея непосредственные дѣятели должны прежде всего и преимущественно обратить заботливое вниманіе на эту сторону дѣла и отнестись къ нему съ полною серьезностію.

Если это вѣрно, если наше духовенство дѣйствительно призывается къ усиленію сельско-хозяйственныхъ знаній въ народѣ и къ возбужденію его трудолюбія: то въ этомъ отношеніи весьма важную помощь можетъ оказать духовенству иллюстрированный журналъ «Плодоводства». Новѣйшее поколѣніе духовенства весьма мало знакомо съ раціональнымъ веденіемъ сельскаго хозяйства. Конечно, въ русской литературѣ можно найти прекрасныя руководства по сельскому хозяйству и въ частности по плодоводству и соприкасающимся съ нимъ отраслямъ знаній; таковы, напримѣ-

мѣры: „*Русскій огородъ, питомникъ и плодовой садъ*“ г. Шредера; „*Огурцы, дыни, тыквы и арбузы*“ гг. Черноглазова и Кичунова; „*Популярное наставленіе къ русскому плодоводству*“ г. Регеля; „*Общее сельско-хозяйственное растениеводство*“ г. Габерландта и пр. Редакція журнала «Плодоводства» рекомендуетъ подобныя руководства, дѣлаетъ имъ оцѣнку и обязательно принимаетъ на себя высылку всѣхъ подобныхъ книгъ по установленнымъ цѣнамъ для всѣхъ своихъ подписчиковъ и въ особенности дѣлаетъ это по всѣмъ отраслямъ отечественнаго плодоводства и соединенныхъ съ ними знаній. Но никакое руководство не можетъ замѣнить живой и отзывчивый журналъ. Журналъ «Плодоводство» поставилъ себѣ задачей быть живымъ руководителемъ въ дѣлѣ приобрѣтенія практическихъ специальныхъ знаній и осуществленія ихъ на опытѣ; онъ старается помочь читателю реализовать эти знанія въ дѣйствительномъ хозяйствѣ, старается рѣшить его разнообразныя недоумѣнія и преподавать ему добрыя совѣты чисто практическаго характера и вообще заинтересовать его этимъ дѣломъ и познакомить его съ лучшими и наиболѣе практическими методами веденія этого дѣла. Именно эта идея одушевляетъ издателя журнала. Проникнутый этою, чисто практическою идеею плодоводства, редакторъ-издатель г. Рудскій, при выпускѣ первой книги журнала, не предпослалъ своему изданію какой-либо определенной программы, а ограничился лишь размылкою перваго номера своего журнала знатокамъ и любителямъ плодоводства, чтобы каждый изъ нихъ могъ наглядно познакомиться съ его идеею и могъ составить себѣ самостоятельное сужденіе о достоинствахъ и недостаткахъ журнала. Сообразно съ этимъ на журналъ г. Рудскаго нельзя смотрѣть какъ на выполненіе какой-либо определенной программы по той или иной отрасли практическихъ знаній. Скорѣе на него надобно смотрѣть, какъ на весьма цѣнный и весьма полезный сборникъ разнообразныхъ свѣдѣній по практическому плодоводству примѣнительно къ различнымъ климатическимъ условіямъ и къ различнымъ мѣстностямъ нашего обширнаго отечества. Журналъ проникнутъ единствомъ идеи, но эта идея чисто практическаго характера и именно это дѣлаетъ содержаніе

журнала особенно цѣннымъ и даже незамѣнимымъ въ глазахъ каждаго, кто не обладаетъ достаточнымъ опытомъ и достаточными практическими свѣдѣніями по этому предмету.

Журналъ этотъ еще молодъ; онъ издается только третій годъ; но уже затронулъ такую массу вопросовъ по плодоводству и сообщилъ такъ много разнообразныхъ свѣдѣній по своей специальности, что рѣшительно нѣтъ возможности подвести все это подъ какія либо опредѣленныя рубрики и подраздѣленія. Предъ нами лежатъ книжки журнала за всѣ три года, съ самыми разнообразными статьями, замѣчаніями, совѣтами, сужденіями, мнѣніями, отвѣтами и т. п. и мы очень затрудняемся сдѣлать выборъ изъ нихъ, чтобы этимъ путемъ познакомить нашихъ читателей съ главнымъ характеромъ и направленіемъ журнала. Попытаемся однако сдѣлать это на двухъ, трехъ случайныхъ примѣрахъ, занимавшихся изъ журнала.

Въ № 2 журнала «Плодоводства» за 1890 г. въ статьѣ *«Разведеніе плодового сада съ коммерческою цѣлью»*, г. Цивинскій обращается къ хозяевамъ, желающимъ развести у себя садъ, и прежде всего предостерегаетъ ихъ отъ пріобрѣтенія прививокъ изъ садовыхъ заведеній въ отдаленныхъ городахъ Россіи и даже заграничей, а часто и просто на базарахъ. Онъ говоритъ, что прививки яблонь, грушъ, сливъ и вишенъ, купленныя имъ въ Ригѣ, Одессѣ, Орлѣ, Тулѣ и другихъ мѣстностяхъ Россіи, большею частію оказались у него вымерзлыми, потому что были воспитаны на нѣмецкій ладъ. Но не лучше бываетъ и съ заграничными прививками. Онъ говоритъ: «мой сосѣдъ (въ Орловской губерніи), г. Шереметевъ, съ помощію садовника—француза, сразу развелъ садъ на 40 десятинахъ, израсходовавъ на это предпріятіе болѣе 15 тысячъ рублей, но садовникъ, забывъ, что онъ разводитъ садъ не во Франціи, покупалъ прививки большею частію заграничей, да въ южныхъ и западныхъ нашихъ губерніяхъ,—все такъ называемые высоко-культурные сорта, которые и поднесъ такъ усердно навязываютъ намъ наши газетки. И что же вышло? Теперь въ этомъ импровизированномъ саду нашутъ землю и сбьютъ хлѣбъ; впрочемъ, въ назиданіе потомства осталось по краямъ ограды нѣ-

сколько чахлахъ яблонь. Не далѣе какъ въ прошломъ году, продолжалъ онъ же, купецъ Созоновъ, изъ села Сергіева Крапивенскаго уѣзда, выписалъ изъ Риги нѣчто именуемое прививками, а по моему просто вѣхи, посадилъ ихъ, а зимою всѣ они окончательно вымерзли. Такихъ примѣровъ я могъ бы привести множество». Г. Цивинскій говорить еще, что и на базары промышленники вывозятъ этотъ товаръ нисколько не лучший и хотя продаютъ его баснословно дешево, отъ 5 до 10 копѣекъ за прививокъ, но покупателю они обходятся очень дорого, потому что развѣ десятый изъ нихъ примется и окажется сноснымъ сортомъ. Онъ говоритъ такъ же: «многіе, начинающіе разводить у себя садъ, думаютъ, что покупкою готовыхъ прививокъ они скорѣе разведутъ у себя садъ, чѣмъ выращиваніемъ ихъ дома, но они горько ошибаются. Такъ и я думалъ, когда 20 лѣтъ тому назадъ въ одинъ годъ израсходовалъ болѣе тысячи рублей на покупку 3500 прививокъ, изъ которыхъ до настоящаго года только 30 яблонь, а груши, сливы и вишни въ первые же годы рѣшительно всѣ вымерзли». Что же дѣлать при подобныхъ обстоятельствахъ? Какъ избѣжать подобныхъ неудачъ? Г. Цивинскій говоритъ: «чтобы избѣгнуть непроизводительной траты труда, времени и денегъ, я совѣтую всякому, начинающему разводить у себя садъ вновь или расширять уже имѣющіеся сады, завести собственный питомникъ. Дѣло это не такъ трудно, какъ многимъ кажется, стоитъ только захотѣть и полюбить это прекраснѣйшее занятіе, а разъ начало сдѣлано, человѣкъ такъ увлечется, что его постоянно будетъ тянуть въ садъ, чтобы взглянуть на своихъ питомцевъ; знанія же можно пріобрѣсти, какъ по дѣльнымъ руководствамъ, такъ и въ бесѣдѣ съ людьми знающими и опытными» (и въ особенности—прибавимъ отъ себя—посредствомъ чтенія журнала «Плодоводства» и сношенія съ членами Общества Плодоводства). Намъ представляется весьма поучительнымъ слѣдующій рассказъ о себѣ г. Цивинскаго: «когда я, говоритъ онъ, не обладая знаніями по части садоводства, тратилъ зря деньги на покупку прививокъ, то не могъ развести у себя порядочнаго сада даже при помощи садовника, но пріобрѣтя нѣкоторые зна-

нія и опытность, я принялся за дѣло лично, даже безъ садовника, и теперь, съ незначительною затратою денегъ, имѣю три сада,—два въ деревняхъ и одинъ въ г. Мценскѣ. Принялся я за дѣло такъ: обзавелся руководствами по части садоводства, читалъ, извлекалъ изъ нихъ все для меня подходящее, а не нужное откладывалъ въ сторону, собиралъ зернышки отъ съѣдаемыхъ яблокъ и грушъ, высѣвалъ на гряды, въ свое время всходы черезъ годъ пересаживалъ въ питомникъ, и тамъ на третье лѣто окулировалъ; искусству этому я научился первоначально у одного священника, а потомъ, при помощи чтенія разныхъ книгъ, постепенно совершенствовался, ведя рука объ руку теорію съ практикою. На пятомъ году двухлѣтніе прививки пересаживалъ я на опредѣленные для нихъ мѣста, на 8—10 году уже сталъ собирать съ нихъ плоды, а теперь, въ 20-ти-лѣтнемъ возрастѣ, считая со времени посѣва зеренъ, нѣкоторые яблони и груши приносятъ уже въ урожайный годъ до 12 пудовъ плода». Г. Цвинскій говоритъ далѣе: «если кому неудобно или нежелательно выращивать для себя прививки дома, то я совѣтую никогда не покупать прививковъ старше двухлѣтняго возраста, а лучше одно-лѣтніе, не испорченные подрѣзкою нижнихъ сучьевъ: на старомъ дичкѣ прививокъ всегда плохо развивается. Напрасно нѣкоторые думаютъ, что чѣмъ старше прививки они купятъ, тѣмъ скорѣе разведутъ у себя садъ. Одиннадцать лѣтъ тому назадъ, одинъ знакомый мнѣ купецъ, нѣкто Веревитинъ во Мценскѣ, привезъ изъ Орла нѣсколько десятковъ яблоневыхъ прививковъ шестилѣтняго возраста, воспитанныхъ на нѣмецкій ладъ, и теперь изъ его посадки половина оказалась погибшею, а остальные деревья, которымъ уже 17 лѣтъ, растутъ слабо и приносятъ плода мало, потому что мало на нихъ сучьевъ, мои же посадки всѣ на перечетъ принялись, теперь имъ 12 лѣтъ и онѣ уже приносятъ по 2, по 3 пуда яблокъ». Практическій характеръ всѣхъ подобныхъ разсказовъ самъ собою очевиденъ; подобные опыты не только поучительны, но и поощрительны. Послушаемъ еще г. Цвинскаго: «Послѣ первой неудачи, говоритъ онъ, о которой упомянуто выше, я съ 1870 года снова принялся за дѣло, уже

безъ садовника, а съ обыкновенными работниками, которыхъ беру въ садъ только для тяжелыхъ работъ и въ такое время, когда они свободны отъ полевыхъ занятій; такую работу въ расходъ я не ставлю, потому что, все равно, въ междунарье дѣлать нечего, а безъ дѣла они пролежали бы понапрасну; легкія же работы, какъ то: окулировку, очистку деревь отъ суши, подвязку и т. п. я произвожу самъ, иногда съ помощію моихъ дочерей, прикащиковъ, кучеровъ и сторожей, что я тоже не считаю расходомъ, потому что денегъ за это не плачу, и не будь этого дѣла въ саду,—люди и такъ бы проболтались. Словомъ, дѣлается все съ самой строгой экономіей, а деньги затрачиваются только на покупку руководствъ и садовыхъ орудій; израсходывалъ я на садъ не болѣе 100 руб. Имѣя дома выращенные дички, вѣтки и черенки для привоя бралъ я у сосѣдей бесплатно, отъ извѣстныхъ и лучшихъ въ качественномъ отношеніи сортовъ или же мѣнялся съ садоводами изъ дальнихъ мѣстностей Россіи. Говорятъ, нынѣ безъ денегъ ничего нельзя сдѣлать, но относительно коммерческаго садоводства это не всегда оправдывается на дѣлѣ; неумѣлый человѣкъ и съ большими деньгами ничего путнаго тутъ не сдѣлаетъ, а умѣлый да трудолюбивый и безъ денегъ много достигнетъ. Какихъ же результатовъ достигъ нашъ, въ началѣ неумѣлый, а теперь опытный садоводъ? «У меня, говоритъ онъ, сады не равные, не вся площадь одновременно засажена и деревья не одного возраста, за то они отличаются цвѣтущимъ здоровьемъ, и еще чрезъ 10 лѣтъ, если доживу, буду имѣть сады доходные въ полномъ смыслѣ этого слова; я надѣюсь довести доходность Мценскаго сада до 1,000 р. на площади около двухъ десятинъ, что это возможно—доказываетъ примѣръ, имѣющийся въ Мценскѣ. А именно нѣкто г. Ихонтовъ развелъ, на площади съ небольшимъ въ 1 десятину, исключительно одну морель, и въ урожайный годъ получаетъ дохода болѣе 1000 р.». Да и теперь г. Цивинскій, чрезъ 6 лѣтъ своихъ занятій, не только выручилъ съ процентами затраченныя на сады свои всѣ деньги, но по 1889 годъ получилъ чистаго дохода до 3000 р. Приведемъ еще примѣръ, но съ другимъ характеромъ.

Если такъ удобно, такъ легко и прибыльно развитіе садоводства: то спрашивается, почему въ нашей благодатной Малороссіи, которую по климатическимъ и почвеннымъ условіямъ можно бы превратить въ сплошной садъ, однако же плодородство и садоводство находится въ упадкѣ, и сады, какъ говоритъ г. Виридарскій, ¹⁾ среди крестьянскаго населенія такъ рѣдки, что ихъ можно считать единицами, а не сотнями и тысячами? И это въ той Малороссіи, которую еще въ прошломъ столѣтіи путешественники называли сплошнымъ садомъ и въ которой «вишневый садочекъ, яворъ и калина» служили символами сельской поэзіи и тихаго счастья. «Станнымъ и непонятнымъ, говоритъ г. Виридарскій, покажется для поверхностнаго наблюдателя тотъ фактъ, что въ городахъ и мѣстечкахъ, почти при каждомъ болѣе или менѣе зажиточномъ домѣ встрѣчаются садики, отчего дома кажутся издали утопающими въ зелени и представляютъ взору путешественника отрадную картину, сравнительно съ деревней»; между тѣмъ какъ «встрѣтить деревенскіе сады можно только въ усадьбахъ помѣщичьихъ и духовенства, остальное же населеніе вовсе не занимается садоводствомъ, а огородничествомъ, если и занимается, то прінято вообще за правило избѣгать посадки огородныхъ растений, употребляемыхъ въ пищу въ сыромъ видѣ. Капуста, свекла, картофель—вотъ единственные овощи, разводимые въ нашихъ сельскихъ огородахъ». Что же касается фруктовъ и продуктовъ огородничества, то крестьянинъ вынуждается «добывать ихъ на сторону, за деньги, что сопряжено иногда съ большими неудобствами въ особенности въ зимнее время, когда крестьяне буквально живутъ на полѣ, и во весь Успенской постъ—время самой тяжелой полевой работы—питаются исключительно хлѣбомъ и огурцами, хотя и въ остальное время года крестьянскій столъ не слишкомъ то разнообразится, фрукты же для него являются такимъ лакомствомъ, о которомъ не всякій можетъ и мечтать». Очевидно это явленіе неестественное, случайное, ненормальное и «если мы хотя мимоходомъ заглянемъ въ исторію Малороссіи, то увидимъ,

¹⁾ См. его статью въ ж. «Плодоводство»: *Къ вопросу о развитіи плодородства и огородничества среди сельскаго населенія Малороссіи*. 1892 г. № 6.

что садоводство было искони любимымъ занятіемъ малоросса и прежде стояло несравненно выше чѣмъ теперь. Многочисленные и роскошные сады, когда то составлявшіе славу и украшеніе Малороссіи отошли въ вѣчность». Отчего же? Отъ какихъ причинъ зависятъ это? Г. Виридарскій мимоходомъ упоминаетъ о многихъ причинахъ, но главною изъ нихъ считаетъ повальное хищеніе плодовъ, совершающееся однако не общественными подонками, не отпѣтыми ворами, а юными подростками, которые еще не сформировались ни физически, ни нравственно и которые впоследствии, смотря по обстоятельствамъ, или превратятся въ честныхъ тружениковъ или прогрессируя въ пороки, станутъ грозой и бичемъ родной деревни. Г. Виридарскій рисуетъ при этомъ картины удивительныхъ нравовъ, обычаевъ и возрѣній подрастающаго поколѣнія сельскихъ жителей; картины эти тѣмъ болѣе поразительны, что освящаются или авторизуются какимъ то обычнымъ правомъ. Очевидно, здѣсь экономическіе интересы сельскихъ жителей приходятъ въ столкновеніи съ нравственными или правовыми требованіями ихъ жизни. «Кто же долженъ, въ такомъ случаѣ, спрашиваетъ далѣе г. Виридарскій, заботиться о подрастающемъ поколѣніи? Большую услугу могла бы оказать земская народная школа, на обязанности которой, по нашему мнѣнію, всецѣло должна лежать прямая забота о поднятіи нравственного уровня молодого поколѣнія. Но что сказала, что сдѣлала въ этомъ направленіи школа? Ничего» ... Онъ даже приходитъ къ такому заключенію, что «ни семья, ни школа не принимаютъ никакого участія въ томъ, чтобы хоть сколько нибудь внушить учащимся понятія о правѣ собственности, о неприкосновенности чужаго добра и объ уваженіи къ чужому труду. Пока будетъ, продолжаетъ онъ, существовать подобный порядокъ, пока школа не явится нравственною руководительницею молодого поколѣнія, просвѣтительницею темнаго мозга будущаго человѣка, отца и гражданина, мы безсильны что либо сдѣлать въ защиту плодовыхъ садовъ и огородовъ и всѣ благія начинанія къ развитію и поднятію садоводства среди крестьянъ останутся начинаніями и принесутъ не благіе плоды, а лишь горькое разочарованіе». Если это вѣрно, если такова дѣйствительно глав-

ная причина упадка въ Малороссіи садоводства и плодородства: то нельзя не согласиться съ авторомъ, что желая развитіе и поднять среди крестьянъ эту отрасль народнаго хозяйства, необходимо прежде всего озаботиться удаленіемъ тѣхъ причинъ, которыя препятствуютъ правильному развитію и веденію этого дѣла, т. е. надобно дать подрастающему поколѣнію возможность вырабатывать въ себѣ нравственные принципы и вести жизнь болѣе культурную. И вотъ при этомъ со всею силою сказывается безусловная необходимость пастырскаго наставленія, пастырскаго руководства и авторитетнаго веденія церковно-приходской школы. Впрочемъ писатель полагаетъ, что прежде всего необходимо преобразование самой школы, т. е. необходимо ввести въ ней преподаваніе садоводства, обязательное посѣщеніе школы учениками и сокращеніе казшкулярнаго времени; потому что «разъ мы отъ нея требуемъ нравственнаго вліянія на подрастающее поколѣніе,—мы должны предоставить ей возможность дѣйствительно выполнить свое назначеніе стать центромъ средоточія духовной жизни крестьянъ, тѣмъ источникомъ, откуда нашъ селянинъ, лишенный всякой духовной жизни, могъ бы черпать все доброе. практически приимѣнимое въ жизни крестьянъ. Только при такомъ коренномъ измѣненіи школы и возможенъ путь къ прогрессивному развитію сельскаго населенія; лишь съ развитіемъ духовной культуры нашъ крестьянинъ получитъ возможность вырабатывать въ себѣ и болѣе культурную мощь для улучшенія матеріальнаго благосостоянія». Мы не отвергаемъ этого; но прежде всего желаемъ, чтобы наше сельское духовенство приняло въ этомъ отношеніи на помощь сельскимъ жителямъ; что-бы церковно-приходская школа развивала среди нихъ ту духовную культуру и ту культурную мощь, о которыхъ говоритъ нашъ писатель. И надобно ли доказывать, какъ важно и благотворно въ этомъ дѣлѣ можетъ быть вліяніе сельскаго священника, преданнаго благосостоянію своего прихода? Надобно ли говорить, какое важное значеніе при этомъ можетъ и должна имѣть церковно-приходская школа, правильно поставленная и разумно руководимая? Полагаемъ, что это само собою понятно.

Приведенныя нами выдержки изъ журнала «Плодоводство» уже

достаточно показываютъ, какъ намъ кажется, главный характеръ журнала, его задачи, цѣли и направленіе. Но это не все. Мы сказали, что на журналъ надобно смотрѣть, какъ на сборникъ практическихъ совѣтовъ, наставленій, мнѣній и пр., провѣренныхъ наукою и всестороннимъ знаніемъ дѣла. Это въ особенности надобно сказать о засѣданіяхъ членовъ Россійскаго Общества Пчеловодства, гдѣ читаются рефераты, дѣлаются доклады и сообщенія и гдѣ происходитъ обмѣнъ мнѣній по разнымъ отраслямъ спеціальныхъ знаній Общества. Въ засѣданіяхъ обыкновенно рефераты эти, доклады и сообщенія подвергаются всестороннему обсужденію, подпадаютъ такому или иному одобренію или ограниченію и затѣмъ извѣстія объ этомъ печатаются въ журналѣ для общаго свѣдѣнія. Но это же самое надобно сказать и о нѣкоторыхъ журнальныхъ статьяхъ, т. е. и онѣ сопровождаются иногда тѣми или другими поправками, дополненіями и замѣчаніями редакціи. Приведемъ одинъ примѣръ. Въ ноябрьской книжкѣ «Пчеловодство» помѣщена была замѣтка объ отношеніи пчелъ къ пчеловодству. Авторъ замѣтки заявлялъ, что пчелы не только не приносятъ вреда садамъ, но даже оказываютъ имъ пользу, въ особенности благотворно дѣйствуя на оплодотвореніе растений. О. протоіерей І. Эрастовъ не соглашается съ этимъ, и по поводу этой замѣтки, между прочимъ, говоритъ, что у него въ саду въ лѣтнюю пору стоятъ десятки два ульевъ; и такъ какъ прошлое лѣто было сухое и пчеламъ негдѣ было собирать необходимый имъ матеріалъ: то онѣ набросились на фрукты и прежде всего напали на лѣтнія груши, въ особенности на прѣсносладкія. Затѣмъ о. протоіерей продолжаетъ: «не говоря уже о падалицѣ (которая при паденіи получала поврежденіе и, слѣдовательно, доставляла болѣе удобный для пчелъ матеріалъ), даже изъ цѣльныхъ экземпляровъ многіе оказывались на деревѣ съ выдѣленными отверстіями въ серебрянный пятакъ». Правда, начало такихъ поврежденій могли произвести другіе крупные враги нашего пчеловодства,—осы; но и пчелы несомнѣнно продолжали пожирать плоды, надкушенные осами». Въ заключеніе своей замѣтки о. Эрастовъ говоритъ: «мнѣніе о вредности пчелъ у насъ такъ общепринято, что владѣлецъ соседняго съ

моимъ сада, въ виду сильнаго нашествія пчелъ на его виноградникъ, заявилъ требованіе, чтобы я удалилъ своихъ пчелъ изъ сада, а иначе онъ грозилъ мнѣ процессомъ» ¹⁾. Такимъ образомъ можно сказать, что въ журналахъ свободно высказываются разнообразныя сужденія и предлагаются практическіе совѣты, наставленія, предупрежденія и пр., но подъ контролемъ опыта, наблюденія и науки.

Сообщая свѣдѣнія по разнообразнымъ отраслямъ плодоводства, допуская свободный обменъ мнѣній между членами и сотрудниками Общества, журналъ въ то же время слѣдитъ за всѣми новѣйшими улучшеніями и усовершенствованіями въ этой области; онъ не только сообщаетъ о нихъ свѣдѣнія, но и даетъ надлежащую оцѣнку и показываетъ практическую пригодность ихъ при тѣхъ или иныхъ условіяхъ плодоводства. Въ этомъ отношеніи журналъ оказываетъ существенную услугу своимъ читателямъ и рѣшительно не можетъ быть замѣненъ никакими курсами, руководствами и пособиями по этой отрасли знаній. Сошлемся на одинъ фактъ. У насъ можно встрѣтить мѣстности, гдѣ плодоводство ведется почти первобытнымъ способомъ по правиламъ времени Рюрика или, по крайней мѣрѣ, Домостроя,—хотя въ другихъ мѣстахъ оно достигаетъ уже значительныхъ успѣховъ. У насъ, напримѣръ, есть губерніи, гдѣ крестьяне почти круглый годъ не видятъ садовыхъ фруктовъ; но существуютъ нѣкоторые уѣзды, по крайней мѣрѣ на югѣ Россіи, гдѣ сельскіе жители, не находя сбыта своимъ садовымъ продуктамъ, притомъ высокой культуры, не знаютъ, что дѣлать съ ними. Журналъ приходитъ на помощь всѣмъ подобнымъ хозяевамъ. Въ небольшой замѣткѣ подъ названіемъ «Полезный починъ» журналъ рассказываетъ, какъ недалеко отъ нашей границы, одна изъ прусскихъ «уѣздныхъ земсельхъ управъ» устроила заведеніе для приготовленія фруктовыхъ винъ. Въ это заведеніе каждый хозяинъ можетъ приносить свои плоды и получать обратно готовое вино, за уплатою четверти марки (около гривенника) съ пуда фруктовъ. Въ своей замѣткѣ журналъ знакомитъ своихъ читателей съ устройствомъ подобнаго заведенія,

¹⁾ «Плодоводство», 1892, № 5, стр. 242.

подробно рассказываетъ о всѣхъ необходимыхъ приспособленіяхъ для этого устройства и въ заключеніи говоритъ: «изъ сказаннаго видно, что устройство фруктовой винодѣльни обходится весьма недорого, и земства, устроившія у себя заведеніе въ родѣ изображеннаго на нашемъ рисункѣ (журналъ иллюстрируетъ своей практической совѣтъ двумя наглядными рисунками), могли бы, не входя въ крупныя расходы, оказать существенную помощь населенію въ весьма важномъ дѣлѣ переработки плодовъ»¹⁾.—Съ этою же цѣлію, т. е. съ цѣлію ознакомленія съ лучшими и усовершенствованными приемами плодоводства, и даже для устраненія возможныхъ недоумѣній, журналъ открылъ у себя особенную рубрику подъ названіемъ: «Вопросы и отвѣты». Здѣсь сотрудники и читатели журнала предлагаютъ редакціи свои вопросы и недоумѣнія и получаютъ отъ ней такіе или иные отвѣты, разъясненія, совѣты и т. п. Практическая важность этого журнальнаго отдѣла для читателей, знакомящихся съ дѣломъ и встрѣчающихся съ серьезными недоумѣніями, сама собою очевидна. Для пополненія сказаннаго приведемъ нѣсколько вопросовъ, обращенныхъ къ редакціи въ 5 № журнала и. г.—Житель Самарской губерніи г. Рязанцевъ спрашиваетъ редакцію: «1) Куда полезнѣе будетъ раскинуть садъ: ниже, къ сухому мѣстоположенію, или выше, къ озерцу? Въ первомъ случаѣ воды вдоль сада не будетъ, во второмъ же близость озерца и канавы не будутъ ли вредны для плодовыхъ деревьевъ? 2) Какіе сорта плодовыхъ деревьевъ сажать и разводить мнѣ? Нужны сорта, отличающіеся выносливостію, плодовитостію и стойкостію къ вѣтрамъ. У кого такіе вѣрно названные сорта можно купить? 3) На мѣстахъ погибшихъ отъ мороза 15-ти-лѣтнихъ яблонь требуется посадить молодыя 4-лѣтнія яблони; какъ поступить, чтобы послѣднія росли успѣшнѣе? Редакція обязательно даетъ отвѣты на всѣ подобныя вопросы; и разумѣется этими отвѣтами можетъ при случаѣ пользоваться каждый, кто заинтересованъ дѣломъ.—Наконецъ, мы должны замѣтить, что многіе статьи журнала иллюстрированы рисунками, которые даютъ возможность читателю наглядно представить себѣ посадку, уходъ, развитіе и вообще культуру того или другаго растенія,

1) «Плодоводства» 1891 г., № 7—8.

равно какъ улучшеніе, переработку, сохраненіе и вообще утилизированіе его плодовъ.

Мы старались познакомить нашихъ читателей съ журналомъ «Плодоводство», его отличительнымъ характеромъ, направленіемъ, задачами и цѣлями; но разумѣется, мы могли сдѣлать это лишь въ общихъ чертахъ. Отъ души желаемъ, чтобы наше духовенство, призываемое стать во главѣ начальной народной школы и отзывчивое ко всѣмъ жизненнымъ запросамъ этой школы, посредствомъ чтенія журнала само приобрѣло болѣе близкое и болѣе подробное знакомство съ этимъ прекраснымъ и серьезнымъ изданіемъ, и записываясь въ дѣйствительные члены или въ члены-сотрудники Россійскаго Общества Плодоводства, могло бы входить въ непосредственное общеніе съ этимъ Обществомъ. Годовое изданіе журнала стоитъ всего 5 р., что представляется очень недорогимъ, судя по изысцеству изданія и необходимымъ, редакціоннымъ издержкамъ для каждаго иллюстрированнаго изданія; членамъ же и сотрудникамъ Общества, ежегодно вносящимъ по 3 р., журналъ уступается за 2 р. Особенно же мы желаемъ, чтобы наше сельское духовенство обратило серьезное вниманіе на этотъ журналъ. Въ большинствѣ случаевъ духовенство это пользуется удобною церковною землею, которая тоже въ большинствѣ случаевъ не приноситъ и десятой доли той пользы, какую могла бы приносить при рациональномъ и опытномъ веденіи дѣла. Мы увѣрены, что журналъ «Плодоводство» можетъ оказать на наше духовенство просвѣщающее, ободряющее и одушевляющее вліяніе. Преимущественно же наши молодые священно-и-церковно-служители, полные силъ, энергій и надеждъ, по нашему мнѣнію, должны бы внимательно выслушать совѣтъ преосвященнаго Амвросія и полюбить рекомендуемое имъ, полезное во всѣхъ отношеніяхъ и эстетически—прекрасное дѣло. Своимъ внимательнымъ отношеніемъ къ совѣту преосвященнаго и къ самому дѣлу, они могли бы внести много свѣта въ темную сельскую среду, постепенно освобождая ее отъ затвердѣлой инертности, косности и рутинны.

К. И—нъ.

ИЗЯЩНАЯ ЛИТЕРАТУРА и ФИЛОСОФІЯ.

(Продолженіе *).

По философіи Достоевскаго Божество есть синтетическая личность народа. Т. е. идея Бога есть связующее, объединяющее начало народной жизни, начало идеальное, а не реальное, ибо единство народной жизни составляет идеальную цѣль, отъ которой далеко отстоитъ житейская дѣйствительность. Какъ начало связующее народную жизнь, идея Бога выражается во взаимной братской любви, а какъ предметъ вѣры, она состоитъ въ чаяніи грядущаго торжества этой любви и предвкушеніи блаженства, которое должно быть ея послѣдствіемъ. Если любовь величайшее благо, то ненависть — зло. Любовь соединяетъ; ненависть разъединяетъ. Стало быть, все, что ведетъ къ разъединенію людей и взаимной ихъ враждѣ, а тѣмъ паче отрѣшеніе отъ естественной связи съ людьми, удаленіе отъ общества, уединеніе, слѣдуетъ признать зломъ? Но какъ же согласить съ этимъ выводомъ то, что отрѣшеніе отъ міра, удаленіе въ пустыню и жизнь уединенная, всегда признаваемы были высшею христіанскою добродѣтелью? Въ романѣ: *Под-ростокъ*, герой романа (молодой человѣкъ) между прочимъ повѣствуетъ о Макарьѣ Ивановичѣ, бывшемъ дворовомъ человѣкѣ, возлюбившемъ хожденіе по святымъ мѣстамъ. Этотъ Макарь Ивановичъ „очень часто говорилъ о пустынножителствѣ и ставилъ пустыню несравненно выше странствій. Я горячо

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» за 1892 г., № 11.

возражалъ ему (говорить герой романа), напирая на эгоизмъ этихъ людей, бросающихъ міръ и пользу, которую могли бы принести человѣчеству, единственно для эгоистической идеи своего спасенія. Онъ сначала не понималъ, подозрѣвая даже, что и совсѣмъ не понималъ; но пустыню очень защищалъ: „Сначала жалко себя конечно (то есть, когда поселишься въ пустынь),—ну, а потомъ каждый день все больше радуешься, а потомъ уже и Бога узришь“.—Тутъ я развилъ передъ нимъ полную картину полезной дѣятельности ученаго, медика, или вообще друга человѣчества въ мірѣ, и привелъ его въ сущій восторгъ, потому что и самъ говорилъ горячо; онъ поминутно поддакивалъ мнѣ: „такъ милый, такъ, благослови тебя Богъ, по истинѣ мыслишь, но когда я кончилъ, онъ все-таки не совсѣмъ согласился: „такъ то оно такъ, вздохнулъ онъ глубоко: да много ли такихъ, что выдержать и не развлекутся? Деньги хоть не Богъ, а все жъ полбога—великое искушеніе; а тутъ и женскій полъ, а тутъ и сомнѣніе, и зависть. Вотъ дѣло то великое и забудутъ, а займутся маленькимъ. То-ли въ пустынь? *Въ пустынь человекъ укрѣпляетъ себя* даже на всякій подвигъ. Другъ! Да и что въ мірѣ? воскликнулъ онъ съ чрезвычайнымъ чувствомъ: не одна ли токмо мечта? Возьми песочку, да посѣй на камушкѣ; когда желтъ песочекъ у тебя на камушкѣ томъ взойдетъ, тогда и мечта твоя въ мірѣ сбудется,—вотъ какъ у насъ говорится. То-ли у Христа: поди и раздай твое богатство и стань всѣмъ слуга. И станешь богатъ паче прежняго въ безсчетно разъ; ибо не пищею только, не платьями цѣнными, не гордостью и завистью счастливъ будешь, а умножившеюся безсчетно любовью. Ужъ не малое богатство, не сто тысячъ, не милліонъ, а цѣлый міръ приобрѣтешь! Нынѣ безъ сытости собираемъ и съ безуміемъ расточаемъ, а тогда не будетъ ни сиротъ, ни нищихъ, ибо всѣ мои, всѣ родные, всѣхъ приобрѣлъ, всѣхъ до одинаго купилъ! Нынѣ не въ рѣдкость, что и самый богатый и знатный къ числу дней своихъ равнодушенъ, и самъ ужъ не знаетъ, какую забаву выдумать; тогда же дни и часы твои умножатся какъ бы въ тысячу разъ, ибо ни единой минутки потерять не захочешь, а каждую въ веселіи сердца ощутишь. Тогда и премудрость приобрѣтешь не

изъ единыхъ книгъ токмо, а будешь съ самимъ Богомъ, лицомъ къ лицу; и возсіяетъ земля паче солнца, и не будетъ ни печали, ни воздыханія, а лишь единый безцѣнный рай“. (Ч. III, гл. III, отд. II). Въ этихъ словахъ ясно дается понять, что удаленіе отъ міра въ пустыню не только не можетъ считаться дѣломъ противнымъ любви къ человѣчеству, напротивъ, какъ приготовленіе къ какому либо подвигу на пользу человѣчества, особенно же какъ освобожденіе духа отъ всякихъ мелочныхъ, эгоистическихъ увлеченій и привязанностей, есть прямое выраженіе и даже величайшее торжество любви. Любовь безпредѣльна. Могущество ея простирается за предѣлами настоящей жизни. „Знаешь ли ты, говоритъ Макарь Ивановичъ, что есть предѣлъ памяти человѣка на сей землѣ? Предѣлъ памяти человѣку положенъ лишь во сто лѣтъ. Сто лѣтъ, по смерти его, еще могутъ запомнить дѣти его, али внуки его, еще видѣвшіе лицо его, а затѣмъ хоть и можетъ продолжаться память его, но лишь устная, мысленная, ибо прейдутъ всѣ видѣвшіе живой ликъ его. И заростетъ его могилка на кладбищѣ травкой, облупится на ней бѣль-камүшекъ и забудутъ его всѣ люди и самое потомство его, забудутъ потомъ самое имя его, ибо лишь немногіе въ памяти людей остаются—ну и пусть! И пусть забудутъ, милые, а я васъ и изъ могилки люблю. Слышу, дѣточки, голоса ваши веселые, слышу шаги ваши на родныхъ отчихъ могилкахъ въ родительскій день; живите пока на солпышкѣ, радуйтесь, а я за васъ Бога помолю, въ сонномъ видѣніи къ вамъ сойду... все равно и по смерти любовь!“... Тамъ-же, гл. 1, III. И та же самая любовь всю природу, весь міръ, объемлетъ, все въ себѣ заключаетъ: „Заночевали, брате, мы въ полѣ, и проснулся я заутра рано, еще всѣ спали и даже солнышко изъ за лѣса невыглянуло. Восклонился я, милый, главой, обвелъ кругомъ взоръ и вздохнулъ! Красота вездѣ неизрѣченная! Тихо все, воздухъ легкій; травка растетъ—рости травка Божія, птичка поетъ—пой птичка Божія, ребеночекъ у женщины на рукахъ пискнулъ—Господь съ тобой, маленькій человѣчекъ, рости на счастье, младенчикъ! И вотъ точно я въ первый разъ тогда, съ самой жизни моей, *все сіе въ себѣ заключилъ*... Все въ тебѣ, Господи, и я самъ въ Тебѣ и прими меня!“ (Тамъ же).

При такомъ широкомъ пониманіи любви, нетрудно допустить, что во всякомъ положеніи своемъ человѣкъ можетъ ощущать ее въ себѣ. Однакожъ повѣствователь о Макарь Ивановичѣ замѣчаетъ, что *жажда общительности* у него была болѣзненная, а другое лицо говоритъ сверхъ того о томъ же Макарь Ивановичѣ, что онъ „хвалить пустыню съ восторгомъ, но ни въ пустыню, ни въ монастырь ни за что не пойдетъ, потому что въ высшей степени „бродяга“.—„Поэтому главнымъ дѣломъ все же слѣдуетъ признать жизнь въ общеніи съ людьми и для блага людей. Ибо какъ же иначе возможна любовь, въ которой вѣдь заключается и существо религіи и вмѣстѣ основное начало народной жизни, любовь есть *чувство* которымъ освѣщается и оживляется все внутреннее существо человѣка, по вмѣстѣ съ тѣмъ она есть *идея*, т. е. *чувство идеальное*, соединенное съ неудержимымъ искреннимъ влеченіемъ къ чему то высшему, *таинственному*, что представляется для ума лишь въ неопредѣленныхъ, не ясныхъ чертахъ. „Великая мысль—это чаще всего чувство, которое слишкомъ иногда по долгу остается безъ опредѣленія. Знаю только, что это всегда было то, изъ чего истекла живая жизнь, т. е. не умственная и сочиненная, а напротивъ нескудная и *веселая*“ (Подростокъ Ч. 11, гл. 11, 11). Въ характеристикѣ Макара Ивановича между прочимъ сказано, что онъ очень любилъ слово „*веселіе*“ и часто употреблялъ. Слово—*благообразіе* также было у него любимымъ. „Было (у него) веселіе сердца, а потому и благообразіе“.

Чѣмъ сильнѣе у русскаго человѣка природное влеченіе къ общительности, ко благообразію въ союзѣ мира и любви, тѣмъ очевидно невыносимѣе должно быть для него уединеніе, не то добровольное уединеніе, о которомъ выше сказано, а вынужденное,—разобщеніе съ людьми, зависящее отъ обстоятельствъ и условій жизни, преимущественно городской, а наипаче—столличной... Достоевскій любилъ изображать вліяніе на человѣка уединенной, замкнутой жизни. Прежде всего такая жизнь много способствуетъ развитію *мечтательности*. „Есть въ Петербургѣ довольно странные уголки. Въ эти мѣста какъ будто не заглядываетъ то же солнце, которое свѣтитъ для всѣхъ петер-

бургскихъ людей, а заглядываетъ какое-то другое, новое, какъ будто нарочно заказанное для этихъ угловъ, и свѣтитъ на все инымъ, особеннымъ свѣтомъ. Въ этихъ углахъ выживаетъ какъ будто совсѣмъ другая жизнь, непохожая на ту, которая возлѣ насъ кипитъ, а такая которая можетъ быть въ тридцатомъ невѣдомомъ царствѣ, а не у насъ, въ наше серьезное, пресерьезное время. Вотъ эта то жизнь и есть смѣсь чего то чисто фантастическаго, горячо-идеальнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ тускло-прозаичнаго, необыкновеннаго, чтобъ не сказать до невѣроятности пошлаго... Въ этихъ углахъ проживаютъ странные люди—*мечтатели*. Мечтатель—если нужно его подробное опредѣленіе—не человѣкъ, а какое-то существо средняго рода. Селится онъ большею частію гдѣ нибудь въ неприступномъ углу, какъ будто таятся въ немъ даже отъ дневнаго свѣта, и ужъ если заберется къ себѣ, то такъ и прирастетъ къ своему углу какъ улитка... Что ему, сладострастному лѣнвицу, въ той жизни, въ которую намъ такъ хочется съ вами? Онъ думаетъ, что это бѣдная жалкая жизнь, не предугадывая, что и для него, можетъ быть, когда нибудь пробьетъ грустный часъ, когда онъ за одинъ день этой жалкой жизни отдастъ всѣ свои фантастическіе годы... Но покамѣстъ еще не настало оно, это грозное время—онъ ничего не желаетъ, потому что съ нимъ все, потому что онъ пресыщенъ, потому что онъ самъ художникъ своей жизни... Между тѣмъ въ этой фантастической жизни находятъ иногда минуты такой тоски... Потому что (говорить о себѣ такой мечтатель) мнѣ уже начинаетъ казаться въ эти минуты, что я никогда не способенъ начать жить настоящею жизнью, потому что мнѣ уже казалось, что я потерялъ всякій тактъ, всякое чутье въ настоящемъ, дѣйствительномъ; потому что, наконецъ, я проклиналъ самъ себя; потому что послѣ моихъ фантастическихъ ночей, на меня уже находятъ минуты отрезвленія, которыя ужасны! Слышишь какъ кругомъ тебя гремитъ и кружится въ жизненномъ вихрѣ людская толпа; слышишь, видишь какъ живутъ люди—живутъ наяву, видишь, что жизнь для нихъ не заказана, что ихъ жизнь не разлетится какъ сонъ, какъ видѣніе, что ихъ жизнь вѣчно обновляющаяся, вѣчно юная и ни одинъ часъ ея не похожъ на другой, тогда какъ уныла

и до пошлости однообразна пугливая фантазія, раба тѣни, идеи, раба перваго облака, которое внезапно застелетъ солнце и сожметъ тоскою настоящее петербургское сердце, которое такъ дорожить своимъ солнцемъ,—а ужъ въ тоскѣ какая фантазія! Чувствуешь, что она наконецъ устаетъ, истощается въ вѣчномъ напряженіи эта *неистощимая* фантазія, потому что вѣдь умираешь, выживаешь изъ прежнихъ своихъ идеаловъ: они разбиваются въ пыль, въ обломки; если жъ пѣтъ другой жизни, такъ приходится строить ее изъ этихъ же обломковъ. А между тѣмъ чего то другаго просить и хотеть душа! И напрасно мечтатель роется какъ въ золѣ, въ своихъ старыхъ мечтаніяхъ, нища въ этой золѣ хоть какой нибудь искорки, чтобы раздуть ее... ¹⁾

Тоска и пустота душевная не единственное зло, происходящее отъ рабобенности. Это зло еще легко исправимо. Гораздо большимъ и уже непоправимымъ бѣдствіемъ одиночества является уродливое развитіе рефлексіи (сознанія), доходящее до болѣзненности; выражается это болѣзненно утонченное развитіе сознанія во внутреннемъ, непрерывномъ самопожираніи, въ крайне утонченномъ самоистязаніи и происходящей отсюда раздражительности, нищущей себѣ удовольствованія въ нанесеніи другимъ мелочныхъ оскорбленій (только, чтобы досадить) и въ мелкомъ развратѣ. „Я человѣкъ больной (говоритъ изъ такихъ заѣденныхъ одиночествомъ людей)... Я злой человѣкъ. Непривлекательный я человѣкъ... Я былъ злой чиновникъ. Я былъ грубъ и находилъ въ этомъ удовольствіе... Когда къ столу, у котораго я сидѣлъ, подходили бывало просители за справками,—я зубами на нихъ скрежеталъ и чувствовалъ неутолимое наслажденіе, когда удавалось кого-нибудь огорчить. Почти всегда удавалось. Большею частію все былъ народъ робкій: извѣстно—просители. Но знаете ли, господа, въ чемъ состоялъ главный пунктъ моей злости? Да въ томъ то и состояла вся штука, въ томъ то и заключалась наибольшая гадость, что я поминутно, даже въ минуту сильнѣйшей желчи, постыдно сознавалъ въ себѣ, что я не только не злой, но даже и не озлобленный че-

¹⁾ Была ночь. Ночь вторая.

ловѣкъ. Это я навралъ про себя давеча, что я былъ злой чиновникъ. Со злости навралъ. Я поминутно сознавалъ въ себѣ много—премного самыхъ противоположныхъ тому элементовъ. Я чувствовалъ, что они такъ и кипятъ во мнѣ, эти противоположные элементы... Они мучили меня до стыда; до конвульсій меня доводили... Я не только злымъ, но даже и ничѣмъ не сѣмѣлъ сдѣлаться: ни злымъ, ни добрымъ, ни подлецомъ, ни честнымъ, ни героемъ, ни насѣкомымъ. Теперь же доживаю въ своемъ углу, дразня себя злобнымъ и ни къ чему не служащимъ утѣшеніемъ, что умный человѣкъ и не можетъ серьезно чѣмъ-нибудь сдѣлаться, а дѣлается чѣмъ-нибудь только дуракъ. Да-съ, человѣкъ девятнадцатаго столѣтія долженъ и нравственно обязанъ быть существомъ по преимуществу безхарактернымъ; человѣкъ же съ характеромъ, дѣятель,—существомъ по преимуществу ограниченнымъ... Клянусь вамъ, господа, что слишкомъ сознавать, это болѣзнь, настоящая полная болѣзнь. Для человѣческаго обихода слишкомъ было бы достаточно обыкновеннаго человѣческаго сознанія, то есть въ половину, въ четверть меньше той порціи, которая достается на долю развитаго человѣка нашего несчастнаго девятнадцатаго столѣтія и, сверхъ того, имѣющаго сугубое несчастье обитать въ Петербургѣ, самомъ отвлеченномъ и умышленномъ городѣ на всемъ земномъ шарѣ“.

„У людей, умѣющихъ за себя отомстить и вообще за себя постоять,—какъ это, напримѣръ, дѣлается? Вѣдь ихъ какъ обхватить, положимъ, чувство мести, такъ ужъ ничего больше во всемъ ихъ существѣ на это время не останется, кромѣ этого чувства. Такой господинъ такъ и претъ прямо къ цѣли, какъ взбѣсившійся быкъ, наклонивъ внизъ рога, и только развѣ стѣна его останавливаетъ. (Кстати: передъ стѣной такіе господа, т. е. непосредственные люди и дѣятели, искренно пасуютъ. Для нихъ стѣна—не отводъ, какъ, напримѣръ, для насъ, *людей думающихъ*, а слѣдственно ничего не дѣлающихъ; не предложъ воротиться съ дороги, предложъ, въ который намъ брать обыкновенно и самъ не вѣрить, по которому всегда очень радъ. Нѣтъ, они пасуютъ со всею искренностію. Стѣна имѣетъ для нихъ что-то успокоительное, нравственно-разрѣшающее и

окончательное, пожалуй, даже что-то мистическое). Такого-то непосредственного человѣка я и считало настоящим, нормальнымъ человѣкомъ... Я такому человѣку до крайней желчи завидую. Онъ глупъ, по можетъ быть нормальный человѣкъ и долженъ быть глупъ. Если теперь взять антитезу нормального человѣка, т. е. человѣка усиленно сознающаго, выпедшаго не изъ лона природы, а изъ реторты,—то этотъ ретортный человѣкъ до того иногда пасуетъ передъ своимъ антитезомъ, что самъ себя, со всѣмъ своимъ усиленнымъ сознаниемъ, добросовѣстно считаетъ за мышъ, а не за человѣка... Злости то въ ней можетъ еще и больше накопиться, чѣмъ въ *l'homme de la nature et de la verité* (т. е. въ человѣкѣ непосредственномъ); гадкое низкое желаніе воздать обидчику тѣмъ же зломъ, можетъ, еще и гаже скребется въ ней, потому что *l'homme de la nature et de la vérité*, по своей врожденной глупости, считаетъ свое мщеніе справедливостью; а мышъ, вслѣдствіе усиленного сознанія, отрицаетъ тутъ справедливость. Доходитъ наконецъ до самаго акта мщенія. Несчастная мышъ, кромѣ одной первоначальной гадости (желанія мстить), успѣла уже нагородить кругомъ себя, въ видѣ вопросовъ и сомнѣній, столько другихъ гадостей; къ одному вопросу подвела столько неразрѣшенныхъ вопросовъ... что ей остается только махнуть на все своей лапкой и съ улыбкой напускнаго презрѣнія, которому и сама она не вѣрить, постыдно проскользнуть въ свою щелочку. Тамъ она немедленно погружается въ холодую, ядовитую и, главное, въ вѣковѣчную злость... Пожалуй и мстить начнетъ, но какъ-нибудь урывками, мелочами, изъ за печки, инкогнито, не вѣря ни своему праву мстить, ни успѣху своего мщенія, и зная напередъ, что отъ всѣхъ своихъ попытокъ отомстить—сама выстрадаетъ во сто разъ больше того, кому мстить, а тотъ, пожалуй, и не почешется“.

„Повторяю, усиленно повторяю: всѣ непосредственные люди и дѣятели потому и дѣятельны, что они тупы и ограничены. Какъ это объяснить? А вотъ какъ: они, вслѣдствіе своей ограниченности, ближайшія и второстепенныя причины за первоначальныя принимаютъ; такимъ образомъ скорѣе и легче другихъ убѣждаются, что непреложное основаніе своему дѣлу на-

шли, ну и успокаиваются, а вѣдь это главное. Вѣдь, чтобы начать дѣйствовать, нужно быть совершенно успокоеннымъ предварительно и чтобы сомнѣній ужъ никакихъ не оставалось. Ну, а какъ я, напримѣръ, себя успокою? Гдѣ у меня первоначальныя причины, на которыя я упрусь, гдѣ основанія? Откуда я ихъ возьму? *Я упражняюсь въ мысленіи*, а слѣдственно у меня всякая первоначальная причина тотчасъ же тащитъ за собою другую, еще первоначальнѣе и такъ далѣе въ безконечность. *Такова именно сущность всякаго сознанія и мысленія*. Вспомните: давеча я говорилъ о мщеніи. Сказано: человекъ мститъ, потому что находитъ въ этомъ справедливость. Значить, онъ первоначальную причину нашелъ, основаніе нашелъ, а именно: справедливость. Стало быть онъ со всѣхъ сторонъ успокоенъ, слѣдственно и отмщаетъ спокойно... А вѣдь я справедливости тутъ не вижу, добродѣтели тоже никакой не нахожу, а слѣдственно если стану мстить, то развѣ только изъ злости. Злость, конечно, могла бы все пересилить, всѣ мои сомнѣнія... Но что же дѣлать, если у меня и злости нѣтъ. Злоба у меня опять таки, вслѣдствіе этихъ проклятыхъ законовъ сознанія, химическому разложенію подвергается. Смотришь,—предметъ улетучивается, резоны испаряются, виновникъ не отыскивается, обида становится не обидой, а фатумомъ, чѣмъ то въ родѣ зубной боли, въ которой никто не виноватъ¹⁾.

Изъ всего этого разсужденія о человекѣ думающемъ, въ сопоставленіи съ тѣмъ, что выше сказано о мечтателѣ, видно, что Достоевскій не полагалъ, или точнѣе, не видѣлъ никакой существенной разницы между празднымъ мечтателемъ и человекомъ думающимъ. Ему, очевидно, представлялось, что мышленіе то же, что и фантазія, а философствованіе то же, что фантазированіе. По крайней мѣрѣ человекъ думающій у него изображается почти тѣми же чертами, какъ и мечтатель. „Самъ себя приключенія выдумывалъ и *жизнь сочинялъ*, чтобы хоть какъ-нибудь да пожить“. Это сказано о человекѣ думающемъ, или, какъ иначе еще выражается Достоевскій, усиленно сознающемъ. А изображая мечтателя, онъ называетъ фантазію, какъ

1) Записки изъ подполья. Первая часть, подъ заглавіемъ: *Подполье*.

мы видѣли, работою *тѣни, идем*. Такое понятіе о философствованіи, о мышленіи, какъ о праздномъ и пустомъ мечтаніи, свойственно только людямъ практическимъ, въ узкомъ смыслѣ этого слова, т. е., людямъ ограниченнымъ, о которыхъ Достоевскій говоритъ какъ о людяхъ дѣловыхъ. Пофилософствуй, говоритъ Фамусовъ, умъ вскружится; такой же взглядъ на философію выраженъ въ извѣстной баснѣ Хемницера: *Метафизикъ*. Философію у насъ всегда изучали плохо, а осмѣивать философію и философовъ общество давно пріучено,—отчасти самой литературой. Были у насъ и есть теперь плохіе поэты, достойные осмѣянія, но никто не сомнѣвается въ серьезномъ и важномъ значеніи поэзіи какъ искусства. Беллетристика, вообще словесность, у насъ была прежде главнымъ и едва ли не единственнымъ предметомъ изученія въ школахъ, тогда какъ философія подвергалась преслѣдованіямъ и всяческимъ ограниченіямъ. Серьезное образованіе желательно; но вѣдь серьезное образованіе никогда не существовало безъ философіи. „Прямой, законный, непосредственный плодъ сознанія, говоритъ Достоевскій,—это инерція, т. е. сознательное сложа руки сидѣніе“. „О, господа, вѣдь я, можетъ, потому только и считаю себя за умнаго человѣка, что всю жизнь ничего не могъ ни начать, ни окончить“. Это такъ, если принимать фантазію, мышленіе, сознаніе за вещи однопозначущія, тождественныя. Мечтатель, фантазеръ дѣйствительно не способенъ никакого дѣла ни начать, ни окончить, ибо и начавъ какое-нибудь дѣло, испортитъ его. Но было бы странно это же свойство относить и къ человѣку размышляющему; ужели возможно безъ размышленія дѣлать что-нибудь; разумѣется, конечно, настоящее дѣло; Достоевскій разъясняетъ однако, почему думающій человѣкъ неспособенъ ни къ какому дѣлу: для такого человѣка не существуетъ первыхъ причинъ, или основаній. Но это софистическій взглядъ на мышленіе. Софисты полагали, что все можно доказывать и опровергать, и это потому, что какъ для признанія, такъ и для отрицанія чего бы то ни было не существуетъ никакихъ твердыхъ, непреложныхъ основаній. Въ сущности такое же софистическое понятіе о мышленіи мы встрѣчаемъ въ извѣстномъ взглядѣ славянофиловъ на философію (западную), что она, какъ

произведеніе разсудка (раціонализмъ), оказалась годною только на дѣло разрушенія, въ чемъ должна была сознаться будтобы сама же философія. Въ духѣ таковыхъ славянофильскихъ понятій о философіи и мышленіи, Достоевскій въ запискахъ своихъ изъ подполья, изъ которыхъ выше приведены выдержки, развиваетъ далѣе ту мысль, что человѣкъ любитъ хаосъ и разрушеніе не меньше, какъ и созиданіе, что повидимому онъ только для того и созидаетъ (курятникъ, хрустальный дворецъ, т. е. разныя формы общежитія), чтобы созданное разрушить, что одинъ только процессъ созиданія ему и нравится, а самими произведеніями творчества своего онъ нимало не дорожить.

Такъ все же значить человѣкъ думающій различается отъ празднаго мечтателя, различается именно своею склонностію къ разрушенію. И на какія еще дѣла способенъ думающій человѣкъ! Онъ не побоится совершить самое тяжкое преступленіе, если только покажется ему это нужнымъ для его цѣли. Картину того, какимъ образомъ, чисто теоретическимъ путемъ, человѣкъ думающій можетъ дойти до совершенія преступленія, (для чего никакихъ принудительныхъ данныхъ не имѣется ни въ натурѣ преступника, ни въ окружающихъ его условіяхъ),— Достоевскій далъ намъ въ извѣстномъ романѣ: *Преступленіе и наказаніе*. Молодой человѣкъ изъ доброй семьи, горячо любимый своею матерью и сестрой—замѣчательной дѣвушкой, юноша—съ прекрасными задатками, серьезный, искренній и добросердечный, совершаетъ тяжкое преступленіе—убиваетъ двухъ ни въ чемъ неповинныхъ женщинъ; убійство это является исключительно послѣдствіемъ теоріи, которую этотъ молодой человѣкъ надумалъ въ своемъ уединеніи, живя въ темномъ углу, похожемъ на гробъ. Преступленіе, совершенное Раскольниковымъ, ни на что не нужно было ему; хотя онъ и ограбилъ убитую имъ старуху, но ни чѣмъ изъ всего взятаго не воспользовался. Послѣ своего злодѣянія онъ весь былъ поглощенъ мыслью какъ бы скрыть слѣды своего преступленія и какъ нибудь себя не выдать; въ немъ дѣйствовалъ только лишь животный страхъ за свою безопасность, инстинктъ самосохраненія; ему уже не до того было, чтобы изъ похищеннаго имущества сдѣлать какое-либо употребленіе въ свою поль-

зу, тѣмъ болѣе, что не въ этомъ же заключался главный мотивъ преступленія. Но чѣмъ болѣе преступникъ хлопоталъ о томъ, чтобы не быть узнаваемымъ, тѣмъ болѣе выдавалъ себя предъ другими зорко за нимъ наблюдавшими людьми: страхъ не дозволялъ ему быть спокойнымъ и лишилъ его самообладанія; все это приводить къ мысли, что Раскольниковъ былъ лишь жалкимъ орудіемъ крѣпко засѣвшей ему въ голову идеи. „Онъ (т. е. Раскольниковъ) до того углубился въ себя и уединился отъ всѣхъ, что боялся даже всякой встрѣчи, не только встрѣчи съ хозяйкой (которой онъ задолжалъ за квартиру)“. Этотъ страхъ встрѣчи съ хозяйкой его непріятно поразило... „На какое дѣло хочу покуситься и въ то же время какихъ пустяковъ боюсь! подумалъ онъ съ странною улыбкой. Гм... да... все въ рукахъ человѣка, и все то онъ мимо носу проноситъ, единственно отъ одной трусости... Это ужъ аксіома... Любопытно, чего люди больше всего боятся. Новаго шага, новаго собственнаго слова они всего больше боятся... А впрочемъ я слишкомъ много болтаю. Оттого и ничего не дѣлаю, что болтаю. Пожалуй впрочемъ и такъ: оттого болтаю, что ничего не дѣлаю. Это я въ этотъ послѣдній мѣсяцъ выучился болтать, лежа по цѣлымъ суткамъ въ углу и думая... о царѣ Горохѣ“... Вотъ главная бѣда: Раскольниковъ много думаетъ, а кто думаетъ, тотъ ничего не дѣлаетъ и наоборотъ—кто дѣлаетъ, тотъ не думаетъ. „Дура то она дура (хозяйка Раскольниковы), такая же какъ и я, говоритъ Раскольникову Настасья, хозяйкина служанка, а ты что умникъ лежишь какъ мѣшокъ, ничего отъ тебя не видать? Прежде, говоришь, дѣтей учить ходилъ, а теперь пошто ничего не дѣлаешь?—Я дѣлаю... нехотя и сурово проговорилъ Раскольниковъ.—Что дѣлаешь?—Работу...—Какую работу?—*Думаю*, серьезно отвѣтилъ онъ помолчавъ. Настасья такъ и покатиалась со смѣху. Она была изъ смѣшливыхъ...—Денегъ то много чтоль надумалъ.—Безъ сапогъ нельзя дѣтей учить. Да и наплевать. За дѣтей мѣдью платять. Что на копѣйки сдѣлаешь? Продолжалъ онъ съ неохотой, какъ бы отвѣчая собственнымъ мыслямъ.—А тебѣ бы сразу весь капиталъ? Онъ странно посмотрѣлъ на нее.—Да, весь капиталъ, твердо отвѣчалъ онъ помолчавъ.—Ну, ты помаленьку, а то испугаешь; страшно ужъ

очинно". (Часть 1-я, 111). Настасья эта очевидно представительница простого здраваго смысла. Она понимаетъ, что думать и только думать — занятіе пустое, что такимъ занятіемъ денегъ не добудешь; а еще большею пелѣпостью представляется ей мысль—сразу, безъ труда, сдѣлаться важнымъ человекомъ. Посмотримъ же что надумалъ нашъ философъ, чтобы сразу приобрести цѣлый капиталъ. Раскольниковъ соблазнила такая мысль: преступленіе въ сущности есть вещь условная; одно и то же дѣйствіе, напр., убійство, признаваемое преступленіемъ, когда совершается обыкновенными людьми, нѣкоторымъ лицамъ, достигшимъ власти и господства надъ толпою, не вѣняется въ вину. Сколько, напр., Наполеонъ истребилъ людей и однако его не считаютъ убійцей, преступникомъ. „Меня заинтересовала, говоритъ Порфирій (судебный слѣдователь), бесѣдуя съ Раскольниковымъ въ присутствіи его товарища Разумихина,—нѣкоторая мысль, пропущенная въ концѣ вашей статьи, но которую вы къ сожалѣнію проводите только намекомъ, неясно... Однимъ словомъ, если припомните, проводится нѣкоторый намекъ на то, что существуютъ на свѣтѣ, будто бы, нѣкоторыя такія лица, которыя могутъ... то есть не то, что могутъ, а полное право имѣютъ совершать всякія безчинства и преступленія, и что для нихъ будто бы и законъ не писанъ. Раскольниковъ усмѣхнулся усиленному и умышленному искаженію его мысли.—Какъ? Что такое? Право на преступленіе? Но вѣдь не потому что *такая среда*? съ какимъ то даже испугомъ освѣдомился Разумихинъ. Нѣтъ, нѣтъ, не совсѣмъ потому, отвѣтилъ Порфирій. Все дѣло въ томъ, что въ ихней статьѣ, всѣ люди какъ то раздѣляются на обыкновенныхъ и необыкновенныхъ. Обыкновенные должны жить въ послушаніи и не имѣютъ права переступать закона, потому что они, видите ли, обыкновенные. А необыкновенные имѣютъ право дѣлать всякія преступленія и всячески преступать законъ, собственно потому, что они необыкновенные. — Это не совсѣмъ такъ у меня (замѣтилъ Раскольниковъ). Впрочемъ, признаюсь, вы почти вѣрно ее изложили, даже, если хотите, и совершенно вѣрно. Разница единственно въ томъ, что я вовсе не настаиваю, чтобы необыкновенные люди непременно должны и обязаны были творить все-

гда всякія безчинства, какъ вы говорите. Мнѣ кажется даже, что такую статью и въ печать бы не пропустили. Я просто запросто намекнулъ, что необыкновенный человѣкъ имѣетъ право... то есть не официальное право, а самъ имѣетъ право разрѣшить своей совѣсти перешагнуть... черезъ инныя препятствія, и единственно въ томъ только случаѣ, если исполненіе его идеи (иногда спасительной можетъ быть для всего человѣчества) того потребуетъ. По моему, если бы Кеплеровы и Ньютоновы открытія, вслѣдствіе какихъ-нибудь комбинацій, какимъ-нибудь образомъ не могли бы стать извѣстными людямъ иначе какъ съ пожертвованіемъ жизни одного, десяти, ста и такъ далѣе человѣкъ, мѣнавшихъ бы этому открытію, или ставшихъ бы на пути какъ препятствіе, то Ньютонъ имѣлъ бы право, и даже былъ бы обязанъ... *устранить* этихъ десять или сто человѣкъ, чтобы сдѣлать извѣстными свои открытія всему человечеству... Далѣе, помнится мнѣ, я развиваю въ моей статьѣ, что всѣ... ну, напримѣръ, хоть законодатели и установители человечества, начиная съ древнѣйшихъ, продолжая Ликургами, Солонами, Магометами, Наполеонами и такъ далѣе, всѣ до одинаго были преступники, уже тѣмъ однимъ, что давая новый законъ, тѣмъ самымъ нарушали древній, свято чтимый обществомъ и отъ отцовъ перешедшій, и ужь конечно не оставаивались и передъ кровью, если только кровь (иногда совсѣмъ невинная и доблесно пролитая за древній законъ) могла имъ помочь. Замѣчательно даже, что большая часть этихъ благодѣтелей и установителей человечества были особенно страшные кровопроливцы. Однимъ словомъ, я вывожу, что и всѣ, не то что великіе, но и чуть чуть изъ колеи выходящіе люди, то есть, чуть чуть способные сказать что нибудь новенькаго, должны, по природѣ своей, быть непремѣнно преступниками,—болѣе или менѣе разумѣется. Иначе трудно имъ выйти изъ колеи, а оставаться въ колеѣ они, конечно, не могутъ согласиться, опять таки по природѣ своей, а по моему такъ даже и обязаны не соглашаться. Однимъ словомъ, вы видите, что до сихъ поръ, тутъ нѣтъ ничего особенно новаго. Это тысячи разъ было напечатано и прочитано. Что же касается до моего дѣленія людей на обыкновенныхъ и необыкновенныхъ,

то я согласенъ, что оно нѣсколько произвольно, но вѣдь я же на точныхъ цифрахъ и не настаиваю. Я только въ главную мысль мою вѣрю. Она именно состоитъ въ томъ, что люди, по закону природы, раздѣляются, *вообще*, на два разряда: на низшій (обыкновенныхъ), то есть, такъ сказать, на матеріаль, служащій единственно для зарожденія себѣ подобныхъ, и собственно на людей, т. е. имѣющихъ даръ или талантъ сказать въ средѣ своей *новое слово*. Подраздѣленія тутъ, разумѣется, безконечныя, но отличительныя черты обоихъ разрядовъ довольно рѣзкія: первый разрядъ, т. е. матеріаль, говоря вообще, люди по натурѣ своей консервативныя, чинныя, живутъ въ послушаніи и любятъ быть послушными, потому что это ихъ назначеніе, и тутъ рѣшительно нѣтъ ничего для нихъ унижительнаго. Второй разрядъ, всѣ преступаютъ законъ, разрушители, или склонны къ тому, судя по способностямъ. Преступленія этихъ людей, разумѣется, относительны и многоразличны; большею частію они требуютъ, въ весьма разнообразныхъ заявленіяхъ, разрушенія настоящаго во имя лучшаго. Но если ему надо, для своей идеи, перешагнуть хотя бы и черезъ трупъ, черезъ кровь, то онъ внутри себя, по совѣсти, можетъ, по моему, дать себѣ разрѣшеніе перешагнуть черезъ кровь,—смотря впрочемъ по идеѣ и по размѣрамъ ея—это замѣтите. Въ этомъ только смыслъ я и говорю въ моей статьѣ объ ихъ правѣ на преступленіе. Впрочемъ, тревожиться много нечего: масса никогда почти не признаетъ за ними этого права, казнить ихъ и вѣшаетъ и тѣмъ, совершенно справедливо, исполняетъ консервативное свое назначеніе, съ тѣмъ однакожъ, что въ слѣдующихъ поколѣніяхъ эта же масса ставитъ казненныхъ на пьедесталъ и имъ поклоняется. Первый разрядъ всегда—господинъ настоящаго, второй разрядъ—господинъ будущаго. Первые сохраняютъ міръ и приумножаютъ его численно; вторые двигаютъ міръ и ведутъ его къ цѣли. И тѣ, и другіе имѣютъ совершенно одинаковое право существовать. Однимъ словомъ, у меня всѣ равносильное право имѣютъ, и *vive la guerre eternelle*, до новаго Іерусалима разумѣется“. (Ч. III, гл. V).

Вопросъ заключается собственно въ томъ,—есть ли преступленіе зло, т. е. выраженіе злой воли, воли свободной, но злой,

или же оно есть бѣдственная случайность. Что злая воля не существуетъ, ибо человѣкъ по природѣ добръ и что слѣдовательно зло, дѣлаемое человѣкомъ, всегда есть вынужденное, а недобровольно имъ совершаемое,—это можно считать теперь едва ли необщепринятымъ мнѣніемъ, или даже убѣжденіемъ. Допустимъ, что человѣкъ совершаетъ преступленіе только вынуждаемый къ тому необходимостію. Но эта необходимость въ чемъ состоитъ, и гдѣ должно ее искать? Въ самомъ ли человѣкѣ, въ его природѣ, или же внѣ его, въ условіяхъ его существованія, въ окружающей его средѣ? Вопросъ этотъ рѣшается и такъ и иначе. Достоевскій указываетъ въ названномъ своемъ сочиненіи оба эти рѣшенія. „Началось съ возрѣнія соціалистовъ (говоритъ Разумихинъ, товарищъ Раскольниковъ). Извѣстно возрѣніе: преступленіе есть протестъ противъ ненормальности соціальнаго устройства,—и только, и ничего больше, и никакихъ причинъ больше не допускается... Я тебѣ книжки ихнія покажу: все у нихъ потому, что *среда злая* — ничего больше! любимая фраза! Отсюда прямо, что если общество устроить нормально, то разомъ и все преступленія исчезнутъ, такъ какъ не для чего будетъ протестовать и все въ одинъ мигъ станутъ праведными. Натура не берется въ расчетъ, натура изгоняется, натура не полагается!... У нихъ не человѣчество, развившись историческимъ, *живымъ* путемъ до конца, само собою обратится наконецъ въ нормальное общество, а напротивъ соціальная система, выйдя изъ какой нибудь математической головы, тотчасъ же и устроить все человѣчество и въ одинъ мигъ сдѣлаетъ его праведнымъ и безгрѣшнымъ, раньше всякаго живого пути! Оттого-то они такъ инстинктивно и не любятъ исторію: *безобразія они въ ней, да глупости*—и все одною глупостію объясняется. Оттого такъ и не любятъ *живого* процесса жизни: не надо *живой души*! Живая душа жизни требуетъ, живая душа не послушается механики!.. И выходитъ въ результатъ, что все на одну только кладку кирпичиковъ, да на расположеніе корридоровъ и комнатъ въ фаланстерѣ свели! Фаланстера то и готова, да натура то у васъ для фаланстера еще не готова, жизни хочетъ, жизненнаго процесса еще не завершила, рано на кладбище! Съ одной логикой нельзя черезъ натуру перескочить!

Логика предугадываетъ три случая, а ихъ миллионы!" (Тамъ же). Коренной недостатокъ всѣхъ социалистическихъ системъ заключается въ томъ, что онѣ стремятся осуществить невозможное: нельзя человѣческую натуру подчинить напередъ придуманной формулѣ; природа человѣка сама создаетъ нужные для нея формулы. Какъ бы ни была совершенна съ виду формула сочиненная, но какъ сочиненная, она по этому должна быть, по необходимости, лишена жизненности, а слѣдовательно и не можетъ стать дѣйствительнымъ жизненнымъ фактомъ. Если же природа человѣка сама создаетъ нужные для нея жизненные формулы, то и внѣшнія условія существованія, обобщаемыя подъ общимъ именемъ среды, насколько эти условія заключаются въ устройствѣ общества, суть ея дѣло; поэтому и преступленія, хотя бы и зависмы были, по происхожденію, отъ общественнаго устройства, должны быть выводимы и изъясняемы изъ природы человѣка, а не изъ условій ея существованія, въ значительной степени создаваемыхъ ею же самою.

Но полагая главное условіе, дѣлающее возможнымъ преступленіе въ самой природѣ человѣка, а не внѣ ея, все же и при этомъ мы можемъ двоякимъ образомъ смотрѣть на преступленіе и изъяснять его не только различно, но и противоположнымъ образомъ. Именно, остается еще рѣшить, и въ этомъ заключается существо дѣла,— совершается ли преступленіе *произвольно*, съ сохраненіемъ полной свободы воли и свойственнаго здравому и нормальному человѣку самообладанія, или же напротивъ преступникъ невольно исполняетъ свой замыселъ, и слѣдовательно преступленіе есть послѣдствіе печальной необходимости, хотя и заключающейся въ природѣ самаго человѣка, а не свободное его дѣло. Достоевскій не разграничиваетъ должнымъ образомъ этихъ двухъ взглядовъ на преступленіе; напротивъ онъ, очевидно, ихъ смѣшиваетъ и отъ этого произошло у него немало несообразностей. Въ самомъ началѣ разговора о статьѣ Раскольниковъ, послѣдній говоритъ, что онъ „разсматривалъ въ этой статьѣ психологическое состояніе преступника въ продолженіе всего хода преступленія. Да-съ (замѣчаетъ на это Порфирій), и настаиваете, что актъ исполненія преступленія сопровождается всегда болѣзною". Достоевскій

видимо раздѣляетъ этотъ взглядъ на преступленіе. По крайней мѣрѣ, ясно и рѣшительно проводить его въ своемъ романѣ: *Преступленіе и наказаніе*. Раскольниковъ самъ не вѣритъ, что онъ въ состояніи совершить задуманное имъ преступленіе и готовъ смотрѣть на свой замыселъ какъ на праздную, хотя и болѣзненную фантазію, вымученную у него одиночествомъ и безвыходностію положенія. „Боже! воскликнулъ онъ, да неужели жъ, неужели жъ я въ самомъ дѣлѣ возьму топоръ, стану бить по головѣ, разможу ей черепъ... буду скользить въ липкой, теплой крови, взламывать замокъ, красть и дрожать, прятаться весь залитый кровью... съ топоромъ... Господи, неужели? Да что же это я! продолжалъ онъ, восклоняясь опять и какъ бы въ глубокомъ изумленіи,—вѣдь я зналъ ли, что я этого не вынесу, такъ чего жъ я до сихъ поръ себя мучилъ... Господи! вѣдь я все же равно не рѣшусь!“ И вотъ въ то время, когда у самаго виновника преступленія не достаетъ рѣшимости, совершенно случайное обстоятельство, на которое поэтому самъ Раскольниковъ сталъ смотрѣть какъ на предопредѣленіе судьбы (подслушанный Раскольниковымъ разговоръ Лизаветы съ торговцемъ), какъ бы помимо его воли, производить въ немъ эту рѣшимость. Послѣ этого обстоятельства „онъ вошелъ къ себѣ, какъ приговоренный къ смерти. Ни о чемъ онъ не разсуждалъ; но *вспмг существомъ своимъ вдругъ почувствовалъ, что нѣтъ у него болѣе ни свободы разсудка, ни воли, и что все вдругъ рѣшено окончательно*“. Ч. 1-я, гл. V.

Что преступное дѣйствіе есть выраженіе болѣзненнаго состоянія и что только въ ненормальномъ психическомъ состояніи человѣкъ способенъ совершить преступленіе,—эта мысль теперь въ ходу, особенно же между врачами. Свои понятія о нормальномъ и ненормальномъ, вполне умѣстныя только въ отношеніи къ состояніямъ и процессамъ тѣлеснымъ, врачи переносятъ и на состоянія душевныя, хотя въ этой области различіе между нормальнымъ и ненормальнымъ такъ неопредѣленно и неясно, что нормальное для одного человѣка, при извѣстномъ его душевномъ складѣ, при его способностяхъ и склонностяхъ, ненормально для человѣка съ инымъ душевнымъ складомъ. Если за норму принимать лишь то, что свойственно

среднему человѣку, неодаренному никакими выдающимися способностями и не проявляющему какихъ либо высшихъ стремленій, то людей съ отличными дарованіями и ознаменовавшихъ себя подвигами, достойными подражанія, пришлось бы признать ненормальными психически, иначе сказать, сумасшедшими. Такой взглядъ на людей высшихъ дарованій дѣйствительно существуетъ. Въ частности, чтобы оправдать тотъ взглядъ на преступленіе, что оно есть послѣдствіе ненормальнаго, т. е. болѣзненнаго психическаго состоянія, придуманъ особый видъ помѣшательства нравственнаго въ отличіе отъ помѣшательства умственнаго. При здоровомъ состояніи ума, возможно, говорятъ, нравственное помѣшательство, состоящее въ томъ, что человѣкъ вовсе не различаетъ добра и зла въ нравственномъ смыслѣ, ибо такъ же спокойно и равнодушно онъ дѣлаетъ преступное, недозволенное законами, какъ и дозволенное. Онъ обладаетъ правильными представленіями о добромъ и дурномъ, т. е. знаетъ, что называется добрымъ и что обыкновенно признается дурнымъ, недозволительнымъ, но зная это, человѣкъ, одержимый нравственнымъ помѣшательствомъ, лишенъ способности испытывать нравственное довольство при дѣланіи добра и чувствовать укоръ совѣсти при совершеніи зла. Стало-быть нравственно-помѣшанный человѣкъ (психопатъ) есть, просто говоря, человѣкъ безсовѣстный, т. е. такой, въ которомъ совѣсть заглушена и сдѣлалась нечувствительною. Но можно ли считать такое состояніе болѣзною, сходною съ умственнымъ разстройствомъ? Конечно, дурные поступки въ нравственномъ смыслѣ ненормальны; но ненормальное въ нравственномъ смыслѣ есть противоположное должному, слѣдовательно, то, чего мы не должны позволять себѣ, но что однакожъ мы всегда могли бы сдѣлать, если бы того *захотѣли*; нравственно ненормальное, слѣдовательно, неизъято изъ нашей власти; потому то и средствами противодействующими нравственно ненормальному служатъ напоминанія, увѣщанія, запрещенія, повелѣнія,—средства непротивныя свободной волѣ человѣка, напротивъ—предполагающія такую. Болѣзненное состояніе никоимъ образомъ не можетъ быть состояніемъ *свободно избираемымъ*; мы впадаемъ въ болѣзнь, а не избираемъ ее, т. е. болѣзнь—состояніе не свобод-

ное. Правда мы свободно можемъ причинить себѣ болѣзнь, но съ наступленіемъ болѣзни мы на все время ея теченія уже лишаемся свободы. Говорятъ, что именно таково и есть состояніе преступника. Какъ только явилась мысль о преступленіи, хотя бы сначала эта мысль свободно была надумана, то затѣмъ преступникъ уже лишается всякой власти надъ собою; идея преступленія дѣйствуетъ въ немъ непреодолимо. Чѣмъ же это доказывается? Ссылаются на опыты такъ называемыя внушенія загнипнотизированныхъ какихъ-либо идей, вліяніе которыхъ оказывается столь сильнымъ, что загнипнотизированные, по своему пробужденіи, не въ состояніи имъ противиться. Но опыты, производимые надъ субъектами болѣзненными, могутъ ли служить основаніемъ для выводовъ общаго значенія, т. е. приложимыхъ ко всѣмъ людямъ безъ различія? Послѣ этого судебные слѣдователи, и вообще люди, занимающіеся разборомъ преступныхъ идей, намѣреній и дѣлъ, знакомясь съ таковыми и умственно усвая ихъ, неминуемо подвергались бы роковому воздѣйствію на ихъ волю преступныхъ идей и намѣреній, съ которыми имъ постоянно приходится знакомиться. Вся сила изложенныхъ взглядовъ на преступленіе какъ на болѣзнь (не мѣшало бы врачамъ заняться открытіемъ микроба преступленія) заключается не въ тѣхъ аргументахъ, которыми тѣ взгляды обыкновенно подкрѣпляются, а собственно въ молчаливомъ признаніи природы человѣка первоначально доброю и чистою въ нравственномъ отношеніи, или пожалуй, неимѣющею въ себѣ никакихъ данныхъ для различенія добра и зла, каковое различеніе, какъ полагаютъ, становится возможнымъ лишь съ возникновеніемъ общества. Но этого вопроса мы теперь не будемъ разсматривать, такъ какъ это повело бы насъ далеко. Ограничимся пока лишь разъясненіемъ того, какъ этотъ вопросъ рѣшается у Достоевскаго, разумѣемъ вопросъ о первоначальномъ источникѣ зла нравственнаго.

П. Линицкій.

(Продолженіе будетъ).

СЕРДЦЕ И ЕГО ЖИЗНЬ.

(Психологическій очеркъ).

(Продолженіе *).

в) Волненія интеллектуальныя.

Волненіе, связанное съ сознаниемъ сходства; видоизмѣненія его—волненія истины и правды.—Волненіе, связанное съ сознаниемъ несходства, разницъ; волненія новосты, страпности и удивленія.—Волненіе «смѣшного»; связь его съ волненіями разницъ и удивленія.—Условія возникновенія волненія «смѣшного»; виды искаженія идеала.—Составъ волненія «смѣшного».—Отличительный характеръ смѣха, какъ выраженія чувства «смѣшного»; родство его со смѣхомъ при шекотаніи.

За волненіями, связанными съ дѣятельностью вообще, слѣдуютъ, какъ очень близкія имъ по природѣ, волненія, сопровождающія разныя видоизмѣненія внутренней дѣятельности мысли, волненія интеллекта, или—*интеллектуальныя*. Изъ нихъ на первомъ мѣстѣ пужно поставить главное и основное для этой группы—волненіе, связанное съ сознаниемъ сходства и несходства, лежащимъ въ основѣ умственной дѣятельности. Являясь въ первый разъ, сознание сходства всегда вызываетъ довольно сильное пріятное возбужденіе. Пріятность здѣсь обусловливается легкостью и гармоничностью внутренней дѣятельности, быстро при этихъ условіяхъ организующейся въ опредѣленную форму. Специфическій характеръ дается волненію сознаниемъ, именно, сходства. Отсюда удовольствіе при встрѣчѣ съ оригиналомъ портрета, удовольствіе ребенка, производящаго первыя обобщенія и отождествленія; удовольствіе сознанія, особенно открытія единообразія и порядка въ какомъ нибудь явленіи, т. е. отождествленія множества различныхъ въ нѣкоторыхъ отношені-

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» № 13, 1892 г.

яхъ случаетъ даннаго явленія; особенно сильное удовольствіе—отождествленія кажущагося разнороднымъ и несомѣстимымъ и т. п. Отсюда также удовольствіе при сознаніи сходства мыслей, чувствъ и т. п. другихъ людей съ нашими; удовольствіе подтвержденія нашихъ взглядовъ фактами. Особое видоизмѣненіе волненія сходства—есть *воленіе истины*, потому что истина есть сознаніе согласія нашихъ мыслей съ дѣйствительностью. Удовольствіе это, осложняющееся чувствомъ силы, лежитъ въ основѣ того, что называется любовью къ истинѣ и даетъ иногда начало страстнымъ возбужденіямъ, страстному влеченію къ истинѣ, исканію ея, которымъ опредѣляется вся жизнь и дѣятельность человѣка. Сила удовольствія *правды*, очевидно, имѣетъ ту же основу, потому что правда есть согласіе или полное сходство человѣческихъ мыслей съ ихъ выраженіями въ словѣ и дѣйствіи.

Чувство, соединенное съ сознаніемъ *разницы*, само по себѣ пріятное, въ силу того, что здѣсь, особенно при не большихъ размѣрахъ, осуществляется легкій переходъ къ новой дѣятельности. При большихъ размѣрахъ возникаетъ энергическая дѣятельность, направленная къ отысканію сходства съ чѣмъ-нибудь уже извѣстнымъ. Отсюда смѣна сходства и различія и гармоническое ихъ сочетаніе, производя такъ называемое единство въ разнообразіи и ровную, легкую, гармоническую дѣятельность,—особенно пріятно и служитъ основою красоты. Но слишкомъ рѣзкое различіе, особенно же несомѣстимость, извѣстная подъ именемъ противорѣчія, всегда непріятно, потому что производитъ внутреннюю коллизію состояній, невозможность ихъ организаціи въ одно цѣлое и невозможность, особенно, дальнѣйшаго продолженія внутренней дѣятельности въ данномъ направленіи. Отсюда мучительность всякаго противорѣчія, страхъ передъ слишкомъ новымъ и непривычнымъ въ воспріятіи и дѣйствіи, непріятность встрѣчи съ фактами, противорѣчащими нашимъ убѣжденіямъ, установившимся взглядамъ, и тому подобныя волненія, которыми обусловливается упорство въ извѣстныхъ привычкахъ, мнѣніяхъ, господство предразсудковъ, обычаевъ, модъ и т. д. Непріятность ошибки, заблужденія имѣетъ въ своей основѣ то же самое волненіе, осложняемое обыкновенно чувствомъ слабости, безсилія, неудачи. Вол-

неніе непріятное, вызываемое всякаго рода ложью, имѣетъ то же самое основаніе.

Если чувство сходства само по себѣ пріятно и даетъ начало многимъ удовольствіямъ, то постоянное воспріятіе и сознаніе одного и того же, въ силу наступающаго утомленія и паденія умственной энергіи, — сопровождается непріятностью, переходящею въ скуку. При такихъ условіяхъ, возникновеніе всякаго рода дѣятельности, не стоящей въ прямомъ противорѣчій съ привычнымъ, но разнящейся отъ него, вызываетъ удовольствіе, извѣстное подъ именемъ *волненія новости*, „*нового*“. Главнымъ условіемъ явленія этого удовольствія служитъ предшествовавшее неудовольствіе, однообразіе, монотонность, или такъ называемая рутина, въ связи съ возникающею изъ нея скукою. Пріятность волненія новости, осложняемаго обыкновенно другими, создаетъ очень много явленій въ жизни, оправдывая старую поговорку: *Natura hominum novitatis avida est*. При отсутствіи опредѣленной дѣятельности и скукѣ, воспріятіе новаго является однимъ изъ лучшихъ развлеченій и порождаетъ любовь къ путешествіямъ, способствуетъ распространенію слуховъ, сплетенъ, поддерживаетъ въ настоящее время газетное дѣло и пр. При слишкомъ большой разницѣ съ привычнымъ, чувство „новаго“ осложняется симпатически чувствомъ силы, чувствомъ тайны, также сознаніемъ напряженной внутренней дѣятельности, возникающей съ цѣлью понять, постигнуть предметъ. Далѣе, оно осложняется непріятностью, проистекающею изъ противорѣчія и невозможности включить новый предметъ въ какую-нибудь группу извѣстнаго. Отсюда возникаетъ чувство *странности и удивленія*. Смѣсь удовольствія и неудовольствія, оно правится особенно тѣмъ, что сильно волнуетъ душу и даетъ много матеріала для внутренней работы. Волненіе это эксплуатируется, какъ извѣстно, въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. (Фокусники, акробаты, наѣзники). Показываніе разныхъ уродовъ-карликовъ, великановъ, сросшихся близнецовъ, животныхъ съ двумя головами и т. п. рассчитано бываетъ на это волненіе. Оно же заставляетъ человѣка, особенно на низшихъ ступеняхъ развитія, создавать чудовищные образы, волшебныя превращенія, сочетанія несообразностей и т. п. Въ людяхъ развитыхъ оно выражается въ стремленіи сосредоточивать свое вниманіе

на явленіяхъ, лежащихъ внѣ предѣловъ наличнаго знанія, на основахъ всего сущаго, на общемъ ходѣ міровой жизни, явленій возникновенія жизни и смерти и т. п. и служить поддержкою и отчасти движущею силою философіи; потому, весьма справедливо еще Платонъ называлъ удивленіе началомъ философіи.

Весьма распространенное и имѣющее чрезвычайно большое значеніе въ жизни человѣка—*волненіе „смѣшиного“*, въ связи съ особаго рода рефлексомъ,—относится, по своему составу и условіямъ происхожденія, къ удовольствіямъ, связаннымъ съ интеллектуальнымъ состояніемъ воспріятія и представленія разницы между предметами и явленіями, при условіи существованія какого-либо сходства между ними. Особенно близко оно къ волненіямъ „удивленія“ и „страннаго“, которыя весьма часто входятъ въ его составъ и содержаніе, а послѣднее даже прямо въ него переходитъ, такъ какъ странности, когда при ихъ воспріятіи отсутствуетъ или очень слабо сознаніе нарушенія ими законовъ и обычаевъ,—возбуждаютъ смѣхъ. Удивленіе, какъ мы видѣли, возникаетъ всегда при воспріятіи, также—простомъ описаніи и представленіи предметовъ, явленій и дѣйствій, слишкомъ уклоняющихся отъ обычной нормы, средней формы того же рода предметовъ, явленій и дѣйствій,—уклоняющихся въ сторону увеличенія, повышенія въ объемѣ и силѣ или уменьшенія и ослабленія. Волненіе „страннаго“ производится воспріятіемъ уклоненія отъ обычной формы, внушающаго мысль о нарушеніи этимъ уклоненіемъ законовъ природы, или законовъ приличія, обычая, привычки общей и т. п. Въ основѣ чувства „смѣшиного“ и волненія смѣха лежитъ всегда сравненіе, обыкновенно весьма быстро и безсознательно производимое, идеала, нормы естественной или привычной, какого-либо предмета, явленія или дѣйствія—съ его искаженіемъ и извращеніемъ въ дѣйствительности. Такимъ образомъ, чувство смѣха возбуждается воспріятіемъ или представленіемъ,—вообще,—сознаніемъ разницы между нѣкоторою установившеюся идеальною формою предмета, явленія или дѣйствія и искаженною, несоотвѣтствующею идеалу, несообразною съ нимъ формою его бытія въ дѣйствительности или въ нашемъ воображеніи. При этомъ абсолютно необходимо одно отрицательное условіе,—именно, отсутствіе въ искаженномъ предметѣ или дѣй-

ствіи всего, что прямо можетъ возбудить сильную непріятность или страданіе, — т. е. искаженіе, несообразность, несоотвѣстствіе не должны быть вредными, связаны съ страданіемъ и несчастьемъ кого бы то ни было. Отсутствие въ искаженномъ предметѣ возбудителей сильного непріятнаго волненія можетъ замѣняться, впрочемъ, простымъ непониманіемъ зла и страданія, производимаго искаженіемъ, также неспособностью, напр., почувствовать страданію другихъ существъ, присутствіемъ другого сильного волненія, нейтрализующаго страданіе, въ родѣ гнѣва. При этихъ послѣднихъ условіяхъ весьма часто возбуждается чувство смѣха у дѣтей, неразвитыхъ людей, у людей злыхъ или гнѣвающихся на страдающее отъ искаженія существо.

Видовъ искаженія идеала въ дѣйствительности или воображеніи очень большое количество. Главнѣйшіе изъ нихъ: а) непропорціональность частей фигуры смѣшного предмета, ихъ искусственная перестановка, измѣненіе отношенія и значенія ихъ (напр., огромный носъ на маленькомъ лицѣ, и наоборотъ, маленький носъ на лицѣ громадномъ, слишкомъ большой или маленький ротъ, глаза, уши, руки и т. п.—въ дѣйствительности или въ искусственномъ изображеніи; маленький домъ и огромное крыльцо). Сюда же относится непропорціональность своего рода въ духовномъ образѣ и характерѣ человѣка,—напр.,—слабость воли, неопытность въ житейскихъ дѣлахъ, разсѣянность и пр. при большомъ теоретическомъ умѣ; крайняя ограниченность средствъ при широкихъ замыслахъ, стремленіяхъ и запросахъ и т. п.; б) присутствіе въ предметѣ свойствъ, дѣйствій, принадлежностей, чуждыхъ ему по природѣ или положенію (напр., тоненькій голосокъ у мужчины громаднаго роста, баша у женщины; крайняя чувствительность и слезливость, любовь къ нарядамъ, украшеніямъ въ мужчинѣ—и мужскія замашки и свойства у женщины; молодящійся старикъ—и юноша съ свойствами и дѣйствіями, приличными старцу; уродъ, воображающій себя красавцемъ, глупецъ—геніемъ; ребенокъ, подражающій взрослымъ и взрослый человѣкъ, поступающій, какъ ребенокъ); в) присутствіе и представленіе въ предметѣ и дѣйствіи принадлежностей, свойствъ невозможныхъ, что бываетъ, конечно, въ искусственныхъ произведеніяхъ—изображеніяхъ, вообще, сочетаніе въ одно цѣлое не-

совмѣстимаго и несовѣщаемаго съ дѣйствительными (оселъ въ положеніи челоуѣка съ портфелемъ подъ мышкой и т. п.; бульдогъ, играющій въ карты, съ сигарою въ зубахъ; пуля, догоняющая зайца по кривой линіи и пр. такъ называемое „не любо—не слушай“. Сюда относятся такъ называемые каламбуры въ разныхъ формахъ — вопросовъ и отвѣтовъ, сочетаній въ одномъ словѣ и разныхъ словъ въ понятіи; всѣ почти остроу. остроумные отвѣты, объясненія и т. п.); d) несоотвѣтствіе предмета его положенію—очень высокому или очень низкому; e) несоотвѣтствіе дѣйствія цѣли—употребленіе большой силы для побужденія ничтожнаго сопротивленія, и наоборотъ, и т. п.

Во всѣхъ этихъ и подобныхъ случаяхъ главнымъ условіемъ и причиною возникновенія чувства „смѣшного“ и смѣха комическаго всюду является воспріятіе несообразности какого-либо предмета, явленія, отношенія и пр., т. е. несоотвѣтствіе установившимся нормамъ, ассоціаціямъ идей, обычаямъ, нравственнымъ требованіямъ, логическимъ законамъ и т. п. Такимъ образомъ, въ основѣ этого волненія лежитъ неудовольствіе дисгармоніи, разлада, противорѣчія. Но это неудовольствіе, не успѣвъ развиться и опредѣлиться, немедленно здѣсь уравнивается равносильнымъ ему удовольствіемъ, которое производится присутствіемъ въ несообразномъ и дисгармоничномъ своего рода сообразности и гармоніи, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ возникаетъ еще изъ другихъ, побочныхъ источниковъ, чаще—изъ самоудовольства и чувства собственнаго превосходства. При этомъ, образъ какъ бы колеблется въ сознаніи,—то разъединяясь, то опять на моментъ превращаясь въ одно цѣлое. Въ этомъ-то колебаніи, обусловливаемомъ, съ одной стороны, невозможностью сочетанія двухъ состояній противоположныхъ и противорѣчащихъ, съ другой—ихъ стремленіемъ слиться и сочетаться въ силу нѣкотораго родства и сходства,—въ этомъ колебаніи, по всей вѣроятности, и состоитъ волненіе „смѣшного“, тотъ внутренний смѣхъ, который переходитъ въ смѣхъ внѣшній—физиологическій и имѣетъ сходство по сущности своей со смѣхомъ, возникающимъ подъ вліяніемъ щекотанія и рѣзко отличающимся отъ смѣха радости, удовольствія, хотя и здѣсь удовольствіе играетъ нѣкоторую роль. Щекотаніе, какъ извѣстно, состоитъ изъ ряда быстро слѣдующихъ другъ за другомъ и повторяю-

щихся много разъ легкихъ возбужденій кожи. При этомъ получается особаго рода ощущеніе,—пріятное и непріятное въ одно и то же время,—которымъ и вызывается неудержимо смѣхъ. Этотъ рефлексъ есть не что иное, какъ рядъ короткихъ выдыханій, соединенныхъ большею частію съ сильнымъ характернымъ звукомъ, который нерѣдко переходитъ въ стоны, въ истерическія рыданія и т. п., обнаруживая, такимъ образомъ, родство съ послѣдними по условіямъ своего происхожденія. Почему за щекотаніемъ слѣдуетъ прежде всего смѣхъ—объяснить трудно: по всей вѣроятности, потому, что щекотаніе заключаетъ въ себѣ элементъ пріятности, будучи въ сущности, страданіемъ. Разъ явившись, смѣхъ производитъ прямо облегченіе и удовольствіе, а въ силу этого поддерживается организмомъ или, какъ говорится, поддерживаетъ самъ себя. Душевное состояніе, извѣстное подъ именемъ чувства „смѣшного“, или *комическаго*—и простымъ здравымъ смысломъ, и большинствомъ изслѣдователей, начиная съ Канта, сравнивается по своему характеру, именно, съ ощущеніемъ, являющимся подъ вліяніемъ щекотанія,—какъ соединеніе въ одномъ актѣ сознанія неудовольствія и удовольствія. По наблюденію фізіологовъ, фізіологическое состояніе, во всякомъ случаѣ, одинаково, какъ подъ вліяніемъ щекотанія, такъ и чувства смѣшного,—т. е. сводится къ раздраженію специальной системы и суженію артеріальныхъ сосудовъ; по крайней мѣрѣ, расширеніе зрачковъ, какъ признакъ этихъ явленій, констатировано во многихъ случаяхъ возбужденія чувства „смѣшного“.

Чувство „смѣшного“ служить въ жизни источникомъ легкаго удовольствія; но чувство это является также могучимъ средствомъ совершенствованія человѣка, его возвышенія, — и съ этой своей стороны входитъ въ составъ эстетическаго волненія, гдѣ съ этой точки зрѣнія мы и будемъ его разсматривать. Тамъ оно имѣетъ иной характеръ и называется—въ разныхъ формахъ—другими именами.

г) А ф ф е к т ы.

Волненія, называемыя *аффектами*, образуютъ особую группу, отличающуюся отъ разсмотрѣнныхъ специфическимъ характеромъ, стоящимъ въ прямой зависимости отъ условій возник-

новенія удовольствія и страданія, также—волненій, связанныхъ съ дѣятельностью. Они представляютъ собою особаго рода возбужденія, возникающія преимущественно изъ отношеній человѣка къ внѣшнимъ предметамъ, при помощи какъ ощущеній и воспріятій, такъ и высшихъ душевныхъ дѣятельностей. Волненія эти суть: *радость и горе, страхъ и мѣлз, любовь и отвращеніе*. Не имѣя никакой внутренней связи между собою, они не могутъ быть расположены въ какой нибудь правильный рядъ; обыкновенно ихъ располагаютъ въ представленномъ порядкѣ. Но мы находимъ болѣе удобнымъ, по нѣкоторымъ соображеніямъ, порядокъ обратный и начнемъ съ описанія любви и противоположности ея.

а) Л ю б о в ь .

Волненіе любви и виды его: альтруизмъ и эгоизмъ и видоизмѣненія ихъ.—Нѣжность, какъ основа волненія любви.—Условія происхожденія волненій нѣжности.—Равнодушіе и отвращеніе.—Любовь лица одного пола къ лицу другого пола (половая любовь); любовь материнская.—Эгоистическая любовь; необходимость внимательнаго изслѣдованія этого вида любви.—Эгоизмъ въ обширномъ смыслѣ я—въ тѣсномъ, или себялюбіе.—Отличительныя черты себялюбія; зависть и сходство ея съ ревностью.—Законы самосохраненія, какъ основа группы эгоистическихъ волненій; ослабленіе дѣйствія его въ процессѣ высшаго развитія человѣка.—Любовь человѣка къ самому себѣ въ идеальномъ смыслѣ—благотворнаго начала истинно-человѣческаго развитія. Формы уклоненія отъ чистаго вида этой любви.

То, что называется *любовью*, въ жизни человѣка представляетъ собою довольно сложную и разнообразную совокупность явленій, цѣлую обширную группу ихъ, которая складывается изъ различныхъ формъ или видовъ любви. Эти формы или *виды любви* допускаютъ довольно точную и правильную классификацію. Прежде всего, по спеціальнымъ условіямъ своего происхожденія, онѣ распредѣляются на два класса, заключающіе въ себѣ элементы противоположности и взаимнаго исключенія, по крайней мѣрѣ, антогонизма.

Первая группа возникаетъ изъ особаго рода отношеній человѣка къ внѣшнимъ предметамъ, преимущественно къ живымъ существамъ, между ними особенно къ людямъ. Это любовь такъ называемая альтруистическая, или *альтруизмъ*. Въ свою очередь, по самому существу дѣла, этотъ классъ представляетъ нѣсколько видоизмѣнный. Явленія любви альтруистической раз-

дѣлятся тоже на двѣ группы: семейную и внѣ-семейную. Семейная группа обнимаетъ явленія супружеской любви, любовь родителей къ дѣтѣмъ, и наоборотъ, любовь родственную. Внѣ-семейная обнимаетъ явленія дружбы, благодарности и расположенія вообще, любовь къ предметамъ неодушевленнымъ—собственности, родинѣ, къ природѣ, къ предметамъ отвлеченнымъ, напр., къ человѣку, какъ къ человѣку, или къ челоѣчеству.

Вторая группа возникаетъ изъ особаго рода отношеній челоѣка къ самому себѣ или своей собственной личности, какъ реальному предмету, и называется эгоистическою любовью, или *эгоизмомъ*. Ее составляютъ волненія въ родѣ слѣдующихъ: самолюбіе или самовлюбленность, гордость и самомиѣніе, суетность, зависть и нѣкоторыя другія, съ ихъ противоположными, изъ которыхъ особенно выдѣляется такъ называемое смиреніе.

При всемъ различіи, по самымъ условіямъ своего происхожденія, всѣ эти волненія—одной природы и одного состава, въ сущности, и имѣютъ въ своей основѣ одно всѣмъ имъ общее и основное волненіе, которое Бэнъ называлъ *нѣжностью* и которое есть не что иное, какъ любовь, такъ сказать, въ ея сущности.

На характеристикѣ и анализѣ этого основного волненія мы и остановимся главнымъ образомъ.

Основное волненіе любви, какъ и всѣ другія волненія этой группы, можетъ являться, какъ результатъ особаго органическаго расположенія, превратиться даже въ постоянное состояніе, или, по крайней мѣрѣ, господствующее, стать болѣзненнымъ. Сущность этого расположенія не извѣстна.

Наблюдая состояніе, при которомъ является описываемое волненіе, мы видимъ, что оно всегда связано съ ослабленіемъ жизненной энергіи, недоходящей, впрочемъ, до полнаго упадка или болѣзненнаго расстройства. Состояніе это обыкновенно сопровождается особаго рода удовольствіемъ, близкимъ къ удовольствію покоя. Въ свою очередь, всѣ удовольствія подобнаго рода приводятъ организмъ въ такое состояніе. Такое удовольствіе и даетъ начало нѣжному расположенію, „нѣжности“, которая въ присутствіи объекта развивается въ опредѣленное своеобразное чувство.

Описанное состояніе организма и удовольствія, съ нимъ связаннаго, наступаетъ, напр., послѣ насыщенія, когда жизненная

энергія сосредоточивается на пищевареніи, кроветвореніи и т. п. и пропорціонально ослабляется во всѣхъ другихъ функціяхъ и частяхъ организма. Такое же дѣйствіе имѣетъ отдыхъ послѣ труда, вообще слабое утомленіе, пріятная теплота, слабость послѣ болѣзни, конечно, при отсутствіи и прекращеніи болѣзненныхъ ощущеній, по крайней мѣрѣ острыхъ; подобное же ослабленіе послѣ несчастія, бѣдствія, вообще душевнаго страданія, когда проходитъ его острый періодъ, послѣ сильной радости, опять, когда прекращается ея первоначальное напряженіе, наконецъ, послѣ всякаго сильнаго волненія—страха, гнѣва, эстетическаго волненія.

Всѣ эти возбудители нѣжнаго чувства—внутренніе, имѣющіе своимъ источникомъ процессы въ организмѣ и душѣ. Къ *внѣшнимъ возбудителямъ* принадлежатъ такіа дѣйствія внѣшнихъ предметовъ на органы чувствъ, которые способны понизить жизнедѣятельность организма, въ извѣстномъ отношеніи расслабить его. Таковы: полумракъ, или слабый, нѣжный свѣтъ (какъ напр., лунный), ровный, постоянный блескъ, напр., поверхности озера, рѣки, особенно блескъ глазъ, какъ думаетъ Бэнь, такъ называемые нѣжные цвѣта—отдѣльно и въ сочетаніяхъ, нѣжные, равнодрожащіе и замирающіе звуки—въ природѣ, въ музыкѣ и особенно голосъ человѣка и даже животныхъ, соприкосновеніе съ мягкими, умѣренно теплыми, гладкими и правильной формы предметами, по преимуществу съ живыми. Эти осязательные возбудители дѣйствуютъ особенно сильно на нѣкоторыя части организма, именно—грудь, руки, губы.

Психическіе возбудители, т. е. дѣйствующіе не прямо на организмъ, а чрезъ посредство умственной дѣятельности, по своему характеру, относятся къ тому же разряду, ослабляющихъ энергію, жизнедѣятельностей душевныхъ. Видъ существа слабого и безпомощнаго по природѣ или по обстоятельствамъ, неопытность, наивность, простодушіе, даже ограниченность, непереходящая въ глупость, мягкость характера, уступчивость и покорность, вообще, способность подчиняться другимъ—вызываютъ, во всякомъ случаѣ, способны вызвать нѣжность. Видъ страданія, горя, несчастія производятъ то же дѣйствіе. По всей вѣроятности причина этого заключается въ томъ, что въ душѣ человѣка, обладающаго даже противоположными свойствами, въ слабой степени, воспроизводятся эти состоянія и затѣмъ дѣй-

ствуютъ на организмъ. Въ свою очередь, существа слабыя, наивныя и т. д. по самой природѣ этихъ своихъ свойствъ носятъ въ себѣ условія, благопріятныя развитію явленій любви. Весьма часто такія, предрасположенныя къ нѣжности, существа испытываютъ приливы ея къ другимъ, обладающимъ діаметрально противоположными свойствами. Причина этого по всей вѣроятности заключается въ томъ, что при видѣ силы извѣстнаго рода, сознаніе собственной слабости становится яснѣе, напряженнѣе, и, такимъ образомъ, условія возникновенія нѣжности особенно благопріятными. Этимъ объясняется, между прочимъ, развитіе нѣжности между субъектами съ діаметральными свойствами. Необходимое при этомъ условіе то, чтобы свойства противоположныя были соотносительны: сила физическая и слабость физическая, сила умственная и слабость умственная, опытность—неопытность и т. п. Въ противномъ случаѣ—не будетъ легкаго повода къ сравненію и будутъ существовать условія, благопріятствующія развитію соперничества, зависти, вражды. Данный въ этихъ фактахъ законъ контраста простирается до того, что соединяетъ не только силу и безсиліе, но добродѣтель и порокъ, красоту и безобразіе. Наконецъ, къ психическимъ возбуждителямъ нѣжности нужно отнести всѣ удовольствія, получаемыя отъ внѣшнихъ предметовъ, особенно эстетическія; также истекающія изъ внутреннихъ причинъ: чистая совесть, умственное наслажденіе и т. п.

Нѣжное волненіе, какъ это уже видно изъ условій его происхожденія, есть чувство по преимуществу тихое, не бурное, въ чистомъ своемъ видѣ и неосложненное другими чувствами. Естественна, потому, оно и не вызываетъ и не можетъ вызвать рѣзкихъ измѣненій въ организмъ, и его выраженіе не отличается рельефностью и опредѣленностью. Оно положительно не уловимо во многихъ случаяхъ и тонко,—оттого притвориться испытывающимъ нѣжность несравненно легче, чѣмъ испугавшимся и разгнѣваннымъ. Къ характеристическимъ признакамъ его можно отнести особое состояніе глазъ, такъ называемую „томность“ ихъ и фиксированіе объекта нѣжности, выдѣленіе слезъ, спазматическое сжатіе глотки, протяжность звуковъ голоса и употребленіе низкихъ нотъ, особенно же объятія или ихъ сокращеніе, сжатіе рукъ, цѣлованье и другія соприкосновенія.

Обращаясь къ разсмотрѣнію свойствъ нѣжнаго волненія,

прежде всего нужно замѣтить, что чувство это одно изъ самыхъ пріятныхъ и одно само по себѣ можетъ служить источникомъ счастья. Далѣе, требуя для своего явленія и поддержанія чрезвычайно мало траты силъ, требуя, наоборотъ, пониженія даже этой траты и ослабленія, нѣжное волненіе отличается необыкновенной тонкостью и подвижностью. Потому, оно способно возникать и развиваться подъ вліяніемъ самыхъ неуволнимыхъ, слабыхъ возбужденій, которые легко ускользаютъ отъ самаго тщательнаго наблюденія и не сознаются даже самимъ субъектомъ, испытывающимъ эти возбужденія и волненія, ими вызываемыя (симпатія, дружба, половая любовь). Изъ всѣхъ чувствъ нѣжность, потому, самое трудное для анализа и объясненія въ каждомъ данномъ случаѣ, и доселѣ окружено какимъ то мистическимъ туманомъ, какъ нѣчто не изслѣдимо глубокое и таинственное. Способное возникать не замѣтно, по самымъ ничтожнымъ поводамъ, оно также можетъ легко, незамѣтно и непостижимо исчезать.—Будучи въ высшей степени легкою и, притомъ, въ высшей степени пріятною дѣятельностью души, нѣжное чувство, разъ образовавшись, возникаетъ въ сознаніи съ чрезвычайнымъ удобствомъ и быстротою, по самымъ ничтожнымъ поводамъ, и ассоціируется со множествомъ предметовъ, имѣющихъ какое нибудь отношеніе къ предмету нѣжности. Съ тѣмъ вмѣстѣ оно вызываетъ въ дуплѣ и образъ предмета, его возбудившаго. Вызываясь легко и входя въ многочисленныя ассоціаціи, оно, естественно, вызывается очень часто и можетъ сдѣлаться присутствующимъ въ сознаніи постоянно. Подъ вліяніемъ же частыхъ воспроизведеній оно растетъ и крѣпнеть, производя то „блаженное“ состояніе, которое, напр., испытываютъ влюбленные. Даже такъ называемая „несчастливая любовь“, безъ взаимности, безъ возможности обнаруженія, есть всетаки наслажденіе и можетъ служить источникомъ счастья. Само собою понятно, что близкое присутствіе предмета, возбуждающаго нѣжность, постоянное съ нимъ общеніе увеличиваетъ наслажденіе. Отсюда съ необходимостью является стремленіе быть возможно ближе къ этому предмету, соприкасаться съ нимъ, дышать однимъ съ нимъ воздухомъ и т. п.

Наслажденіе, получаемое въ волненіи нѣжности, само собою дѣлаетъ предметъ его, источникъ наслажденія, въ высшей степени *ценнымъ* (эпитеты: драгоценный, золотой). Отсюда являет-

ся инстинктивно стремленіе устрани́ть отъ него все вредное, заботиться о немъ, жертвовать для его блага всѣмъ. И чѣмъ сильнѣе, пріятнѣе удовольствіе нѣжности, тѣмъ больше и забота, самопожертвованіе. Эта забота, труды и лишенія для блага любимаго существа—сами нерѣдко становятся источникомъ наслажденія—въ тѣхъ случаяхъ, когда это существо, дѣйствительно, нуждается во всемъ этомъ. Въ такихъ случаяхъ само собою является повышеніе самочувствія, своего рода самодовольство и гордость, проистекающая изъ сознанія очевидной необходимости данной личности для другого существа, полезности и цѣнности ея собственной жизни. Здѣсь, кромѣ того, дается опредѣленная, конкретная цѣль жизни, ясная и пріятная, или то, что называется „смысломъ жизни“. И, дѣйствительно, для очень многихъ людей, не нашедшихъ для себя жизненной задачи и опредѣленной цѣли своего труда, создается эта цѣль и осмысливается жизнь только черезъ любовь и заботы о любимомъ существѣ. Сознаніе это до такой степени пріятно, что весьма часто остается въ формѣ постоянной и непобѣдимой иллюзіи даже послѣ того, какъ заботы и попеченія о любимомъ существѣ со стороны любящаго становятся не только излишними, но даже непріятными и тяжелыми для него. Всего чаще эта иллюзія возникаетъ въ связи съ родительскою любовью; но ея не чужды и всѣ другіе виды любви. Въ связи съ этимъ стоитъ, далѣе, стремленіе доставить предмету нѣжности возможно большее удовольствіе и устранить неудовольствіе. Стремленіе это еще усиливается симпатіею. Если удовольствія другихъ людей, при отсутствіи антагонистическихъ волненій, невольно и въ насъ возбуждаютъ удовольствіе, а страданія вызываютъ страданіе, хотя въ очень слабой степени; то дѣйствіе удовольствія страданія существа, возбуждающаго въ насъ нѣжность—любимаго—должны испытываться съ особенною силою, потому что удовольствіе любимаго предмета, слагаясь съ удовольствіемъ нѣжности, значительно превышаетъ наше собственное наслажденіе, и наоборотъ. На этой основѣ постепенно развивается одно изъ самыхъ благодѣтельныхъ и благородныхъ проявленій человѣческаго духа—наслажденіе наслажденіемъ другихъ, радость отъ радости другихъ, и наоборотъ,—состояніе, изъ котораго создаются факты высокаго самоотвер-

женія, полное забвеніе своей личности, своихъ интересовъ ради интересовъ другихъ людей, пожертвованіе жизнію для другихъ.

Принимая во вниманіе эти основанія нѣжности (любви), не трудно понять, почему предметъ любимый, ставшій, какъ источникъ самаго высшаго наслажденія, необходимымъ для человѣка, начинаетъ мыслиться своего рода *собственностью*, чѣмъ-то ему принадлежащимъ, даже болѣе, какъ выражаются поэтически, составляющимъ *часть его*, которую готовъ онъ отстаивать всѣми своими силами, какъ себя самого. Иллюзія эта увеличивается оттого, что удовольствіе любимаго существа является и удовольствіемъ любящаго. Отсюда всякое доставленіе удовольствія другимъ со стороны лица любимаго кажется, хотя совсѣмъ незаконно и нелогично, какою-то узурпаціею, отнятіемъ собственности, возбуждаетъ неудовольствіе, даже вражду, ненависть, сначала имѣющую своимъ предметомъ другихъ, которые наслаждаются, или только кажется, что наслаждаются предметомъ нѣжности данной личности, а потомъ переносимую и на саму ее, при чемъ получается смѣшанное чрезвычайной силы чувство, извѣстное подъ именемъ *ревности*. Это—ненависть, злоба, потребность мести, соединенная съ нѣжностью, или любовью. Сила его пропорціональна силѣ любви, или, точнѣе, степени наслажденія, получаемаго отъ этой любви. Будучи смѣшаннымъ, состоя изъ элементовъ, которые стремятся слиться и не могутъ, чувство это тѣмъ самымъ производитъ пертурбацію въ душѣ и организмѣ, ненормальность всѣхъ отправленій,—потому, всегда очень бурно и не пріятно. Источникомъ ревности служитъ также другое свойство, другая черта нѣжности, вытекающая изъ этого волненія,—*потребность взаимности*,—потребность, чтобы удовольствіе, испытываемое любящимъ отъ волненія нѣжности, доставляло также удовольствіе любимому существу и вызывало въ немъ то же самое волненіе. Сознаніе существованія такого отношенія, очевидно, дѣлаетъ чувство принадлежности, чувство собственности прочно обоснованнымъ, обезпеченнымъ и тѣмъ самымъ значительно увеличиваетъ удовольствіе нѣжности. Всякое нарушеніе этой обезпеченности возбуждаетъ тревогу, неудовольствіе, подозрѣніе, что нѣжность любимаго существа направлена въ другую сторону, на другія личности. Отсюда опять ревность. Безпокойство, подозрительность и, опять, ревность возникаютъ, есте-

ственно, и въ томъ случаѣ, когда замѣчается ослабленіе въ любимомъ нѣжности къ любящему, такъ называемое „охлажденіе“.

Наконецъ, еще одно очень важное свойство нѣжности. Необыкновенная пріятность этого волненія, по общему закону пріятныхъ чувствованій, заставляетъ человѣка всѣми силами поддерживать и увеличивать его гармонизирующими чувствами и обстоятельствами. Отсюда сама собою возникаетъ *потребность устранять* изъ объекта нѣжности все *враждебное этому чувству*, какъ бы изъ опасенія лишиться удовольствія. Любящій инстинктивно старается сглаживать всѣ недостатки любимого, не замѣчать ихъ. Этотъ самообманъ облегчается тѣмъ, что чувство нѣжности направляетъ умъ само собою въ сторону, его поддерживающую и препятствующую видѣть что-нибудь себѣ враждебное. Мало этого, при общемъ ослабленіи жизненной энергіи въ связи съ нѣжностью, критическая способность положительно парализуется и получаетъ преобладаніе фантазія. Любимое существо невольно украшается, надѣляется разнаго рода совершенствами, возводится даже въ идеалъ совершенства... Творчество это поддерживается тѣмъ, что каждая новая черта пріятная въ любимомъ существѣ усиливаетъ наслажденіе нѣжности, и чѣмъ больше этихъ чертъ, тѣмъ больше удовольствіе. Иллюзія совершенства, возможность явленія и поддержанія ея объясняется сосредоточеніемъ вниманія на своемъ пріятномъ предметѣ. Чѣмъ меньше жизненный опытъ человѣка, тѣмъ легче образуется эта иллюзія и тѣмъ она держится прочнѣе, но она легко образуется и у самыхъ опытныхъ и умныхъ людей. Особенно часто такая иллюзія наблюдается у родителей, преимущественно у матерей, для которыхъ дѣти кажутся совершенствами.

Все сказанное относительно лежащаго въ основѣ всѣхъ видовъ и формъ любви, волненія нѣжности—сводится къ слѣдующимъ положеніямъ, могущимъ служить руководствомъ при анализѣ всякаго частнаго случая: 1) Волненіе нѣжности есть особаго рода удовольствіе, связанное съ пониженіемъ духовной и физической жизнедѣятельности не ниже, однако, средняго уровня, т. е. не переходящее въ дезорганизацію и безсиліе. 2) Такое пониженіе благопріятствуетъ всего болѣе ровному и такъ называемому гармоническому теченію внутренней жизни, когда ни одно возбужденіе не возникаетъ съ особеннымъ напряженіемъ и энергіею, ни одно не сосредоточиваетъ на себѣ вни-

манія. Отсюда возникает пониженіе сознанія собственной личности и интересовъ и сосредоточеніе вниманія только на самомъ волненіи, которое отъ этого, естественно, увеличивается, усиливая тѣмъ самымъ явленіе самозабвенія. 3) Возбудителями его являются всѣ физическіе и духовные дѣятели, способные такъ или иначе уравнивать теченіе жизни, производить гармонію и покой. При этомъ волненіе ассоціируется съ возбудителями такого состоянія, переносится на нихъ, какъ на свои причины и объекты, какъ на прямыхъ своихъ производителей. 4) Разъ образовавшись, оно потомъ возникает легко и при отсутствіи внутренняго настроенія, обусловливающего его бытіе. возбуждаетъ прямо объектами, съ которыми ассоціировалось. При этомъ реальныя условія замѣняются идеальнымъ ихъ воспроизведеніемъ. Явившееся этимъ путемъ волненіе уже затѣмъ само приводитъ душу, по крайней мѣрѣ, можетъ приводить къ гармоническому настроенію, понижая и сглаживая всѣ возбужденія. 5) Отъ частаго повторенія какъ реальныхъ, такъ и идеально-воспроизводимыхъ условій этого волненія, т. е. отъ частаго его возникновенія въ душѣ, оно растетъ и крѣпнеть, по общему всѣмъ волненіямъ закону, съ особенною быстротою, которая также обусловливается его тонкостью, легкостью и подвижностью. 6) Какъ пріятное въ высшей степени, оно вызывается весьма легко по самымъ незначительнымъ поводамъ; вызывается, разъ образовавшись, часто и потому ассоціируется со множествомъ состояній, фактовъ, такъ или иначе связаннымъ съ его объектомъ. Въ силу этого оно всегда является весьма сложнымъ. 7) Оно дѣлаетъ въ высокой степени цѣннымъ предметъ свой и легко вызываетъ дѣятельности, направленные къ его сохраненію, улучшенію и т. п. Въ то же время дѣлаетъ человека въ высшей степени чувствительнымъ ко всякимъ измѣненіямъ въ его объектѣ, вызывая симпатическія волненія, если этотъ объектъ существо живое; заставляя пренебрегать своими собственными интересами, чему благопріятствуетъ подавленіе,—причинами, производящими чувство любви,—общаго самочувствія и сознанія личности. 8) Оно порождаетъ иллюзію права собственности по отношенію къ любимому и, потому, цѣнному и ставшему необходимымъ, предмету, чѣмъ вызываетъ потребность увѣренности въ прочности владѣнія, которая создается такъ называемою взаимностью, т. е.

подобнымъ же волненіемъ въ любимомъ предметѣ по отношенію къ любящему. Здѣсь источникъ ревности. 9) Стремясь поддержать себя гармоническими возбужденіями, волненіе любви вызываетъ украшеніе предмета своего и на высшихъ степеняхъ производитъ иллюзію его совершенства.—Воѣ эти условія, стороны и моменты одинаково присущи всѣмъ видамъ любви и легко могутъ быть приложены ко всѣмъ имъ вообще и къ каждому конкретному случаю ихъ возникновенія.

Противоположнымъ чувствованіемъ любви часто считается равнодушіе, какъ отрицательное состояніе полнаго отсутствія возбужденій, похожихъ на любовь возбужденіе въ высшей степени слабое въ этомъ родѣ. Полное *равнодушіе* въ собственномъ смыслѣ существуетъ только въ случаяхъ полнаго отсутствія какихъ бы то ни было отношеній къ данному предмету. Въ собственномъ смыслѣ противоположность любви составляетъ *отвращеніе*, обусловливаемое какимъ-нибудь однимъ сильно неприятнымъ возбужденіемъ со стороны объекта или цѣлою ихъ суммою. Но это волненіе весьма неопредѣленнаго характера и, опредѣляясь, переходитъ всегда почти въ гнѣвное возбужденіе, превращаясь въ ненависть, вражду, также въ чувство страха.

Изъ всѣхъ видовъ любви и отвращенія особенно многочисленнымъ изслѣдованіямъ подвергалось и подвергается *любовь половая* (любовь лица одного пола къ лицу другого пола), въ силу ея особенной рельефности, силы, особенно же въ силу вліянія ея на жизнь индивидуума и общества, хотя эта форма любви принадлежитъ къ самымъ неустойчивымъ видамъ. Около этого волненія, дѣйствительно, группируются волненія и дѣйствія, дающія особенное оживленіе и драматизмъ жизни человѣка. Половая любовь считается и, дѣйствительно, можетъ быть, есть неیبѣжное событіе въ жизни каждаго въ-родѣ болѣзни при прорѣзываніи зубовъ, кори и т. п.; всякимъ, потому, испытывается, составляя всегда видное и часто поворотное въ судьбѣ и положеніи человѣка событіе, по самому существу, весьма пріятнаго характера. Оно воспоминается, потому, съ особеннымъ удовольствіемъ и симпатически легко возбуждается при воспріятіи его въ другихъ лицахъ—дѣйствительныхъ и творчески изображаемыхъ. Отсюда огромная роль его въ поэтическомъ творчествѣ, особенно въ католическихъ странахъ Западной Европы, гдѣ законъ нерасторжимости брака сильно осложнилъ

половые отношенія и придавъ имъ особенный драматическій, даже трагическій характеръ—во многихъ случаяхъ—въ формѣ борьбы чувства съ долгомъ и т. п. Если вообще всѣ виды любви окружены нѣкоторымъ мистическимъ ореоломъ, то по отношенію къ половой любви черта эта достигаетъ крайняго своего развитія, затрудняя строго научное изслѣдованіе. Такъ, здѣсь явилось ученіе о симпатіи душъ „предустановленной“ и такъ называемой „вѣчной любви“ между двумя субъектами разнаго пола, и построена цѣлая теорія для объясненія этого проблематическаго факта. Явилось мнѣніе, стоящее въ связи съ первымъ, о возможности настоящей любви къ одному и единственному субъекту другаго пола и невозможности любить не только одновременно нѣсколькихъ личностей, но невозможности любить два раза. Что касается перваго—тутъ ничего нельзя сказать, такъ какъ вѣчность—понятіе и дѣло вообще абсолютно темное и вводить его въ научное объясненіе чего-бы то ни было бесполезно. Относительно втораго существуютъ факты pro и contra. Первые факты находятъ себѣ объясненіе въ томъ, что первая вполне развившаяся и окрѣпшая любовь обставляется такими удовольствіями и иллюзіями пріятнѣйшаго характера, которыя не повторяются и не могутъ уже повториться въ жизни, развѣ ужъ у очень ограниченныхъ и безпамятныхъ людей, или у людей, обладающихъ слишкомъ пылкимъ воображеніемъ.

Въ основѣ половой любви лежитъ могучій инстинктъ, дѣлающій для человѣка необходимымъ существо другаго пола. Съ явленіемъ его чувствуется неполнота, недостатокъ единичнаго бытія, и слѣдовательно, своего рода слабость и безсиліе. Возбужденіе этого инстинкта и самое удовлетвореніе его связано съ сильнымъ подавленіемъ общей жизнедѣятельности. Очевидно, это все условія, благоприятныя развитію нѣжнаго волненія, которое всегда при этомъ является необходимо, какъ бы органически. Объектомъ его является отвлеченное существо другаго пола. Большею частію случайно возникшее такимъ образомъ нѣжное волненіе, сосредоточивается на одномъ какомъ-нибудь индивидуумѣ, возбуждившемъ какое-нибудь пріятное состояніе, усилившее нѣжность. Здѣсь играетъ всего чаще главную роль близость сношеній, удобство ихъ и т. п. Можетъ,—и это часто бываетъ,—нѣжность не связываться съ отдѣльною личностію (донъ-жуанство). Но, разъ явилось такое со-

отношеніе, нѣжное чувство уже легко развивается по самымъ ничтожнымъ поводамъ и проходитъ всѣ стадіи, которыя были описаны. (Постоянная дума о предметѣ нѣжности, или постоянное воспроизведеніе его въ связи съ волненіемъ; желаніе доставить ему всякія удовольствія, желаніе, вызывающее, между прочимъ, заботу о внѣшности, стремленіе выказать лучшія стороны своей личности, украшеніе, въ свою очередь, любимаго существа всѣми совершенствами, чувство собственности, ревность и т. д.).

Такъ большею частію развивается такъ называемая „первая любовь“, обыкновенно самая сильная форма этого чувства, благодаря особенной силѣ инстинкта въ его началѣ, силѣ воображенія и жизненной неопытности, которая даетъ ему полный просторъ. Но, очевидно, волненіе можетъ развиваться и другимъ, обратнымъ путемъ, что всего чаще бываетъ въ зрѣломъ возрастѣ и тоже большею частію случайно. Является нѣкоторая сумма пріятныхъ возбужденій отъ субъекта другого пола, что выражается обыкновенно фразою, что „такая-то личность нравится“. Пріятныя возбужденія или удовольствія въ этомъ случаѣ могутъ быть всѣхъ родовъ и проистекать изъ разныхъ источниковъ: изъ сходства характеровъ, стремленій или изъ противоположности, изъ умственныхъ удовольствій, изъ благодарности; всего же чаще здѣсь играетъ роль эстетическое удовольствие—чувство красоты. Волненія эти сами по себѣ располагаютъ къ нѣжности; но къ нимъ всегда присоединяется въ этихъ случаяхъ половое влеченіе и, такимъ образомъ, доводитъ зародившуюся нѣжность до высшей степени.

Въ основѣ *материнской любви* тоже лежитъ, несомнѣнно, источникъ, который присущъ и самымъ животнымъ. Этотъ источникъ связанъ съ волненіемъ нѣжности и возникаетъ во время еще беременности. Состояніе разслабленія матери послѣ родовъ благопріятствуетъ его продолженію и развитію въ самомъ началѣ. Также дѣйствуетъ видъ ребенка—миніатюрнаго и безпомощнаго—и разнаго рода соприкосновенія, держаніе на рукахъ, кормленіе грудью. Къ этому присоединяются привитыя воспоминанія, связанныя съ обстоятельствами, давшими жизнь ребенку и т. п. Эти воспоминанія у людей въ этомъ случаѣ играютъ большую роль, и если они непріятнаго свойства и возбуждаютъ отвращеніе, то нерѣдко парализуютъ даже самый

инстинктъ и подавляютъ чувство нѣжности въ самомъ его началѣ. Затѣмъ въ постоянныхъ заботахъ о ребенкѣ, въ постоянныхъ сношеніяхъ, радостныхъ и тяжелыхъ, дается множество случаевъ, которые поддерживаютъ и укрѣпляютъ волненіе, дѣлаютъ его господствующимъ и прочнымъ на всю жизнь. У отца, въ силу отсутствія прямой физической связи съ ребенкомъ, нѣжность всегда слабѣе и возникаетъ почти исключительно путемъ психическимъ. Важную роль играетъ здѣсь любовь къ матери, особаго рода гордость, затѣмъ, опять, заботы—удовольствія и огорченія разнаго рода, связанныя съ воспитаніемъ дѣтей. У дѣтей любовь къ матери всегда почти сильнѣе и по той же самой причинѣ; любовь къ отцу возникаетъ другимъ путемъ.

Эгоистическія волненія—любовь человека къ самому себя, къ своей личности,—изслѣдованы менѣе, какъ нѣчто будто бы само собою понятное. На самомъ дѣлѣ они заслуживаютъ большаго вниманія, потому что процессъ ихъ образованія сложнѣе, т. е. замысловатѣе, и потому еще, что въ виду интересовъ рода, эти волненія мыслятся какъ недостатки, возбуждаютъ вражду и всего чаще смѣхъ. Практически весьма важно знать условія ихъ образованія, чтобы препятствовать развитію ихъ въ себѣ и другихъ или ослаблять, подавлять, когда они уже существуютъ.

Къ классу самолюбивыхъ волненій относятся такія состоянія, которыя или вовсе не заключаютъ въ себѣ элементовъ любви, т. е. нѣжности со всѣми ея свойствами или, во всякомъ случаѣ, этотъ элементъ не составляетъ существеннаго для ихъ характера и содержанія. Такъ, иногда съ самолюбіемъ смѣшиваются простую заботу человека о себѣ самомъ, желаніе и усилія развить полнѣе свои силы, испытать возможно больше пріятностей въ жизни, обставить себя хорошо въ матеріальномъ и нравственномъ отношеніи и т. п. Все это представляетъ проявленіемъ любви къ себѣ, называется „любовью къ себѣ“.

Но здѣсь можетъ не быть и часто не бываетъ вовсе возбужденія „нѣжности“ къ своей особѣ. Человѣкъ дѣйствуетъ такъ прежде всего вслѣдствіе полной необходимости добывать средства къ удовлетворенію своихъ потребностей и для устраненія непріятностей. Въ своихъ дѣйствіяхъ онъ руководствуется самыми различными мотивами и погружается въ нихъ нерѣдко до полнаго забвенія своей личности. Личность эта естественно является у него въ связи съ различными благами и выгода-

ми—настоящими и ожидаемыми; но при этомъ онъ просто и прямо, непосредственно наслаждается или страдаетъ фактически или идеально—въ воображеніи,—сосредоточиваетъ вниманіе на этихъ состояніяхъ, а не на своей личности—наслаждающейся или страдающей.

Не замѣчая здѣсь элемента любви, и простой здравый смыслъ не выдѣляетъ этого состоянія, болѣе или менѣе присущаго всѣмъ и необходимаго, и не даетъ даже ему названія особаго. Оно называется, правда, *эгоизмомъ*, но только въ такомъ случаѣ, когда въ дѣятельности человѣка замѣчается мало или вовсе не замѣчается заботы о другихъ, когда нѣтъ любви къ другимъ; когда человѣкъ спокойно жертвуетъ для своихъ интересовъ интересами другихъ, давитъ другихъ, наноситъ вредъ и т. п. Въ этомъ случаѣ человѣкъ часто бываетъ вообще не способенъ или мало способенъ къ нѣжности и, собственно говоря, не можетъ любить и себя.

Въ дѣйствительномъ самолюбіи или *себялюбии* необходимо, прежде всего, сосредоточеніе вниманія на своемъ „я“, на своей личности, какъ особомъ предметѣ,—на свойствахъ этой личности; необходимо, далѣе, что бы эта личность возбуждала своими качествами, дѣйствительными или фиктивными, нѣжность, была источникомъ большаго наслажденія и симпатіи. Въ силу этого, всякое состояніе становится, дѣйствительно, двойнымъ. Человѣкъ скажетъ остроумную вещь—и любитъ на свою силу и способность сдѣлать это; сдѣлаетъ что-нибудь—и любитъ, опять, своею способностью къ этому; любитъ своею вѣщиностью, талантомъ, богатствомъ или бѣдностью, силою воли, общественнымъ высокимъ положеніемъ, властью и т. п. У него является сознаніе особенной цѣнности своей особы, какъ въ любви альтруистической, а затѣмъ—и иллюзія, какъ бы право (собственности) на всѣ существующія, желаемыя или воображаемыя совершенства, какъ источники удовольствія. Отсюда—*зависть* при видѣ всего этого въ другихъ. Зависть весьма непріятнаго характера—есть ревность въ области себялюбія, и обладаетъ всѣми ея свойствами, переходитъ легко въ гнѣвъ, вражду и т. п. Ревность есть волненіе, связанное съ неудовольствіемъ подъ вліяніемъ сознанія, что источникъ удовольствія данной личности—другая личность, объектъ любви—служитъ источникомъ удовольствія не ей, или не ей одной, а другой.

Зависть есть непріятность подъ условіемъ сознанія, что извѣстное качество, дѣйствіе, состояніе, составляющее источникъ наслажденія для себялюбца—находятся не въ немъ одномъ, и не ему одному доставляютъ удовольствія, а присущи и другимъ,—тѣмъ болѣе, если этихъ качествъ и пр. нѣтъ въ себялюбцѣ вовсе, и они есть въ другихъ. Словомъ, психическій составъ зависти аналогиченъ вполне съ составомъ ревности; отношенія тѣ же,—разница въ объектахъ, возбуждающихъ и нѣжность и любовь.

Чѣмъ больше человѣкъ сосредоточиваетъ вниманія на качествахъ личности, возбуждающихъ нѣжность къ самому себѣ, и наслаждается ими, тѣмъ, очевидно, болѣе шансовъ на возникновеніе у него того послѣдствія любви, которое состоитъ въ преувеличеніи совершенствъ любимаго, въ незамѣчаніи недостатковъ, въ разныхъ ухищреніяхъ сгладить и оправдать очевидные недостатки. Это доходитъ иногда до полной неспособности человѣка видѣть въ себѣ какіе бы то ни было недостатки и превращается въ своего рода магію и помѣшательство.

При значительномъ развитіи самолюбія со всѣми его свойствами, у человѣка, естественно, не остается возможности подумать о другихъ, онъ теряетъ способность наслаждаться удовольствіемъ другихъ, особенно при развитіи зависти. Отношенія его къ другимъ людямъ становятся, въ сущности, враждебными, за исключеніемъ иногда людей ничтожныхъ, неизмѣримо ниже стоящихъ.

Себялюбіе часто развивается у людей, не обладающихъ почти никакими свойствами, способными возбуждать при созерцаніи ихъ удовольствіе и затѣмъ нѣжность. Въ этомъ случаѣ оно особенно бросается въ глаза и замѣтно, какъ нѣчто аномальное. Еще чаще оно развивается у людей противоположнаго типа, но здѣсь бываетъ менѣе замѣтнымъ.

Усложняясь и видоизмѣняясь различными ассоціаціями и условіями, основное чувство нѣжности, любви къ самому себѣ, къ своему „я“, является въ большомъ количествѣ различныхъ формъ. По ихъ историческому происхожденію въ жизни человѣка, съ постепеннымъ возрастаніемъ и развитіемъ душевной жизни, главнѣйшія изъ этихъ формъ можно представить въ слѣдующемъ порядкѣ: суетность, самодовольство, самоуваженіе, узкій эгоизмъ, славолубіе, честолюбіе, властолюбіе, гордость.

Въ основаніи всей группы эгоистическихъ чувствованій

лежитъ, какъ и въ основаніи нѣкоторыхъ другихъ, всеобщій законъ всей органической природы, всего живого, — *законъ самосохраненія*. Онъ дѣйствуетъ, какъ неодолимый, слѣпой инстинктъ, заставляя каждое существо прежде всего заботиться о самомъ себѣ, привлекать къ себѣ все пріятное, содѣйствующее благосостоянію и отталкивать, устранять все непріятное и вредное. — Съ этой точки зрѣнія всѣ явленія борьбы за существованіе служатъ выраженіемъ этого слѣпого естественнаго эгоизма съ низшихъ и до высшихъ формъ органической жизни, до самаго человѣка — въ тѣ моменты его жизни, когда слѣпая органическая жизнь преобладаетъ въ немъ надъ разумомъ. Конечно, здѣсь нѣтъ эгоизма въ собственномъ смыслѣ, нѣтъ эгоистическаго чувства, по той простой причинѣ, что нѣтъ еще „я“. Самое представленіе объ эгоистичности безсознательныхъ, неимѣющихъ „я“, существъ есть фигура, составленная по аналогіи съ явленіями высшей разумной жизни. Эта аналогія, это сходство есть только внѣшнее и заключается въ сходствѣ формъ дѣятельности неразумныхъ существъ съ общимъ характеромъ ея у человѣка-эгоиста; но оно идетъ глубже и есть сходство, точище, тожество принципа, основы, основного закона, необъяснимаго и таинственнаго, какъ всякій принципъ, всякая основа. *Эгоистическія чувствованія* составляютъ только *высшую форму*, болѣе сложную, человѣческую, духовную форму дѣятельности *закона самосохраненія*. Чѣмъ ниже существо, тѣмъ проще, однообразнѣе, правильнѣе, неотразимѣе дѣйствуетъ законъ этотъ. Оттого-то, чѣмъ ниже существо, тѣмъ оно болѣе замкнуто въ себѣ и эгоистичнѣе по своей дѣятельности. Оттого-же животное вообще эгоистичнѣе человѣка, дитя эгоистичнѣе взрослого, дикарь эгоистичнѣе развитаго и образованнаго человѣка.

Такъ какъ стремленіе къ счастію и благосостоянію составляетъ цѣль и сознательной жизни, то въ настоящее время многіе философы разсматриваютъ всю жизнь человека, какъ *эгоистическій процессъ самосохраненія* и весь процессъ духовнаго развитія человѣка, какъ процессъ приспособленія къ окружающимъ условіямъ, какъ духовное орудіе въ борьбѣ за существованіе. Сложныя явленія мысли, чувства и воли суть, такимъ образомъ, искусные аппараты для устраненія неблагоприятныхъ вліяній и собиранія, накопленія средствъ къ воз-

можно полному благосостоянію. (Спенсеръ и его теорія). Съ этой точки зрѣнія самочувствіе, любовь къ себѣ—эгоизмъ въ широкомъ смыслѣ составляетъ центръ всей душевной жизни человѣка, средоточіе всей его теоретической и практической дѣятельности. Особенно же чувствованія человѣка, какъ субъективное выраженіе характера его отношеній ко всему окружающему вполнѣ эгоистичны. Приятность или непріятность составляетъ, какъ извѣстно, ихъ основной и существенный характеръ. Всѣ они, не исключая самой самоотверженной любви, суть отрасли одного основного чувства—любви къ себѣ. Скука, ожиданіе, надежда, чувство силы и безсилія, чувство страха, а, слѣдовательно, и всѣ съ нимъ связанныя—суть, въ сущности, эгоистическія чувствованія. Мы и любимъ, по выраженію одного мыслителя, въ другихъ себя и только въ себѣ другихъ.

Все это вѣрно съ самой широкой и отвлеченной точки зрѣнія. Инстинктъ самосохраненія есть, дѣйствительно, основной законъ всего сущаго и человѣка; но это никакъ не исключаетъ въ человѣкѣ *высшихъ мотивовъ* жизни и дѣятельности, которые развиваются на этомъ широкомъ и темномъ основаніи и мало-по-малу вытѣсняють его, отодвигаютъ на самый задній планъ. Мы уже имѣли случай нѣсколько разъ высказывать, что на извѣстной степени развитія духовной жизни, на мѣсто общихъ законовъ органической жизни, изъ подъ вліянія которыхъ животныя выйти не могутъ, у человѣка выступаютъ не менѣе могущественные духовные законы, духовные инстинкты. Инстинктъ самосохраненія, составляющій первоначальную основу жизни и дѣятельности человѣка, какъ чувственнаго, матеріально-органическаго существа, *можетъ* остаться единственнымъ мотивомъ; но онъ *не долженъ* имъ оставаться, если человѣкъ хочетъ быть, дѣйствительно, человѣкомъ, быть въ уровнѣ съ идеею своего существа. Но мы уже говорили объ этомъ, развивая теорію нравственнаго чувства ¹⁾.

Веніаминъ Снегиревъ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ «Вѣра и Разумъ», 1891 г., № 11, 13.

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

31 Іюля

№ 14.

1892 года.

Содержаніе. Отъ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ». — Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи. — Списокъ поступившихъ въ Харьковскій Епархіальный комитетъ денежныхъ пожертвованій въ пользу бѣдствующихъ отъ неурожая. — Журналь съѣзда духовенства Купянскаго училищнаго округа. — Епархіальныя извѣщенія. — Извѣстія и замѣтки. — Объявленіе.

Отъ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“.

По предложенію Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, редакція журнала «Вѣра и Разумъ» долѣе имѣетъ рекомендовать духовенству Харьковской епархіи для пріобрѣтенія слѣдующія книги:

1) **„Уроки и примѣры христіанской вѣры“.** Систематическій сборникъ избранныхъ святоотеческихъ изреченій, краткихъ церковно-историческихъ повѣствованій и разсказовъ изъ житій святыхъ и др. статей духовнаго содержанія, расположенныхъ по плану первой части «Пространнаго христіанскаго катихизиса», наглядно и подробно изъясняющихъ содержаніе ея. Опытъ «катихизической хрестоматіи». Пособіе: а) для пастырей церкви, при составленіи ими катихизическихъ поученій; б) для законоучителей, при преподаваніи катихизиса; в) для родителей и воспитателей при религіозно-нравственномъ обученіи и воспитаніи дѣтей. Большой томъ плотной печати, стр. 688+XXII. Составилъ священникъ, магистръ богословія, законоучитель реальнаго Михайловскаго училища въ Москвѣ, Г. М. Дьяченко. Цѣна безъ пересылки 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 80 к.

2) **„Уроки и примѣры христіанской надежды“.** 2-е изданіе. Стр. 516+XVI. Цѣна безъ пересылки 1 р. 50 к.; съ перес. 1 р. 80 к.

3) **„Уроки и примѣры христіанской любви“.** 2-е изданіе. Стр. 568+XIX. Цѣна безъ пересылки 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 90 к. За всѣ три книги цѣна безъ перес. 4 р. 50 к. и съ перес. 5 р.

50 к. Главный складъ этихъ книгъ находится у автора-издателя, къ которому благоволять обращаться по слѣдующему адресу: Москва, 3-я Мѣщанская, домъ церкви св. муч. Трифона, священнику Трифоновской церкви Григорію Дыченко. Требованія на книги, адресованныя простымъ письмомъ, могутъ быть удовлетворяемы пересылкою ихъ съ наложеннымъ платежемъ, т. е. съ уплатою денегъ на мѣстѣ полученія книгъ».

Въ этихъ трехъ книгахъ почтенный авторъ излагаетъ православное ученіе о вѣрѣ, надеждѣ и любви въ порядкѣ пространнаго христіанскаго катихизиса православной восточной церкви и даетъ каждому законоучителю полную возможность преподавать катихизическія истины дѣтямъ и вообще лицамъ мало знакомымъ съ христіанствомъ просто и живо, убѣдительно и по возможности интересно. Его книги могутъ служить прекраснымъ пособіемъ и для пастырей церкви при составленіи ими катехизическихъ поученій и веденіи вѣбогослужебныхъ собесѣдованій съ народомъ. Почтенный авторъ при изложеніи христіанскихъ истинъ задался цѣлю, какъ самъ выражается, идти отъ ощущенія къ представленію, отъ представленія къ понятію, отъ понятій къ сужденіямъ и умозаключеніямъ; а не наоборотъ, какъ это часто бываетъ при отвлеченной проповѣди; а потому свое изложеніе предмета наполнилъ живыми примѣрами благочестія, заимствованными изъ жизнеописаній святыхъ, краткими церковно-историческими рассказами, сравненіями и уподобленіями и тому подобными формами словеснаго изложенія, что сообщаетъ книгамъ особенный интересъ и назидательность. Эти же книги могутъ служить прекраснымъ пособіемъ для родителей и воспитателей, въ особенности же для матерей, при религіозно-нравственномъ воспитаніи ихъ дѣтей и при желаніи внушить имъ истины вѣры и благочестія, пріучить сердце ихъ любить все святое и чистое и отвращаться отъ всего суетнаго и грѣшнаго. Наконецъ и всѣ любители духовно-назидательнаго чтенія найдутъ въ этихъ книгахъ изложеніе всѣхъ огласительныхъ христіанскихъ истинъ, по своему содержанію и формѣ, доступными для пониманія, живыми и интересными для благочестиваго чувства, и способными развить и прояснить свѣдѣнія, которые вынесены ими изъ школьнаго изученія катихизиса. Преимущественною же общедоступностію и приспособленностію къ народному пониманію отличается слѣдующая вновь вышедшая книга того же автора:

„Духовные поствы“ краткій сборникъ статей духовно-нравствен-

наго содержанія, приспособленнхъ къ общедоступному объясненію главнѣйшихъ истинъ катихизическаго ученія православной церкви. Духовно-нравственное чтеніе для народа. Стр. 472+XXXI. Цѣна безъ перес. 75 к., съ перес. 85 коп. Выписывается и продается тамъ же, гдѣ и вышеозначенныя книги. При выпискѣ церковными братствами не менѣе 50 экз. непосредственно отъ автора уступка будетъ сдѣлана въ размѣрѣ 30%. Кроме того, слѣдующія книги исключительно продаются въ книжномъ магазинѣ В. В. Думнова, торгующаго подъ фирмою: «Наслѣдники братьевъ Салаевыхъ» (въ Москвѣ, на Мясницкой, д. Обидиной).

1) „Доброе слово“. Первый годъ обученія. Второе исправленное и вновь переработанное изданіе. Книга для класснаго чтенія, примѣненная къ потребностямъ сельскихъ народныхъ училищъ съ трехлѣтнимъ курсомъ и церковно-приходскихъ школъ. Составилъ свѣц. магистръ Гр. Дьяченко. Стр. 152. Цѣна 30 к. Изд. книжнаго магазина В. В. Думнова. 2) „Доброе слово“. Второй годъ обученія. Второе изданіе. Стр. 230. Цѣна 45 к. 3) „Доброе слово“. Третій годъ обученія. Второе изданіе. Стр. 284. Цѣна 50 коп.

Всѣ три послѣднія книги Училищ. Совѣтомъ при Св. Синодѣ и Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущены въ качествѣ книгъ для класснаго чтенія въ церковно-приходскихъ школахъ и народн. училищахъ М. Н. Пр. Уступка для церковно-приходскихъ школъ 30%. Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры перваго (полнаго) изданія «Добраго слова» продаются съ уступкой 50%, т. е. за три части 1 р. 40 к. вмѣсто 2 р. 80 к.

Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.

Правленіе Харьковской Духовной Семинаріи объявляетъ, что, по распоряженію Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, пріемныя экзамены для поступленія въ Семинарію въ настоящемъ году, въ виду опасности отъ холеры, отложены до 1-го, переэкзаменовки до 7-го и классныя занятія до 15-го сентября. Въ Епархіальномъ женскомъ училищѣ и въ мужскихъ духовныхъ училищахъ Харьковской епархіи капикулярное время также продолжено до 1-го сентября. Вмѣстѣ съ симъ Правленіе Семинаріи объявляетъ, что пріемныя испытанія для лицъ, желающихъ поступить въ число студентовъ С.-Петербургской и Кіевской Духовной Академіи, тоже

отложены въ означенныхъ академіяхъ въ текущемъ году до 1-го сентября.

Списокъ поступившихъ въ Харьковскій Епархіальный Комитетъ денежныхъ и пищевыхъ пожертвованій, съ 15 сентября 1891 г. по 1 января 1892 г., въ пользу соотечественниковъ, бѣдствующихъ отъ неурожая.

(Продолженіе *).

Декабрь. Чрезъ благочиннаго 3 округа Лебединскаго уѣзда кружечнаго сбора отъ церквей за октябрь: Анненской—Екатеринославской и Деркачевской—Николаевской 3 руб. 15 коп., собранные священникомъ Измаиломъ Дмитріевымъ 126 руб. 95 коп. Чрезъ благочиннаго 2 округа Изюмскаго уѣзда, кружечнаго сбора отъ церквей сего округа за ноябрь: Преображенской с. Преображенскаго 3 р., Троицкой, сл. Алексѣевки 11 р., Крестовоздвиженской, с. Береки 7 р., Вознесенской, с. Береки 10 руб., Космо-Даміанской, с. Лозовенки 1 р. 60 коп., Казанской, с. Нижней Орели 3 р., Николаевской, с. Линивки 1 р., Петро-Павловской, с. Отрады 10 р., Успенской, с. Нижней Орели 3 руб., Троицкой, с. Чернозавенки 3 р. 15 к., Николаевской, с. Мѣховой 3 р. 80 коп., Троицкой, с. Бурлея 7 р., Покровской, с. Глазуновки 1 руб., Николаевской, с. Асѣевки 5 р., Троицкой, с. Черкасъ Вишкина 9 р. Чрезъ благочиннаго 1 округа Старобѣльскаго уѣзда, кружечнаго сбора отъ церквей сего округа за ноябрь: Кладбищенской, г. Старобѣльска 1 р., Николаевской, г. Старобѣльска 8 руб., Старобѣльскаго женскаго монастыря 7 р. 37 коп., Петро-Павловской, сл. Подгоровки 6 р. 60 к., отъ причта сей церкви 3 р. 24 коп., Успенской, сл. Лиманъ 7 р., Предтечевской, сл. Евсуги 6 р. Собрано причтомъ сей церкви 14 руб., Александро-Невской, Александро-Коннаго завода 13 р., Арх.-Михайловской, сл. Козядовки 54 коп., Вознесенской, сл. Шпотинной 5 р., Тихоновской, сл. Титаровки 2 р., Преображенской, сл. Половинкиной 50 к., Крестовоздвиженской, сл. Байдовки 1 р., Троицкой, сл. Шульгинки 4 р. 50 к., Николаевской, сл. Шульгинки 3 р., Троицкой, сл. Ново-Астрахани 2 р. 60 к., Покровской, сл. Ново-Астрахани 3 р., Васильевской, сл. Епифановки 4 р., Николаевской, сл. Вороненьки 2 руб., Казанской, сл. Голубовки 1 р., Митрофаніевской, сл. Климовки 2 р. 28 к., Вознесенской, сл. Ново-Боровой 2 р. 50 к., Троицкой, сл. Мостковъ

*) См. ж. «ВѢРА И РАЗУМЪ», 1892 г., № 13.

2 руб., Арх.-Михайловской, сл. Рудовки 5 р. 30 к., Николаевской, сл. Калмыковки 1 р., Успенской, с. Нижне-Покровки 2 р., Покровской, Верхне-Покровки 1 р. 20 к. Черезъ благоточинническій совѣтъ 1 округа Волчанскаго уѣзда, кружечнаго сбора отъ церквей сего округа за октябрь: Троицкой, г. Волчанска 56 р., тоже за ноябрь 38 р., Мироносицкой кладбищ. г. Волчанска 5 р., тоже за ноябрь 2 р., Успенской, сл. Заводъ 6 р., Казанской, Волчанскихъ хуторовъ 6 р., Рожд.-Богородичной, сл. Волоховки 1 р. 15 коп., тоже за ноябрь 1 руб., Покровской, сл. Бочковой 40 коп., Сочестіевской, сл. Малой Волчьей 1 р. 50 коп., Вознесенской 10 р. 85 к., Вознесенской, сл. Старо-Салтова 3 р., Богоявленской 3 р. 65 к., Петро-Павловской, сл. Петропавловки 1 р. 50 коп., Иверско-Богородичной, сл. Бѣлаго Колодезя 3 р., Николаевской, сл. Котовой 2 р. 15 к., тоже за ноябрь 1 р. 80 к., Андреевской, с. Графскаго 5 р., Покровской, с. Верхней Писаревки 3 р., Христорождественской, сл. Верхн. Салтова 3 р., Успенской, сл. Рубежной 3 р., Покровской, сл. Пасековки 65 к., Космо-Даміановской, сл. Терновой 4 р. 40 к. Черезъ благоточиннаго 1 округа, Кулинскаго уѣзда, собранные церквами сего округа въ теченіи ноября 100 р., черезъ благоточиннаго церквей г. Харькова, кружечнаго сбора отъ церквей сего округа за ноябрь, отъ церквей г. Харькова: Александро-Невской, Харьк. первой гимназіи 17 р. 23 к., Скорбященской, Харьк. мѣщан. богадѣльни 4 р. 96 к., Александро-Невской 28 р. 50 к., Пантелеймоновской 14 р. 50 к., Благовѣщенской 21 р., Сергіевской, Харьк. второй гимназіи 15 р. 30 к., Дмитріевской 50 р. 15 коп., Рожд.-Богородичной 29 р. 11 к., Троицкой 64 руб., Арх.-Михайловской 47 р. 20 к., Антоніевской, Императ. харьк. университета 12 руб. 30 к., Всѣхсвятской 13 руб. 25 коп., Констант.-Еленовск., Харьк. дѣтскаго пріюта 7 р. 66 к., І.-Богословской, Харьк. духов. училища 11 руб. 40 коп., І.-Богословской, пригороднаго с. Ивановки 14 р. 30 к., Христорождественской 22 р. 10 к., Свято-Духовской 14 р. 23 к., Преображенской 22 р., Воскресенской 74 р., Озерянской 7 р. 30 к., Петро-Павловской 7 р., Царице-Александровск., исправит. арестан. отдѣленія 24 к., Преображенской, Харьк. благотвор. общества 6 р. 16 к., Вознесенской 25 р. 12 к., Николаевской 31 р. 60 к., Крестовоздвиженской 18 р. 20 к., Рожд.-Богородичной, сл. Алексѣвки 9 р., Константино-Еленовской сл. Мало-Даниловки 7 р., І.-Предтечевской, сл. Основы 9 р. 30 к., Троицкой, женской общины г. Богодухова 12 р., отъ вдовы протоіерея Татьяны Мигулиной 20 р., причта Троицкой Харьк. ц. 1^о/_о 4 р.

25 к., Павла Маслюченко 1 р. 50 к., Андрея Овренко 50 к., Теодора Донского 1 р., Макарія Мятина 1 р., Іосифа Максимова 1 р. Сергѣя Вѣлоусова 1 р., Дмитрія Дехтярева 75 к., свщ. Василя Лихницкаго 5 р., свщ. Михаила Румянцева 1 р., псаломщ. Тихона Степурскаго 50 к., служащихъ при школѣ благотор. общества 1 р. 45 к., сына свщ. Ник. Полтавцева 2 р. (всего чрезъ благочиннаго церквей гор. Харькова 657 р. 26 к.). Отъ Святогорской Успенской пустыни, круж. сбора за ноябрь 9 р. 45 к., отъ іеромонаха той же пустыни Анатолія 20 руб. Чрезъ церковнаго старосту Харьковскаго кафедральнаго собора К. П. Уткина, кружечнаго сбора съ 15 ноября по 6 декабря 73 р. 86 к., чрезъ него же выручено отъ продажи серебрянныхъ и золотыхъ вещей 76 р. 14 к., чрезъ члена комитета протоіерея Тимофея Павлова: отъ Гельферихъ-Саде 40 р., торговца Полянина 2 р., отъ продажи разныхъ золотыхъ вещей 12 р. 25 к., чрезъ благочин. 4 округа, Харьк. уѣзда, круж. сбора отъ церквей его округа за ноябрь: Георгіевской, сл. Вольш.-Даниловки 24 р., Николаевской, сл. Циркуновъ 6 р., Богородичной, с. Черкасскихъ Тишковь 6 р., Воздвиженской, с. Русскихъ Тишковь 10 р., Тихоновской, с. Борщоваго 2 р. 50 к., Арх.-Михайловской, с. Колупаевки 1 р. 20 коп., Покровской, сл. Липецъ 2 р., Христорождественской, сл. Липецъ 8 р. 17 к., Николаевской, сл. Липецъ 5 р., Николаевской, с. Непокрытаго 23 р., Покровской, с. Веселаго 6 р., І.-Вогословской, с. Солнцевки 5 р., Вознесенской, с. Малыхъ Проходовъ 2 р., І.-Вогословской, с. Большихъ Проходовъ 3 р., Николаевской, с. Русской Лозовой 2 руб., отъ Лебедева 1 р. и Кашеева 1 р., Кружечнаго сбора за ноябрь: Преображенской, сл. Великаго Бурлука Волчанскаго уѣзда 9 р. 43 к. Чрезъ благочиннаго 1 округа Сумскаго уѣзда, кружечнаго сбора отъ церквей сего округа за ноябрь собрано: Преображенской, гор. Сумъ 32 р. 6 к., Николаевской, г. Сумъ 8 руб., Воскресенской, г. Сумъ 7 р., Рожд.-Богородичной, г. Сумъ 4 р., Троицкой, г. Сумъ 13 р. 40 к., Пророко-Ильинской, г. Сумъ 17 руб., Покровской, г. Сумъ 7 р., церкви Сумскаго Духовн. училища 3 р. 45 к., Предтечевской с. Луки 3 р. 7 к., Рожд.-Богородичной, с. Алексѣевки 1 р. 70 к., Георгіевской, с. Вѣловода 1 р. 52 коп., Казанской, с. Басовки 1 руб., Рожд.-Богородичной, сл. Юнаковки 19 р. 7 коп., Преображенской, сл. Юнаковки 16 р., Владимірской, с. Могрицы 3 р., І.-Вогословской, с. Вольш. Чернетчины 12 р., Александроневской, с. Битицы 2 р. 65 к., Предтечевской, с. Токарей 60 к., Всѣхсвятской, с. Малой Чернетчины 1 р. 60 коп., Арх.-Михайлов-

свой, с. Бездрика 1 р. 11 к., Успенской, сл. Верхней Сыроватки 1 р. 36 к., Христорождественской, сл. Тимофеевки 9 р., Вознесенской, с. Бобрика 3 р. 55 к., Покровской, сл. Нижней Сыроватки 3 р., І.-Богословской, с. Низу 52 коп., Николаевской, с. Старого 1 р. 75 к., Покровской, с. Шпилевки 7 р. 40 к., Предтечевской, с. Терешковки 3 р., Анно-Зачатіевской, с. Ильмовъ 2 р., Георгіевской, с. Степановки 2 р. 78 к., Троицкой, с. Анненскаго 1 р. 9 коп., Рожд.-Богородичной, с. Николаевки 10 р. 40 к., Тихоновской, сл. Низшей Сыроватки 1 р. 80 к. Отъ общества крестьянъ с. Степановки 116 руб., отъ прихожанъ Казанской ц. с. Басовки 5 р. Собрано священникомъ Ник. Моценко 5 руб., отъ Романа Чернечева 1 р., Автонома Майдана 1 р., М. Барсука 20 коп., Ѳ. Бережного 1 р., Р. Панасенко 20 коп., Н. Пархоменко 50 коп., Ильи Бережного 5 р., Ивана Коики 1 р., Семена Толоки 1 р. 20 к. (всего чрезъ благотворнаго 1 округа Сумскаго уѣзда 339 р. 96 к.).

(Продолженіе будетъ).

Журналы сѣзда духовенства Купянскаго училищнаго округа, бывшаго 3-го іюня 1892 года.

Уполномоченные отъ духовенства Купянскаго училищнаго округа, собравшись въ зданіе училища, по молитвѣ, избрали посредствомъ закрытой баллотировки предсѣдателемъ протоіерея Михаила Черныявскаго, а дѣлопроизводителемъ священника Андрея Базилевича. Затѣмъ приступили къ чтенію программы занятій сѣзда и приняли оную къ обсужденію въ томъ, именно, порядкѣ, въ какомъ она составлена Правленіемъ училища: 1) Читаны журналы предыдущаго сѣзда духовенства, бывшаго 3-го іюня 1891 года, съ послѣдовавшими на нихъ резолюціями Его Высокопреосвященства. Постановили: принять къ свѣдѣнію, а сужденіе о стипендіи имени Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія имѣть въ вечернемъ засѣданіи. 2) По прочтеніи журналовъ, заслушано отношеніе Купянской городской управы, отъ 10-го апрѣля 1892 г. за № 672, коимъ городская управа увѣдомляетъ правленіе Купянскаго духовнаго училища, что она въ засѣданіи своемъ отъ 11-го августа 1891 г. не признала возможнымъ уступить духовному училищу просимую отношеніемъ отъ 23 мая 1891 г. за № 252 городскую землю противъ усадьбы Бондаренка для заведенія при училищѣ сада, питомника

и огорода. Постановили: такъ какъ училищная усадьба довольно тѣсная, а другаго мѣста не имѣется въ виду, то настоящій сѣздъ, съ отказомъ Купянской городской управы, не находитъ возможнымъ ввести при училищѣ обученіе садоводству и огородничеству. 3) Разсматривали смѣты прихода и расхода суммъ по содержанію училища въ 1893 году, изъ коихъ видно, что приходъ равняется 25,104 р. 95 к., а расходъ 21,720 р. 61¹/₄ к., причемъ былъ заслушанъ журналъ Правленія училища № 31 отъ 10-го апрѣля 1892 года. Постановили. Ту и другую смѣты принять безъ измѣненій въ такомъ видѣ, какъ онѣ предложены Правленіемъ училища, кромѣ нижеслѣдующихъ статей расхода: а) жалованье эконому оставить 240 руб., вмѣсто назначенныхъ 300 руб., а буде же онъ не пожелаетъ, просить Правленіе училища пріискать чрезъ публикацію другое способное лицо, по возможности изъ духовнаго званія; б) жалованье буфетчику вмѣсто 10 руб. оставить прежнѣе 7 руб. и в) на наемъ въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ печника изъ гор. Харькова оставить предложенные 72 руб., но просить Правленіе училища нанимать для чистки и поправки печей по мѣрѣ надобности мѣстныхъ печниковъ, которые, по заявленію членовъ Правленія отъ духовенства, имѣются въ г. Купянскѣ и наемъ которыхъ обойдется гораздо дешевле и безъ содержанія ихъ при училищѣ. 4) Читаны журналы дѣйствій временнаго ревизіоннаго комитета по повѣркѣ экономическаго отчета о приходѣ и остаткѣ суммъ по содержанію Купянскаго духовнаго училища въ истекшемъ 1891 году, ассигнуемыхъ изъ духовно-учебнаго капитала и изъ мѣстныхъ средствъ и слушали словесный докладъ члена священника Василя Попова, изъ которыхъ видно, что документальная отчетность по училищу ведена законно, правильно и сомнительнаго ничего нѣтъ. Постановили: докладъ принять къ свѣдѣнію, а журналы приобщить къ дѣламъ сѣзда; членовъ же священниковъ: Іоанна Макаровскаго, Василя Попова и Моисея Петрова благодарить за трудъ и просить принять на себя эту обязанность и на будущій годъ. Наконецъ, председатель сѣзда раздалъ каждому уполномоченному выписки вѣдомости для разсмотрѣнія, по экземпляру отъ благочинія училищнаго округа, съ тѣмъ, чтобы результаты своихъ разсмотрѣній они представили къ вечернему засѣданію. На этомъ журналъ резолюція Его Высокопреосвященства такая: «10 іюня. Утверждается».

Въ вечернемъ засѣданіи уполномоченные, въ числѣ 11-ти по молитвѣ, приступили къ очереднымъ занятіямъ. 1) Имѣли сужденіе

о дополнительной смѣтѣ расхода по содержанію училища во 2 полугодіе 1892 года, по которой сѣздъ не призналъ подлежащими удовлетворенію слѣдующія статьи, а именно: 1) на покраску 162 оконныхъ просвѣтовъ—599 р. 40 к.; 2) на покраску 40 дверныхъ просвѣтовъ 60 р., такъ какъ покраска сихъ предметовъ въ настоящемъ ихъ видѣ и новалъ и прочная, и 3) на добавку жалованья эконому училища Василию Потапову за 2-е полугодіе 1892 г. 30 р. въ виду того, что таковая прибавка отклонена въ утреннемъ засѣданіи, при разсмотрѣніи смѣты расхода на 1893 г.; всего на сумму 689 р. 40 к. Въ остальныхъ частяхъ дополнительная смѣта принята безъ измѣненія; всего на сумму 1.196 р. 60 к. При этомъ разсматривали вѣдомость о суммахъ, имѣющихся на лицѣ по содержанію училища во 2 половинѣ сего 1892 г., изъ которой видно, что всѣхъ поступленій предполагается на 22.053 р. 9 к., а за вычетомъ изъ сей суммы подлежащаго расхода 15583 р. 60 к., въ остаткѣ къ 1893 году имѣеть быть 6469 р. 49 к. Не прибѣгая къ особымъ мѣроамъ, постановили: просить Правленіе училища покрыть расходъ по дополнительной смѣтѣ имѣющимися при училищѣ средствами. 2) Уполномоченные, разсмотрѣвъ вѣдочковыя вѣдомости, доложили въ общемъ собраніи, что веденіе ихъ правильно и поступленія по нимъ суммъ были соотвѣтственно записи о приходѣ вѣдочковъ, что и приняли къ свѣдѣнію. 3) Слушали докладъ Правленія училища о томъ, что взносъ на учрежденіе стипендіи при Купянской училищѣ имени Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, поступилъ отъ о.о. благочинныхъ училищнаго округа сполна. Взносъ этотъ составилъ 2544 р., а съ полученными % за 18⁹⁰/₉₁ годъ въ количествѣ 75 р. 26 к., всего 2619 р. 26 к. Изъ этой суммы Правленіемъ училища употреблено на покупку 5% облигацій 3 Восточнаго займа: 1 въ 1000 р. и 12 по 100 р. 2307 р. 5 к. Затѣмъ, къ 3 іюня 1892 г. взносъ на учрежденіе стипендіи составляютъ: означенныя облигаціи, наличными деньгами 256 р. 98 к. и по книжкѣ Купянской сберегательной кассы 53 р. 93 к., а всего 2510 р. 21 к. Сверхъ сего, при вышеозначенныхъ облигаціяхъ имѣется купоновъ на 1 мая 1892 года на 55 руб. Постановили: а) просить Правленіе училища войти съ ходатайствомъ, куда слѣдуетъ, объ утвержденіи стипендіи; б) имѣющіяся суммы обратить въ 5% государственныя бумаги; в) стипендіи открыть съ 1 генваря 1893 года, если къ этому времени послѣдуетъ утвержденіе оной, въ противномъ же случаѣ со 2 половины 1893 года; г) на

стипендію употреблять процентовъ не болѣе 120 р. въ годъ и д) имѣющійся быть остатокъ хранить при училищѣ по книжкѣ сберегательной кассы и по мѣрѣ накопленія обращать оный въ процентныя государственныя бумаги впредь до образованія въ будущемъ потребнаго капитала на 2-ю стипендію имени Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія съ тѣми же условіями. 4) Слушали докладъ Правленія училища о томъ, что при представленныхъ смѣтныхъ разчисленіяхъ, содержаніе полнокштнаго ученика обходится въ 131 р. 42 к. въ годъ, а полукштнаго и своекоштнаго въ 87 р. 97 к. въ годъ. Постановили: Просить Правленіе училища, въ виду лучшаго урожайнаго года, не возвышать взносовъ за содержаніе въ училищѣ учениковъ болѣе какъ съ полнокштнаго—121 р. 50 к., а съ полукштнаго—80 р. въ годъ, согласно постановленію прошедшаго Сѣзда духовенства, утвержденному Епархіальнымъ начальствомъ. 5) Слушали заявленіе уполномоченнаго священника Андрея Базилевича о томъ, что духовенство вообще хотя и пользуется удобствами общежитія, при обученія своихъ дѣтей, производи опредѣленные за то взносы, но помимо сего приносятъ еще свои личныя жертвы на устройство и содержаніе общежитія; лица же свѣтскаго званія сей тяготы не знаютъ, а дѣлаютъ только лишь назначенные взносы за содержаніе въ общежитіи. По сему не признаетъ ли настоящій Сѣздъ, по примѣру другихъ учебныхъ заведеній, установить какой-либо взносъ съ лицъ свѣтскаго званія за содержаніе дѣтей ихъ въ общежитіи, помимо существующихъ для нихъ взносовъ. По всестороннему обсужденію сего предположенія, постановили: просить Правленіе училища выискивать за содержаніе и помѣщеніе въ общежитіи учениковъ иносостловнаго званія—двадцать (20 руб.) въ годъ, сверхъ установленныхъ для нихъ взносовъ. 6) Слушали докладъ протоіерея Куинискаго Собора, о. Іоанна Левандовскаго, въ коемъ онъ, излагая рѣзкую разность въ потребленіи свѣтскихъ продуктовъ на прокормленіе воспитанниковъ Куинискаго училища при экономахъ Сулимѣ и Потаповѣ, находить, что ходатайство Правленія училища объ увеличеніи жалованья Потапову основательно. Члены Правленія отъ духовенства объяснили эту разность тѣмъ, что при экономѣ Потаповѣ, за сокращеніемъ свѣтскихъ продуктовъ, воспитанники кормились гораздо хуже, о чемъ они неоднократно заявляли имъ членамъ и сами члены тоже усматривали. Пользуясь перерывомъ занятій, уполномоченные, съ разрѣшенія смотрителя училища, посѣтили столовую во время ужина и

нашли изготовленный рисовый супъ довольно жидкимъ и безвкуснымъ. Изъ распросовъ учениковъ старшихъ классовъ выяснилось, что кормленіе ихъ при экономѣ Потаповѣ производилось хуже, чѣмъ при Сулимѣ, а изъ показаній эконома Потапова, явившагося въ Сѣздъ, усмотрѣно, что распредѣленіе сѣстныхъ продуктовъ за его время было не по математическимъ заранѣ опредѣленнымъ даннымъ соотвѣтственно количеству учениковъ, но по приблизительному соображенію и глазомѣру, вслѣдствіе чего, по заявленію членовъ Правленія отъ духовенства, нѣтъ никакой возможности учесть потребленіе продуктовъ. Постановили: 1) Докладъ о. протоіерея Левандовскаго возвратить въ Правленіе училища и просить оное, изготавивъ обстоятельное объясненіе, представить тотъ докладъ на благоусмотрѣніе Его Высокопреосвященства; 2) Просить Правленіе училища на будущее время устранить произволъ въ выдачѣ сѣстныхъ продуктовъ на прокормленіе учениковъ училища, выработать опредѣленную норму потребленія того или другого продукта на каждаго ученика и соотвѣтственно количеству учащихся въ данное время выдавать неуклонно потребные продукты, установивъ контроль, дабы, чрезъ увлеченіе сбереженіемъ и сокращеніемъ сѣстныхъ продуктовъ, не обезсилить организмъ учениковъ съ вредными послѣдствіями: малокровіемъ, цынгою и проч. и тѣмъ уничтожить пререканія и недоразумѣнія въ законномъ дѣлѣ. 7) Слушали прошенія: а) Священника слов. Мѣловатки, Купянскаго уѣзда, Іакова Филевскаго о сятіи съ него недоимки за содержаніе въ училищѣ сына его въ количествѣ 40 р. и б) письмоволителя училища Михаила Погорѣлова о прибавкѣ къ ассигнованному Правленіемъ училища жалованью въ количествѣ 240 р. еще 60 руб. Постановили: о первомъ —отказать; такъ какъ Сѣздъ не имѣетъ права слагать недоимки, а Правленіе училища просить взыскать съ о. Филевскаго недоимку въ 40 руб. чрезъ мѣстнаго благочиннаго, сдѣлавъ разсрочку во взносѣ оной; о второмъ —отказать въ виду того, что смѣтное назначеніе ему, Погорѣлову, Правленіемъ училища въ 240 руб., замѣнитъ прежнихъ 200 руб., Сѣздомъ признано подлежащимъ удовлетворенію. 8) Слушали прошенія учителей Купянскаго училища: а) Ивана Руднева объ ассигновкѣ ему изъ училищныхъ суммъ 200 руб. для поѣздки на Кавказъ въ каникулярное время и для лѣченія тамъ минеральными водами, которое, по свидѣтельству училищнаго врача г. Афанасьева, ему, Рудневу, необходимо, такъ какъ онъ, вслѣдствіе продолжительныхъ занятій по должности учителя съ сидѣ-

ніемъ и нравственнымъ возбужденіемъ, въ настоящее время стра-
дасть общимъ ревматизмомъ и гипереміей печени, и б) Алексан-
дра Макухина о назначеніи ему единовременнаго пособия въ ко-
личествѣ 200 р. въ виду его тяжелыхъ и стѣснительныхъ семей-
ныхъ обстоятельствъ. Принимая во вниманіе весьма полезную для
училища 20-лѣтнюю службу учителя Ивана Руднева и 19 лѣтнюю
службу учителя Александра Макухина, постановили: просить Прав-
леніе училища выдать г. Рудневу сейчасъ-же по утвержденіи се-
го журнала Его Высокопреосвященствомъ, 100 руб. изъ имѣющих-
ся училищныхъ суммъ въ виду его нестложной нужды, а г. Ма-
кухину выдать 100 р. изъ имѣющихся быть остатковъ къ концу
года. 9) Слушали заявленіе уполномоченнаго священника Андрея
Базилевича о томъ, что постановленіемъ Сѣзда 1891 г. взносы
на устройство общежитія при училищѣ: одинъ по подписнымъ ли-
стамъ отмѣненъ, а другой земельный причтовый взносъ оставленъ
до усмотрѣнія настоящаго Сѣзда и что послѣдній, какъ видно
изъ разсмотрѣнныхъ вѣдомостей о движеніи суммъ прихода и ра-
схода по содержанію училища не имѣетъ въ настоящее время для
себя спеціальнаго назначенія. Постановили: взносъ отъ причтовъ на
устройство Купянскаго училищнаго общежитія, за окончательнымъ
устройствомъ онаго, на будущее время прекратить и къ 1-му ян-
варя 1893 г. такового не производить. 10) Приступитъ къ избра-
нію члена Правленія отъ духовенства въ виду окончанія трехлѣт-
ней службы въ этой должности священника Іосифа Самойлова и
посредствомъ закрытой баллотировки избрали членомъ того же
священника о. Іосифа Самойлова, прослужившаго уже три года
въ этой должности, и кандидатомъ къ нему священника слоб. Сень-
кова Василия Попова. Постановили: баллотировочный листъ за под-
писью уполномоченныхъ представить на благоусмотрѣніе Его Вы-
сокопреосвященства. 11) Заслушали прошенія а) исаломщика сл.
Колодезной, Купянскаго уѣзда, Ивана Попова о снятіи недоимки
за содержаніе въ училищномъ корпусѣ сыновей его Елисея и Арсе-
нія въ количествѣ ста (100) руб.; б) діакона слоб. Боровой, Купян-
скаго уѣзда, Іоанна Петрова о снятіи съ него недоимки за содер-
жаніе сына его Георгія въ училищномъ корпусѣ въ количествѣ 30
руб., и в) священника слоб. Каменки, Купянскаго уѣзда, Іоанна
Сапухина о снятіи съ него недоимки въ количествѣ 40 руб. за
содержаніе въ общежитіи сына его Григорія. Постановили: въ прось-
бахъ: о. Сапухину, діакону Петрову и исаломщику Попову отказать
по той же причинѣ и съ тѣми же условіями, по которымъ отка-

зано п. 7 сего журнала о. Филевскому. 12) Читали представленную Правленіемъ училища грамоту Святѣйшаго Правительствующаго Всероссійскаго Синода о преподаніи духовенству Купянскаго училищнаго округа благословенія за постройку новаго зданія для Купянскаго духовнаго училища, съ пожертвованіемъ на то ихъ собственности. Переносясь мысленно къ недавно прошедшему времени, уполномоченные Съѣзда святое вниманіе Святѣйшаго Синода всецѣло относятъ къ заслугамъ своего попечительнѣйшаго о нуждахъ духовенства Архипастыря, Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія, съ полнымъ своимъ убѣжденіемъ, что безъ просвѣщеннаго руководства Владыки духовенство Купянскаго училищнаго округа еще долгіе годы ожидало бы такого благоустроеннаго во всѣхъ отношеніяхъ зданія для общежитія. Постановили: по окончаніи 4 іюня занятій Съѣзда, помолиться о здравіи и благоденствіи Святѣйшаго Синода и Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія, а Правленіе училища просить задѣлать грамоту въ приличную раму и хранить на память потомству. Временемъ собранія будущаго Съѣзда духовенства назначается девятое (9) число іюня мѣсяца 1893 г. Собраніе закрыто въ 2 часа ночи и постановлено собраться утромъ для подписи журнала. На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства послѣдовала такая: іюня 10-го. «Утверждается. За признательность духовенства благодарю».

Епархіальныя извѣщенія.

Священникъ Софіевской п. сл. Стратилатовки, Изюмскаго уѣзда, Николай *Ястремскій*, по прошенію, перемѣщенъ къ Вознесенской ц. сл. Песокъ, того же уѣзда, а на его мѣсто перемѣщенъ, по прошенію, священникъ Іоанно-Предтечевской церкви сл. Ново-Павловки, того же уѣзда, Михаилъ *Юшковъ*.

— Священникъ Тахоновской ц. с. Гапусова, Старобѣльскаго уѣзда, Веніаминъ *Загурскій*, перемѣщенъ къ Іоанно-Предтечевской п. сл. Ново-Павловки, Изюмскаго уѣзда.

— Псаломщикъ Петро-Павловской ц. сл. Заводъ, Изюмскаго у., Митрофанъ *Щербина*, опредѣленъ на должность учителя церковно-приходской школы, вновь открытой въ сл. Протопоповкѣ, того же уѣзда, а на его мѣсто опредѣленъ псаломщикомъ къ названной церкви сынъ псаломщика Дмитрій *Поповъ*.

— Псаломщики Изюмской Митрофаніевской ц. Василій *Даневскій* и

Алексѣевской ц. сл. Куруньки, Изюмскаго у., Петръ *Чернявскій*, пере-мѣщены одинъ на мѣсто другаго.

— Замѣтный священникъ Ахтырской Петро-Павловской ц. Василій *Кілюоскій*, волею Божіею, скончался.

— Псаломщикъ Вознесенской ц. с. Большой Рогозянки, Харьковскаго уѣзда, Владиміръ *Волобцевъ*, опредѣленъ діакономъ къ Троицкой церкви Лебединскаго уѣзда.

— Утверждены въ должности церковныхъ старостъ къ церквамъ: къ Георгіевской г. Ахтырки, кр. Василій *Бойко*; къ Успенской с. Хотѣип, Сумскаго уѣзда, кр. Петръ *Гавриленко*; къ Архангело-Михаиловской с. Павловкѣ, Сумскаго уѣзда, кр. Семеонъ *Коломійцъ*; къ Покровской с. Писаревки, Сумскаго уѣзда, кр. Андрей *Вильоводскій*; къ Николаевской с. Подлѣсповки, Сумскаго уѣзда, дворянинъ Николай *Ставровскій*; къ Иоанно-Предтечевской сл. Луки, Сумскаго уѣзда, кр. Плья *Прихожай*.

— Уволенъ отъ должности церковнаго старосты, Пристайловской Успенской церкви, Лебединскаго уѣзда, унт.-офиц. Василій *Пилишый*.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Пребываніе въ С.-Петербургѣ секретаря Вселенской Патріархіи. — Назначеніе католическаго генеральнаго патріаршества. — «Американскій Русскій Вѣстникъ». — 400-лѣтняя годовщина открытія Америки. — Цалская «золотая роза». — Розетки въ Сараевѣ русскихъ иконъ и картинъ. — Французскій атеизмъ. — Календарный вопросъ въ Сербской митрополіи. — Протестантизмъ въ Сиріи. — Польскій фалатизмъ. — 25-лѣтіе Общества Краснаго Креста. — Сестры милосердія для ухода за холерными больными. — Нововиленный икона Владимірской Божіей Матери. — Икона художника г. Маковского, для храма близъ Борюкъ. — О. Іоаннъ Кропшадтскій въ Лѣвнянскомъ монастырѣ. — Посѣщеніе духовными воспитанниками св. мѣстъ. — О сближеніи между духовными и свѣтскими учебными заведеніями. — Распоряженіи епархіальныхъ преосвященныхъ, по случаю появленія эпидеміи. — Дѣятельность по тому же случаю приходскихъ Петербургскихъ священниковъ. — Отказы печати объ опредѣленіи Св. Синода отъ 9 июля. — Сужденія «Новостей» о томъ же предметѣ. — Благородная жертва долга. — Береженаго и Богъ бережетъ. — Объявленіе.

Въ С.-Петербургѣ гоститъ первый секретарь Св. Синода Вселенской патріархіи, о. архимандритъ Константинъ Александръ, пріѣхавшій недавно изъ Константинополя. О. архимандритъ Константинъ прибылъ въ Россію по порученію Вселенскаго Константинопольскаго патріарха по дѣламъ, касающимся Константинопольскаго патріаршата подворья въ Москвѣ и соединенныхъ съ этими дѣлами нѣкоторыхъ церковныхъ вопросовъ. Побывавъ въ Москвѣ, о. архимандритъ Константинъ, въ сопровожденіи уполномоченнаго Іерусалимскаго патріарха, о. архимандрита Арсенія Ангелиди, останется на нѣкоторое время въ С.-Петербургѣ и отсюда чрезъ Вѣну

возвратится въ Константинополь. Приѣздъ въ Россію подобныхъ представителей Вселенскаго патріарха и ихъ личное знакомство съ нашими іерархами имѣетъ, замѣчаетъ «Новое Время», огромное значеніе для тѣснаго скрѣпленія того церковнаго единенія, которое существуетъ въ православной церкви между іерархами независимыхъ восточныхъ церквей и іерархами нашей русской церкви.

— Назначеніе католическаго генеральнаго патріаршества, слухъ о которомъ мы уже сообщали, вызываетъ въ Берлинь сильное раздраженіе противъ папы Льва XIII. «Къ многочисленнымъ психологическимъ загадкамъ конца столѣтія будетъ принадлежать и симпатія папы къ Россіи», пишетъ Post. Французскій Фигаро сообщалъ де, что сближеніе, или какъ Post выражается, «зависимость» Франціи отъ Россіи, состоялось при содѣйствіи папы и политическіе мотивы этой тактики папы понятны. Менѣе понятно учрежденіе генеральнаго патріаршества въ Константинополь, которое должно объединить всѣхъ католиковъ Балканскаго полуострова. Этотъ постъ имѣется де въ виду поручить пылѣвшему армянскому патріарху Азаріану, который пользуется расположеніемъ султана Абдуль-Гамида и папы Льва XIII. «Этимъ Порто желаетъ устранить традиціонный патронатъ Австріи надъ многочисленными албанскими католиками; Италія тоже пользовалась тамъ временами правами покровительницы, которыя вытекали изъ правъ прежней республики Санъ-Марка (Венеція). Ударъ, который былъ бы этимъ способомъ нанесенъ прямо Вѣнскому кабинету и косвенно тройной лигѣ, былъ бы дѣйствительно весьма чувствителенъ, такъ какъ австрійскому вліянію столь сильному на балканскихъ католиковъ былъ бы положенъ конецъ. Сложная шахматная доска балканской политики получить чрезъ это новый важный факторъ. Ударъ нанесенъ издалека и нанесенъ на вѣрное мѣсто, если только онъ уже нанесенъ. Но пока еще происходятъ между Портой и куріей переговоры, такъ какъ сама курія имѣетъ массу конгрегационныхъ дистанцій, чрезъ которыя долженъ пройти вопросъ по обычаю». Но газета находитъ нѣкоторое утѣшеніе: «если папа назначить въ Константинополь католическаго генеральнаго патріарха, которому будутъ подчинены всѣ восточные епископы и епархіи, то онъ создастъ вице-папу, который легко можетъ превратиться когда-нибудь въ контръ-папу. До сихъ поръ для восточныхъ католиковъ церковнымъ центромъ служилъ Римъ, папа Левъ XIII хочетъ создать для нихъ второй центръ, но конечно съ высшею инстанціей въ Римѣ. Католицизмъ на Востокѣ безъ со-

миѣнія тогда усилятся, но увеличится ли связь съ римскимъ папскимъ престоломъ—вопросъ иной. Католици, если не исключительно, то въ большей части славяне, тяготеющіе къ Россіи, которая конечно не отказывается тоже отъ своихъ церковныхъ задачъ на Востокъ. А при неизбежныхъ столкновѣніяхъ между папой и вице-папой, куда склонится послѣдній, въ сторону султана или христіанскаго покровителя Востока Русскаго Императора? Католическій генеральный патріархатъ будетъ значительнымъ шагомъ на пути христіанскаго просвѣщенія Востока, но не въ римско-католическомъ, а греко-православномъ духѣ.

«Моск. Вѣд.» однако въ основательности этого послѣдняго утвержденія сильно сомнѣваются.

— Изъ С. Америки сообщаютъ, что тамъ началъ издаваться ежедневный журналъ подъ названіемъ «Американскій Русскій Вѣстникъ». Вѣстникъ этотъ будетъ органомъ американскихъ русскихъ церковныхъ братствъ. Въ первомъ номерѣ помѣщена статья подъ заглавіемъ: «О всѣхъ братьяхъ русской народности, проживающихъ въ Америкѣ». Статья эта сообщаетъ, что въ Сѣверной Америкѣ въ настоящее время проживаетъ 150 тысячъ русскихъ поселенцевъ, большею частію выходцевъ изъ Галиціи и уніатовъ. Они имѣютъ 15 церквей, 12 священниковъ и 1 газету. Съ каждымъ годомъ число выходцевъ изъ Галиціи увеличивается въ такой степени, что скоро эта несчастная страна совершенно обезлюдѣтъ, если не прекратится эмиграція.

— Вашингтонскій конгрессъ рѣшилъ праздновать 400-лѣтнюю годовщину открытія Америки Христофоромъ Колумбомъ не 12-го, а 21-го октября нынѣшняго года, такъ какъ Колумбъ прибылъ въ Америку 12-го октября 1492 г. по Юліанскому календарю, но этотъ день по Григоріанскому календарю соответствуетъ 21-му октября. По этому же поводу опубликована энциклика папы къ епископамъ Испаніи, Италіи и Америки относительно празднованія 400 лѣтняго юбилея открытія Америки. Вотъ нѣкоторые мѣста этой энциклики:

«Трудно найти причину болѣе способную тронуть сердца какъ 400-лѣтіе открытія Америки, совершенное Божиимъ Промысломъ чрезъ Христофора Колумба. Немного людей, величіе души и гений которыхъ могли бы сравниться съ Колумбовыми. Онъ извлекъ изъ мрака и забвенія тысячи людей, призвавъ ихъ къ цивилизаціи и, что еще важнѣе, къ участию въ дарахъ, данныхъ Иисусомъ Христомъ для вѣчнаго спасенія міра.

«Къ напоминанію этого событія насъ побуждаетъ еще одна особая причина, а именно та, что Колумбъ принадлежитъ къ католической церкви. Если принять во вниманіе причины побудившія его предпринять изслѣдованіе таинственнаго моря, то нельзя сомнѣваться, что единственнымъ мотивомъ была католическая вѣра, и ей именно обязано человѣчество открытіемъ Колумба.

«Въ отличіе отъ другихъ путешественниковъ, которые ранѣе и послѣ его открывали новыя земли, Колумбъ былъ особенно одушевленъ духомъ религіи, поддерживавшей его гонимъ и его настойчивость и утѣшавшей его среди испытаній. Его цѣлю было открыть новыя страны для проповѣди Евангелія».

Далѣе для доказательства этого положенія папа приводитъ біографическія свѣдѣнія о Колумбѣ и приказываетъ, чтобы 12 октября или же въ слѣдующій воскресный день во всѣхъ церквахъ Италіи, Испаніи и Америки была отслужена торжественная месса Св. Троицы, въ память о Колумбѣ. Епископы другихъ странъ также могутъ присоединиться къ этому торжеству.

— Извѣстно, что папа ежегодно присуждаетъ золотую розу одной какой либо высокопоставленной дамѣ за ея нравственные качества и заслуги предъ римскою церковію. Въ нынѣшнемъ году папа присудилъ послать розу королевѣ Португальской Амаліи. Врученіе золотой розы отъ имени папы королевѣ Амаліи сопровождалось большими торжествами. Специальный папскій посолъ маркизъ Саккетти, привезшій золотую розу въ Лиссабонъ, принять былъ съ особеннымъ почетомъ. Шкатулка, въ которой заключался папскій подарокъ, отперта была во время церковной службы въ Лиссабонскомъ соборѣ папскимъ нунціемъ и золотая роза была тутъ же торжественно вручена королевѣ, съ благоговѣніемъ облобызавшей ее. Затѣмъ эта роза будетъ храниться въ соборной ризницѣ. Послѣ церковнаго торжества состоялся банкетъ въ королевскомъ дворцѣ, на которомъ присутствовало около полтора ста приглашенныхъ португальскихъ грандовъ и первыхъ придворныхъ чиновъ. Кромѣ королевской четы, всѣ присутствующіе обѣдали стоя, такъ какъ по португальскому этикету на торжественныхъ официальныхъ банкетахъ во дворцѣ, въ присутствіи короля, приглашенные не имѣютъ права садиться. На другой день давала обѣдъ королева въ честь папскаго нунція и специального посланника, привезшаго папскій подарокъ. Этотъ обѣдъ данъ былъ въ загородномъ дворцѣ и на этотъ разъ приглашенные обѣдали сидя. Маркизъ Саккетти вернулся въ Римъ вполне довольный оказаннымъ

ему приѣмомъ. Онъ передаетъ, что шкатулку съ панскимъ подаркомъ онъ везъ съ собой въ вагонѣ, въ особомъ купе и буквально не спускалъ съ нея глазъ, такъ какъ ходили слухи, что шайка ловкихъ мошенниковъ собиралась похитить золотую розу. По пути во Франціи и въ Испаніи для охраны ея съ побѣдомъ слѣдовали переодѣтые полицейскіе.

— Сараевскою полиціей на дняхъ были произведены строгіе обыски у мѣстныхъ православныхъ торговцевъ. Разыскивали выписанныя этими торговцами изъ пограничнаго съ Сербіей города Углицъ православныя иконы московскаго письма и русскія картины патріотическаго содержанія. Особенно преступными въ глазахъ австро-венгерскихъ сыщиковъ считались портреты генераловъ Скобелева, Гурко и другихъ героев прошлой Русско-Турецкой войны, результатомъ коей было освобожденіе Болгаріи и провозглашеніе Сербскаго королевства. Боснійскіе Сербы охотно покупаютъ такіе портреты, почему торговцы и выписали ихъ въ значительномъ числѣ. Сараевская полиція не только конфисковала означенные портреты, но и вообще картины изъ русскаго быта, признавая ихъ опасными въ смыслѣ панславистической агитаціи.

— Атеизмъ, возведенный во Франціи въ государственный символъ вѣры, время отъ времени даетъ о себѣ знать въ самыхъ оскорбительныхъ для христіанства формахъ. Во Франціи, какъ извѣстно, давно уже введенъ гражданскій бракъ, низводящій великое церковное таинство на степень простой гражданской сдѣлки, которую не трудно и отмѣнить потомъ. Но для глашатаевъ атеизма этого недостаточно, и муниципалитетъ одного изъ ближайшихъ къ Парижу городовъ, именнно Сен-Дени, надумалъ ввести такъ называемое «гражданское крещеніе», которое должно замѣнить собою церковное таинство св. крещенія. Первый примѣръ такого рода крещенія совершенъ былъ на дняхъ надъ ребенкомъ одного изъ членовъ мѣстной думы и церемонія была обставлена всевозможною торжественностью. По уставу гражданское крещеніе должно всегда совершаться въ присутствіи городского головы или его замѣстителя и при немъ такъ же допускаются крестный отецъ и крестная мать, какъ и при церковномъ таинствѣ. Голова произноситъ установленную формулу крещенія въ знакъ принатія ребенка въ общину и затѣмъ обращается къ крестному отцу и матери съ такимъ вопросомъ: «гражданинъ такой-то и гражданка такая-то, согласны ли вы принять на себя попеченіе нравственное и гражданское о ребенкѣ такомъ-то» (ими и фамилія новорож-

денега)? Крестные отецъ и мать отвѣчаютъ на это: «да». Тогда голова торжественно заканчиваетъ всю церемонію, говоря: «во имя великихъ принциповъ французской республики и свободы совѣсти, я объявляю, что присутствующій здѣсь ребенокъ будетъ находиться подъ нравственнымъ и гражданскимъ покровеніемъ гражданина такого-то и гражданки такой-то». Такого-то это новое измышленіе приверженцевъ французскаго радикализма. Они кажется и не понимаютъ, какъ они смѣшны съ этой своей жалкой пародіей на великое таинство церкви.

— По сообщенію «Свѣта» (№ 162), высокопреосвященный митрополитъ Михаилъ Сербскій поднялъ серьезный вопросъ о календарной реформѣ. Преосвященный владыка автокефальной сербской церкви обратился по этому поводу къ его святѣйшему архіепископу—павлу Рима—и вселенскому патриарху Неофиту, ради исправленія Юліанскаго календаря, съ слѣдующимъ посланіемъ: «Ваше святѣйшество! Въ Православной Церкви издавна установлено праздновать св. Пасху послѣ весенняго равноденствія и никогда не праздновать ее въ одно время съ евреями. Это же самое опредѣляется и седьмымъ правиломъ святаго апостола. Но, благодаря неточности годичнаго времяисчисленія, празднованіе св. Пасхи не совпадаетъ съ тѣмъ именно временемъ, въ которое слѣдовало бы праздновать ее, согласно постановленіямъ Никейскаго собора, такъ какъ нынѣ равноденствіе считается 9 марта, а прежде считалось 21, что составляетъ разницу въ 12 дней.

«Мы не можемъ пожелать и согласиться на принятіе Григоріанскаго календаря, который опять-таки впадаетъ въ другую ошибку и который произвелъ бы путаницу въ чинѣ нашихъ церковныхъ праздниковъ и службахъ. Мы всего умѣстнѣе находимъ придерживаться примѣра Никейскаго собора. Если не будетъ сдѣлано исправленія въ Юліанскомъ календарѣ, которымъ руководствуется Православная Церковь, то наступитъ время, когда весеннее равноденствіе падетъ съ мѣсяца марта на февраль, и это опять-таки было бы прегрѣшеніемъ противъ канона, который предписываетъ считать весеннее равноденствіе ежегодно 21 марта. Относясь съ должнымъ уваженіемъ къ мнѣніямъ людей свѣдущихъ и астрономовъ, въ виду приближенія въ 1940 году окончанія пасхальныхъ исчисленій, опредѣленныхъ въ церковныхъ книгахъ, мы находимъ теперь весьма своевременнымъ и необходимымъ напомнить, дабы всѣ православныя автокефальныя церкви заблаговременно сговорились между собой и единодушно согласились бы изыскать

способъ, чтобы имѣть возможность сохранить въ точности постановленія канонѡвъ и исправить ошибки, вкравшіяся въ календарь».

Примѣръ Никейскаго собора, о которомъ говорятъ владыка, состоитъ въ томъ, что онъ исправилъ Юліанскій календарь тѣмъ, что прибавилъ къ тогдашнему времени три дня, переставивъ весеннее равноденствіе съ 18 на 21 марта. Но не ограничиваясь этимъ, митрополитъ Михаилъ считаетъ полезнымъ и разъ на всегда прекратить возможную неточность. «Вносимъ это предложеніе, говоритъ митрополитъ, на усмотрѣніе вашего святѣйшества, да соблагovolите въ своей мудрости изучить его и составить комитетъ изъ православныхъ астрономовъ и православныхъ духовныхъ ученыхъ лицъ для постановленія, на основаніи утвержденнаго астрономическаго исчисленія, что солнечный годъ исчисляется въ 365 дней 5 час. 48 мин. и 45 секундъ, въ чемъ Юліанскій календарь и долженъ быть исправленъ. Такимъ образомъ получилось бы тогда постоянное, неподвижное равноденствіе и празднованіе христіанской Пасхи всегда приходилось бы въ одно и то же время, въ которое дѣйствительно Спаситель міра, Господь Іисусъ Христосъ нашъ воскресъ изъ мертвыхъ и запечатлѣлъ истину спасенія человѣчества». Итакъ, вопросъ возбуждается уже въ самой Церкви Православной, и каково бы ни было его дальнѣйшее теченіе—нельзя не замѣтить, что поставлено оно правильно, такъ какъ простое усвоеніе Григоріанскаго календаря составило бы лишь переходъ отъ одной ошибки къ другой.

— «Церк. Вѣстникъ» подтверждаетъ успѣхи протестантизма среди православнаго арабскаго населенія въ Сиріи, о которыхъ газеты говорили со словъ нѣкоторыхъ московскихъ изданій. Успѣхи эти вызваны, къ сожалѣнію, нетерпимостью греческаго высшаго духовенства. Протестантизмъ въ Дамаскѣ сдѣлалъ громаднѣйшіе успѣхи на счетъ православія—говоритъ «Церковный Вѣстн.». Миссіонеръ англійской епископальной церкви въ Дамаскѣ писалъ своему епископу въ Іерусалимѣ, что 360 православныхъ дамаскинцевъ изъявили желаніе присоединиться къ епископальной церкви. Свѣдѣнія объ этомъ были получены и іерусалимскимъ православнымъ патріархомъ, который послалъ своего драгомана къ англійскому епископу, чтобы послѣдній, въ силу своего обѣщанія не имѣть пропаганды между православными, посоветовалъ своему пастору въ Дамаскѣ медлить присоединеніемъ православнымъ и продолжать мирныя отношенія съ православнымъ патріархомъ. Останутся ли эти 360 человѣкъ въ лоѣ православной церкви, или они увлекутъ за собой въ инославіе и другихъ своихъ со-

собратьевъ? На эти вопросы лучше всего отвѣчаютъ извѣстія изъ Дамаска, принесенныя послѣдними сообщеніями. Православные Сиріи желаютъ имѣть архіереевъ изъ мѣстныхъ арабовъ, какъ извѣстно. Влаженцѣйшій Спиридонъ не желаетъ этого и за послѣднія недѣли рукоположилъ двухъ святогробцевъ, прибывшихъ вмѣстѣ съ нимъ въ Дамаскъ, въ архіереп—Веніамина (игумена Никольскаго монастыря въ Іерусалимѣ) въ Діарбекиръ, Нектарія (дьякона)—въ Алеппо. Рукоположеніе Нектарія въ архіерея было неожиданностію для самихъ святогробцевъ: онъ имѣетъ не больше 25 лѣтъ отъ роду.

— Не такъ давно оустили въ могилу на одномъ изъ пригородныхъ петербургскихъ кладбищъ тѣло челоуѣка, отличавшагося замѣчательною въ своемъ родѣ судьбой. Родился онъ въ Западномъ краѣ, въ католической семьѣ, получилъ блестящее образованіе, окончилъ курсъ докторомъ богословія и провелъ молодые годы католическимъ миссіонеромъ въ Африкѣ. Въ Римѣ онъ былъ на хорошемъ счету и нѣкоторое время былъ въ Петербургѣ профессоромъ богословія въ католическихъ учрежденіяхъ. Въ будущемъ его ожидала католическая епископская кафедра. Это было много лѣтъ тому назадъ. Въ самомъ разгарѣ своей цвѣтущей дѣятельности онъ вдругъ отказался отъ всѣхъ ожидавшихъ его духовныхъ повышеній и почестей и вышелъ изъ духовнаго званія. Причиной была любовь. Онъ влюбился въ одну изъ своихъ бывшихъ прихожанокъ и женился на ней. Черезъ мѣсяць послѣ свадьбы жена ушла отъ него. Іезуиты, для которыхъ цѣль оправдываетъ всѣ средства, подъ шумокъ такъ напугали бѣдную женщину муками ада за отреченіе ея мужа отъ монашества, что она сама скрылась въ одномъ изъ католическихъ монастырей Италіи и затѣмъ окончила жизнь въ домѣ сумасшедшихъ. Одинокій, брошенный ученый мужъ принужденъ былъ подать въ отставку изъ тѣхъ учебныхъ заведеній, гдѣ онъ профессорствовалъ. Озлобленный противъ іезуитовъ, онъ вооружился посохомъ и исходилъ пѣшкомъ всѣ русскіе монастыри и православныя святыни и кончилъ тѣмъ, что самъ принялъ, по убѣжденію, православіе. Съ этого момента отъ него отвернулись всѣ его прежніе знакомые-католики. Куда бы онъ потомъ ни поступалъ на службу, ему всегда предшествовала такая лестная репутація, распространяемая его бывшими единовѣрцами, что его или скоро увольняли или службу обставляли такими тяжелыми условіями, что онъ самъ уходилъ. Бился онъ такимъ образомъ лѣтъ пятнадцать и перепробовалъ массу профес-

сій. Наконецъ, онъ, бывшій профессоръ и докторъ богословія, чтобы не умереть подъ старость съ голода, долженъ былъ поступить кассиромъ на глухую станцію желѣзной дороги, на тридцать рублей въ мѣсяцъ, и продавать пассажирскіе билеты. Однимъ изъ заправиль этой дороги былъ полякъ, его ученикъ, слушавшій когда-то въ молодости его лекціи по богословію. Объявляя разъ свою лшцію и встрѣтивъ въ лицѣ кассира своего бывшаго профессора, начальникъ объявилъ, что на его линіи ренегаты терпимы быть не могутъ. Старика попросили удалиться. Онъ закончилъ жизнь швейцаромъ въ Петербургѣ и умеръ одинъ, безъ близкихъ и родныхъ. Похоронили его недавно на загородномъ кладбищѣ, въ простомъ сосновомъ гробу, въ разрядѣ безплатныхъ могилъ.

— Въ маѣ нынѣшняго года минуло 25 лѣтъ со времени утвержденія покойнымъ Государемъ Александромъ II устава русскаго Общества Краснаго Креста. Въ «Рус. Архивѣ» находимъ по этому случаю любопытную справку г-жи Алмазовой, основанную на официальныхъ бумагахъ и касающуюся зарожденія и учрежденія этого прекраснаго Общества, носившаго въ первые годы своего существованія названіе «Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ».

Какъ ни проста мысль объ учрежденіи у насъ Общества Краснаго Креста—тѣмъ болѣе, что такое Общество уже существовало на Западѣ—ей пришлось испытать разныя перипетіи, прежде чѣмъ осуществиться на практикѣ. Починъ учрежденія Общества принадлежитъ двумъ женщинамъ, г-жѣ М. С. Сабининой, одной изъ фрейлинь покойной Государыни, и баронессѣ Фредериксѣ, къ которымъ присоединились и лейбъ-медики Карель и Нароновичъ. Какъ всегда, на первыхъ порахъ учредители бродили вокругъ и около, стараясь разобраться въ дѣятельности будущаго Общества и въ кругѣ лицъ, изъ котораго она должна и могла состоять.

Императрица, горячо принявшая къ сердцу успѣхъ дѣла, сама руководила, называла тѣхъ лицъ, кого желательно бы приобрести; иногда получалось отъ Ея Величества по нѣскольку записокъ въ день съ вопросами, что сдѣлано, или съ совѣтомъ, что нужно сдѣлать. Вотъ образецъ одной изъ такихъ записокъ (на французскомъ языкѣ): «Мнѣ кажется, что Аврора Карамзина была бы прекраснымъ приобретеніемъ для вашего комитета. Русское имя, богата и очень благотворительна. Я уже говорила ей объ Обществѣ мимоходомъ».

Ея Величество очень настивала на томъ, чтобы привлечь какъ можно болѣе духовенства, и по ея совѣту предложили быть членами И. В. Рождественскому, И. А. Я—ву и духовнику Ихъ Ве-

личествъ В. Б. Бажанову. Странно сказать, но дѣло было такъ ново, что точно боялись примкнуть къ нему; иначе какъ объяснить отказъ, который получили учредительницы отъ многихъ изъ нихъ, напр., отъ графини Т—ой, отъ Рождественскаго, отъ Я—ва? Все они, какъ бы сговорившись, давали одинъ отвѣтъ: «начинайте, учреждайте, а потомъ и мы запишемся». И. А. И—въ даже съ соболѣзнованіемъ покачалъ головой и сказалъ: «ахъ, ахъ, какъ вы еще молоды!» Графъ Б***скій въ очень любезномъ письмѣ выразилъ сожалѣніе, что домашнія обстоятельства не позволяютъ ему принести свою долю труда и пользы прекрасному дѣлу и пр., и пр., но, должно быть, отнесся къ дѣлу тоже недовѣрчиво, потому что не сдѣлалъ и не предложилъ никакого денежнаго пожертвованія, не смотря на свои богатства; а это было бы целиннымъ для начинающаго Общества.

Затѣмъ много толковали объ уставѣ, объ его языкѣ—вслѣдствіе чего даже такія лица, какъ Тотлебенъ и Треповъ, пробовали сочинять статуты Общества и воззванія, — чуть чуть не выдѣлили Москву изъ общаго дѣла (вслѣдствіе соображенія Тотлебена, что Москва не любитъ и «не довѣряетъ» (!) Петербургу) и т. д. Митрополитъ Филаретъ отказывался писать воззваніе къ странѣ, потому что не допускалъ, чтобы въ комнатахъ «дамы засѣдали вмѣстѣ съ мужчинами», что очень огорчило и обезпокоило учредительницъ. Но такъ какъ митрополитъ Филаретъ былъ сила, которому противодействовать было опасно, то пришлось сдѣлать ему уступку. Явилось понятное недовѣріе между членами Общества, когда узнали рѣшеніе преосвященнаго; стали подозрѣвать, не подъ чужимъ ли вліяніемъ родилось это рѣшеніе...

Въ концѣ концовъ желаніе императрицы, чтобы дѣло было окончено къ 17-му апрѣлю, дню рожденія покойнаго Государя, прекратило всякія недоразумѣнія и смуту: Общество устроилось и выборы главнаго управленія состоялись.

— Въ сестры милосердія для ухода за холерными больными, какъ сообщаютъ петербургскія газеты, записалось болѣе 100 лицъ. Большинство изъ интеллигентныхъ семействъ. Въ сестры милосердія охотно идутъ и дѣвцы, и замужнія женщины. Желаящіе будутъ получать за свой трудъ опредѣленное вознагражденіе. Курсъ ухода для сестеръ будетъ читаться въ одной изъ думскихъ залъ докторомъ А. А. Линскимъ.

— 9-го іюля въ Петербургѣ распространилась молва о чудесномъ обрѣтеніи иконы Владимірской Божіей Матери, гдѣ при-

нилъ мученическую смерть Императоръ. Нѣсколько дней тому назадъ къ мѣсту постройки храма явилась старушка, убѣдительно просившая сторожеваго служителя пропустить ее за ограду. Получивъ отказъ, она убѣдительно просила доложить о ней начальству, чтобы она могла выпросить себѣ разрѣшеніе побывать на мѣстѣ постройки. Ей продолжали отказывать въ просьбѣ, но она упорно продолжала настаивать на своей просьбѣ. Это продолжалось нѣсколько дней и все съ одинаковымъ результатомъ. Тогда старушка рѣшилась открыть сторожу причину, которая заставляетъ ее такъ упорно стремиться за заповѣдную ограду: ей было видѣнье, что въ томъ мѣстѣ, гдѣ сваливается мусоръ, находятся подъ землею остатки старинной стѣны, внутри которой сохраниется древняя икона Божіей Матери. Это извѣщеніе подѣйствовало благоприятно на сторожа, который рѣшилъ, наконецъ, доложить обо всемъ по начальству. Однако начальство не приняло старушки и запретило сторожу всякія съ нею сношенія. Но послѣдняя не унималась: она продолжала досаждать сторожу о допущеніи ея къ мусорной свалкѣ, увѣряя, что она должна немедленно ослѣпить, если не исполнить своей миссіи: ей отчетливо видѣлось мѣсто, гдѣ находится икона, такъ что она безъ всякаго труда можетъ найти ее. Упорныя мольбы тронули неподатливаго сторожа, и онъ оказалъ ей зависѣвшее отъ него содѣйствіе: съ разрѣшенія десятника онъ позволилъ ей явиться 8-го іюля рано утромъ на мѣсто постройки, когда никого изъ начальствующихъ здѣсь еще не бываетъ. Придя въ назначенный часъ, старушка прямо направилась въ одинъ изъ угловъ свалки и начала руками разгребать мусоръ. Ей дали лопату, и черезъ нѣсколько минутъ дѣйствительно было обнаружено на незначительной глубинѣ присутствіе старинной стѣны, а затѣмъ въ послѣдней—нѣкоторая пустота, изобличавшаяся особымъ глухимъ звукомъ.

— Здѣсь! сказала старушка.

При помощи присутствовавшихъ стѣна была взломана и внутри ея найдена, по словамъ Р. Ж., икона Божіей Матери. Живопись потемнѣла за исключеніемъ лица; также отчетливо видѣлась надпись: «Владимірская Божія Матерь». Всѣ были поражены и рѣшили дать знать по начальству, которое на этотъ разъ со своей стороны распорядилось сообщить о происшедшемъ дворцовому духовенству, въ томъ числѣ протопресвитеру И. Л. Янышеву. Вечеромъ 8 іюля передъ обрѣтенной иконой было совершено придворнымъ духовенствомъ молебствіе, послѣ чего икона была перенесена во дворецъ Великой Княгини Екатерины Михайловны.

— Извѣстный художникъ г. Маковскій закончилъ, заказанный с.-петербургскимъ дворянствомъ, образъ святой равноапостольной Маріи Магдалины; икона эта предназначается для иконостаса, имѣющаго быть поставленнымъ въ храмѣ на мѣстѣ крушенія Императорскаго поѣзда, близь станціи Борки.

— Въ «Литов. Епарх. Вѣдом.» пишутъ: «извѣстный протоіерей о. Іоаннъ Сергіевъ въ 20-хъ числахъ минувшаго мая посѣтилъ Лѣснянскій женскій монастырь (Сѣдлецкой губ.) и намъ выпало на долю видѣть этого «добраго» пастыря и помолиться съ нимъ. Сказавши нѣсколько словъ о томъ, какое впечатлѣніе оставилъ по себѣ о. Іоаннъ—своею лѣтностью, богослуженіемъ и общеою исповѣдью, г. В. Ч.—въ говорить:

«Но всего поразительнѣе его общая исповѣдь. Причастивши младенцевъ и совершенно закончивъ обѣдню, о. Іоаннъ объявилъ, что онъ не въ состояніи исповѣдывать порознь каждаго желающаго (а желающихъ была вся церковь) и потому будетъ исповѣдь общая. Затѣмъ онъ началъ читать и объяснять присутствующимъ молитвы предъ исповѣдью и наконецъ, въ формѣ бесѣды, выяснилъ: что такое покаяніе, какъ важно оно для человѣка и какъ слѣдуетъ каяться. Всѣмъ этимъ о. Іоаннъ расположилъ молящихся къ покаянію и когда, затѣмъ произнесъ: «кайтесь-же всѣ, какъ я сейчасъ сказалъ вамъ» — плачъ и рыданія раздались въ церкви. Плакали и женщины и мужчины, и православные и иновѣрцы. Рядомъ почти со мной стоялъ старецъ—іерей, участвовавшій въ богослуженіи; и онъ, низко склонивъ голову, какъ впечатлительный юноша, плакалъ. Отрадны и цѣлебны такія слезы... «долго накопивъ въ груди, потекутъ онѣ наконецъ—сперва съ усиліемъ, потомъ все легче, все слаще; нѣмое томленіе тоски разрѣшается ими». Тоска о грѣхахъ разрѣшалась и исчезала съ такими слезами и у лѣснянскихъ богомольцевъ. Не знаю, сколько минутъ продолжалось все это (о. Іоаннъ ушелъ на это время въ алтарь); но вотъ нашъ духовникъ вышелъ къ народу и спросилъ: — «калялись-ли вы искренно, и будете-ли теперь жить лучше». Народъ отвѣтилъ утвердительно и о. Іоаннъ сталъ читать разрѣшительную молитву, въ которой отъ лица всѣхъ присутствовавшихъ за службой священниковъ, произнесъ: «прощаемъ и разрѣшаемъ васъ отъ грѣховъ» и благословилъ на всѣ стороны колѣнопреклоненный народъ. Послѣ этого стали подходить къ причастію, при чемъ причащали нѣсколько священниковъ. Съ облегченной совѣстью, радостный и счастливый вышелъ я изъ храма, благодаря Бога, сподобившаго меня видѣть кронштадтскаго пастыря и молиться съ

нимъ.—Въ заключеніе нужнымъ считаемъ добавить, что въ этой знаменитой исповѣди, какъ и во всемъ служеніи о. Іоанна, нашему народу нѣтъ ничего ненатуральнаго, быющаго на эффектъ, а наоборотъ—все слишкомъ искренно, естественно и натурально.

— Единичные пока случаи посѣщенія духовными воспитанниками мѣстъ, изъ которыхъ они могутъ вынести полезныя для нихъ впечатлѣнія, повторяются, и быть можетъ уже недалеко то время, когда такіа посѣщенія, весьма полезныя и въ воспитательномъ и въ образовательномъ отношеніяхъ, войдутъ у насъ въ обычай и станутъ заурядными фактами. 16 мая воспитанники суздальскаго духовнаго училища, съ своими начальниками, учителями и надзирателями, посѣтили суздальскій Спасо-Евфиміевъ монастырь, чтобы помолиться здѣсь, приложиться къ покоющимся здѣсь мощамъ преподобнаго Евфимія и ознакомиться съ церковно-историческими древностями обители монастыря. Въ монастырѣ воспитанники осмотрѣли прекрасный мавзолей, посвященный памяти князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго. При осмотрѣ памятника воспитанники слушали чтеніе о заслугахъ Пожарскаго отечеству и объ исторіи возведенія настоящаго памятника ему, предложенное имъ помощникомъ смотрителя училища Ѳ. А. Преображенскимъ и учителемъ В. А. Товаровымъ. Воспитанники старшихъ классовъ подъ руководствомъ наставника, настоятеля монастыря и помощника смотрителя училища осматривали кромѣ того ризницу и церковно-историческія древности монастыря, воспитанники же младшихъ классовъ подъ руководствомъ смотрителя училища М. Г. Стаховскаго осматривали внѣшнія достопримѣчательности монастыря, его внушительныя стѣны и башни, величественную архитектуру храмовъ и зданій. Настоятель и братія приняли воспитанниковъ очень радушно. О. настоятель надѣлилъ ихъ книжечками, содержащими историческое описаніе монастыря съ его достопримѣчательностями, исторію мѣстнотчпмой Корсунской св. иконы Божіей Матери, и большими листами въ виньеткахъ, содержащими десять заповѣдей Божіихъ и символъ христіанской православной вѣры.

Подобныя посѣщенія совершаются нынѣ чаще, чѣмъ прежде, и питомцами другихъ школъ. Завѣдующій Петровской церковно-приходской школой, русскаго уѣзда, священникъ Г. Г., какъ сообщается въ «Моск. Церк. Вѣд.», уже нѣсколько разъ, по окончаніи занятій, въ сопровожденіи учительницы, водилъ всѣхъ учениковъ на богомолье въ обитель преп. Саввы звенигородскаго, за 22 версты. Такое же паломничество было совершено и въ нынѣшнемъ году, 2 іюня, въ Саввино-Сторожевскій монастырь. Затѣмъ 25 іюня вос-

питанницы и воспитанницы, состоящаго подъ августѣйшимъ покровительствомъ, пріюта московскаго общества призрѣнія, воспитанія и обученія слѣпыхъ дѣтей совершили поѣздку въ Николо-Перервинскій монастырь. Поѣзда эта доставила большое удовольствіе дѣтямъ, вслѣдствіе сердечности, съ которой были они приняты въ монастырѣ. Прощаясь съ дѣтьми, архимандритъ монастыря обратился къ нимъ съ сердечнымъ словомъ, произведшимъ на дѣтей сильное впечатлѣніе. Слова архимандрита дѣти повторяли всю дорогу; вспоминали и іеромонаха, подробно объяснявшаго имъ достопримѣчательности монастыря. «Церк. Вѣстн.».

— «Моск. Вѣдомъ» говорятъ: «многіе ли изъ насъ интересуются судьбами духовнаго просвѣщенія? Кому какое дѣло до той умственной и нравственной атмосферы, среди которой вырастаетъ большая часть дѣтей нашего небогатаго духовенства? Свѣтская печать рѣдко обмолвится о нихъ словомъ, а наши педагоги сами не станутъ же рыться въ специально-духовныхъ органахъ, чтобы узнать, что и какъ тамъ въ духовныхъ училищахъ дѣлается. Ихъ жизнь настолько чужда намъ, что, напримѣръ, у нашего учителя гимназіи найдется болѣе общаго съ какимъ-либо заѣзжимъ нѣмецкимъ коллегой, нежели съ собратомъ по профессіи изъ семинаріи. Мы всѣ къ этому давно привыкли и не находимъ въ этомъ ничего страннаго. Но хорошо ли это? Не теряемъ ли мы, какъ тѣ, такъ и другіе отъ подобной отчужденности и разобщенности? Неужели наша духовная школа, безо всякаго сомнѣнія и болѣе самобытная и болѣе близкая къ духу православія, нежели всѣ наши свѣтскія учебныя заведенія, не можетъ принести отъ себя ничего полезнаго и животворнаго, и имѣетъ ли хоть какое-либо разумное основаніе тотъ укоренившійся предразсудокъ, по которому между духовными и свѣтскими учебными заведеніями нѣтъ ничего общаго? Въдѣ солидарность въ учебно-воспитательномъ дѣлѣ злѣдится не на выравниваніи и подведеніи подъ одинъ шаблонъ различныхъ типовъ учебныхъ заведеній, но, наоборотъ, на возможно большемъ ихъ варьированіи. Одна общая воспитательная идея должна проходить всюду; но осуществленіе ея на практикѣ слѣдуетъ видоизмѣнять сообразно съ особыми спеціальными условіями, и чѣмъ больше будетъ этихъ видоизмѣненій, тѣмъ лучше. Въ глазахъ всякаго разумнаго педагога не то заведеніе заслуживаетъ особаго вниманія, которое даетъ больше правъ и преимуществъ, но то, которое вносить «свое» слово въ общее дѣло воспитанія, и «по-своему» стремится осуществить обще-воспитательный идеалъ».

— Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ мѣстными преосвященными слѣ-

лашы распоряженія, чтобы приходскіе священники, въ случаѣ появленія въ городахъ и селахъ холерной эпидеміи, при всякомъ удобномъ случаѣ, напримѣръ, послѣ каждаго церковнаго богослуженія, читали и разъясняли народу наставленія, выданныя медицинскимъ департаментомъ о мѣрахъ предохраненія отъ холеры и о способахъ подаенія первой помощи при появленіи ея. Кромѣ этого общаго распоряженія, духовенству предложено всѣми зависящими отъ него мѣрами оказывать возможное облегченіе своимъ прихожанамъ; въ случаѣ наступленія болѣзней священникамъ рекомендовано: принимать на себя по возможности обязанности санитарныхъ попечителей въ приходахъ, научать прихожанъ способамъ дезинфекціи и вообще поддерживать бодрый духъ населенія.

— «С.-Петербургскія Вѣдомости» передаютъ, что приходскіе священники Петербургскаго, Царскосельскаго и Петергофскаго уѣздовъ, послѣ каждаго церковнаго богослуженія, тоже начали читать и разъяснять своимъ прихожанамъ наставленія, изданныя медицинскимъ департаментомъ, о мѣрахъ предохраненія отъ холеры и о способахъ подаенія первой помощи при этой эпидеміи.

— «Моск. Вѣд.» говорятъ, что въ виду холерной опасности и паники, опредѣленіе Св. Синода отъ 9 іюля о вліяніи духовенства на народъ объединяетъ и направляетъ усилія духовенства въ дѣлѣ служенія важной зачатъ настоящей минуты. Нельзя не привѣтствовать этого шага нашей высшей церковной власти.

Въ моменты паники, которая часто овладѣваетъ умами предъ лицомъ непоптаной опасности, каковою для массы народа является эпидемія, — обычная разсудительность населенія подрывается, дисциплина ослабляется, самые нелѣпые слухи, въ другое время легко опровергаемые народнымъ здравымъ смысломъ, принимаются на вѣру безъ отпора. Худшіи изъ совѣтниковъ, паническій страхъ, затемняетъ передъ массой дѣйствительныя средства борьбы съ опасностію и толкаетъ ее на совершенно безумные поступки.

Привѣтствуя мѣру принятую Св. Синодомъ и не сомнѣваясь въ успѣшномъ воздѣйствіи духовенства на народныя массы, мы можемъ лишь выразить пожеланія, чтобы эта дѣятельность духовенства была повсюду встрѣчена съ надлежащимъ почтеніемъ представителями какъ администраціи, такъ и образованныхъ слоевъ общества. Голосъ священника будетъ тѣмъ дѣйствительнѣе, чѣмъ больше мѣстное общество проникнется народнымъ уваженіемъ къ священнику. Голосъ пастыря церкви будетъ тѣмъ авторитетнѣе, чѣмъ меньше будетъ попытокъ навязывать ему подручную «служебную» роль. Нравственное воздѣйствіе Церкви прежде всего дол-

жно быть свободно отъ стороннихъ вліяній. Принимая на себя руководство въ этой дѣятельности священниковъ, Св. Синодъ тѣмъ самымъ обезпечиваетъ ей необходимую независимость отъ внѣ-церковныхъ вліяній, какія могли бы, пожалуй, явиться при изолированной, на свой страхъ, дѣятельности священниковъ.

По словамъ «Дня», вразумленіе толпы съ церковнаго амвона есть не только вѣрнѣйшее средство образумити легковѣрныхъ, но и долгъ служителей алтаря по отношенію своей паствы, заблудшейся въ трудную минуту жизни! Каждый пастырь, конечно, почтетъ священною обязанностью употребити всю силу своего краснорѣчія для поддержанія въ прихожанахъ духа христіанской вѣры и должнаго пониманія настоящихъ причинъ народнаго бѣдствія, чѣмъ сами собою устранятся печальные факты недавнихъ бунтовъ.

— Это же опредѣленіе Св. Синода о принятіи со стороны духовныхъ властей мѣръ къ объясненію народу необходимости санитарныхъ и лѣчебныхъ предосторожностей вызываетъ со стороны «Новостей» (№ 190) такіе размышленія: «Указанныя въ означенномъ «опредѣленіи» мѣры имѣютъ, конечно, приличествующій духовенству характеръ и относятся всецѣло къ области нравственнаго воздѣйствія на народъ путемъ молитвы, проповѣди и внушенія тѣхъ здравыхъ понятій, которыхъ, къ сожалѣнію, недостаетъ большинству населенія, благодаря малому распространенію даже начальнаго образованія. Надо надѣяться, что эти духовныя мѣры окажутъ благотворное вліяніе». Эти сочувственные строки являются, однако, лишь прикрытіемъ слѣдующей выходки: «Остается только пожалѣть, что само духовенство своевременно не проявило въ этомъ случаѣ той полезной назидательной роли, которая ему теперь предписывается какъ служебная обязанность, но это явленіе объясняется общимъ положеніемъ приходскаго духовенства и отсутствіемъ въ нашемъ обществѣ духа самодѣятельности и почпна». Чѣмъ же, однако, духовенство заслужило подобный несвоевременный и несправедливый упрекъ? спрашиваютъ «Моск. Вѣд.». Въ самихъ «Новостяхъ» двадцатью строками повыше напечатано, что въ Средней Ахтубѣ—мѣстный священникъ, раньше неоднократно разъяснявшій народу полезность принятыхъ правительственныхъ мѣръ противъ холеры, также подвергся нападению, но онъ успѣлъ скрыться. Во всѣхъ газетахъ было извѣстіе о священникѣ Тринитатскомъ, да и несомнѣнно, что не было мѣста, гдѣ бы священники не воздѣйствовали на народъ. Едва ли «Новости» знаютъ случай, гдѣ священникъ не исполнилъ бы этой своей обязанности. Къ чему же эти лживыя опорочиванія?

— Газета «Каспій» сообщаетъ о смерти въ Баку одной изъ тѣхъ личностей, память о которыхъ не должна умирать: 17 іюня въ холерномъ отдѣленіи скончалась, послѣ непродолжительныхъ 12 часовыхъ страданій, сестра милосердія Н. В. Навойтннкъ. Покойной было еще только 36 лѣтъ. Полная самой чистой христіанской любви, готовая каждый часъ на самопожертвованіе, она стала просить, чтобъ ей позволи ухаживать за холерными больными. Ей было отказано. Она вторично, въ еще болѣе категорической формѣ, заявила свое желаніе, и только тогда оно было исполнено. Съ этой минуты начинается рядъ по-истинѣ геройскихъ подвиговъ этой самоотверженной, святой женщины. Ей приходилось быть и врачомъ, и фельдшеромъ, и сидѣлкой. Своими слабыми руками она переносила больныхъ, кормила ихъ, растирала, обращалась къ каждому больному съ улыбкой любви и словами утѣшенія. Умиравшимъ она закрывала глаза и, стоя на колѣнахъ у изголовья ихъ, молилась за нихъ. Надломленный организмъ ея не вынесъ: она заразилась холерой и 17 іюня ея не стало...

Рассказываютъ, что больные, узнавъ объ ея смерти, плакали. Эти слезы—лучшее надгробное слово умѣвпей такъ много и сильно любить святой женщины. Тихо, безъ громкихъ фразъ, безъ славы, совершала она свой тяжелый путь, отдаваясь всѣмъ сердцемъ своимъ «великому дѣлу любви». Какъ жалки и ничтожны кажутся всѣ наши дѣла, личные заботы и страхи предъ этимъ подвигомъ милосердія!

Вѣчная память благородной жертвѣ христіанскаго долга!

— *Наставленія для сельскихъ жителей, какъ блюсти себя, дабы Господь привелъ уберечься отъ заболѣванія холерою.* Наставленіе это составлено съ цѣлью преподаванія сельскому люду самыхъ простыхъ и удобопримѣнимыхъ средствъ для предохраненія отъ холеры, а также первыхъ пріемовъ подачи помощи заболѣвшему до прибытія врача. Наставленіе это одобрено медицинскимъ совѣтомъ. Желательно было-бы дать ему возможно болшую огласку, для чего казалось-бы удобнымъ, чтобы губернская администрація и земства распорядились отпечатать его какъ въ мѣстныхъ органахъ, такъ и отдѣльными листками, въ достаточномъ количествѣ экземпляровъ, для раздачи народу и для расклейки на болѣе видныхъ мѣстахъ.

Холера имѣетъ дурную славу опасной и заразной болѣзни, но сосчитано, что отъ нея умираетъ не больше, чѣмъ отъ другихъ болѣзней, какъ-то: оспы, гонячки и др. Людямъ богобоязненнымъ, трезвымъ, не обжорливымъ в работающимъ нечего особен-

но ея бояться. Этою болѣзнью большею частью заболѣваютъ люди, ведущіе жизнь нетрезвую и безпутную. Люди-же рабочіе, умѣренные въ пищу и питье, лучше однако себя сохранять, если въ холерное время будутъ вести себя съ опаскою—осторожно.

Вотъ, что въ особенности надо соблюдать:

1) Прежде всего надо въ холерное время рѣшительно отказаться отъ праздничныхъ разгуловъ. Посвятить праздничные и воскресные дни Господу Богу, какъ повелѣваетъ святая церковь. Сходявши къ обѣднѣ, остальное время дня проводить дома, кто можетъ, за божественнымъ чтеніемъ. Это, въ особенности, важно въ холерное время, такъ какъ болѣзнь сія сильнѣе поражаетъ лицъ, предающихъ себя цевоздержности.

2) Соблюдать въ избѣ и одеждѣ особливую чистоту; вымывать избу, сѣни и кормовую не менѣе, какъ одинъ разъ въ недѣлю крѣпкимъ горячимъ щелокомъ; рубахи, портеи и онучи мѣнять чаще; всякій соръ изъ избы и сѣней выметать непремѣнно ежедневно; одежду верхнюю вытряхивать и выбивать почаще на задворкахъ и просушивать на солнцѣ; грязное тряпье не оставлять валяться, а, прибавъ вымыть; класть, гдѣ можно, пахучей травы, напримѣръ, мятъ.

3) Непремѣнно каждую субботу париться въ банѣ, а послѣ грязныхъ работъ и на недѣлѣ. Ежедневно, утромъ и ложась спать, мыть руки и лицо, по возможности съ мыломъ. Если мыла нѣтъ, то прежде, чѣмъ мыть водой, протереть руки землей съ огорода или конопляника.

4) Очень опасно въ холерное время пить неумѣренно водку и вино виноградное, а тѣмъ паче наливаться до-пьяна.

5) Не ложиться въ рубахѣ на голую землю, а непремѣнно подстилать верхнюю одежду, или сухую солому, или сѣно.

6) Не выходить на работу натошакъ, не пить ничего холодного, въ особенности послѣ усиленной работы въ испаринѣ.

7) Пить по возможности только кипяченую, остуженную воду.

8) Квасъ пить умѣренно, но только не молодой и не разбавленный сырою водою и не холодный. При варкѣ кваса прибавлять въ него травы мятъ.

9) Беречь животъ отъ простуды; въ осеннее и зимнее время обвязывать животъ чѣмъ-либо теплымъ, хорошо—шерстянымъ.

10) Пить молоко топленое.

11) Ягоды ѣсть только въ пирогахъ.

12) Въ ѣду и варево прибавлять луку и, гдѣ можно, перцу.

13) Грибы ѣсть только варенные въ щахъ и похлебкѣ.

14) Если семья богатая и пьетъ чай, то пить его съ лимономъ. Вѣдныя могутъ съ пользою пить чай изъ мяты, полевой ромашки, или зверобоя. Если пить въ домѣ самовара—настаивать въ чугунахъ.

15) При малѣйшей боли въ животѣ или поносѣ, хотя бы и слабomъ, немедленно обращаться за лѣкарствомъ къ ближайшему фельдшеру, доктору, или въ ближайшую усадьбу, не ожидая, чтобы заболѣлъ животъ сильно. Въ холерное время главное—захватить всякую болѣзнь живота въ самомъ началѣ.

16) Если-же, паче чаянiя, чего Боже сохрани, кому случится заболѣть и болѣе сильно поносомъ или рвотою, то, кромѣ посылки за лѣкарствомъ, надо класть горячія припарки изъ тѣста, золы или согрѣтаго овса къ животу, а къ ступнямъ ногъ приставлять горячіе горшки, заслонки или чугуны (сдѣ есть—самовары) до согрѣванiя и пота и пить болынаго чаемъ изъ малины или липоваго цвѣта. При этомъ избу окуривать можжевельникомъ.

17) При болѣзни живота, испражненiя и блевотину, собравъ въ отдѣльную посудину, немедленно выносить изъ избы и, выкопавъ на задворкѣ ямку поглубже, влить въ нее и засыпать землею; если есть известь, то, разведя водою, полить сверху, а бѣлье, которое было запачкано, и полъ въ избѣ вымыть немедленно горячимъ щелокомъ.

(«Пр. В.»).

ОБЪЯВЛЕНІЕ

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ НОВАЯ КНИГА

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

„ЖИВОЕ СЛОВО“

ПРЕОСВЯЩЕННАГО АМВРОСІЯ,

Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ ВЪ ХАРЬКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРІИ.

Цѣна книги 50 коп. съ перес.

Съ требованіями надобно обращаться: г. Харьковъ, въ редакцію журн. „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской Духовной Семинаріи.

